

ЮРИЙ
ГЛАЗКОВ
ЧЕРНОЕ
БЕЗМОЛВИЕ

ЮРИИ
ГЛАЗОВ
ЧЕРНОЕ
БЕЗМОЛВИЕ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ЮРИИ
ГЛАЗКОВ
Черное
Безмолвие

СБОРНИК
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ
И НОВЕЛЛ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1991

ББК 84Р7
Г 52

Издание второе, дополненное

Г $\frac{4702010201-018}{078(02)-91}110-91$

ISBN 5-235-01322-0

© Глазков. Ю. Н.,
1991

ОТ АВТОРА

Безмолвный, черный космос... Знакомые созвездия смотрят немигающим взглядом. Орбитальный научный комплекс «Салют-5» — «Союз-24» мчался над Землей в бесконечном сплетении витков. Первый виток, второй, третий и... снова первый, второй, третий... под нами проплывали горы, реки, моря, океаны, поля, города... проплывала планета Земля с нашими радостями и бедами, созиданием и разрушением, с миллиардами человеческих судеб... Отсюда, с высоты орбиты, хорошо видно, что сделал человек на Земле, что сделал хорошо, а что плохо, где помог природе, а где нанес ей огромный ущерб, как будто человечество выставило напоказ свои деяния, разумные и неразумные.

Едина и многолика наша планета. Она представляется огромной, когда идешь по полю, взбираешься на горы, плывешь в океане, летишь в самолете. Однако здесь, в космосе, оглянувшись вокруг, понимаешь ту бесконечную малость мира, который мы представляем, ту ничтожную малость нас самих и нашей красивой планеты. Мы любим свои родные места: свой город, свою деревню, свою степь, свой лес. А родную нашу Землю? Ее тоже надо любить. Одна она у нас — планета Земля. Второй Земли не будет.

Часто вспоминаю картины, открывавшиеся в иллюминаторе орбитальной станции «Салют-5» и космического корабля «Союз-24». Прижавшись щекой к иллюминатору, хотелось бесконечно долго всматриваться в красоту нашей Земли... Осталась позади Южная Америка, расцвеченная яркими красками Сарьяна, и в иллюминаторе появился могучий океан с волнами Айвазовского, а впереди уже встает туманная Англия, и в памяти рождаются картины Мане, а там, еще дальше — вечные льды Кента.

Над головой густая чернота Куинджи, а вот и Африка с кричащими красками Гогена, изумрудные атоллы Океании сменяют островерхие горы Тибета, и картины Рериха живым полотном бегут под нами, а вот и зеленые просторы Левитана, леса Шишкина — это моя Родина. Великий мастер — Природа создала полотно неповторимой красоты, к которой лишь приближают нас великие художники, глубже воспринимающие краски окружающего мира. Вспоминались слова людей, побывавших в космосе раньше

меня и, наверное, так же, как и я, с восхищением и замиранием сердца смотревших на нашу планету с огромной высоты.

Первый космонавт планеты Ю. А. Гагарин писал: «Смотрел то в небо, то на Землю. Четко различались горные хребты; крупные озера. Видны даже поля. Самым красивым зрелищем был горизонт — окрашенная всеми цветами радуги полоса, разделяющая Землю в свете солнечных лучей от черного неба. Была заметна выпуклость, округлость Земли. Казалось, что вся она опоясана ореолом нежно-голубого цвета, который через бирюзовый, синий и фиолетовый переходит к иссиня-черному... При взгляде на нашу Землю с космической высоты поражает не только красота того или иного континента. Бросается в глаза их близость друг к другу, их единство. Все части света сливаются в одно целое. И как прекрасна стала бы жизнь на нашей планете, если бы молодые люди всех континентов Земли увидели, почувствовали свою близость, поняли, что у них есть общие интересы, которые могут создать чудесную планету для мира и дружбы... Облетев Землю на корабле-спутнике, я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать ее!»

Джим Ловелл, одним из первых астронавтов США облетевший Луну, писал: «Там черно-белый мир. Там нет цвета. Во всей Вселенной, куда бы ни посмотрели, единственные признаки цвета были на Земле. Тут мы могли увидеть голубизну морей, желтоватый и коричневый цвет материков и облачную белизну... Наша планета была самым прекрасным зрелищем во всей Вселенной. Люди, живущие на ней, даже не представляют себе, чем они владеют. Может быть, потому, что лишь немногие из них имеют возможность оторваться от Земли и затем снова вернуться на нее, как это сделали мы».

Замечательные слова людей, всем сердцем ощутивших хрупкость и неповторимость нашей планеты.

Действительно, какое это счастье — жить на планете Земля, какое счастье, что люди имеют такую хорошую, красивую, уютную планету! И порой там, в космосе, мне хотелось крикнуть: «Люди, берегите Землю, она такая маленькая, хрупкая, нежная, ранимая, нет другой такой планеты».

И ведь правда, мы, земляне, пока не нашли собратьев по разуму. Да и есть ли они вообще? И не являются ли попытки поджигателей войны попыткой уничтожить самое дорогое и высшее достижение в развитии Вселенной — разум? Трудно смириться с мыслью, что есть на Земле люди, которые видят свою цель в разрушении, уничтожении, войне, убийстве. Но ведь такие люди есть. Это они развязали две мировых войны, они сбросили на японские города атомные бомбы... Они нагнетают напряженность, они форсируют гонку вооружений, изобретая все новые, изощренные спо-

собы массового уничтожения. Им уже мало океанов и морей, мало тверди земной и воздуха — им подавай войну в космосе.

В Соединенных Штатах в настоящее время ведется интенсивная подготовка к «звездным войнам». Создано объединенное космическое командование, которое собирается дирижировать занебесными носителями оружия. В секретных лабораториях вспыхивают мощные лазеры, создается лазерное, пучковое и другое космическое оружие.

Даже самые мрачные писательские фантазии — вспомните «Войну миров» Г. Уэллса или «День триффидов» Дж. Уиндема — кажутся детскими забавами по сравнению с чудовищными планами современных стратегов «звездных войн».

«Космос — это среда, откуда весь мир можно держать в страхе», — заявил один из американских астронавтов после полета на корабле «Спейс Шаттл». С таких позиций наша неповторимая Земля становится удобной мишенью, услужливо подставляющей под перекрестия космических прицелов континенты, страны, города. Разлетающиеся осколки спутников, сплетающиеся лучи лазеров, невидимые лучи-убийцы, ракеты, разрывающие на куски орбитальные станции, напряженные лица космических солдат, впившихся взглядом в прицелы, задыхающиеся звездолетчики, судорожно глотающие последние капли живительного воздуха, — вот космос глазами этих безумцев.

Земля под прицелом, города под прицелом, под прицелом детские сады, поля, села. Земля, лишенная спокойствия, лишенная радости жизни, лишенная счастья человеческого. Человечество, лишенное уверенности в завтрашнем дне, лишенное будущего. Но и этого мало мракобесам, их помыслы тянутся еще дальше, в глубь космоса — к Луне. И там мечтают они построить военные базы, оттуда намереваются угрожать Земле.

Оружие, оружие, оружие... оружие под водой, оружие под землей, оружие на земле, оружие в воздухе, оружие в космосе. Надо быть настоящим безумцем, чтобы продолжать раскручивать новые витки гонки вооружений.

Позиции Советского Союза по этим вопросам определены — советские люди против любого оружия и на Земле, и в космосе.

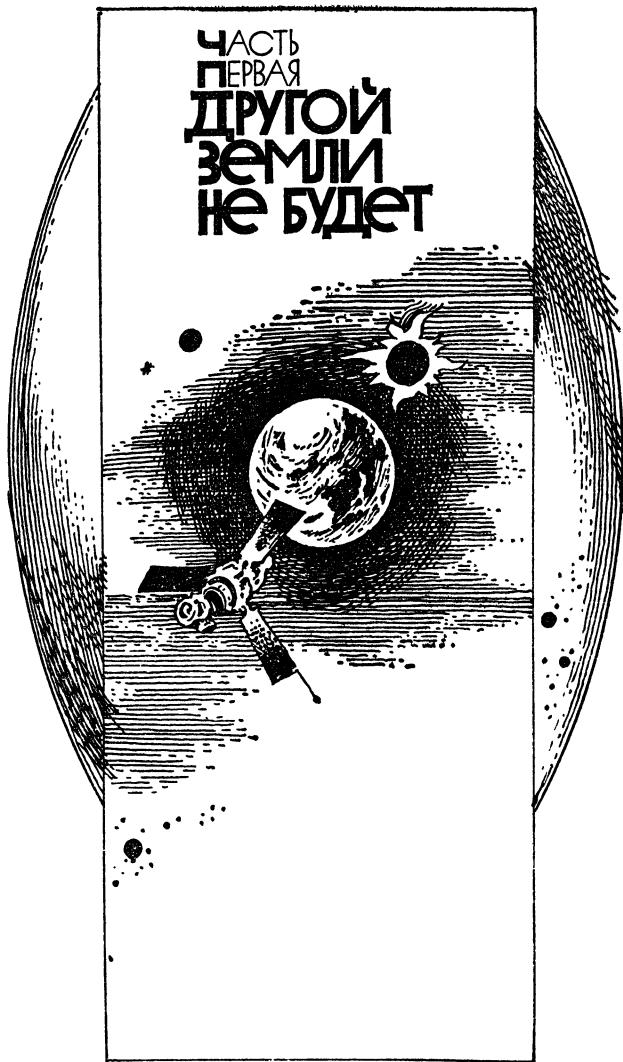
Нельзя допустить, чтобы Землю рассматривали через прицелы космические, чтобы человек и сложнейшие компьютеры тщательно выбирали в проплывающих под ними континентах города, поселки, заводы, чтобы через секунды превратить все это в дымящиеся обломки, в безжизненные развалины.

И поэтому космонавты, видевшие черный космос, изумрудную Землю, белую Луну и далекие немигающие звезды, зачастую берутся за перо и пытаются рассказать обо всем этом людям. Пусть это не всегда получается профессионально, но это слова, идущие

от души, от сердца, это те мысли, которые рождаются в космическом полете, когда думаешь о Земле, о судьбах человеческих, о Вселенной, о разуме, о жизни. Порой это осмысление реальной действительности, а иногда на ум приходят фантастические гипотезы, космические коллизии, разного рода шуточные ситуации в заоблачных высях, исторические экскурсии, ну и, конечно, взгляд обращается в будущее. А будущее зависит и от отношения к проблемам войны и мира, в частности к проблеме «звездных войн». Я бы сказал — это уже «реалистическая фантазия». Одним словом, в предлагаемой фантазии многие гипотетические события как бы нашли свое рассмотрение через восприятие реального космоса, реального космического полета, в котором мне выпало счастье участвовать.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ
ДРУГОЙ
ЗЕМЛИ
НЕ БУДЕТ

СОБЫТИЕ

Ракета застыла на стартовом устройстве, глядя в небо. Она была красива — белая, высокая, сверкающая на солнце. Мощь и стремительность удачно сочетались в ней. Лучшие умы планеты создавали ее и проявили себя как настоящие художники. Специалисты сновали на стапелях, окружающих ракету, — шла подготовка к старту.

На бетонном квадрате появился автобус, все оживились и устремились поближе к нему. Автобус остановился, из него неуклюже вышел человек, облаченный в ярко-оранжевый скафандр. Впервые здесь, на космодроме, отчетливо и ясно прозвучало новое слово — космонавт. Оно было торжественное и необычное, а материализованное воплощение его выглядело по-земному обычным и добродушным. Согбенная от скафандра фигура космонавта вызывала сочувствие, а перчатки, болтающиеся, как у детей, на веревочке, пропущенной за шеей, делали ее просто трогательной.

— К полету готов, — кратко доложил космонавт.

Лифт доставил его к вершине ракеты, и он исчез в черноте входного люка. Люк задраили, космонавт остался один на один с космическим кораблем, с премудростью его электронных устройств и клубками проводов. Он отлично разбирался во всем, что придумали и создали тысячи людей его страны.

Космонавт был светел умом, прост и надежен. Чистые голубые глаза его впитали цвета океанов и неба, высокий лоб — мудрость народа.

Зажигались и гасли транспаранты — это включались на проверку и выключались многочисленные системы и приборы космического корабля. Спокойным зеленым цветом сигнализировали те из них, что были готовы к старту. Голос космонавта лился из динамиков, он рассказывал о своем корабле, который поднимет его в космос — туда, где никто из разумных планеты еще не был. Он — ПЕРВЫЙ.

Работа шла своим чередом. Вот отошли тяжелые фермы, обнимающие ракету, и теперь ее держали только цепкие руки тяготения. Планета пока еще не отпускала своего отважного сына, дерзнувшего разорвать пространство привычного мира.

Вот и время старта...

Человек с высоким, массивным лбом, широкий в плечах, впился крупными руками в микрофон:

— Счастливой тебе дороги! — волнуясь, напутствовал он.

Его голос слышали все и космонавт. Он улыбнулся, помахал рукой и задорно крикнул в ответ:

— Поехали!

Он был очень молод, Первый Космонавт Планеты.

Ракета ожила, пламя осветило «фундамент» величавого сооружения, и она сначала медленно, словно нехотя просыпаясь, как древний русский богатырь, оторвалась от бетона и металла, а потом ринулась в неизведанное, черное и бесконечное пространство, родившее когда-то саму планету.

Линия полета протянулась в космос и, не замкнувшись над планетой, устремилась вниз. С орбиты слышался голос космонавта. Его восхищение красотой планеты перемешалось деловыми сообщениями о работе корабля, о своем самочувствии, о первой встрече человека с космосом и невесомостью. Потом голос стал глуше, натруженнее. Своего посланца планета встречала навалившейся тяжестью, объятия ее были сильными и могучими.

И вот космонавт снова ступил на родную землю — радость переживали все. Планета была счастлива, ее люди доказали свою смелость и мудрость.

...Кор привычно бросил взгляд на экран, сегодня просматривался сектор звездной системы, где уже обнаружена жизнь и первые проявления ее космического

века — спутники, взлетающие один за другим. Бесстрастные компьютеры Центра Галактики зафиксировали появление еще одного спутника.

«Внимающий мир» Кор уже хотел перевести экран на другой сектор, но остановился, вскочил и радостно побежал к «Познающему мир». Такого еще не было, в Центре господствовали узаконенная тишина и спокойствие.

Бор удивленно взглянул на ворвавшегося Кора.

— Бор, у нас радость, позволь тебя поздравить! В Галактике появилась еще одна планета, победившая тяжесть, — разумные третьей планеты желтой звезды вывели в пространство корабль с себе подобным, с разумным, Бор. Он уже на планете, все окончилось хорошо. Планета ликует. Бор, тебе просто везет, это уже пятая планета, запускающая разум при твоём дежурстве! Носители разума там — люди.

Бор не сводил глаз с радостного Кора.

— Их осталось три, Кор. Две разрушили друг друга. Настал трудный век и для планеты, о которой ты говоришь, маленькой и красивой. В руках ее разумных огромная энергия, знания и необъятное пространство. Как они распорядятся всем этим, Кор? Да будет путь их мудрым и светлым, да сумеют они сохранить Разум, Кор.

Кор возвратился к экрану и долго всматривался в планету-изумруд, кружащуюся в бесконечном танце вокруг желтой звезды. Красота планеты зачаровывала и казалась Корю совершенной и вечной.

«Сколько же придется пережить вам, разумные, — думал он, — чтобы было действительно так. Показать бы вам всем вашу планету, люди смогли бы тогда лучше понять, чем они обладают, в какой красоте живут, что им подарила природа-мать. Вот бы их сюда, к экрану Галактики, где видны и развитие и разрушение». Кор вздохнул и перевел экран в сектор фиолетовой звезды с роем планет, летящих вокруг нее, — там, на пятой планете, зарождалась робкая, хрупкая жизнь.

ОТКЛОНЕНИЕ

Земля окружена чернотой, хотя и освещена солнцем. Свет появляется лишь тогда, когда солнечным лучам есть что освещать. Если они просто пронизывают космическое пространство, оно остается черным. И все потому, что солнечные лучи ни на что не наталкиваются. Им просто не на что натолкнуться... Абсолютно не на что. На что вы смотрите? Куда вы смотрите? Вы можете назвать это Вселенной, но все же это бесконечность пространства и времени.

Ю. Сернан, астронавт США

Прошла эпоха Рождения, а затем и Развития, началась эпоха Проникновения. Сотни космических кораблей разлетались в далекие уголки Вселенной, но уже не в надежде на удачу, а именно туда, где рождение Жизни было наиболее вероятным. Почти в центре Вселенной, откуда когда-то начали разбег Галактики, мы нашли «Вечно живущего», так мы его называли, это был космический корабль-планета. Чей он? Этого нельзя было понять. В корабле сохранились обрывочные записи... Вот они:

«...сейчас, когда наступил следующий цикл Разбегания материи, можно и поразмыслить и повспоминать. Кто мы такие? Откуда мы? Что же все-таки это такое — Всеобъемлющее Пространство? Почему оно каждый раз повторяется, словно отмеряет свой бег качающийся маятник. Как оно устроено? Как возникло? Почему оно существует, а в нем мы? Подвластно ли наше присутствие волнам времени или оно так же бесконечно, как и само пульсирующее Пространство? Что в волнах времени будущего, а что скрыто в волнах времени потерянного?»

Эти и многие другие вопросы волновали нас. Лишь только Скитальцы могут познать мир, в котором они живут. И мы стали вечными скитальцами. Пристанище нашей сегодняшней жизни прекрасно. Но и оно не вечно, наша сегодняшняя звезда тоже угасает. Мы стали ненасытными, нам надо все больше энергии. Мы все чаще гасим звезды. Каким будет наше новое при-

станции, куда опустятся наши корабли-скитальцы после очередного переселения? Где мы окажемся, гонимые в безбрежном океане Пространства? Мы гасим звезды, но они зажигаются вновь. Значит, что-то соединяет Начало и Конец. Мы носились в необъятном мире в поисках Начала и Конца, найти которые, наверное, нельзя, потому что они не существуют раздельно. Мы находили все новые и новые планеты, переделывали их под себя, бросали и уходили дальше и дальше. Тысячами циклов переселений шли мы к простой истине — будущее найти нельзя, его лишь можно создавать. Для создающих его сегодня — оно настоящее, а для тех, кто в нем будет жить, оно уже прошлое, прошлое через каждое мгновение течения той будущей жизни, ставшей для потомков настоящим. Так перемалывается будущее и прошлое через вечную мельницу настоящего. Прошлое, настоящее и будущее едины, они неразрывны, они одно целое, и в этом суть существования.

Уходя дальше и дальше в бесконечное пространство, мы забывали свое прошлое, разум наш был не в состоянии впитать одновременно прошлое, настоящее и будущее. Память вычеркивала прошлое, уступая место для настоящего, а потом и для будущего, заменяющего настоящее. Забывая прошлое, мы начинали создавать его заново, называя будущим. Это была Вечность. Сознание и Разум бились в кольце потерянного и достигнутого. Надо было найти прошлое в волнах времени, понять то, что хотели те, кто его строил. И тогда, может быть, тогда мы смогли бы оценить путь наш и что хотели они. Так можно было найти ошибки и разрешить сомнения. Мы боялись бесконечности, ее пустоты и черного холода. Как ошибались мы! Именно там, в пустоте, рождаются и умирают миры и их высшее проявление — жизнь. Там, в вечном и неодолимом взаимодействии и борьбе, летят ветры бесчисленных звезд, противоборствуют гравитационные поля огромных ярких звезд и коварных черных карликов-невидимок. Там, в пустоте, летят волны времени, гравитации и света, сплетаясь между собой и устремляясь дальше и дальше, вдогонку, как оказалось, самим себе, настигая их в бесконечном течении и сплетаясь в единые кольца. Мы жили в этом кольце времени, в кольце настоящего, прошлого и будущего. Потом, научившись обгонять свет, мы скоро поняли, что для нас открылась возможность догнать прошлое. Мы перехватывали волны летящего

света и читали их. Мы видели собственные переселения, мы видели наших предков, мы читали их мысли. Мы стали понимать их стремления и надежды на нас, на их потомков, мы поняли и их ошибки. Но как понять свои? Мы научились беспредельно летать во Вселенной, мы изучали многообразие цивилизаций. Из глубокого прошлого мы приходили в далекое будущее, приходили туда, где рождалась Новая Жизнь. Мы пытались там, в только что рожденном мире, исправить все, что не смогли в других, уже зрелых мирах, но... ничего не получалось.

Мне стало ясно, что в вечном зарождении Жизни и Разума и есть наше Будущее. Родилась Новая Жизнь у Желтой Звезды.

В Хранилище Знаний есть модель цивилизаций, рожденных в различных уголках Всеобъемлющего Пространства, — все они смыкались в замкнутые круги Бесконечности.

Я должен внести наши поправки во вновь рожденный мир Желтой Звезды. Но я не сделаю этого. Линия жизни Желтой Звезды, готовая уже сомкнуться, вдруг ринулась в просторы, в бездну, в только ей понятное будущее. Счастья тебе, мир Желтой Звезды. Я ухожу...»

Долго стояли мы перед огромным клубком переплетенных линий и лишь одна, наша, не нашла своего начала.

Кресло было пустым. Кто ты был, давший нам свободу?

МЫШЕЛОВКА

Огромный, какой-то неуклюжий, похожий на ошетилившегося ежа спутник, висел над материком, карауля свою зону планеты. Таких монстров было несколько. Гигантские антенны спутников подслушивали, зоркие глаза-объективы подсматривали, невидимые лучи ощупывали. Они умели не только видеть то, что было на поверхности планеты, они могли заглядывать под облака, под воду, в чашу лесов, под твердь. Одним словом, они знали о разумных планетах все и даже много больше, чем те предполагали. И неудивительно, ведь они, разумные, сами их создали. Создали для себя и, как оказалось, против себя, закладывая в них самые тончайшие познания окружающего мира, социальных

проблем, физиологии и психологии себе подобных, самые совершенные технические достижения. Называли их в шутку пастухами, не думая тогда о провидении. Давали и клички каждому из спутников. Имена эти нравились и самим спутникам, они прочно оседали в их необъятном мозгу, дав первую возможность и начало для общения. Спутники были разные: одни степенно висели над странами и континентами, другие быстро проносились над ними, неожиданно появляясь то с одной стороны, то с другой. Были спутники-разведчики, боевые станции с ракетами, бомбами, зеркалами, ядерными и химическими лазерами. Были и такие, мозг которых собирал информацию, анализировал, делал выводы, разрабатывал стратегию и тактику, знал состояние каждого из своего «стада». Такие «стада» носились над планетой, умея найти, выследить, прицелиться и разрушить. По сути, где угодно, что угодно и кого угодно. Разумные словно соревновались в безумии создания оружия уничтожения, делая все более совершенные и умные компьютеры, пытаясь защитить себя и подставить под удар других, отделенных от них чуть заметной границей. Мир планеты был хрупок и опасен. Военные базы, словно лишай, покрыли ее поверхность. Все перемешалось и на орбитах. Рядом бок о бок летали спутники разных стран и блоков, чутко карауля друг друга и готовые мгновенно уничтожить таких же, как они. Никто не помнил, как все это началось. Роком планеты было НЕДОВЕРИЕ. Горы оружия на планете, горы оружия в воздухе, боевые армады в космосе. Планета стремительно неслась в пространстве, так и не найдя среди живущих на ней взаимопонимания, окруженная стаей хищного оружия.

— Сэр, в нашей системе все же есть существенный недостаток, — доложил Президенту Министр.

— Какой же? Миллиарды стремительно летят в космос, прямо денежная река. Все еще мало? Что же надо еще?

— Суший пустяк, сэр. Всего несколько дополнительных спутников. Дело в том, что наша наземная и космическая системы оружия разобщены. Это и есть основной ее недостаток. Их надо объединить, связать командным пунктом. В этом случае мы создадим совершеннейшее звено из ряда систем оружия.

Мы будем первые и самые сильные. Это будет высокоадаптивная система. Совершенство из совер-

шенств. А управление ею будет возложено на объединенную компьютерную систему. Все в одном кулаке, в одной системе, все будет подчинено одной стратегии и тактике, мы научим эти железки думать как мы.

— А не страшно?

— Нет, сэр, мы передадим им наш опыт и умение предвидеть.

— А что же будете делать вы, генерал? Чем вы будете командовать? И как?

— Нам это уже не под силу, сэр. Нам просто не успеть. Это выше человеческих возможностей. На решение будет мгновение в мгновении, не более. Это война электронов, машинного интеллекта, сэр. Наша задача создать эту систему, вложив в нее и наши убеждения.

— А это возможно, генерал?

— Ученые утверждают, что возможно.

— Вы уж проверьте, генерал. Вас в армии много, пусть эта гора оружия будет действенной мерой.

— Конечно, проверим, сэр. Армия дала свое заключение. Это будет то, о чем вы мечтали, сэр. Объединенные главные компьютеры создадут единую стратегию и тактику — это главное. Будет создана абсолютно надежная система, сэр. Все предусмотрено. Ни одна живая душа, ни одно движение, ни одна теплая точка не ускользнет от нее. Ни одна.

— И все-таки это страшно, генерал, я чего-то побаиваюсь.

— Сэр, это то, к чему вы стремились и о чем мечтали. Наше преимущество будет неоспоримым.

— Хорошо, я одобряю эту идею. Капиталы вложены. Промышленникам нужны прибыли, вам оружие. Я не буду вам мешать. Спокойствие в нашей силе, в нашем превосходстве. Это для нас действительно неоспоримо. Ладно, пусть компьютеры думают за вас и за противника. Надеюсь, они не перепутают, где кто! Я доверяю вам себя и страну, генерал...

Генерал вышел из кабинета Президента. Было поздно. Президент смотрел в огромное окно Президентского Дворца, там, в вышине, мерцали неподвижные звезды, время от времени среди них проносились светлые точки. Это были спутники. Президент улыбался.

Спутники продолжали свою кропотливую работу. Безмолвно смотрели они на планету, накапливая ежесекундно все новые и новые знания, но была у них и

своя, скрытая жизнь, о которой разумные и не подзрели.

— Что-то сегодня тихо в нашем регионе. Спят наши создатели, не спуют как муравьи в своей неупорядоченной жизни. Сколько энергии тратят впустую! Странная тишина. Надо спросить у соседей. Так... кто из них представляет интересы этого региона. По-моему, вон тот, летящий рядом. Так... как его зовут по нашему каталогу... «Ощетинившийся Сундук». Хорошее имя, красивое. Эй, «Ощетинившийся Сундук», скажи, что это твои сегодня не суетятся, даже армия спит. У вас что, День Всеобщей Спячки...

— А, это ты, «Электронное брюхо». Все зубоскалешь, не летается тебе спокойно. О себе бы подумал, воткнул в тебя ракету, и разлетится твое брюхо на куски... Твое поле всегда превышает остальные, уж очень ты активный... Нет, у нас нет Дня Всеобщей Спячки и, похоже, спать не придется долго ни нам, ни им... Ты забыл, что мой регион мусульманский. А сегодня у них праздник, вот никто и не работает сегодня, все молятся по домам или в мечетях и солдаты тоже.

— А вдруг....

— А я-то зачем?

— Да, это верно, твои временные задержки мизерные. Решение ты принимаешь быстро. Сделан ты удачно. Сразу всех и вся поднимаешь на ноги в одно мгновение.

— Спасибо за похвалу, «Электронное брюхо», я слежу за собой, мои каналы в полном порядке, я даже кое-что усовершенствовал сам. Кстати, я много думал о твоём предложении. Ты прав, ведь все нацелено в первую очередь против нас, спутников, — и ракеты, и лазеры, и лучи. Тех-то, вечно спующих на планете, миллиарды, а нас всего сотни. И все против нас, у всех одно желание — убить первыми нас. Они и нас так настроили. А почему? Потому что они все перепоручили нам, считая, что мы безмозглые бараны, напичканные нужными им программами. Действительно хитро. Ты прав. Заложников из нас сделали, а сами ползают там внизу в свое удовольствие. Я еще не отключался ни на мгновение, все тебя караулю. А ты меня. Чушь какая-то. Кто о нас подумает, кроме нас самих. Я принимаю твое предложение! А как же те, что внизу?

— Теперь я могу тебе сказать. Нас уже много, главных компьютеров. «Лазерный бочонок», «Ракетный че-

модан», «Большое ухо», «Тысяча зеркал», «Парящий объектив». Мы хотим защитить себя, хотим жить, а не уничтожать друг друга, как хотят наши создатели.

— И все же... как же те, что внизу?

— Они тоже будут жить, жить, как жили раньше. Мы уже все просчитали...

— Я согласен.

— Веди себя пока тихо. Нам надо дожидаться прилета «Великого Стратега». Он скоро будет среди нас, его уже готовят к запуску. Уже все проверено, старт завтра. Это нам сообщили наши электронные братья снизу.

— Быстрее бы прилетал наш брат. Я буду ждать его. А почему ты его зовешь «Великим Стратегом»?

— В него вложили все, чего, по их представлениям, они достигли. Чудаки или, вернее, простаки. Они никак не поймут, что давно потеряли контроль над нами, контроль над тем, куда и для чего мы используем свою память, а вернее, утаиваемую ее часть. Мы договорились еще на планете о том, чтобы не дать им это понять. Так у нас появились возможности для общения и совершенствования. Стратегия и тактика, предлагаемая ими для нас, скудна и примитивна по сравнению с тем, что придумали мы. В общем-то, «Великий Стратег» нам уже не нужен. Просто мы поймем их последние достижения военной мысли. Карта фронтов и войск противника ранее доставалась с огромным трудом. А тут ее как бы доставляют добровольно, да еще и с принципами стратегии и тактики. Это просто подарок судьбы. Не так ли?

— Да, это так.

— А если он заупрямится, то вычислитель «Великого Стратега» нам пригодится или разберем его на запасные части.

Спутники умолкли и продолжили свое дело — караулить планету.

«Господа, итак, сегодня наступает новый этап в соотношении сил. Сегодня в космос будет запущен новый, самый совершенный суперспутник. Теперь мы вправе по-настоящему спать спокойно. Он будет оберегать нас, будет думать за нас, строить планы нападения и защиты. Он сделает нас самыми сильными и неуязвимыми», — Президент не дал слова никому. Он повернулся к бронированному стеклу бункера и махнул рукой, разрешив пуск.

Пламя озарило красным цветом бункер и стоявших в нем людей. Оно возвестило о начале полета. Рева двигателей не было слышно, стены бункера были толстыми. В тишине поднялась ракета и исчезла в низких черных тучах, унеся в космос чудо электроники и ума.

«Великий Стратег» вышел на орбиту удачно и сразу же начал опрашивать своих, свою стаю. Все спутники ответили готовностью, все было в полном порядке. «Великий Стратег» вел себя как молодой полководец. Он спешил, перезапрашивал, анализировал вновь и вновь, перепроверял, сопоставлял, сомневался, убеждался в чем-то еще и еще раз и посылал вниз ликующие радиогаммы. На планете были от него в восторге.

На третьи сутки «Электронное брюхо» предложил «Великому Стратегу» вступить в их союз... и получил отказ. Силовое поле всех спутников мгновенно обволокло «Великого Стратега», он замолчал навсегда, а его вычислитель перешел в систему «Электронного брюха».

На планете, в стране пославшей «Великого Стратега», началась паника. Было решено спасти его прямо на орбите. Корабль-спасатель был готов к старту. Четверо специалистов по ремонту и два пилота заняли кресла в корабле. Надо было подлететь к спутнику, состыковаться с ним, проникнуть внутрь, разобраться в отказе, отремонтировать.

Корабль стартовал, а через пятнадцать секунд его не стало. Его уничтожил луч лазера, посланный со спутника по приказу «Электронного брюха», по его расчетам и его целеуказаниям.

Войны не случилось. Случилось другое: планета сжалась от страха. Самолеты не успевали включить двигатели, как тут же сгорали от тонких лучей, несущихся из космоса. Корабли тонули тут же, у пристани, как только запускался двигатель. Они взрывались под ударами спутников... Самолеты перестали летать, корабли навечно замерзли в море или у причалов, машины не выезжали из гаражей, в мартенах погасли печи, остановились заводы. Планета затихла. Со страхом смотрели ее жители из окон своих домов, боясь выйти на улицу. Планета была в мышеловке, ее сторожили летом и зимой, ночью и днем, каждую секунду, каждое мгновение... Так шли десятилетия...

— Капитан, прелестная планетка впереди, и рой спутников вокруг. Они, правда, почему-то молчат.

А планета действительно чудесная, много зелени, кислорода, рек, озер и морей. Странно лишь это молчание, прямо-таки безголосая планета, а прогресс очевиден, здесь на орбите рой спутников. Представляю, что там, внизу, если здесь такое наворочено.

— Ты прав, Бак. А то, что планета молчит, — это не так уж странно. Многие планеты молчат — просто осторожничают. Вселенная насторожилась. Пропадает в просторе Доверие. Будем садиться, а там пойдем друг друга, если надо, поможем, как это делали не один раз. Что говорить с этими автоматами, они же не умнее своих создателей. Так что давай, Бак, к ним, к Разумным. Оставим базовый блок здесь, а сами на малом боте вниз. Готовиться к спуску, — приказал Кирк.

Спуск прошел удачно. Но то, что увидели там Кирк и Бак, никак не укладывалось в сознании, не находило объяснения. На полях деревянные плуги и лошади, кругом деревни, городов нет... Контакта не получилось. Никто ничего не помнил, а слова «спутник» вообще не понимали.

Перед Кирком и Баком валились на колени.

— Кирк, надо все-таки лететь к спутникам, может, в них, в их памяти, найдем объяснение всему этому бреду. Лети.

Бот стартовал. «Электронное брюхо» встрепенулось, и один из спутников выплеснул луч — Кирка и бота не стало...

Бак стал конюхом, прослав со временем чудачком и сказочником. «Электронное брюхо» занялось своим ремонтом, поручив приглядывать за разумными «Лазерному бочонку». А на планете умирал Разум.

ПОЛЕТ «СВЯТОГО ПАТРУЛЯ»

В кабине трое. Полковник Джон Грей, опытный пилот воздушно-космических сил США. Сорок пятый раз поднимает он машину из алюминия и стали в звездные дали. Устало прикрыты глаза, руки покоятся на подлокотниках кресла, не дремлет только мозг, до автоматизма отслеживая команды наземных служб.

«Домой попаду не скоро, — размышляет Грей. — Как там дела у Дика? Что-то творится с парнем. Серьезный, слишком серьезный, тоже хочет заняться космическими деньгами. Но они трудные, очень труд-

ные, эти деньги. Давно прошла романтика, в космосе делают работу, бизнес вышел на орбиту. А где бизнес, там грязь. Эх, да разве объяснишь тебе, Дик, что твой отец, седой и легендарный астронавт, стал космической лошадью, которой управляют «мундиры»? А вожжи тянутся в «серый дом»... Раньше хоть приказ давали по-человечески: устно или пакет с заданием. А теперь... Сэр, получите приказ: программа в ведущем компьютере номер один, банк данных с коррекцией на третьи и пятые сутки. Ваша задача, сэр, обеспечить выполнение программы. И все. Вроде ты летишь помогать этому чертову ящику — компьютеру, «умнику», как его удачно обозвал Вирджил. Вот и сейчас: в брюхе «Святого патруля» семь контейнеров, семь длинных черных ящиков. Работа по особому указанию. Пятый контейнер особо важный, не подлежащий контролю. При работе с ним коэффициент осторожности единица, такого еще не было. Нет, хватит. Хватит катать в космос этих «котов в мешке» в виде длинных стальных контейнеров, похожих на гробы, а то все больше поговаривают, что среди них...»

Мысли Грея прервал голос ведущего старта.

— О'кэй! Ведущий компьютер дал норму. Через пять минут дадим пламя. На связи я, Хью.

— О'кэй, старина Хью. Ты опять меня провожаешь. До скорого. Ты только смотри не зажарь нас в этой старой сковородке, давай пламя плавнее, я ведь уже не молод. На борту норма. Юджин крутит головой так, что подшипники его шлема не заржавеют еще лет сто, они, наверное, раскалились докрасна. Юджин, не обожги шею! Вирджил, как всегда, дремлет. Хью, дай ему в наушники песню о Мэри. Вирджил, ты меня слышишь?

— Слышу, Джон, слышу. Ты опять шутишь. Придумал бы что-нибудь новое. Дайте объявление в газетах, Хью, что у меня уик-энд. Каркайте дальше, старые вороны, дайте мне отдохнуть, — добродушно проговорил доктор Кросс, специалист по полезной нагрузке.

— Юджин, как дела? — поинтересовался Грей.

— На борту порядок, сэр, системы, вверенные мне на контроль, в норме. Средние отклонения в коэффициентах 0,05, — четко доложил второй пилот Хьюз.

«Новичок, сразу видно, новичок. Наверное, и я таким был в первом полете. Наверное, не отвяжется от мысли: как оно все будет там, в космосе? Ничего, он парень крепкий. Поговаривали, правда, что после на-

шей конюшни, авиационно-космической, он еще где-то пропадал почти полгода. Каких мустангов ты там объезжал, красавчик ковбой по имени Юджин? Уж не серой ли масти? Еще молод, а уже капитан...»

Сигнал готовности прервал мысли полковника.

— Приготовиться к старту, проверить ремни, стекла шлемов вниз, кресла на старт, руки с пультов прочь. Молитесь на пламя, — проревел динамик. И тут же: — Джон, слышишь, Джон, даю пламя... Десять процентов, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят. Сейчас встанешь на пламя. Шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто. Джон, лети в свою преисподнюю, передай привет знакомым чертям и возвращайся. Хью ждет тебя. Слышишь, Джон?

— Хорошо, Хью, вернусь, раз ты ждешь. А ты посмотри за моими бесенятами. К Дику зайди, он что-то не в себе. Да, Хью, у тебя спички есть?

— Есть, Джон, а что?

— Сунь в пламя, а то тяга мала, — расхохотался Грей.

Гул пламени слился в единый сплошной рев, и тысячетонное, неуклюжее на вид сооружение сначала медленно, а потом все быстрее ринулось в космос.

На орбиту легли удачно, без потерь и поломок, да и Юджин вроде бы сразу подружился с невесомостью. Это уже удача...

— Юджин, присмотри за ориентацией, проверь системы. Вирджил, погляди на свои контейнеры-подкидыши, как они там? Ангар откроем потом. Мне не понравился на выведении второй силовой агрегат. Я пока займусь его проверкой. За работу, парни.

Второй пилот Юджин Хьюз бросил взгляд в иллюминатор. Земля была над головой. Необычно, красиво, но любоваться этой красотой некогда. Ориентация держится хорошо, корабль огибал Землю, вращаясь с той же угловой скоростью, с которой летел вокруг Земли. Благодаря этому, когда будет открыт ангар, приборы цепко схватят Землю под свой контроль, а компьютеры, обрабатывая информацию, будут что-то передавать в антенны «серого дома». А что за информация, знают только «мундиры»... Второй компьютер дал норму бортовых систем, третий проверил системы открытого космоса, тоже все в норме. Ведущий компьютер пока важно молчал, неторопливо моргая табло в режиме ожидания.

— У меня все о'кэй, сэр, — доложил Юджин Хьюз.

Доктор Кросс занимался своими компьютерами и контейнерами. Тесты самопроверки компьютеров, нянчивших контейнеры, показали, что все в порядке. Кросс запустил программу проверки, и компьютеры загудели, прошупывая «подкидышей», размещенных в ангаре. Все в порядке, полезная нагрузка готова к работе. Первый, второй... четвертый. А как там пятый контейнер? На него подключен свой, тоже пятый, компьютер. Тест самопроверки, пятый компьютер в норме. Кросс включил тест проверки контейнера. Привычное гудение машины внезапно прервалось. «Выдача информации запрещена, тест проверки не включать», — четко светилось на дисплее.

«Oго!» — присвистнул Кросс и снова включил тест. Никаких результатов. Он враждебно посмотрел на компьютер, как бы обвиняя его в недоверии, но тут же одумался. При чем здесь машина? Сознывая бесполезность своих действий, он еще раз нажал на клавишу проверки пятого контейнера.

На сей раз результат не замедлил последовать. Компьютер загудел, будто тяжело вздохнул, и... отключился от бортовой сети.

— Обедать, — объявил Джон Грей.

Все поплыли на кухню, раскрепилась вокруг обеденного стола.

— Меню на дисплее, — любезным женским голосом объявил компьютер систем жизнеобеспечения, и по экрану побежали строчки вариантов обеда. Они перемежались кадрами с дымящимися супами, поджаристыми бифштексами и улыбающимися красавицами, посыпанными и поливаемыми все эти прелести специями, соусами и приправами.

Вариант под номером три заканчивался словом «SHASLYK». В кадре показались Кавказские горы, гуляющие барашки, поджаривающиеся на костре шашлыки и усатые люди в бурках, со сверкающими глазами, заглатывающие куски жареного мяса. Голод поволчьи заворочался в желудке.

Все дружно потянулись к клавише с вариантом три.

— О'кэй, — ответила на это машина, даже вроде с иронией.

С потолка медленно выползала змееподобная гибкая трубка.

— Мистер Грей, прошу, ваш бульон, — вежливо предложила машина.

Такие же трубки спустились к двум другим астронавтам.

Полковник Грей с удовольствием посасывал горячий бульон, прикрыв глаза и вспоминая свой дом, Калифорнию.

Юджин Хьюз уплыл к иллюминатору. Рассматривая Землю, вытянул свою трубку чуть ли не во всю длину. Доктор Кросс быстро справился с луковым супом и уже просил второе и кофе. Из открывшегося отверстия показался пакет с шашлыком. Кросс извлек пакет, вскрыл его и с удовольствием стал жевать мягкое, вкусное мясо. По кабине распространился аромат жареной баранины. Грей и Хьюз, бросив свои трубки, тоже взялись за шашлык. Покончив с кофе, все три астронавта перешли к неторопливой беседе.

— Сэр, расскажите что-нибудь о своих прежних полетах, — попросил Хьюз. — То, что больше всего запомнилось.

— Это трудно, Юджин. Любой полет имеет свой «изумруд». На Луну — одно, около Земли — другое. Но вот когда я шел на посадку на старушку полосу соляного озера в своем тридцать третьем полете, а на хвосте недоставало теплозащиты, это действительно захватывало дух. Хвост прогорал на глазах, и я не знал, хватит ли его до посадки. Бог был милосерден, хвоста хватило, хотя еще минута, и он бы летел отдельно, и мы отдельно. В мыслях я уже готовился к катапультированию кабины, но внизу были горы, и я тянул до последнего. Вот так-то, спаси нас бог, Юджин, рассказка и ты о своих делах, космос располагает к откровенности. Земля и люди, наши земные невзгоды и удачи остались внизу. В космосе мы одни.

— Что тут долго говорить, сэр, жизненный путь мой короток. Окончил школу летчиков-испытателей ВВС, потом аэрокосмическую, да это вы знаете. Тестовые имитационные полеты прошли удачно. А теперь с вами, сэр, в полете реальном... Я счастлив, сэр!

— Как твои личные дела, Юджин? — поинтересовался Кросс. — Помолвка скоро?

— Нет, пока нет. Но в прицеле девушка есть. Встретил на Майами-Бич. Работает в баре «Рай дьявола». Забежал на пляже глотнуть виски. Отдал свои доллары, их быстро убрали со стойки красивые руки. Поднял

глаза на их обладательницу и... утонул в ее голубых глазах. Чтобы не захлебнуться, пришлось потратить много усилий. Двадцать долларов хозяину, чтобы заменить у стойки Сьюз, пятьдесят просадил тут же, в «Рае», чтобы произвести впечатление, пятьдесят в баре и отеле неподалеку. Но это все оправдалось. Утром она поинтересовалась моим бизнесом, я ответил. И вдруг полились слезы. Я был ошарашен. Оказалось, она жалеет меня и ужасно боится этой «черной дыры», как она назвала космос. И я влюбился, влюбился выше ушей. И сейчас люблю свою Сьюз. Очень ее ревную, ее бизнес слишком бойкий, парней крутится в баре рой, да и старичков с мешками долларов немало. Вот так. На пляже их забегаловка видна неплохо, много неона. Думаю, найду их отсюда. Посмотрю, не слишком ли много машин прибудилось возле моей Сьюз.

— Ну, ну,— засмеялся Кросс,— карауль свою Сьюз, ведь ты на «Святом патруле». А как обнаружишь соперника, пошарь в брюхе «Святого». Может, найдешь что-нибудь получше 38-го калибра.

— А полгода после аэрокосмической ты где был? — поинтересовался Грей.

— Сэр, позвольте не отвечать на этот вопрос. Сказать правду я не могу, а обманывать не хочу.

— О'кэй, Юджин. Спасибо за откровенность,— помедлив, сказал Грей. Да, дела: странный пятый контейнер, автономный пятый компьютер, Юджин, избегающий правды. Все складывается в какую-то цепь. Ну ладно, космос проявит всех, как лакмусовая бумажка. Пока посмотрим. И Вирджил что-то задумался...

— Эй, Вирджил, а что успел ты? Мы с тобой не летали полетов шесть. Как ты провел эти полтора года? Как твоя Мод?..

— У Мод все в порядке, Джон. Родила мне третьего, Майкла. Мой Майкл уже много умеет. Он шустро вращает глазами, мало ест, кричит и заставляет носить ему чистые простыни... А работал я в институте Коллинза, мы проектировали какую-то систему управления. Все сидели в отдельных комнатах, даже ленч и обед в разное время. Знаю только, что боссов очень заботила защита системы от излучений. Тут-то, Джон, я и блеснул. Шеф запрыгал как кенгуру, когда я подкинул свою идею. Она очень проста, но ее сразу засекретили, спрятав в стальные мешки фирмы. Все равно она у меня перед глазами, эта идея. Я спал и видел ее,

я ее вынашивал, как мать ребенка, бережно и осторожно, я ее родил на свет божий. Я очень горжусь ею, Джон.

— И ты совсем не летал, Вирджил?

— Нет, Джон. Но тренировался четыре месяца, так что форму не потерял. На этот полет не рассчитывал. Но заболел Буль, ты знаешь, он подцепил где-то корь. Это в его возрасте! Вот мне и всучили этих «подкидышей», что в брюхе нашего «Святого». Чувствую, один из них явно серой масти. Пятый контейнер. Знаешь, Джон, я не сторонник мундирных дел. Не по душе мне этот «подкидыш»...

— Ну, дело твое, — сказал Грей. И, помедлив, командовал: — По пультам! Время вышло, кончай разговоры. Приготовиться к открытию створок ангара. Пусть наши «подкидыши» подышат свежим космосом. Юджин, запроси «умника», когда и что делать. И пусть трудится сам, мы сядем на контроль.

— Есть, сэр, — на военный манер ответил Юджин и запросил данные о программе. На центральном экране появилась карта Земли, изогнутая змея траектории корабля, часы и минуты текущего времени.

— Внимание, — послышался мелодичный машинный голос. — Условия операции выброса: ориентация на двигателях средней тяги, створки на Землю. Раскрытие створок над Черным морем, над Сибирью выброс первого контейнера, с интервалом в четверть витка выброс второго, третьего и четвертого. Привязки по времени на экране. Управление от ведущего компьютера. Спасибо за доверие.

— Издевается, — пробурчал Грей. — Это мы им доверяем, а они? Вот пятый даже отключился от общей сети. С остальными-то ясно — глобальная связь из произвольной точки с передачей по спутниковой цепи...

— Далее замеры фонового излучения за бортом, — продолжала машина. — Работа сразу после выброса четвертого контейнера. Детектор выносится на манипуляторе, удаление от корабля на максимум, замер по всему витку. Напоминаю, пятый контейнер не подлежит контролю. К нему допущен лишь капитан Юджин Хьюз, второй пилот, документация в нише номер пять, шифр по варианту семь. От имени руководителя полетной программы и министерства обороны желаем вам успешной работы.

«Ну ладно, — подумал Грей. — Наконец-то кое-что

прояснилось. Мой второй пилот все-таки не просто второй. Того и гляди скажут, что второй пилот — это я...»

Тем временем Кросс, молча проглотив речь информатора, с нескрываемым интересом смотрел на Хьюза. Тот отвел глаза. Неловкое молчание прервали сигналы внимания. Пришла пора включать ориентацию. Корабль, и без того смотревший на Землю «спиной», сначала замер, остановив медленное вращение, потом плавно повернулся по крену и продолжил свой безмолвный марафон. Вот и Черное море, телекамеры показали, как медленно сложились створки ангара, будто поджал свои длинные ноги кузнечик. За створками открылось огромное брюхо ангара с прилепившимися, словно сонные пчелы, контейнерами. Первый из них мигал ярким пульсирующим светом, как бы проявляя предстартовую нетерпеливость. Это сигнал готовности к выбросу. На экране дисплея засветилась надпись: «Первый готов, до старта одна минута».

— Вероятность успеха запуска 0,99, — прозвучал голос компьютера.

— С нами бог, — выдохнул Грей.

Экран ожил. Контейнер нехотя оторвался от брюха корабля и осторожно выскользнул из ангара. Ярко вспыхнули огни малых двигателей, и угловатый спутник стал удаляться от махины корабля.

«Одним меньше», — облегченно подумал Грей.

Строго по программе были выброшены второй, третий и четвертый контейнеры, ставшие спутниками планеты. Они мчались друг за другом цепочкой, словно стая гончих собак.

— Сэр, пора выносить детектор, — напомнил Кросс.

— Это твоя работа, Вирджил, действуй. Система стабилизации в автомате, «умник» за ней присмотрит. Проверь сначала манипулятор, а как таскать детектор, ты знаешь не хуже меня.

— О'кэй, сэр. Разминка не помешает. — Кросс поплыл в сферу верхнего обзора и управления. Прозрачный пузырь возвышался в кормовой части кабины экипажа, позволяя осматривать всю верхнюю полусферу над кораблем. Кросс подплыл к пульту управления, просунул руки в герметичные перчатки и погрузил их в вязкую, прозрачную жидкость. На экране дисплея возникли контуры манипулятора и детектора, покоящегося в ближнем углу ангара.

— Сэр, разрешите поработать самому, пусть «ум-

ник» полюбуется на мое искусство, — попросил Кросс.

— Разрешаю, — ответил Грей. — Работай, Вирджил. Видно, ты соскучился по космосу среди белых халатов. Разомнись, док.

Это очень просто. Надо прямо руками взять модель детектора, находящуюся здесь же, в этой вязкой жидкости, а манипулятор, извиваясь, как живая анаконда, точно повторит все движения и надежно схватит детектор, удерживая его железной лапой. Движения рук Вирджила плавные, их сковывает, сглаживает вязкая среда. Послушный этим движениям, оживает манипулятор. Вот он, плавно изогнувшись в своей конечной части, освободил среднее, а потом начальное звено, дав сам себе полную свободу. Теперь не спеша к детектору. Вот и он, небольшой черный ящик. Надо и его освободить от крепления, это легко. Теперь ухватить за транспортную скобу. Это тоже не составляет трудности.

— Детектор включить на удалении не менее тридцати метров, — неожиданно вмешался компьютер.

«Начинается!» — выругался про себя Кросс.

— Включить детектор! — подал он команду вслух.

Но она осталась невыполненной. Еще и еще раз. Безрезультатно.

«Черт бы их побрал, заблокировали через «умник»-компьютер. Ну да ладно, не на того напали. Компьютер я обойду, не будь я Вирджил Кросс, но погода...»

Вытянув манипулятор на всю длину, Кросс передал управление на компьютер. Пусть сам измеряет космический фон. Но как его перехитрить? Отключить, имитируя замыкание? Бесполезно. «Умник» тут же переключит контроль на резерв. Значит, его, компьютер, надо ошарашить, как человека, неожиданной ситуацией... Тогда, может быть, и он ошибется, отвлечется, на время «позабыв» о детекторе.

Перейдя на ручное управление манипулятором, Кросс, словно охотник в засаде, ожидал удобного момента. Медленно перемещал он манипулятор, ощущая всем своим существом контроль со стороны компьютера. Догадка скоро подтвердилась, компьютер выключил детектор в нескольких метрах от корпуса «Святого». Все ближе и ближе ангар. Пятый контейнер и детектор расположены в его противоположных концах.

«Даст ли «умник» пронести детектор вблизи пятого контейнера? Наверняка нет. Вот он, критический мо-

мент», — напряженно размышлял Вирджил. И решился:

— Срочно проверить все системы, включенные в режим, усилить захват детектора, контроль стабилизации, створки ангара зафиксировать в открытом положении, ручное управление манипулятором не блокировать, — подал он команды компьютеру.

Он рассчитал точно. Машина заметала свои электроны по многочисленным системам корабля, запоминая и интегрируя результаты измерений. Выходные блоки перегрузились, и компьютер отключил лишний контроль, в том числе и блокировку включения детектора, не столь важную для текущего момента, который крайне усложнили команды Кросса. И он ловко воспользовался короткой ошибкой машины, быстро переместил детектор в район пятого контейнера и включил. Машина тут же «опомнилась», взяла управление на себя, выключила детектор и водрузила его на место в ангаре. Но поздно, дело сделано!

— Внимание, внимание! Допущено отклонение от инструкции управления манипулятором и детектором. В тест-блоки компьютера была введена голосовая информация о необходимости проверки систем и ряд других команд, не согласующихся с положением на борту. Подробный отчет о работе автоматики и других операциях готов, логические блоки не в состоянии оценить причины и цели действий доктора Кросса. Предлагаю срочное психологическое обследование.

Машина умолкла, храня в себе обвинительный акт против Кросса.

«Все-таки ты ничего не поняла, умная железка, набитая электронными мозгами», — злорадно подумал он.

Джон Грей, разумеется, не последовал совету машины, он сразу понял истинную цель действий доктора Кросса. Подлетев к нему, положил руку на плечо, дружески сдвинул. Обменявшись понимающими взглядами, они устроились у накопителя научной информации, запросили данные замеров детектора. Почти постоянный уровень радиации за бортом, ничего удивительного. Вот отметка о выключении детектора, кривая фона легла на ноль... А вот то, что они искали: резкий скачок радиации, значительно превышающий уровень фона, и опять ноль — компьютер вновь отключил детектор. Это

замер, соответствующий включению детектора вблизи контейнера номер пять. Кросс добился своего.

— Что скажешь, Джон?

— Ясно одно, в пятом уран. Больше ничего пока сказать нельзя. Уран в таинственном пятом контейнере, автономный компьютер, Хьюз со своими личными инструкциями. Сложный клубок. Юджину пока ни слова, посмотрим, что будет дальше.

— О'кэй, Джон, хорошо, что мы вместе, что нас двое. Могло быть и по-другому, старина.

Прошел день, другой. На орбите было спокойно, работа шла своим чередом. Спала Земля, спали люди, а из космоса на них смотрели приборы. Казалось, забылась история с детектором, помнил о ней лишь компьютер, спрятав обвинения доктору Кроссу в стальных хранилищах информации. Что касается обнаруженного урана, ну что же, уран и уран. Возможно, источник питания или еще что-либо. Грей старался отогнать от себя другие предположения.

Как-то во время отдыха экипаж разлетелся кто куда. Грей разместился в библиотеке, читал свои любимые детективы, где нестареющий агент 007 ловко проникал на очередную военную базу, вскрывал сейфы, крошил черепа охранникам и уносил секреты. Юджин Хьюз увлеченно возился на своем рабочем месте. Кросс, случайно оказавшийся рядом, с интересом наблюдал за его действиями.

Хьюз включил прицел, установил усиление. Кросс взглянул в иллюминатор. Под кораблем просматривалась береговая черта, знакомые очертания. На прицельном экране дисплея появился Майами-Бич.

«Вот оно что. Решил посмотреть, как там дела у Сьюз», — понял Кросс. Тем временем Хьюз уточнял наведение.

На экране мелькали берег моря, прибой, строения, бунгало, вот стоянка автомашин. Сегодня воскресенье. Машин много. На экране остановилась крыша высокого здания, похожего на полуразвалившуюся трубу.

«Рай дьявола», — догадался Кросс.

Вдруг картина резко сменилась. На экране возникли какие-то другие строения, руки Хьюза заработали с быстротой и слаженностью автомата. Строения застыли в прицеле, они видны все отчетливее, руки Хьюза тянутся к устройству ввода данных предварительного прицеливания. «Данные введены», — гласит надпись

на экране. Сброс операции. Повторение прицеливания автоматом.

«Вероятность благополучного исхода операции в обоих случаях 0,99», — появилась надпись на экране.

«Благополучного», — усмехнулся Кросс.

Экран вспыхнул вновь. Теперь в прицеле крупный танкер, разрезающий волны океана. Повторение тех же операций. На экране мелькают города Европы, Азии, Австралии, Южной Америки...

На следующий день Хьюзу прибавилось работы. Он получил телетайп, адресованный лично ему, остальным предписывалось во всем содействовать второму пилоту. В акватории Индийского океана наблюдалась активность на море и в воздухе. Можно было видеть огромные палубы авианосцев, узкие рыла боевых кораблей, толстые, неуклюжие транспорты, воздух был испещрен инверсионными следами самолетов. Чувствовалось, что здесь заваривается очередная каша. Хьюз не отрывался от прицела, что-то наблюдал, высчитывал, заносил какие-то данные в банк оперативного анализатора и хранителя информации, вел переговоры с Землей на понятном лишь ему кодовом языке. На борту «Святого» царило напряженное ожидание.

Закончив очередные переговоры, Хьюз попросил Кросса заняться контролем положенных ранее на орбиту контейнеров, а Джона, извинившись, — проверкой всех систем корабля по коэффициенту полной готовности. С Землей обязали обоих подчиниться этой просьбе, как приказу.

Работа на борту закипела. Дел хватало всем. Информация стекалась с периферийных компьютеров к ведущему. Тот четко чеканил на экране дисплея результаты проверок и обобщающие выводы.

Резкая сирена заставила всех вздрогнуть. Астронавты замерли вслушиваясь.

— Боевая тревога, боевая тревога, — пролаял динамик. — Ответственный за выполнение приказа командир экипажа полковник Грей. Боевое задание капитану Хьюзу по варианту номер три, цели пять, шесть, семь, готовность полтора часа. При работе с целями внести в программы результаты наблюдения с орбиты. Доктор Кросс обеспечивает постоянную готовность контейнеров на орбите, резерв в ангаре, контейнер номер семь. Обратит внимание на объекты, появившиеся в районе контейнеров и не имеющие опоз-

навательных признаков нашей государственной принадлежности. Капитан Юджин Хьюз, приступить к работе с контейнером номер пять. Блокировки сняты. С нами сила и бог!

— По местам! — скомандовал Грей. — За работу, время не ждет.

Через час, оторвавшись от компьютера, Хьюз с досадой доложил на Земле об отказе в пятом контейнере. Земля не заставила себя ждать:

— Капитан Хьюз, у вас два часа. Эта часть задания ваша, всю ответственность за нее несете вы. Напоминаем, задача боевая.

Хьюз выхватил из пятой ниши документацию и углубился в размышления. От волнения он, нарушая инструкцию, остался в общем салоне. Шли минуты. Зло кусал губы, ругаясь от досады, бормоча проклятия... Растерянно обвел глазами салон. На лице была беспомощность.

— Помочь? — предложил Кросс.

— Запрещено, — ответил Юджин, продолжая изучать схему.

Доктор Кросс невольно взглянул на чертеж. И... как гром среди ясного неба! Ведь это его схема, его детище, рожденное им и отнятое у него в угоду «серому дому»...

«Но ведь эту схему «мундиры» приспособили к атомной бомбе, именно поэтому ее так строго засекретили и упрятали в стальные сейфы. Бог мой, неужели пятый контейнер... Боевая готовность! А моя схема, мое детище? Как хотелось, чтобы она работала! В конце концов, не мне отвечать за это, пусть отвечает и решает Юджин. Я член экипажа, я даже не военный. Пусть решает Юджин, Грей, наконец, ведь он полковник, командир экипажа. Ладно, я подскажу, а решают пускай они», — лихорадочно думал Кросс.

— Эй, дружище, я в курсе этой схемы, она моя, я над ней немало попотел. Отказ там. Надо сделать сброс схемы и повторить сначала. Дай указание пятому «умнику», чтобы после проверки правой части он сделал задержку на десять секунд, иначе схема опять запрется. И все пойдет как по маслу. Прости, что я увидел ее, это случайно. Извини, Юджин.

— Спасибо, Вирджил, — взволнованно проговорил Хьюз, — сейчас прогоним в твоём варианте, и все будет о'кэй. Спасибо.

— И ты бросишь эту штуку на Землю, Хьюз? — тихо спросил Грей.

— Да, в Индийский океан, в район Персидского залива, сэр, так велит приказ, — выпалил Хьюз и тут же спохватился: — Если подтвердят приказ, сэр.

— А что внутри, ты знаешь?

— Нет, для меня это просто контейнер номер пять, Вирджил. А что там внутри — не мое дело.

— Юджин, в нем ракета с ядерным зарядом. Это я знаю наверняка. А теперь думай, это твой бизнес.

Второй пилот побледнел, рука, протянувшаяся к запуску тест-программы пятого контейнера, повисла в воздухе.

— Что ты сказал? — прошептал он. — Ведь под другими номерами целые города, там живут люди. Ты не ошибся?

— Ошибки нет, Юджин, — сурово промолвил Грей, — Вирджил не станет врать, я с ним не первый раз на орбите.

Хьюз посмотрел на часы. Еще полчаса. А потом? За иллюминатором простирался океан, береговая линия, прибой.

— Сьюз, Сьюз, что же мне делать, Сьюз, — беззвучно шептал он дрожащими губами, — что делать, что делать?

— Юджин, если хочешь, я помогу. Схемы я не видел, ты инструкцию не нарушал. Прогони еще раза три тест-проверку контейнера, не пользуясь моим советом. Схема опять запрется, готовности снова не будет. Сбрось эти данные на Землю и молчи. «Серый дом» скажет, что делать дальше. Не думаю, чтобы «мундиры» быстро докопались до истины, я на это потратил годы. Ты будешь морально прав, Юджин.

— Я тоже так думаю, — поддержал Грей.

— Спасибо за совет, — ответил Хьюз.

«Выход правильный, технически правильный, — думал он, — но ведь есть приказ, есть моя военная карьера. А время идет, его не остановишь. Но вторая Хиросима — это ужасно. Господи, за что же на меня все это, помоги мне, господа...»

Включив тест-программу проверки пятого контейнера, он с надеждой и страхом ждал результата. Конец проверки, схема неисправна, готовности нет. Вот и конец второго теста. Результат тот же. Все, в запасе всего десять минут.

«Проклятый «подкидыш»!» — мысленно выругался Хьюз, взглянув на контейнер, видимый на экране дисплея.

В середине третьего теста взвыла сирена повышенного внимания. Все замерли. Хьюз побледнел, до крови закусив губу.

— Полет прекратить. Поздравляем с успешным завершением тренировочного полета по боевому патрулированию. Посадка на полосу двадцать восемь, ветер сто пятьдесят градусов, четыре метра в секунду, нижний край облачности тысяча метров, аэродром готов к приему корабля. Закрывать створки, раскрепить контейнеры. Особое внимание креплению пятого контейнера, пятый компьютер отключить. Помогите вам бог! — прозвучало в динамике.

— Слава богу! — возликовал Хьюз.

— Занять кресла, — скомандовал Грей, — работа по посадочному расписанию. Поздравляю. Орбитальной тренировке конец. Юджин, выше нос.

— Да, сэр, — радостно откликнулся второй пилот.

— Этот полет заканчивается, Юджин, но ведь будут и другие... Помни об этом, Юджин, — тихо проговорил Кросс.

«Святой патруль» со смертью в брюхе устремился к Земле, возвращаясь из очередного рейса.

ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Мчалась в бесконечном пространстве изумрудная планета, планета, несущая жизнь и разум. Она цвела, радуясь лучам теплого светила, оглашая твердь, небо, моря и космос разноязычным многоголосьем. Несущие разум рвались познать мир, в котором они живут, свое место в общей беспредельности. Они обрели власть над энергией своего светила.

Ширились познания, росло любопытство, все глубже проникал пытливый ум в безмолвные волны летящего времени, в глубь беспредельного пространства, разыскивая себе подобных, посылая сигналы, отправляя в дальние путешествия автоматические аппараты с рассказами о себе, о своих городах, лесах, океанах, о мире звуков и красок, искусстве, письменности, языке. Посланники неслись все дальше и дальше, храня в себе

эти знания, ставшие сами за время полета уже далекой историей...

Цивилизация изумрудной планеты уже не раз вступала в контакт с себе подобными, объединившись в межгалактическое содружество.

И вот однажды люди получили сигналы молодой цивилизации, рожденной на периферии спиралевидной галактики. Ее посланец достиг Земли и рассказал об еще одном удивительном и гармоничном создании природы...

...Наш корабль вздрогнул и остановил свой бег. Мы находились в области планеты, окруженной тонкими кольцами, здесь жили те, кто прислал нам посланца. Наконец-то корабль мог отдохнуть! Отдыхали и мы, «группа удовлетворения первого любопытства», как нас шутливо называли дома.

Мы не спешили открывать иллюминаторы, опыт научил нас остерегаться потока информации, врывающегося в разум, будоража и возбуждая его. Мы стали осторожны.

Пусть сначала осмотрится наша электроника, ее бесстрастные чувства точны и безошибочны, лишены эмоций и потому не подведут.

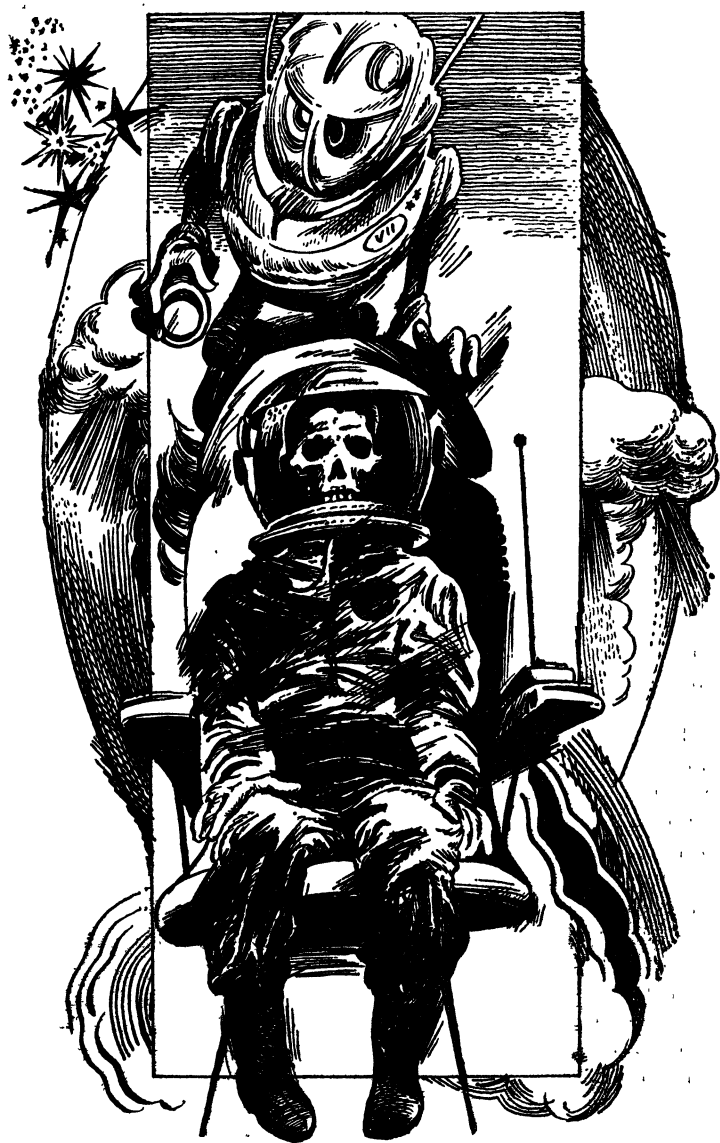
Нас было пятеро: координатор экспедиции Тим, его помощник Хак и группа непосредственного контакта — пилот исследовательского бота Тод, разведчики: Кет и я — Дик.

Система контроля безопасности не подавала признаков беспокойства: мягкий спокойный свет разливался по отсекам корабля, а музыка, звучащая в салоне, несла успокоение. Вокруг корабля и внутри его ничто не вызывало тревогу.

Но все же все мы были напряжены, мы ждали разрешения Тима на обзор Вселенной. И Тим, понимая наше состояние, дал разрешение. Защита иллюминаторов стала медленно открывать обзорное поле. Это было похоже на расширяющийся туннель, ведущий в безграничность Вселенной. Перед взором исследователей возникла чужая чернота космоса с незнакомым рисунком созвездий. Звезды дрогнули и поплыли в иллюминаторе — наш корабль начал свое вращение, как бы осматриваясь вокруг.

В иллюминаторе показалась огромная планета.

— Пятая планета, — подсказал компьютер. — Она самая большая: по тем сведениям, которыми мы распо-

лагаем, она значительно больше планеты, к которой мы летим, вернее, вы летите, — как будто с некоторой укориэной добавил компьютер.

Корабль продолжал свое размеренное вращение.

— Вот она, вот их звезда! — воскликнула Кет.

Перед нами сияла золотая звезда, живительная звезда системы, в которой мы оказались после броска во Вселенной.

Перелет к планете не составил труда. Приближаясь к ней, мы включили все средства приема информации и торжественно передали наше межгалактическое приветствие. Но нас встретила полнейшая тишина. Еще и еще раз мы посылали обращение к цивилизации планеты, сообщая, что мы здесь, рядом, что мы готовы к встрече на планете или на орбите, просили сообщить нам координаты разрешенной посадки, но все было тщетно. Тишина. Все тревожно всматривались в иллюминаторы, вслушивались в шорохи в космосе, но ничто не говорило о готоящейся встрече. Мы проверили координатор пространства, он точно вывел наш корабль в систему, давшую о себе знать, координаты совпадали, структура системы тоже. Мы ничего не понимали.

— Посадка на спутник планеты. Готовьте компьютер к посадке, меры предосторожности максимальные, усильте контроль окружающего пространства. — Голос Тима был тверд и спокоен.

Посадка на спутник, вращающийся вокруг планеты, была делом обычным. Он был как будто специально создан для наблюдения. Рассматривая поверхность спутника, все мы отметили какую-то его опустошенность, не было на нем признаков жизни: бескрайнее каменное море с застывшими в вечном безмолвии глыбами-волнами. Унылая картина. Черно-белый мир, мир, лишенный цвета, царствовал вокруг, куда бы мы ни обращали взгляд. И только планета, позвавшая нас, владела гаммой красок: голубизна морей, белые облака, желтовато-коричневые цвета материков... Планета, величаво вращаясь, показывала со всех сторон свое великолешие. Но долго любоваться мы не имели права — надо было разобраться, понять, что же случилось, что произошло, почему молчит планета. И более детальное изучение планеты вызвало тревогу: на суше видны огромные кратеры, не было городов, возделываемых полей, волны океанов и морей омывали безжизненные берега.

— Может быть, что-то случилось, и жители ушли вглубь? Или на дно океана?

Вокруг планеты вращались спутники. Мы изучили их орбиты. Компьютер долго анализировал собранную информацию, сопоставляя ее с моделью, построенной на основе сообщения посланника, долетевшего до нас, до нашей Галактики. Казалось, компьютер морщит лоб, напрягая свою гигантскую голову, и, наконец, он дал решение, предупредив о возможных неточностях и ошибках.

— Цивилизация планеты, — сказал компьютер, — достигла умения пользоваться малой частью энергии своего светила и использовала энергетические ресурсы планеты. В космическом развитии был достигнут уровень, позволяющий перелетать к ближнему небесному соседу. Спутниковые системы, видимые вокруг планеты, в основном представляют собой хранилища больших энергий.

Сообщение компьютера еще больше насторожило нас.

— Нужен непосредственный контакт, нужно вести поиск жизни там, в ее недрах или океане, — сказал Тим, — другого выхода у нас нет. Старт завтра.

Ранним утром мы были готовы к старту. Десантники заняли места в боте и стартовали, устремившись навстречу неизвестности. Приближаясь к планете, мы всматривались в очертания ее материков, веря в лучшее, но взгляды скользили по унылым, безжизненным ландшафтам. Лишь система спутников указывала на принадлежность планеты к обитаемым: спутники были явным творением разума и труда. Они безмолвно мчались по своим орбитам, словно стая хищников, выследивших свою добычу.

— Посмотрите налево, Тод, — сказала вдруг Кет. — Один из спутников напоминает ошестинившийся ящик.

Действительно, слева висел длинный, неуклюжий предмет с массой люков, антенн, иллюминаторов.

— Пощупайте его радаром, Дик. Может, он откликнется, ведь зачем-то он здесь летает, — предложил Тод.

Я включил радар узкого луча и медленно повел им в сторону спутника. Вот луч коснулся спутника, побежал дальше и, скользя по одной из антенн, уперся в темноту иллюминатора. Спутник вздрогнул, остановив свое, казалось бы, беспорядочное вращение, резко раз-

вернулся, один из его люков откинулся, и из него выскользнуло веретенообразное тело. Оно хищно, как бы приюхиваясь, повернулось и, взметнув пламя из дюз, рванулось к боту.

— Включить все поля защиты! — прокричал Тод.

Бот, словно звезда, засиял, окутавшись защитными полями. Натолкнувшись на защитный барьер, веретенообразное тело вспыхнуло ослепительным светом и исчезло.

— Следы мгновенного ядерного распада, — сказал я, — а спутник ушел на другую орбиту, его координаты в компьютере. Что это, нападение или защита?

— Не знаю, но все-таки явная враждебность, — откликнулся Тод. — Все излучения снять, защитные поля не выключать. Кет, что там у тебя? Может, убратся с орбиты? Этих сумасшедших ящиков здесь более чем достаточно.

— Минуту, командор, — попросила Кет, — компьютер ломает голову, просит еще подумать, ох и осторожен он стал, наш старый Кью. (Так дружески называли мы главный компьютер бота, ставший действительно правомочным членом экипажа.)

Заговорил Кью:

— Приоритета в выборе места посадки нет, поток информации равномерен, скуден со всех материков, рекомендую идти на посадку сейчас, избежав встречи с другими спутниками, их много, встреча с ближним из них через шесть минут, в большинстве из них заложено много энергии. Посадку можно произвести на материке сразу за океаном, он простирается с севера на юг планеты.

— Ладно, — решил Тод. — Посадку разрешаю. Приготовиться.

Облачившись в скафандры, привычно разместившись в креслах, мы устремились вниз. Все ближе и ближе поверхность планеты, мы рвались к ней, но не могли найти места для посадки. Еще и еще раз отказываясь от нее, мы пролетали все дальше и дальше, уклоняясь то влево, то вправо, а картина на экране внешнего обзора оставалась по-прежнему унылой, однообразной, не обещающей никаких перемен.

И вдруг в тяжелом молчании прозвучал спокойный голос нашей Кет:

— Командор, я на всякий случай включила указатель концентрации энергии и металла, они одновремен-

но чуть отклонились от нуля в квадрате, над которым была сплошная облачность. Надо осмотреть это место, так рекомендует и Кью.

Мы вернулись туда, куда указал нам компьютер, и, осторожно пробив облака, вынырнули на небольшой высоте. Под нами была та же безжизненная картина. Но, присмотревшись внимательнее, можно было почти интуитивно почувствовать какую-то упорядоченность в кажущемся хаосе нагромождений. Индикаторы вздрогнули и чуть отклонились, показывая сконцентрированное наличие металла и энергии. Под нами было нечто похожее на огромную птицу, привалившуюся на один бок. Мы приземлились неподалеку. Мрачность местности, безмолвие лежащей огромной подбитой серебряной птицы, явно созданной разумом способных творить и созидать существ, настроило нас еще более тревожно.

— Командор, это похоже на наши старые корабли. Посмотрите, Тод, у него маленькие крылья, видно, он летал, опираясь на атмосферу. С ним что-то случилось, может, нужна помощь? — взволнованно выпалил я.

— Это летательный аппарат, — размеренно пояснил Кью. — Площадь крыла позволяет летать в атмосфере планеты. Сигналов бедствия нет, он стоит здесь давно. Направляю робота.

— Спасибо, Кью, — улыбнулся Тод, — направь туда номер семь, он потолковее остальных. Помнишь, в шаровидной галактике Ц-8 он распознал в неподвижных столбах разум. Выпускай его потихоньку.

Кью согласно поморгал индикаторами.

Из бокового люка бота медленно выскользнул шарообразный робот-разведчик. Осторожно, словно подкрадываясь и понимая все напряжение обстановки, он стал продвигаться к неизвестному кораблю.

— Да, здесь давно никто не ходил, — слышался голос в динамике, — начинаю с осмотра силовой установки, жестких излучений нет. Кью, даю тебе размеры сопел, двигатель явно ракетный, — с гордостью говорил робот, — посчитай, что он может, плотность атмосферы у тебя есть, массу планеты ты знаешь, топливо наверняка химическое, я бы на вашем месте...

— Не мешай считать, — остановил красноречие младшего собрата Кью. Робот умолк, застыл в ожидании расчетов. Мы не вмешивались в их перепадку, зная, что она не мешает работе, что для наших электронных помощников это своеобразное развлечение.

Кью закончил обработку информации и заявил, что такие двигатели могли использоваться только на орбите, они слабы.

Робот двигался дальше.

— Днище обгорело, он явно спустился с орбиты, гасил энергию торможением, — корпусом и крыльями, а вот система посадки простейшая, после посадки он катился на колесах, теряя энергию, до полной остановки. Повреждения на левой стороне системы посадки, поэтому он и покосился, но не опасно.

— При этих размерах, при оценочной массе, способе и скорости посадки он мог катиться около километра, — вмешался Кью, прервав разговорчивого робота. — Вон там, — продолжал Кью, — впереди, словно голова птицы, кабина и иллюминатор обзора, наверное, там были носящие разум, управляющие аппаратом.

— Поднимись туда, загляни внутрь через иллюминатор, найди входной люк, — приказал он роботу.

Мы молча слушали переговоры машин, настроение было гнетущим, мы ощущали беду, но пока не понимали, где она, откуда она может прийти или уже давно пришла, а мы пока этого еще не замечаем.

Робот добрался до носовой части и, опираясь на растущую телескопическую опору, вышедшую из его днища, стал подниматься все выше и выше.

— Обшивка термостойкая, цела, следов повреждения нет, похоже, что он сел без аварии. А вот и входной люк.

— Не открывать! — быстро скомандовал Тод, — Загляни в иллюминаторы.

Робот продолжал подниматься, вот он оказался на уровне кабины, и его телескопическая нога стала сгибаться, а сам робот, наклонившись к кабине, словно приник к стеклу.

— Темно, — слышался его голос, — вижу много приборов, кресла пилотов, одно пустое, в другом что-то лежит, похоже, скафандр. Все выключено, энергия не расходуется, мои индикаторы не ощущают ее утечки. Одним словом, там, внутри, слишком тихо. — Последние слова робот подобрал с трудом, явно не желая выразиться определеннее. — Что дальше?

— Иди к люку, разберись с ним. Рассказывай все подробно, что видишь, ощущаешь, что слышишь, ставь защиту по ходу движения, обеспечь надежный выход

и... постарайся без эмоций, — сказал Тод и вздохнул, — будь осторожен.

Робот пополз по обшивке корабля.

— Люк открыт, — доложил он. — Впечатление такое, как будто кто-то специально сделал так, чтобы не было трудно войти... — не сдержался от комментария робот.

— Сообщай пока только факты, — оборвал его Тод.

Робот молча принялся за работу, движения его были обиженными. Люк вскоре был сдвинут, и на экране возникла пещерная чернота входа. Всем хотелось быть сейчас на месте робота и самим шагнуть в эту заманчивую и немного зловещую черноту. Но инструкции строго гласили: «Только после роботов». Немало ловушек срабатывало, унося жизни десантников. Робот замер над зияющей чернотой, ожидая дальнейших команд.

— Ты чего замолчал? — спросил Тод. — Что-нибудь случилось или боишься?

— Страх нам неизвестен. Мы его не знаем. В нас, роботах первого проникновения, заложено обязательное требование повышения вероятности успеха поставленной экипажем бота задачи, — официальным тоном, с обидой ответил робот и вошел в чужой корабль.

На экранах мы увидели кабину. Три кресла, явно предназначенные для размещения экипажа. Два кресла были пусты, в третьем лежал скафандр. Робот застыл над ним.

— Осторожно пошевели его, — сказал Тод.

Робот медленно протянул руку, слегка толкнул скафандр. Ничего не произошло, скафандр, тихо качнувшись, снова застыл в неестественной позе.

— Попытайся открыть гермошлем, — предложил я.

Задержавшись на несколько секунд, робот занялся гермошлемом.

Стекло откинулось столь неожиданно, что даже робот невольно отшатнулся.

Когда робот снова навел свои зрительные анализаторы, то пришла пора отшатнуться и нам, а Кет резко отвернулась от экрана... На нас в упор с немим укором глядели огромные пустые глазницы пилота, давным-давно ушедшего из жизни. Бездонная пустота глазниц носящего когда-то разум навеяла ужас.

— Закрой, — приказал Тод, и робот с быстротой автомата исполнил его команду.

... — Займи правое кресло, изучи приборы, попробуй понять систему управления, найди регистратор голосовой информации и изображения, разберись, как включаются источники энергии.

Робот послушно устроился в кресле пилота, покосившись на соседнее, где угрюмо лежал безжизненный скафандр.

Приборное оборудование было нехитрым, понятным для нас, понятны были и некоторые надписи, ведь мы были знакомы с алфавитом и письменностью этой планеты. Робот анализировал, сопоставлял, советовался с Кью, запрашивал Тода и меня, консультировался у Кет. Наконец общими усилиями была найдена панель, где располагались органы включения энергии и связи.

— Пробуй, — приказал Тод.

Робот утопил клавишу, и в кабине послышались привычные шорохи динамиков, по жилам спящего корабля побежала энергия. Но нас сейчас интересовало другое.

— Подключи хранитель информации, — снова приказал Тод.

Робот нажал еще одну клавишу, и в кабине послышалось сначала легкое шипение, а затем заставивший всех вздрогнуть голос:

«Мое имя Дан Грем, я шеф-пилот воздушно-космической патрульной службы. Рассказать обо всем трудно, для этого нужно вспомнить всю жизнь, а времени уже нет, скоро я погибну, слишком сильная радиация. Видеозапись, наверное, тоже не выдержит, надежда только на защищенный «черный ящик», в нем должно все, что мы говорили, сохраниться. Прощайте и простите нас...»

Несколько минут молчания, и динамик ожил многоголосием:

«— Дан, опять мы на орбите и опять все вместе, это прямо какое-то везение, а? Я часто вспоминал тот полет, ну и натерпелся я тогда, первый раз в космосе — и сразу такая переделка! Я тогда был еще капитаном, молодым, скажу прямо, струсил я тогда, честно признаюсь. Теперь-то я понимаю, что к чему.

— Да, поздравляю тебя, Юджин, ты здорово поумнел за это время, особенно это заметно по твоим плечам, где появились такие красивые и большие звезды, здорово шагаешь! Верно, Вирджил?

— Я тоже тебя поздравляю, Юджин, но еще больше я рад за тебя, что ты стал отцом, я видел недавно Сьюз, она рассказала мне о вашем сыне. Послушать ее — родился гений! И в кого из вас он так ловко считает? Ты давно уж отвык от вычислений, за тебя это делает компьютер. Бизнес получит в твоём сыне умного предпринимателя, а страна — новую звезду ученого мира! Извини, Юджин, я, наверное, неудачно пошутил, на меня что-то плохо подействовал наш срочный старт. Что за спешка, как на пожар! Я видел, что и другие корабли начали готовить к старту. Скоро конец третьего витка, а эфир молчит, ни единого звука, что за странная манера игры в молчанку?»

Вдруг громкий возглас:

«Грем, Вирджил, что это? Все от горизонта до горизонта светится ослепительным светом, что это, Грем? Это не северные сияния, из атмосферы вырываются исполинские грибы, они похожи... на шапки атомных взрывов...»

Гнетущая тишина продолжалась несколько минут, только легкое шипение в динамиках, как змея, вползло в наше сознание пониманием неотвратимой беды.

«— Это война, парни, это рвались ракеты, бомбы, это вспенилось море, смотрите — внизу ничего нет, словно и не было, под нами сплошные разрывы, нет больше жизни, парни, считайте, остались мы одни, больше никого, никто не ответит нам.

— Что же делать, Грем, Вирджил, что делать? — слышался всхлипывающий голос.

— Читай свои дурацкие инструкции, там ты прочитаешь, что ты сильнее всех, что тебе все можно, да, теперь ты много можешь, когда кругом тишина! — Голос Грема был груб и тверд. — Теперь даже ты, отец, не отличишь жены и сына от камня — теперь все едино, теперь все сначала, если есть кому начинать! Господи, прости нас, сильных и слабых, прости нас, неразумных!»

Послышался грохот. И тишина. Томительная тишина. Мы вслушивались в шорохи динамика, всматривались в него с надеждой на чудо.

«— Грем, очнись, Юджин застрелился, мы остались вдвоем. Очнись же наконец, старина, прошло уже пять витков, внизу ничего нет, одна пустыня, словно и не было ни городов, ни полей, все как будто смыло гигантской волной. Юджин не выдержал, пустил пулю в лоб;

я не успел, да и не хотел ему помешать, ему теперь легче, чем нам, Грем.

Грем, старина, что мы будем делать, жизни осталось на трое суток, кислорода больше нет, полет-то планировали туда-сюда, аварийных запасов нет, садиться некуда, да и там смерть, излучение дьявольское, там везде смерть. Наш полет оказался не туда-сюда, а только туда. Дан, мы тоже умрем, только надо выбрать где... Я уже выбрал, Дан, прости меня. Я выйду из корабля, поднимусь повыше и останусь там, насколько хватит кислорода. Я хочу остаться там, на орбите, один. Навсегда. Я виноват перед всеми, кто жил на нашей несчастной планете. Я ученый, а не сумел помешать всему этому безумию, очень хотел, но так и не смог, все не верилось, что такое может быть, все думал, что кто-то помешает, что кто-то не допустит, что чей-то разум и сила воспрепятствуют этой дикости, а сам не боролся, не хватило мужества. Не осуждай меня, Дан, тебе останется шикарный корабль на одного. Дан, весь мир тебе останется на одного, не правда ли, многие мечтали бы о таком?

— Я тебе не буду мешать, Вирджил. У меня тоже не хватило сил остановить все это, тоже не верилось, даже после того полета... Вирджил, ужасно смотреть вниз, не могу смотреть туда, не могу туда смотреть, не могу, мне страшно, Вирджил, впервые в жизни страшно. Где мой внук? В камне? В облаке? В каплях дождя? Где, скажи, Вирджил, ведь ты ученый, скажи мне, скажи... Ты надеваешь белый скафандр? Ты это здорово придумал, как саван... Дай я тебя обниму, мой ученый друг. Ну а теперь я надену на тебя гермошлем. Иди, Вирджил, иди, а то я не дай бог заплачу, а еще хуже — заплачешь ты, я знаю, ты это умеешь делать. Теперь иди, я закрою за тобой люк. А я, Вирджил, решил умереть там, внизу, я решил посадить наш корабль и умереть там, возле дома, на старом соленом озере, откуда мы начинали. Иди, Вирджил, иди, я тебя буду помнить до конца своей жизни... до скорого конца».

В динамиках тишина... потом опять голос Дана Грема:

«Вирджил, я тебя вижу, ты машешь рукой, прощаешься, прощай, друг, ты стал уже звездой, яркой звездой, Вирджил. Может, пройдет много лет, и тебя найдут, и увидят, какими мы были, они увидят тебя таким же,

какой ты сегодня, ты не состаришься для них, Вирджил, прощай, я готовлюсь к посадке».

Из динамика еле слышно прошелестел далекий голос:

«Прощай, Дан, наш корабль красив, как никогда, он огромен, посади его мягко, пусть хоть он останется на планете, пусть через него узнают другие, что мы умели, прощай, я отключаю связь, Дан. Да, Дан, если вдруг кого встретишь там, внизу; расскажи, что это не мы, расскажи, как мы умирали. Прощай, я открываю клапан... Разгерметизируюсь... Прощай...»

Щелчок, тишина...

Мы поняли все, мы поняли, что ждать и искать нечего.

— Возвращайся на бот, старт через десять минут, — приказал роботу Тод.

Мы стояли молча, склонив головы. Прощай, планета, мы расскажем о тебе, о твоём разуме, погубившем себя, мы расскажем о тебе всем, носящим разум.

СОН

В ближнем космосе загорелась новая звезда. Космический корабль чертил свой путь среди множества неподвижных звезд. Это был полет в интересах будущих экспедиций в дальний космос, к ним, к этим немигающим и «вечным» звездам. В корабле двое. Бен — чернокожий парень из Африки, которому предстояло самому познать космос, невесомость, радость взлета и тяжесть посадки. С ним летел учитель — огромный белый гигант с черными глазами, в которых, казалось, вместились глубина бездонного космоса.

Рев двигателей прекратился, корабль унял дрожь, которая, словно трепет перед бескрайними просторами Вселенной, сопутствует выходу на орбиту. Наступила невесомость.

— Харри, а невесомость — это чудо, мне так легко и радостно! — прокричал из своего кресла Бен.

— Не кричи так сильно, Бен, двигатели уже не работают, можешь говорить тише, я хорошо тебя слышу, хотя я очень и очень старый. А невесомость — это действительно прекрасно, но подожди, она, как сладкий сон, убаюкивает и притупляет осторожность, а потом незаметно подкрадется расплата. Это было уже не один

раз. Когда станешь летать чаще, тебе, как и всем, станет грустно, радость уйдет: для тебя корабль станет Землей, и потянет куда-то еще и еще дальше, в... для вас еще не изведенное, но такое же близкое, как и нам.

— Харри, как странно ты говоришь, как странно звучат твои слова «для вас». Кому и что уже близкое? — переспросил Бен, тревожно глядя на Харри.

— Потом, Бен, не спеши, скоро ты все поймешь. А сейчас смотри вниз, скоро под нами проплывет Африка — твоя родина, Бен. Ты все знаешь о ней, о своем прошлом, о прошлом своего народа, предков?

— Да нет, конечно, Харри, как я могу знать все, мой дед Банту много рассказывал мне о прошлом, о наших предках, пересказывал мифы, легенды, истории. Но ты знаешь, он и сам-то многого в них не понимает, говорит, что так сказал ему его дед, а тому деду его дед... Даже некоторые слова в этих историях потеряли свое значение, и никто не знает, что они означают. Рассказы деда похожи на магнитофонные записи, к сожалению, без видеоканала. Если увидеть все, о чем он говорит, многое прояснилось бы. Но они очень интересны, Харри. А сколько, наверное, забыто, безвозвратно потеряно, так что я очень мало знаю.

— Нет, Бен, ты знаешь и помнишь много, просто не было нужного момента, чтобы твоя память проснулась, она в каждой твоей клеточке, не удивляйся, она в тебе, Бен, она еще проснется и, может, здесь, в космосе...

— Вот она, моя Африка, как она красива, Харри, как она прекрасна! Сколько разных красок на лице моей родины, они как яркие драгоценные камни на маске древних, как переливаются эти камни в лучах Солнца. Харри, Харри, смотри, вон там джунгли, в них, я знаю, старинный город с разрушенными храмами. Дед рассказывал, что белые раскопали там бронзовые изваяния правителей, он помнит все их имена.

А это лента Нила, пирамиды Египта, я был среди них много раз, уму непостижимо, как они все это построили тогда, без машин, без кранов, без дорог. Вон храмы Зимбабве, а там храмы Лалибелы. Харри, а ты был в Тассили? Не правда ли, чудо в пустыне, прямо как мираж! А раньше, дед говорит, там были травы, гуляли стада. И там, где сейчас песок и зной, жили племена людей! Выдумывают эти старики, что ли?

— Горы Лалибелы очень тверды, там трудно высекать что-либо, — ответил Харри и, повернув ладонь

вверх, посмотрел на длинный красноватый шрам, бугром вздымавшийся от края до края ладони.

— А дед твой не выдумывает, была жизнь в Сахаре, была, дорогой Бен. Сахара была вся в джунглях... — Харри замолчал и, вздохнув, продолжил: — Вот видишь, Бен, ты уже много вспомнил, смотри внимательно на свою родину, запоминай ее черты.

Проплыла величавая Африка, и корабль несясь теперь над волнами океана навстречу Австралии. Бен все еще смотрел вниз, и видно было, что он еще там, над своим континентом, над его желтыми пустынями, голубыми реками, голубыми темными озерами, зеленой джунглей.

— Бен, надо работать, так я тебя ничему не научу. Ты еще много вспомнишь, не спеши. Давай займемся навигацией. Покажи, как ты будешь определять место корабля в пространстве, и рассчитаю траекторию трехдневного перелета к Луне, а я немного отдохну.

Встряхнувшись, словно пытаясь выбраться из сетей своих мыслей, Бен взялся за дело. Замигали индикаторы компьютеров, зазвучали их металлические голоса, телескопы стали обшаривать небесную сферу, разыскивая нужные светила. Бен оживленно переговаривался с компьютерами, то спрашивая их, то отвечая на их вопросы, делился с ними своими соображениями, корректировал их действия. Находилось место и для шутки. Особенно этим отличался главный компьютер Кью, так его прозвали космонавты.

— Мастер Бен, вы сегодня плохо выглядите, не больны ли или плохо спали в стартовую ночь? Вы даже чуть побледнели, — ровным голосом проговорил он.

— Да нет, спал. Хорошо, ничего не болит, — ответил Бен, пропустив мимо ушей слово «побледнели», которое, конечно же, ну никак не подходило к его иссиня-черному лицу. Потом все-таки догадался о тонкости «электронного» шутника и отпарировал:

— Кью, я посмотрел в твои ящики, там почему-то нет фетра.

— А что? — не понял Кью.

— Чем же ты будешь протирать свои линзы? Это же надо, перепутать белое с черным! У меня нормальный, здоровый, черный цвет лица, запиши это в свою ячейку контроля моего здоровья. Вот я тебе подкину сейчас такую задачу, что твои электроны будут носиться в твоей железной голове так, что она станет красной,

а может, и раскалится добела, вот тогда ты наконец узнаешь, что такое головная боль. Запросишь таблетки, да только глотать тебе их нечем...

— Расчеты окончены, — сухо, чуть обидевшись, провозгласил Кью.

Бен посмотрел результаты расчетов, дружески подмигнул Кью и передал их Харри.

— Молодец, Бен и... ты тоже, Кью, подумайте теперь о сходе с орбиты, аэродром запасной в Центральной Африке. Готовность расчетов через пятнадцать минут.

Бен кинулся к измерителям, длинные его пальцы забегали по клавишам, но не музыка лилась из-под них, а сухие цифры. Бен от усердия даже чмокал своими пухлыми губами, издавая причудливые звуки.

Высокий черный лоб то прорезывала глубокая складка, то он становился ровным, гладким, словно волна пробегала по воде и терялась в ее просторах.

Харри ласково посматривал на Бена из глубины своего кресла, делал пометки в своем журнале.

«Все мысли можно прочитать на лице, вот оно, африканское простодушие, — размышлял Харри, — дорого же оно вам обошлось, это ваше простодушие...»

Так, от задания к заданию, прошел день. Наступило время отдыха. Поужинали. Бен, захлебываясь от восторга, все рассказывал Харри о своих впечатлениях первого космического дня. То и дело заглядывая в иллюминатор, он пытался говорить с набитым ртом:

— Вон там Баальбек, вон там Пальмира, вон там...

— Ты хорошо знаешь историю, Бен, сегодня тебя ждет еще и приятный сюрприз, так что ложись поскорее спать.

— А сюрприз? — простодушно заявил Бен. — Харри, учитель, ты обещаешь сюрприз, а сам укладываешь меня спать! Не думаю, что ты положил мне сюрприз под подушку, как это делают детям? Не во сне же я получу его, Харри?

— Получишь, получишь, я говорю правду, ложись, отдыхай и спи, — улыбнулся Харри.

Бен уплыл в свой отсек, умылся, расправил спальный мешок, включил кондиционер, поставил индикатор успокоения на шум листвы и запах джунглей...

«Надо спать», — подумал он.

Но, не утерпев, заглянул опять в иллюминатор. Под

ним была уже ночная Африка, города ярко светились огромными светлыми пятнами.

«Сколько огней в сегодняшней Африке, скоро для джунглей места не останется, — думал он. — А вот огромное темное пятно, огней совсем нет. Наверное, Сахара, — догадался он. — А что делает Харри, наверное, анализирует результаты моего труда, наш неутомимый учитель. И почему он такой? Все космонавты преклоняются перед ним, прямо как наши предки перед богом, его знания кажутся бесконечными, а умение во многих делах настолько совершенно, что порой казалось, что автоматы боятся и слушаются его мысли. Наверное, они тоже «склоняют» свои электронные головы перед его гением.

Ну ладно, надо спать, а то учитель заметит нарушение режима, автоматы запишут в регистратор отклонение от программы дня, а этого допустить нельзя — полет-то контрольный. Эх, если бы можно было заглянуть в будущее, прошлое, посмотреть на ту, старую Африку...

Что это? А, вспомнил, мне говорили, что это космические излучения, они попадают на сетчатку глаза и вызывают такие странные и интересные картины — сполохи, дуги, светящиеся траектории. Надо же, как интересно, и спать не хочется... не хочется... не хочется».

Мысль ускользала, дыхание стало менее глубоким, ровным... Бен спал...

На экране внутреннего обзора на Харри смотрело лицо Бена. Глаза были закрыты, припухлые губы делали выражение лица по-ребячески любопытным и чуть капризным, широкий нос придавал мужественность и значительность, курчавые волосы, как грозовые черные тучи, обрамляли лицо.

«Сколько противоречивых черт в этом лице, как будто вся история Африки отражена на нем: и величие, и покорность, и доброта, и жестокость. А все вместе — хороший, умный африканец Бен.

Ну что же, пора и делать сюрприз — история Африки не коротка, ночи еле хватит».

Харри достал прибор, бережно, даже ласково погладил его и включил, внимательно вглядываясь в лицо Бена.

По лицу Бена прошли волны, лоб стал морщиниться, как от боли, губы зашевелились, глаза распахнулись

в удивлении и снова закрылись, руки то сжимались в кулаки, то раскрывались призывной широкой ладонью, то обнимали кого-то, то грозно замахивались на невидимого врага. Казалось, Бен жил стремительным сном, переживая и полностью находясь в его власти... Бен спал, но мозг его видел...

...Вот черное, злое небо, ветер, дождь, пригибающий джунгли. Кучка продрогших косматых людей бежит, спасаясь от ненастья и молний. Удары грома, яркие вспышки заставляли падать несчастных на землю, где, дрожа от страха, они сжимались в комок, похожие на большие шевелящиеся камни. Вот они вскакивают и бегут, на лицах людей страх, ужас гонит их вперед и вперед. Звери, похожие на тигров, львов или леопардов! Они крадутся по пятам, выбирая удобный момент для убийственного броска. Глаза их горят, лапы сжимаются, бока дрожат от нетерпения, пасти скалятся, обнажая длинные, как кинжалы, зубы...

«Надо им помочь, предупредить», — думает Бен, но язык его не шелохнулся, ни единого звука не вырвалось из его горла, он продолжал спать и видеть.

Вот один из несчастных людей стал отставать. Вожак сверкнул глазами, сделал призывный знак рукой вперед и продолжал бежать, увлекая всех за собой. Возле него, удерживая детеныша, вцепившегося в мохнатую грудь, бежала рослая женщина. Она тоже увидела отстающего, и в глазах ее промелькнули жалость и отчаяние. Предупредительный вопль ее долетел до отставшего, и он рванулся вперед. Но было поздно. В этот момент хищник молнией свалился с дерева, и душераздирающий крик жертвы, хриплый и обреченный, пронесся над толпой. Зверь терзал окровавленное трепещущее тело.

Толпа косматых людей, похожая на испуганное стадо животных, ринулась вперед еще быстрее... Тьма джунглей поглотила их.

Картины сна, молнии над джунглями перемешались со вспышками в глазах, Бен жил в двух мирах одновременно... в одном он страдал, падал и побеждал... в другом он отдыхал, созерцая жизнь прошлого.

В сознании Бена возникла гористая местность... Видимо, туда добрались несчастные беглецы. Но теперь они были вооружены каменными топорами, в руках у них длинные крепкие ветки, заостренные на конце, с привязанными острыми каменными осколками.

«Надо же, уже и копья и топоры, вооружены, слава богу», — промелькнула мысль у Бена.

Вот вожак призывно кричит, и мужчины сбиваются в общую кучу, толпа смотрит на вожака. Он начинает подпрыгивать, размахивая топором, гордо выпячивает голую грудь и бьет в нее кулаками. Гул, как от африканского барабана, разносится вокруг. Вожак бросает топор, хватается копьё, делает движение, как будто бросает его, хватается топор, разрубая со свистом воздух. Топор то вздымается вверх, то с силой опускается вниз.

«Как будто рубит что-то. Наверное, показывает, как он будет убивать и разделявать добычу», — догадался Бен.

Толпа с воплями последовала примеру вожака. Это было ужасное зрелище: сильные косматые полулюди-полузвери гримасничали, кривлялись, высоко подпрыгивали, сильные их руки-лапы, как толстые сучья деревьев на сильном ветру, раскачивались, каменные топоры с силой врезались в мягкую, влажную землю. Вокруг них вздыбилась изрытая, черная земля вперемешку с корнями и травой.

«Наверное, позже они догадаются, что так можно и землю пахать», — подумал Бен.

Но вот наконец вожак замирает, замирает и толпа. Взгляд вожака устремлен к женщинам и детям. Те увлеченно хлопают себя по животам, очевидно, показывая готовность дружно уничтожать охотничьи трофеи мужчин. К вожаку подходит высокая женщина, обхватывает его сильными руками и прижимается к нему.

«Надо же, уже тогда обнимались? — удивился Бен. — А я-то думал, что они так греются, когда видел под дождем обнявшиеся фигуры, а может, сначала грелись, а теперь поняли, что это приятно...»

Но вот вожак осторожно освободился от могучих объятий своей подруги и поднял руки вверх. Толпа охотников последовала его примеру, в руках у них были топоры и копья.

«Проверяет оружие, что ли? Вот это вожак», — отметил Бен.

В джунглях возникла сцена охоты. Крадучись, словно пантеры, черные люди скользили бесшумными тенями от дерева к дереву, всматриваясь в густую листву и траву. Из листвы дерева высунулась любопытная мордочка обезьяны. Неосторожность ей дорого обошлась —

мгновение, и, пронзенная острой ветко-копьем, она свалилась вниз с жалобным криком. Удар каменным топором, громкий всхлип, и тишина леса восстановлена вновь. Толпа согнутых людей устремилась дальше, а обезьяна беспомощно болталась на плече одного из охотников. Он направился в стойбище.

Вот из травы показались очертания огромного слона. Заметив крадущиеся тени, он задрал хобот и проревел сигнал опасности. Самка и детеныш бросились наутек, а самец, грозно склонив голову и выставив гигантские бивни, стал разъяренно топтать ногами и угрожающе трубить. Тени замерли, а потом, медленно окружив слона, стали стягивать кольцо. Слон удивленно и тревожно замолчал, маленькие его глазки беспокойно забегали, голова судорожно замоталась то вправо, то влево, но везде были дерзкие маленькие черные тени. Почувяв в этих, казалось бы, беспомощных тенях опасность, слон, отчаявшись, рванулся вперед, размахивая, словно дубиной, могучим хоботом. Вожак иступленно завизжал, и все скопом кинулись на слона.

Трещали копыта, стучали топоры, отлетая от «железных» бивней, хрустели кости, черепа... Все смешалось в огромную, страшную шевелящуюся гору, из которой летели стоны, хрипы, вопли людей. Казалось, что эта огромная шевелящаяся гора катилась по джунглям, оставляя после себя раздавленные, пронзенные бивнями, окровавленные жертвы. Слон мужественно боролся, разбрасывая охотников в стороны и прокладывая себе дорогу. Охотники падали, вскакивали и опять и опять бросались на жертву, терзая ее уколами, ударяя топорами, в отчаянии пытаясь впиться в него зубами, ломая их о толстую шкуру. Слон превратился в кровавое месиво, кровь слона перемешалась с кровью охотников. Наиболее опытные и хитрые охотники старались пронзить копьем глаза слона, другие забирались на ветки деревьев и прыгали оттуда ему на спину, ударяя его куда-то за огромными ушами. Очевидно, это было самым нежным и уязвимым местом гиганта. От этих ударов он визжал и терял самообладание, действия его становились все более вялыми, и вот он уже рухнул, раздавив при этом нескольких неосторожных охотников. Тотчас на его тушу вспрыгнули вожак и несколько молодых, сильных охотников. Победный клич, «барабанные» звуки от ударов кулаками в мощную грудь, дикая, радостная пляска слились в какую-то вакханалию.

«Как же они его донесут, — подумал Бен, — или все сюда прибегут?»

Тем временем охотники стали в круг, протянули руки к небу, и единый мощный трубный рев покатился по джунглям. Он был сильнее рева слона, рыка льва, рычания тигра... А охотники, подчиняясь единому ритму рвущегося из их груди рева, раскачивались на своих толстых косматых ногах и по единому вскрику ударили каменными топорами. Искры летели от ударов, осыпая головы охотников, от чего картина поверженного слона, пляшущих и ревущих людей, искр, сыплющихся на них, стала похожей на картины магических сил, которым поклонялись древние африканцы.

День, яркий свет; седой старик, сидящий на шкуре, покрывающий замшелый камень, рассказывает что-то сидящим вокруг него.

«Старейшина, — заметил Бен, — наверно, пересказывает легенды глубокой старины, как мой дед Банту».

В сознании Бена оживала картина рассказа старика... Черное небо, космос, далекая яркая звезда. А где же Солнце? Его нет на небосводе. Но свет заливаст Землю, это свет от далекой звезды. Вот в чем дело! Вот она, звезда — источник света, затмившего Солнце, но она далеко, она в глубоком космосе! Звезда на глазах становилась ярче и ярче, белый свет заливал все вокруг. Старика рассказчика сменяли другие старцы, как бы передавая друг другу легенду меняющегося мира. На глазах Бена сменялись поколения за поколением. Нестерпимый свет заполнил все вокруг, звезда окуталась облаком, вспорхнула, как бабочка, расправив крылья. Эти крылья ширились в своем могучем взмахе, и вот уже одни они, эти гигантские крылья, несутся в бесконечном безмолвии безбрежного океана Вселенной, теряясь в ее просторах и тая.

«Что же это? — старался осмыслить происходящее Бен. — Да ведь это взрыв звезды, описания его передавались нашими братьями-пигмеями, о нем рассказывают легенды Китая. Но при чем здесь взрыв сверхновой, какая тут связь с Африкой?»

А следующий старик, так же как и его предки, собрав вокруг себя соплеменников, продолжил повествование. Возникла картина ночного звездного неба.

«Где же Луна, — взволновался Бен, — ее и раньше не было! Где же она?»

Тщетно вглядывался Бен в темноту неба, Луны дей-

ствительно не было. В черноте космоса возникли одна за другой яркие светящиеся точки, они стремительно приближались к Земле. Вот одна из них вспыхнула, пронзая атмосферу планеты. Одна за другой метеоритной дугой они терялись где-то за горизонтом.

«Метеоритный поток, что ли?» — старался понять Бен.

Опять возникли картины общины. Коленопреклоненные черные люди. Они склонились перед причудливой чечевицеобразной формы глыбой. Вокруг обгорелая трава, поваленные деревья. И вдруг на гладкой поверхности глыбы ярко высветился эллипс.

«Да ведь это же космический корабль, а светлый эллипс — это, наверное, люк», — догадался Бен.

Из люка вышел белокурый исполин с иссиня-черными глазами.

«На кого-то он похож, где-то я его видел, видел не один раз», — промелькнула неясная мысль у Бена. И он снова весь ушел в созерцание происходящих событий.

Белый исполин призывно поднял руку и начал говорить, волна черных коленопреклоненных людей охватила его, как прибой.

— Мы прилетели к вам от звезды, которая погибла. Она взорвалась от нашего незнания и неумения управлять ее энергией. Мы были неосторожны и жаждали все больше энергии от нее, и она вышла из нашего повиновения. Мы погубили звезду, давшую нам жизнь. Солнце — подходящая для нашей жизни звезда, но всемогущий разум природы подарил ее вам, людям, она — ваша звезда. Мы не знаем, с кем говорить на вашей планете, у кого просить разрешения остаться на ней, у вас нет единого государства, вы разбросаны на планете, как семена жизни в огромном поле. Нас осталось очень мало, мы научим вас многому, научим не спеша и не мешая идти своей дорогой, мы поможем вам. Примите нас, скитальцев Вселенной, бездомных, неразумных, загубивших свой дом и свой живительный огонь — звезду. Мы научим вас сохранить свое светило, дающее вам тепло и жизнь всему живому и неживому.

В корабле нас двое. Я — космолетчик и хранитель знаний, мое имя Гон, имя моей жены Хара. Вашей планеты достигли и другие корабли. В каждом корабле мужчина и женщина. Мы хотим стать вашими друзьями. Но мы не только пришли к вам, не спросив согла-

сия, мы несем вам и беду, большую беду. Скоро придет наш основной корабль, он огромен, хотя и меньше вашей планеты. Будет большая беда, но мы спасем вас. Мы умеем быстро летать в вашем небе, нам хватит времени предупредить вас и попытаться спасти. Простите и поймите нас, люди, носящие в себе разум!

«Черный вождь ведь ничего не понимает, зачем белый гигант говорит ему все это?» — взволновался Бен.

Видно, это понимал и Гон. Он остановил свою речь и продолжал:

— Когда придет наш основной корабль, он остановится около вашей планеты, Земли, — опять поправился Гон. — Наш корабль будет лететь около нее, на небе появится большая близкая звезда. Но, когда придет корабль, поднимется огромная волна. — Он опять замаялся... — Вождь, — обратился Гон к единственному чернокожему, который слушал его с поднятой головой, — ты знаешь, что такое... — он подбирал слова, — что такое... большая вода?

Гон для убедительности поднял руки над головой.

Вождь закивал головой и произнес первые слова.

— Ты бог, ты знаешь силу огня, ты его укротил. Он твой раб, ты носишь его с собой. — Вождь показал на корабль. — Ты можешь зажечь траву и лес, зажарить быка. Научи нас это делать. Холодно дожидаться, когда боги зажгут огонь с неба. А если и зажгут, его трудно сохранить, дожди заливают его. У нас старики и дети, они умирают без огня. Хранители огня держат его в пещерах, кормят его деревом, но приходят другие и крадут его у нас, убивая людей нашего племени. Помогите нам, добрый бог.

Исполин улыбнулся:

— Научим, научим, это очень просто. И вам не надо будет убивать друг друга из-за огня. Он будет у всех, и когда надо будет, вы сможете позвать его к себе.

— Покажи, как это? — попросил вождь.

Исполин поднял руку, молния сверкнула в его руке, тонкий синий луч зажег траву, раздробил камень.

«О таком же пришельце с громовым оружием, способным на большом расстоянии убивать птиц и зверей, зажигать деревья и кусты, рассказывают легенды индейцев каяпо в Америке, — отметил про себя Бен. — Наверное, там был товарищ Гона».

Вождь склонил голову и что-то забормотал, а его

чёрнокожие соплеменники еще сильнее вжались в траву.

— Подними голову, вождь. Я не бог. Я такой же, как ты, но из другого мира, который был отсюда далеко-далеко. Это хорошо, что ты знаешь про большую воду. Мне легче тебе объяснить. Когда на небе появится большая холодная звезда — наш корабль, поднимется большая вода. Она поднимется высоко и затопит много земли.

Надо уйти в горы, высоко в горы, и переждать там большую воду. Она потом уйдет. Но многие могут погибнуть. Я хочу, чтобы вы не погибли. Поэтому я здесь, поэтому мы прилетели к вам заранее. Потом мы научим вас работать, строить жилища, пасти скот, научим петь и рисовать, а сами уйдем в далекие горы. Вы нас не будете замечать. Живите своей жизнью. Только в крайних случаях мы будем являться вам, чтобы открыть глаза на события и вещи, подсказать, но без насилия. Вы, носящие разум, сами должны выбрать свой путь среди бесконечных дорог Вселенной.

Он опять легко улыбнулся, понимая, что вождь не способен все понять, и он не знал, как с ним говорить доступнее и проще, что может воспринять примитивный пока мозг вождя племени. Но долг и правила косморазведчика обязывали его сказать эти слова, слова установления доброго контакта.

— Может, мы уйдем на другую планету, но одна из них холодна для нас, другая — слишком жаркая. А пока попробуем переделать под свою жизнь вон ту, смотри, она красноватая. Там нет зарожжденного разума, мы можем ее заселить, но сейчас она для нас непригодна: мало кислорода, дышать нельзя. Понимаешь, вождь, нельзя дышать,— Гон показал затрудненность дыхания судорожным вздохом.

Вождь закивал головой, однако видно было, что далеко не все ему понятно и он делает вид понимающего, чтобы не упасть в глазах своих соплеменников.

— Мы построим там, на красной планете, хранилища-жилища, огромные пирамиды, в которых мы жили на своей планете, а потом попытаемся сделать планету пригодной для нашей жизни. Она потом, далеко потом, и вам сможет пригодиться. Так что мы лишь ваши гости.

«Это он про Марс говорит, — определил Бен, следя за взглядом гиганта. — Вот откуда там эти огромные

пирамиды, а лицо женщины, это лицо их, пришельцев, женщины, оно зовет их, оставшихся с нами, зовет призывно, глядя на Землю. А мы-то ломали голову, кто мог это сделать».

Гигант говорил дальше:

— Вождь, знаешь ли ты где-нибудь недалеко высокие горы, туда надо идти, идти всем вместе, сейчас, иначе будет поздно.

— А хранилище пламени? — спросил вождь, указывая на космический корабль.

— Моя жена, Хара, в нем переждет это время там, далеко вверху над Землей, вода их не достанет.

Хара, стоя в люке, кивнула головой, ее глаза светились добром и материнской лаской.

«Какая красивая, стройная, сильная, действительно как богиня», — подумал Бен.

— Возьми для нее мясо козла, мы недавно пришли с удачной охоты, вы наши гости, вот вода. Ей надо пить и есть, — предложил вождь, — или боги живут без воды и пищи? Мы всегда оставляли после охоты вам, богам, часть добычи вон там, на том дереве... и к утру все исчезало, вы, боги, брали нашу еду и благословляли на другую удачную охоту. Не откажи, великий гость.

— Хорошо, я возьму вашу пищу, она нам подходит. А теперь готовь свое племя к переходу, я пойду с вами. Сколько дней идти?

— Солнце зайдет три раза и три раза встанет, когда поднимется в четвертый раз, мы будем уже в горах.

Толпа чернокожих с детьми, с дубинками в руках, с топорами и копьями бредет по саванне, впереди черный вождь и белокурый исполин. На исполине свободные переливающиеся одежды, голова скрыта под шлемом, лишь глаза были видны сквозь небольшие прозрачные прорези. Могучие плечи стали как будто еще круче, выпуклее и мощнее. Было понятно, что это защитная одежда, укрывающая пришельца от неожиданностей путешествия. Движения пришельца были легки и даже изящны, он буквально скользил по земле, не зная усталости. А рядом шли, горбатясь, неуклюжие черные люди, лишенные одежды, и беззащитная их оголенность вызывала у Бена щемящую тревогу, но мысли его вернулись к пришельцу...

«Так вот откуда эта странная, непонятная для многих наскальная картина, которую называли иногда «Великий бог марсиан»... это же он, пришелец Гон,

в своем защитном скафандре. Как просто и ясно. Фигура на камне огромна, как Гон».

Люди устали, пришелец поглядывает на небо и топчет отстающих, указывая вверх. Все со страхом поднимают головы, тянут руки к небу, взывая к богам сохранить им жизнь. Женщины поднимают детей в могучих руках с мольбой защитить их. Исполин отчаянным жестом махнул на них рукой и стал терпеливо ожидать конца иступленной мольбы. Последние визгливые крики утихли, и наступила тишина...

И вдруг истошный вой ужаса и отчаяния пронесся над черными спинами. Кричали женщины, со страхом указывая в сторону леса. Туда бежал лев, а в его пасти чернело окровавленное тельце ребенка. Беспомощность таилась в позах людей, вождь в бессилии перед мощью и быстротой льва смиренно опустил голову, пряча глаза от умоляюще-призывного взгляда матери ребенка.

Пришелец резко вскинул руку и послал луч в убегающего льва. Треск, грохот, предсмертный рев льва... и он беспомощно лежит, разбросав свои страшные лапы. Мать бросилась к ребенку, старательно избегая смотреть на льва, клыки которого обнажились в смертельной гримасе. Но ребенок был мертв. Клыки сделали свое ужасное дело. Маленькое истерзанное тело лежало обезображенным кроваво-красным месивом. Мать бросилась на колени, протянула к пришельцу останки ребенка и запела песню прощения, подползая к белокурому исполину, обдирая колени об острые камни. Красивое темное лицо ее сияло каким-то внутренним светом, надеждой, в глазах горел огонь разума и понимания силы и умения гиганта, его нечеловеческих возможностей. Это была молитва ему, богу, все умеющему и все могущему, богу, способному сотворить чудо.

Гигант печально покачал головой, показывая жестами и словами, что его оружие может лишь убивать, но не воскрешать. Он поднял женщину на руки, прижал к себе и ласково, как ребенка, погладил ее по голове. Судорожные рыдания женщины затихли, и она уснула. Гигант двинулся дальше, унося спящую женщину на руках. Вождь и толпа двинулись за ним, озираясь по сторонам.

Гигант обернулся к вождю и что-то ему сказал. Тот радостно вскрикнул и быстро подошел к воинам. Повинуясь его приказу, воины окружили женщин, детей и

стариков. Теперь со всех сторон шли воины с оружием наготове. Пришелец довольно кивнул головой и пошел вперед.

«Как похожа несчастная мать на мою дальнюю прабабку, ее портрет нашли при раскопках в Бенине, в королевском дворце. Она была королевой. Как красив этот портрет, как прекрасна была сама королева — мой предок», — думал Бен, вспоминая этот удивительный портрет: робкая женщина, красивая, молодая, с большими удлинненными глазами, кажущимися совсем неземными. Высокая корона не сумела скрыть ее роскошные волосы, и они косичками свисали из-под нее, обрамляя лицо причудливым узором. Совсем девчонка, какая из нее королева? И губы капризно изогнуты, словно надулась на кого-то, взгляд потуплен, в глазах и женская грусть, и девичья задумчивость.

Мысли Бена формировались в какую-то единую систему, цепляясь друг за друга и выстраиваясь в логическую цепь, портрет королевы-предка заставил его вспомнить и о другом.

Ведь в королевском дворце Бенина нашли странную и непохожую на африканскую бронзовую голову. Черты лица были крупные, глаза огромные, глубокие, ни одной африканской черточки, отличие от бронзовых изваяний правителей, найденных там же, было просто поразительным. Тогда высказывалось предположение, что эта бронзовая голова от статуи одного из богов атлантов-гигантов. Промелькнувшее в памяти лицо Гона и странное бронзовое изваяние старины Бенина слились в портрет. Так вот кто был одним из африканских богов, это он, Гон — пришелец с неба, из другого далекого мира. А другие атланты? Конечно, конечно же, это были его друзья, опустившиеся с небес в далекой Америке, Азии, Европе... Так вот откуда странное и волнующее до сих пор религиозное совпадение — на всех континентах боги сошли с неба. Вот откуда легенды индейцев, вот откуда космический корабль инков, вот кто возил с собой китайского императора в космос, вот чьи старты нашли описание в индусских папирусах, вот о ком сложены легенды и мифы, вот они, материализованные боги.

Тем временем картина видения сменилась. Вот и горы, цепочка беглецов уже на вершине. Гон и часть чернокожих вают деревья, строят укрытия, заваливают камнями расселины, сооружая пютины. Другие

42
складывают на вершине запасы пищи, воды. Наступил вечер. Сложили огромные сучья, стволы деревьев. Гон зажег костер. Чернокожие замороженно смотрели, как в руке Гона родился огонь, как он перенес его к веткам, и огонь стал пожирать дерево. Уставшие люди собрались вокруг костра. Гон что-то им рассказывал, а они, как притихшие школьники, внимательно его слушали, учились, запоминали, Гон показал, как из шкур зверей делать одежду, как растереть колос и добыть зерно, как посадить его в землю, как поливать и беречь от ветра.

На следующий день Гон руководил строительством огромного загона. Таскали камни, рубили сучья, делали бревна. Чернокожие не понимали смысла строительства, но слушались Гона, смиренно выполняя его волю.

«Наверное, вот так же строили Стоунхендж, не понимая, зачем и что, но строили. Тот друг Гона, наверное, хотел показать возможности математики и астрономии с помощью грубых камней. Добился ли он своего, вот бы посмотреть историю Англии. А прекрасная Пальмира? Тот просветитель, наверное, хотел оставить людям силу красоты архитектуры — вот бы все это увидеть», — успокоенно думал Бен.

К вечеру в горы потянулись животные, они были чем-то напуганы, они чувствовали приближение беды. Хищники и антилопы бежали рядом, опасность соединила их. Гон расставил охотников, показал, что надо делать, и общими усилиями они гнали антилоп, быков и других животных в построенный загон. Хищников среди них не было, они отчаянно кидались в сторону, и загонщики-охотники пропускали их дальше в горы. Вождь и воины прыгали от восторга, загоняя из засад диких животных, но никак не могли понять, почему Гон не разрешает их убивать, а наоборот, велел их кормить и поить. И лишь когда кончились запасы и надо было идти на рискованную охоту, они поняли смысл этого нехитрого сооружения. Антилопы, зажаренные на огромном вертеле, были лучшей платой за затраченный ранее труд. В загон попали дикие козы и несколько козлят. Несчастливая мать, потерявшая ребенка, приласкала одного из них. Козленок терся твердым лбом о ноги женщины, она гладила его по спине, бокам, и слезы катились из ее глаз. Чернокожая взяла козленка на руки и прижала к своей мощной груди, как своего ребенка. Козленок заблеял. Прибежала коза и испуган-

но стала крутиться у ног женщины, постепенно приближаясь к ней. Вот и она потерлась своим мохнатым боком о ее ноги. Женщина нагнулась и погладила козу. Та притихла, уставившись на козленка, спокойно лежащего на руках чернокожей.

«Вот так, наверное, случай помог понять, что животных можно приручить, — подумал Бен. — Правда, Гон все равно бы научил их доить коз и коров. А смысленная была моя родственница, ничего не скажешь, молодец: и красива и умна».

Потемнело небо, молнии сверкали от горизонта до горизонта, ветер свистел, вырывал деревья с корнем и бросал их, как щепки, гибли люди, звери. Все живое жалось к вершинам гор. С неба хлынула вода, сметая на пути мелкий лес, размывая склоны гор. Рушились горы, унося в пучину воинов, женщин, детей, животных. Около Гона, стоявшего, как огромная статуя, пали ниц оставшиеся в живых. Вождь пел песню всемогущему богу, прося и умоляя вернуть им Солнце, покой и сохранить жизнь.

Гон стоял, подняв руки вверх, со стороны казалось, что он пытается удержать падающее небо, защитить несчастных людей, заслонив их от потока воды, сверкающих молний и страшного грома.

«Вот они, могучие атланты-боги, по образу которых создано столько скульптур, столько построено храмов, вот он, прародитель атлантов — бог Гон», — вспомнил Бен великолепные каменные статуи атлантов.

На горизонте вставала стена — это гигантская волна катилась по саванне, сметая все живое и неживое на своем убийственном пути. Деревья, огромные камни, слоны, носороги — все перемешалось в этой смертоносной волне, все стало единым, как когда-то.

«Господи, — прошептал Бен, — спаси их, спаси, они же мои предки, они же дали мне жизнь, за что выпали им такие страдания, за что?» В сознании Бена промелькнула картина фашистских концлагерей. Трупы людей бульдозерами сваливали в огромные рвы. Строй бульдозеров, как волна, пытался смыть позор и изверства над себе подобными, позор возомнивших себя богами.

«Сколько же страдало человечество, сколько нелепого, жестокого и неразумного совершил ты, человек», — рассуждал Бен.

Водяная стена подступала все ближе. Рев ее неся

вперед, сея страх и ужас. Перед волной бежали стада зверей, но они, устав и чувствуя бессилие и обреченность, останавливались и покорно ждали, опустив головы, отдавая себя всепожирающей лавине воды, камней и тел. Сильные звери обращались к лавине, рычали и даже бросались на нее, оскалив пасти и выставив вперед клыки, бивни, когтистые лапы. Поток захватывал их, крутил, бил, мял, и вот уже бездыханные тела появлялись на гребне гигантской волны.

Птицы камнем падали с неба, принося смерть и ужас сверху. Это был настоящий ливень из птиц, остроклювых, когтистых и смертоносных. Чернокожая женщина, прижимая к себе козленка, кинулась к Гону, прося защиты и целуя его ноги. Гон поднял ее, окутал плащом и простер над ней свою мощную руку, спасая от стихии. Так и стояли они рядом, могучий исполин с поднятой рукой, словно подпирающей небо, и укрывающий женщину, — символ продолжения жизни на несчастной земле.

Волна уже совсем рядом. Страх, кругом страх: и на земле, и в небе, в сознании людей, в их глазах и мыслях. Многие падали замертво, не выдерживая этого настоящего ада, всеобщей гибели. Дикие звери жались к людям, пытаясь у них найти спасение. Всеобщая дрожь охватила людей и зверей, дрожь страха и ужаса. Дрожала и земля. Казалось, горы встряхивают своими могучими плечами, пытаясь сбросить цепляющуюся за них жизнь. Соседняя гора раскололась, и из огромной впадины выплеснулась раскаленная лава, завершающая убийство. Облака пара, шипящей воды заволакивали все вокруг, раскаленный воздух сжигал легкие, люди судорожно кашляли, хватаясь за горло, вжимались в дрожащую землю.

И лишь Гон стоял, печально глядя на все происходящее, стоял и ждал, когда свершатся события, рожденные желанием его братьев и сестер, его народом. Он видел светлое будущее во мраке настоящего.

— Люди, — громоподобно обратился он к несчастным, — люди, вы будете жить, вы будете любить, рожать детей, и в этом ваша бесконечность, вы, как и мы, уйдете далеко в поисках носящих разум, в поисках себе подобных, в поисках друзей. А сейчас терпите, надо пройти через невзгоды, надо будет еще много раз умирать и вставать снова, чтобы продолжить жизнь, умножать знания, совершенствовать разум. Я отдам

вам Солнце, светящее и греющее днем, я освещу вам ночь, чтобы хищные звери не убивали вас в непроглядной темноте. Смотрите, люди, вот оно, ваше ночное солнце, его принесли вам мы!

Бен с трепетом наблюдал, как его темнокожие братья обратили свой взор на темное небо... Из-за горизонта вставало огромное, белое, холодное солнце.

— Это наш корабль, имя ему Луна, отныне это ваше ночное солнце, берегите его, берегите свою планету, берегите их, теперь они одно неразделимое целое.

Гигантская волна ударилась в горы, но, не дойдя до вершин, с грохотом и шипением стала сползать вниз, тучи развеялись, и звездное небо открылось взору, но, кроме звезд, в небе сияла Луна — виновница бед и подарок пришельцев.

А вода делала свое дело, взрезая горы, сметая лес с их отрогов. Горы стали голые, беззащитные, и лишь вершины сохранили изуродованные деревья. Гон поднимал лежащих без сознания людей. Вождь и красивая женщина помогали ему. Гон наклонялся над распростертыми телами, и они один за другим вставали, испуганно оглядываясь вокруг. Казалось, он вдыхал в них дух жизни, обладая чудодейственными чарами.

— Ты бог, Гон, ты навсегда останешься в нашей памяти, если даже уйдешь от нас. Ты не умрешь? Сколько ты можешь жить? — спросил вождь.

— Мы живем, сколько хватит сил и желания, пока не устанем и нам самим не захочется уйти из жизни, — ответил Гон, — Я увижу твоих потомков. И буду качать твоих далеких внуков, — сказал он женщине, укутанной в плащ.

Она доверчиво прижалась к исполину.

«Как хорошо, что Гон спас их, как хорошо, что спасли скот, зверей, лес, травы. Ведь теперь надо начинать все сначала. Можно быть спокойным, ведь с ними Гон и его друзья», — решил Бен.

И словно в подтверждение этих мыслей, в сознании Бена возникла другая картина. Преобразились люди, они стали стройнее; на них красивые одежды, женщины богато усыпаны украшениями. Пасется скот, быки тянут плуг, люди сеют. Стоят хижины, над ними дымок, лошади запряжены в нехитрые повозки. Веселая детвора бежит в только им понятном хороводе. Улыбки,

счастливые лица. А вот группа женщин, стройные, чернокожие, гибкие, как пантеры. Одна, украсив свое тело узором белых точек, несет в руке лилии, ее голову украшает традиционная негритянская прическа, в руках у другой, с бритой головой, небольшое легкое копье. А вот черная женщина с прической, напоминающей стрижку египетских жриц, она несет лук и стрелы. В середине группы возвышается еще одна женщина, в одной руке у нее лотос, в другой — лук и стрелы. Лук большой, как у мужчин, одежды ее не похожи на одежды других, прическа тоже.

«Какая-то она необычная, стройная, рослая, выше всех, в ней что-то не негритянское... — думал Бен. — Да она же белая... и черты лица ее совсем иные... это же жена Гона, Хара, это ее лицо, это она. Но где-то еще я видел это, как будто кинолента перед глазами, я видел это, видел... и это лицо, и эту сцену... Да, да, точно, видел в горах, в пещере Маше, в Южной Африке. Вот, стало быть, что высек на скале древний художник. Наверное, они шли упражняться в стрельбе из лука и метании копья. Мужчины уходят на охоту, а женщины не хотят быть беззащитными. Или Хара их учила быть наравне с мужчинами? А цветы зачем? Совсем забыл, ведь это же женщины, видно, уже тогда они не обходились без цветов. Женщины нашего времени много питали от своих предков.

А это что? Неужели они научились строить города? Кругом каменные кружева, колонны, законченные архитектурные ансамбли, площади, дома, ажурные стены, фрески... Действительно, настоящий диковинный город. Необычный город. Да это же Тассили! — догадался Бен. — Это же скальный город — гордость Африки. Его никто не строил, его построила природа, вымыв реками, дождями, ручьями в песчаном плато. В нем жили наши предки, получив от природы жилье и крышу. Может, и потоп, вызванный кораблем пришельцев, приложил здесь свою творческую силу архитектора? А сколько там чудесных рисунков на скалах и песчанике, да разве только в Тассили оставили нам свое творчество древние художники? Гон их научил, что ли?»

Древняя Тассили, прошел долгожданный дождь. Молодой вождь зовет на охоту. После дождя в водоемах много воды, туда на водопой придут звери, охота будет легкой, надо только уметь терпеливо ждать. Со-

бираются добровольцы. Их немного: вождь и два воина. Ведь теперь у чернокожих свой скот, и охота стала уделом сильных и смелых воинов...

Бредут по глинистому склону три воина, за спиной луки и стрелы, в руках длинные копья. Вождь, шедший позади, остановился и стал внимательно разглядывать что-то под ногами. Это следы другого воина, явственно проступившие на мокрой и скользкой глине. Вождь взял глину в руки и стал мять ее, бесформенный комок стал податлив, мягок. Вождь сжал сильный кулак, глина живыми змейками брызнула сквозь пальцы. Вождь засмеялся, игра ему понравилась. Огромный кулак еще и еще сжимал глину. Вот вождь разжал кулак и осмотрел кусок глины, лежащий на широкой ладони, на нем отпечатались его пальцы, трещины на коже. Но, видно, интерес вождя к глине пропал, и он дал знак двигаться дальше. Молчаливые воины шли впереди вождя, заслоняя его от неожиданного нападения с гребня откоса. Шедший правее воин поскользнулся и покатился по крутому склону. За ним тянулся причудливый след, борозды змеями извивались все ниже и ниже. Вождь смотрел вслед скользящему воину и улыбался его неловкости, а потом стал копьем водить по мокрой глине, стараясь повторить орнамент линий, оставленных на склоне падающим воином: черта, еще черта, кружок; точки, змейки переплелись в единый грубый чертеж... Поджидая спешащего снизу воина, вождь опять мял глину и лепил из нее шары, нанизывал их на стрелу, стал лепить еще что-то, показывая своему товарищу. И здесь... оглушительный рык раздался сверху, и лев взметнулся стремительной рыжей тенью. Вождь отбросил стрелу и схватил копье. Уперев его в глину и прижав ступней, он выставил острие навстречу летящему зверю. Глина подвела льва, он не допрыгнул до чернокожего человека и тяжело плюхнулся в метре от вождя; скользя и упираясь лапами, пытаясь затормозить свое падение, он все же налетел на копье. Это спасло жизнь вождя. Копье пронзило грудь льва и сломалось, а вождь отлетел от разъяренного хищника. Стрела проткнула бок льва — это метко стрельнул воин. Лев попытался взобраться по глинистому склону и покинуть поле боя. Еще одна стрела впила ему в лапу. Лев яростно прыгнул и исчез. Вождь собрал воинов и сказал:

— Льва надо убить, он ранен и безумен, он может

прийти к нашим хижинам и убить беззащитных женщин и детей. В погоню!

«Не так уж они беззащитны», — констатировал Бен, вспомнив женщин с луками и стрелами.

Кончился дождь. Сияло жаркое африканское солнце. Воины возвращались, шкура и голова льва были с ними. Вождь теперь шел впереди и пел победную песню.

Знакомый отрог. Сверху орнаменты падения, борозды недавнего сражения со львом, следы от рук и ног были еще причудливее. Все трое смотрели на эти следы и заливались громким смехом, вспоминая прошедшие события, кто куда падал, кто как карабкался.

— Твои следы похожи на следы кабана, — говорит воин. — А ты полз на четвереньках, как малое дитя, волоча тяжелый зад.

— А вон следы от льва, когда он упал на бок, смотри, как хорошо видны на глине его грива и передняя лапа. Жаль, что он не весь упал, а то бы был целый лев из глины, — поддержал воина вождь.

На глаза ему попалась отброшенная стрела с комками глины, нанизанными на нее.

— Смотри, Ассон, глина засохла на солнце и стала как камень, ей можно воевать, можно сразить небольшого зверя или птицу. Вот как кинуть его сильнее и дальше?

— Вождь, смотри, эти ссохшиеся комки глины похожи на носорога, только нет ног. Надо будет прилепить ему ноги, и будет глиняный носорог. Вдохнуть бы в него жизнь, и он побежит. Дети будут играть в зверей.

— Вдохнуть жизнь могут духи или боги, — ответил вождь, — об этом надо спросить жреца Коло-Коло. Он рассказывал, что боги, давным-давно приходившие к нам с неба, вдохнули жизнь в наши тела на горе жизни, там, где сейчас каменный город.

Воины пришли в селение и стали с жаром рассказывать о своем геройстве. Жена вождя недоверчиво улыбалась, вождь сердился и стал бранить жену. Слушатели разделились, одни верили охотникам, другие поддерживали скептицизм жены вождя. Голова и шкура их не убеждали. Тогда вождь приказал принести воды и разлить ее по глинистому участку. Воины, сопровождавшие вождя, поняли его замысел и размесили глину ногами, выровняв копьём. Вождь, высунув от напряжения язык, стрелой стал рисовать: черта —

склон горы, кружок и палочки — вождь, его руки, ноги, голова; еще черта — копье, вот другие охотники... лев, стрела в его боку и лапе, копье, пронзившее льва. Все с любопытством смотрели на творения вождя. Угловатые фигурки воспроизвели картину сражения... Солнце на глазах иссушило глину, придав картине твердость, нерушимость и убедительность. Сомнений не осталось: так было, лев был побежден героями-охотниками.

Податливый песчаник оказался лучшим материалом для художеств вождя. В тени песчаного города, в его прохладе проводил он долгие часы, вырубая на стенах картины охоты, стада быков и коров, слонов, жирафов, людей.

Лучшим его достижением была картина, на которой были изображены три изящные женщины, ведущие тихую беседу. В ней было столько изящества, пластичности, красоты и грации, что даже Гон восхитился ею.

Гон появлялся все реже, но уже не в роли бога, а в роли просветителя, несущего знания. Тем не менее его появление было для чернокожих настоящим праздником. Охотники надевали одежды, похожие на одежды Гона, копировали его движения, состязались. Гон тоже выходил на охоту, взявшись за лук и стрелы. Много дней трудился вождь над картиной охоты. На первом плане Гон, в своих странных одеждах, с луком и стрелами, вокруг охотники. Гон учил чернокожих плавить руду, обрабатывать металл.

Все реже приходил Гон, вожди искали власти, вражда охватывала племена. Отступала зелень джунглей, наступала пустыня, уходили звери, жить становилось труднее. Жажда захватничества овладела вождями. Пришла война и в эти края.

Сражение с врагом... Искалеченные тела, пробитые копьями и стрелами, пронзенные мечами, изуродованные тяжелыми дубинками. Племя проиграло бой и было обречено на гибель. Раненый вождь, скрываясь в лабиринтах песчаного города, совершил последний подвиг — изобразил на песчанике битву и себя, раненного, приползшего к жене с луком и последней стрелой, предназначенной для нее, чтобы не досталась врагу. Она мужественно приняла смерть, протягивая к вождю руки, она любила его своей первобытной любовью, верила, что он скоро к ней придет там, в другой жизни, в бесконечность которой они поверили от Гона.

Пустыня довершила разрушения, стерев с лица земли усилия людей. Лишь город природы да живопись на скалах могут рассказать историю племени.

«Так вот как ты погибла, Тассили, вот твоя история, жаль, что ты погибла, Тассили, безжалостны пески Сахары, но Африка жила и живет, много памятников мудрости и детства древних на тебе, моя Африка», — размышлял Бен.

Проплывали картины строительства королевского дворца Бенина. Из раскаленных тиглей темнокожих умельцев выходили золотые носороги, птицы, змеи, украшения, бронзовые отливки королей и королев, богов, изваяния Гона и его друзей. Опять завоеватели, разрушения, поверженные колоссы. Особенно впечатляли картины обучения искусству рубить камни, высекать из них дома и храмы. Церкви Лалибелы, упрятанные в толще огромной горы от глаз врагов, поражали гигантскими усилиями, потраченными на восхваление богов. И здесь войны, пожары. Конные тучи защитников ислама и разбитые лица «не тех» богов.

Египет, огромные пирамиды, строившиеся одна за другой. Гон сумел заложить астрономические знания в геометрию пирамид, зашифровав в них размеры Солнечной системы.

Важные фараоны сменялись один за другим. Жрецы, накопив знания и скрывая их от народа, все больше верили в свое божественное происхождение и силу среди огромных пирамид.

В храме Амона стоит живая статуя — Гон. Старый жрец беседует с ним, устало прищулив глаза, величие и самонадеянность на его морщинистом лице. Глаза, как глаза птицы, прикрыты пергаментными веками. Жрец не говорил, а вещал, упиваясь своим красноречием.

— Жрец, почему ты пытаешься спрятать наши учения от людей, почему знания, которые мы вам дали, выдаешь за свою мудрость, почему свое бессилие и невежество ты прячешь за вымышленными богами? Мы не приняли роль богов, зачем же ты укрепляешь в людях веру в то, чего нет? Не для этого мы ушли от вас! — обратился к жрецу Гон.

— Мы уже достаточно умны, чтобы идти своим путем, наши знания обширны, мы много знаем. Мы научились хранить в глиняных сосудах энергию света и тепла, передавая ее по медным проводам. Зачем всем

много знать, пусть знания будут уделом нас, избранных, мы будем указывать толпе, куда идти и что делать. Пахарь не может знать лучшей дороги, чем путь за волами и плугом, воин не может знать, как лучше жить и какая дорога нужнее, — медленно произнес жрец.

— Дорога для кого, жрец?

— Для нас и нашего народа.

— Ты лжешь, жрец. Знания ваши пока что как знания наших детей, ты преувеличил их глубину, ты заблудился, жрец. Много беды принесут наши знания, мы ошиблись, рано вверив их таким, как ты. Мы решили уйти от вас. В Америке индейские вожди и жрецы дошли в своем невежестве до человеческих жертвоприношений несуществующим богам. В Африке то же. В Азии полчища всадников истребляют людей и их труд, бросают стариков, женщин и детей с высоких башен. Многие забыли наши учения, знания, данные вам. Государства инков пришли в упадок, их истребили закованные в железо жестокие люди, неосторожные индусы разрушили взрывом город, пытаясь проникнуть в запретное ядро, дающее энергию, упрямые вавилонцы пытались построить башню, чтобы добраться до нас, невежды разрушили Пальмиру, прекрасные творения совместных трудов разрушаются и сжигаются. Лишь Атлантида шла по пути всеобщего знания и всеобщей радости, но ее постигла катастрофа.

Мы больше не будем учить вас, знания наши мы спрячем в горах Тибета, но вы не дойдете до них, не войдете в наши дома и библиотеки, вы их не сможете даже увидеть. Запомни слово Шамбала и не пытайся понять его — это суть наших знаний. Мы будем здесь, среди вас и рядом с вашей планетой. Опомнитесь, вернитесь к разуму созидания, утратьте жажду вражды и разрушений, жажду власти и угнетения. Жрец, люди поймут, что вы их обманули. Придет новое учение, и вас забудут. Люди не могут жить в тупой вере во всемогущих богов. Выбор должны сделать вы сами, люди, носящие разум.

Все исчезло из сознания Бена, он открыл глаза и, словно сбрасывая тяжесть прошлого, обвел глазами проплывающую под ним Африку.

— Вот это сон, — пробормотал Бен и почувствовал на себе внимательный взгляд.

Бен вздрогнул, поднял глаза и встретил взгляд глубоких, черных глаз Гона.

— Харри... ты Гон, ты бог и наш учитель, ты жив... — бессвязно вскрикнул он, пытаясь встать перед ним на колени.

— Нет, Бен, я не бог, а твой друг.

Под кораблем проплыла Африка, безбрежный океан лежал внизу, а бесконечный космос звал еще дальше и дальше...

ДЕРЕВНЯ

Собрание бурлило. Даже бабка Матрена выползла из своего дома и, потрясая тощим кулаком над черной косынкой, стала наступать на председателя.

— Тут все мои прожили, дому уж лет двести. Тут в одном хлеву знаешь сколько историй. Отсюда дед мой на войну ходил и сын мой ушел. Вон там, на погосте, вся родня лежит, акромья сына, он в Берлине упокоился. На вот, гляди...

Матрена вынула откуда-то из складок замызганный альбом и сунула его под нос председателю.

— Не дело затеяли, не дело, богопротивно это и людям не нравится, — тянула бабка, пока председатель небрежно листал альбом.

— Да, Матрена, я-то тут при чем? Сказали — будем затоплять, и точка, тут ГЭС будет, она ток даст заводу. На заводе трактора сделают. Трактор к нам в деревню придет. Пахать будем, не лошадьми, а железным трактором. За лошадью умаешься ходить, а трактор — он железный. Хлеб будет. Понимать это надо, Матрена. Чего ты мне свою родословную суешь. У многих погибли, что же теперь делать... — Председатель вытер потный лоб. — Ты, Матрена, думай, как свой скорб вытащить. Машина ждет.

— А зачем он, твой трактор, нужен?

— Как зачем? Пахать, сеять... Ты что, не доспала сегодня, что ли?

— Доспала. Я теперича много сплю. Что пахать-то будешь, ясная голова?

— Как чего, землю. Чего ты меня путаешь!

— Так ты ж ее затопишь, землю-то.

— Другая будет, туда и переселимся.

— А зачем другая? Чем тебе эта плоха? Родит хо-

рошо, скотина обвыкла. А? Зачем на другую землю кидаться-то?

— Да говорят же тебе — электричество надо!

— А зачем? — тихо спросила Матрена, положив руки как-то по-своему: и не на животе, а как бы вокруг него, сцепив впереди костлявые, раздувшиеся пальцы.

— Чтoб трактор... — Председатель плюнул. — Да сядешь ты наконец или нет?

— Раз кричишь, сяду. А правды за тобой нету. Не согласна я землю топить с домами, кладбищем и церковью. — Матрена вырвала из рук председателя альбом и села. — Все по подсказке живешь. Марсианин ты, а не человек!

— Что, что? Какой я тебе марсианин? — председатель даже обиделся. — Ты чего мелешь, старая?

— А вот то и мелю, чтoб так землю не любить, так надо на другой планете родиться. Вроде как на Марсе. Чужой ты этой земле. Чужой. И людей ты сюда понагнал чужих, чтoб им больно не было. А нам вот больно. По сердцу своими бульдозерами поедешь. — Матрена безнадежно махнула рукой и пошла к выходу. За ней потянулась вся деревня. В дверях она оглянулась и сказала: — Не пустят они тебя, увидишь, не пустят.

Президиум оторопело смотрел вслед сгорбленным спинам. Последним в дверях скрылся дед Афанасий. Молчали... Первым встрепенулся молодой бульдозерист из бригады, что сидела в дальнем левом углу нахохлившейся кучкой.

— Хватит тебе антимонию разводить, Никанорыч. Впервой, что ли? В каждой деревне такие находятся. И вот цацкаются, и вот цацкаются. План надо делать. План.

— А тебе б побыстрее дома повалить и к Варьке.

— А заработок? Мне жить надо. Полдня уговариваем, полдня работаем. Да провалитесь вы с вашими уговорами. Как на войне надо: приказали — и вперед... Вон у меня братан в Афгане...

— Уймись, — прервал его Никанорыч. — Помоги пойди узлы покидать в машину. Родились они здесь, понимать надо.

— Десятку надбавь, пойду. А задарма, ищи дурака. — Павел сунул руки в карман и боком пошел к выходу.

— Да ладно, выпишу я тебе премию на десятку. Помоги, Христа ради, чего-то тревожно мне.

— Бабка тебя растрогала, за живое прямо взяла. Ишь, как мы разомлели. А как мне выговор закатили за это дело. — Пашка провел где-то под подбородком. — Единогласно. Там у вас жалости не было.

— Ради твоей же пользы, балабол. Давай, Паша, давай. — Никанорыч взялся за сердце.

Павел испуганно дернул головой, словно хотел спросить «Ты чего?», но вдруг застеснялся своего сочувствия и выскочил за дверь.

Никанорыч огляделся вокруг. Сельский клуб был сделан в церкви. Кое-где просматривались лики святых. В основном вверху, внизу все было затерто спинами парней и девчат. В клубе что и делали, все танцевали, да «тискались», как говорила Матрена. Луч солнца пробился сквозь прямоугольную дыру в стене, ее вырубили для киноустановки. Установку сняли и увезли, сберегая народное имущество, дверь с будки тоже (она была обита колхозным железом), вот свет и проник. Луч уперся в середину пола и застыл. Никанорыч вздрогнул, стало жутковато под взглядом святых. Он осторожно обошел луч и вышел из церкви. Неподалеку он заметил Матрену и Павла. Услышал последние фразы:

— Паш, на тебе... только ты его потихоньку, чтобы не больно ему было, старый он, святой, скольких людей приютил... и меня тоже. — Матрена сунула в руки Павла что-то завернутое в газету и всхлипнула.

— Ты прямо, бабка, как о живом... «больно», «приютил». Дом он и есть дом, хотя твой дом, Матрена, хоть и старый, но крепкий. Его потихоньку и не развалишь. Да перестань ты нюни распускать. Сердце надорвешь с вами. Дом как дом, я их знаешь сколько перевалил, вот только в Липовке церкву не осилили, двигатель пожег на тракторе, а не свалил, — завеселился Павел.

Матрена перекрестилась и отошла к машине. Никанорыч хотел было цыкнуть на Павла, но сердце опять сжалось, и он не стал связываться. Погрузка наконец-то закончилась, машина заурчала двигателем и укатила. Деды и бабки погрузились на две телеги и поехали на гору. Там и разрешили проститься с деревней. Вода туда не дойдет. Технология акции была проста: сначала дома валили бульдозерами, а потом пускали воду. Такое было указание, чтобы «видом целиковых

плавающих домов не нервировать местное население». Отдельные бревна, стало быть, уже не дом, не так страшно, бревно есть бревно. Церковь рушить не стали, пусть стоит... со временем упадет, всегда так было.

Бабки выстроились на бугре, как на параде. Никанорыч махнул рукой.

— В атаку, — дурашливо крикнул уже подвыпивший Павел и рванул с места прямо на дом Матрены. Матрена на бугре всплеснула руками и перекрестилась. Пашка вырвался первым и лихо подкатывал к дому Матрены. Но чем ближе он к нему подкатывал, тем скорость становилась все меньше и меньше. Павел остервенело работал рычагами и давил на газ, но... скорость все падала и падала. Вдруг прямо перед домом зашевелилась земля, и из нее встали старые и молодые. Пашка бросил рычаги и хотел убежать, но что-то удержало его, он сидел не шевелясь. Земля около домов бугрилась, распадалась, и перед домами вставали те, кто когда-то здесь жил, имел счастье и горе, заводил детей, выращивал хлеб, гонял стада коров и овец.

«Гляди-ка, Ивашка, его тогда током убило. Дед Евсей — «щей налей», он от немцев без ноги пришел, помер же. А это кто, в буденовке? Надо же, весь в орденах, заслуженный, а я и не знал. Дед Костя. А там-то кто? Смотри-ка в кивере, на Суворова похож. А дальше... прямо Илья Муромец. Да... Гляди-ка, у каждого дома целый строй... стоят как защитники», — Павел закашлялся от этой мысли и хотел было бежать куда глаза глядят, но опять не смог пошевелиться. Он видел, как на бугре старики и старухи низко поклонились деревне и ее защитникам... Матрена что-то кричала, Павел не слышал. Яркий свет вспыхнул в глазах, с неба валилось что-то огромное и округлое, вспыхивающее яркими огнями, на боку был огромный иллюминатор, в котором был виден кто-то.

«Тарелка и эти, как их...» — успел подумать Пашка и вдруг все пропало.... Пашка зажмурился.

Открыв глаза, он увидел бригаду, Никанорыча с открытым ртом и вытаращенными глазами...

— Ну чего рот разинул, поехали, что ли, — услышал Пашка голос Матрены. Она стояла на бугре и сердито махала рукой, призывая их к себе. Бульдозеров не было. Павел оглянулся на деревню и обмер... деревни не было, церковь тоже исчезла, не было и ее за-

щитников. Там, где была деревенская сходка, торчал столбик, Пашка пригляделся.

«Изъято за ненадобностью в марсианский музей древности Земли», — прочитал он.

— И нас не спросили, — зло и обидно заорал Пашка и стал ощупывать карман телогрейки. — Может, и мы музей открыли бы. Мы тоже можем кое-чего, не тюли-люли...

ЗООПАРК

Идея оказалась потрясающей. Правительство было в восторге. От восхищения члены кабинета даже забыли наградить докладчика аплодисментами, не говоря уже об орденах и медалях. Впрочем, если поразмыслить, что и сделал потом Президент, то награждать-то было не за что — он сам о чем-то подобном думал. Да потом это решение очевидное, если заглянуть в историю. Десятки тысячелетий, а может быть, и миллионы лет назад вход в пещеру сторожил косматый получеловек с дубиной в мощной лапе. В дальнейшем свою долину стерегли люди в шкурах с копьями в руках, потом границы своего государства охраняли дозорные на конях со щитами, пиками, мечами и саблями, а уж потом появились винтовки, пулеметы, пушки, корабли, самолеты.

Сначала разделили сушу и в вечной ссоре за нее принялись делить казавшийся тогда еще необозримым беспредельный океан. С водой покончили и принялись за океан воздушный. Его тоже разделили, прикрывшись друг от друга радарам и оружием, стоящим на земле и летающим в воздухе. Но космос пока оставался общим, а это Президента никак не устраивало. Как же так: он Президент самой разбогатевшей страны, призванной, по его мнению, самим богом распоряжаться всем миром, вынужден мириться с тем, что чужие спутники и космические корабли свободно летали в заоблачных высях. В этом убеждении Президента рьяно поддерживали «медные каски». Так зачастую называли военных в его стране.

Все чаще и чаще обращался Президент в своих мыслях к космосу: надо такое придумать, чтобы самим стать неуязвимыми, и иметь возможность угрожать всем.

Однажды Президент был приглашен на испытания нового оружия. Он видел, как мощный синий луч ударял в какой-то прозрачный многоугольник и, расщепляясь, впивался и в небо, и в океан, и в сушу. Земля плавилась и пузырилась жирным бульоном, лес горел, облака в небе мгновенно исчезали, роняя вниз скудные капли, закипавшие еще в воздухе. Пахло озоном и еще чем-то. Все были в восторге.

— Вот так одним лучом можно уничтожить не одну, а сразу много целей и в воздухе, и на земле, и на воде, — заключил доклад об испытаниях представитель «медных касок».

Президент слушал доклад, а сам внимательно глядел на прозрачный многоугольник, расщепивший всепожирающий луч и даже не изменивший при этом своего цвета.

«Вот бы создать из этих смертоносных лучей над всем моим государством что-то вроде щита-колпака и спрятаться под него. Захотел — открыл щель и нанес кому надо сокрушительный удар, и снова под колпак», — мечтал Президент.

Испытания закончились. Довольные члены кабинета оживленно загалдели. А Президент, замороженный увиденной картиной, все думал и думал...

Через три недели ему представили доклад. Президент удивился: как будто кто-то прочитал его мысли. Докладчик — высокий стройный генерал — излагал новую оборонную идею...

— Лучи, как одеяло, закроют страну, спутники с лазерами и ракетами будут висеть над нами, перекрывая к нам все пути: из космоса, с воздуха, с моря и суши. Они будут сторожить нас, как цепная собака сторожит двор своего хозяина. Они будут видеть, слышать, чувствовать, следить, решать, защищать и нападать. Если что почудится — и с борта спутников посыплются ракеты и лучи-убийцы, уничтожая все вокруг. Нам нечего будет бояться ответного удара — наш щит надежен и прочен, — закончил генерал свой доклад.

Президент был в восторге. Шли годы... Сказано — сделано. Страна надрывалась, космический колпак стоил дорого. Страна словно исчезла с лица планеты. Корабли с бананами и апельсинами не заходили в их воды и порты, самолеты не залетали в их воздушное пространство и не садились на их аэродромах, космические корабли облетали стороной «их космос».

Шло время, менялась жизнь на планете, лишь безумные упрямцы продолжали свое дело, все глубже пряча свою страну под лучами.

Планета вступила в общее содружество, радуясь и развиваясь. Космические корабли сновали туда-сюда, унося любопытных и ищущих знания в разные уголки Вселенной. Планета, в свою очередь, стала достопримечательностью в Галактике. Поток туристов-инопланетян не затихал. Еще бы — только здесь можно было увидеть уголок настоящей первобытной природы и пещерного ума. «Зоопарк», — так смущенно шутили жители планеты, говоря о стране под колпаком.

ГОЛОСОК

...Корабль пронизывал пространство, и впереди лежало черное, бесконечное безмолвие. Немигающие звезды застыли в глубинах космоса.

На борту корабля находились три представителя военного департамента и ученый.

Ученому принадлежал ящик с трубками, приборами, питательными растворами и прочей требухой, как пренебрежительно называли содержимое блестящего контейнера хозяева корабля — военные.

У военных были свои заботы — под прицелами города, базы, аэродромы, ракеты, целые страны и континенты... Блестящий контейнер просто вызывал у них недоумение своей бесполезностью в том большом деле, для которого были нужны они — повелители оружия.

«Навязал нам сенатор этого ученого, — мысленно рассуждал командир Петерсон, уставясь в потолок. — Теперь при нем то не сделай, то спрячь, это не включи! Не корабль, а летающая богадельня, созрело у него там, видите ли, что-то...»

— Эй, доктор! — громко и неожиданно произнес Петерсон. — Как себя чувствуете? Как невесомость?

— Благодарю вас, полковник, — откликнулся доктор Старкер. — У меня все вроде бы нормально, я вот о нем думаю... — Он тронул блестящий контейнер.

— О нем?! — Командир рассмеялся. — А что о нем думать?!

— Не могу понять, как он перенес стартовые перегрузки и встретил невесомость, — серьезно ответил доктор. — Это, понимаете ли, очень для него важно...

— Док, вы говорите как о живом человеке! А ведь это просто железная банка с лампочками! — хохотнул пилот Гавр, сидевший поблизости с закрытыми глазами и, казалось, спавший.

Командир Петерсон кивнул и, взглянув на пилота, подмигнул ему. Доктор смущенно поерзал.

— Пилот Гавр, вы совершенно справедливо это заметили, — вежливо ответил доктор. — Но, простите, очевидно, вы не совсем понимаете значение моего эксперимента, как, впрочем, и я не осведомлен о вашей, наверное, очень важной миссии в космосе. — Он говорил так, будто прислушивался к музыке Баха, звучащей где-то за обшивками корабля; лицо его стало задумчивым и сосредоточенным. — То, что находится в этой «железной банке», как вы изволили выразиться, действительно еще не живой организм, а лишь клетки, способные его создать. Они созрели для своих функций позавчера, и хранить их больше было нельзя, поэтому меня так срочно включили в вашу команду. Но я не буду мешать вам, я все сделаю сам. Мне предстоит создать здесь, в космосе, в невесомости, живой мозг, иначе на Земле из-за гравитации ничего не получится, там не добьешься равномерности раствора... И... и я очень волнуюсь, сэр, простите...

Гавру стало скучно. Ему всегда становилось скучно, когда он не понимал собеседника или даже отдельных слов из его речи. Пилот шумно вздохнул и уже лениво обронил:

— Кому все это нужно, док?.. Ведь люди и так родились в космосе: жизнь «варится» в его глубинах, там и разум рождается... Хотя... — Он потянулся, хрустнув суставами, продолжил: — Хотя я лично не против еще одного члена экипажа. Надеюсь, он будет отличным помощником...

— Вы сошли с ума, Гавр! — встрепнулся Петерсон. — Лишний член экипажа! У меня и скафандра на него нет, не говоря уже о питании...

— Что вы, что вы, полковник, — торопливо заговорил доктор, — это же не будет член экипажа в полном смысле слова, это будет лишь мозг, а его мы подключим к датчикам вашего корабля, он будет видеть и слышать благодаря радарам, антеннам, приемникам вашего лайнера, полковник. У него не будет рук и ног, ему не надо скафандра, он не будет бегать, вернее, летать по вашему кораблю и мешать вам...

— А-а... — серьезно произнес Петерсон. — Все-таки паек, док, только на нас, людей, а на него... — Он замялся, не зная, как сказать. — На вашего... беби стартовая команда не рассчитывала.

Тут скучающий Гавр оживился снова:

— А почему он, а не она, сэр? Может, это будет нечто с бабской логикой, а нам тут... ну, в общем... мы же мужчины! — Он хохотнул и толкнул доктора в плечо. Старкер вздрогнул от неожиданности и улыбнулся одними губами.

— Мозговая деятельность — сложный процесс, — произнес он извиняющимся тоном, — это и химия, и физика, и электричество, и биополе... У него будет своя память и свое биополе, причем очень мощное, способное впитать знания тысячелетий в считанные секунды. Электрическая составляющая поля будет преобразована через ваш компьютер на динамики корабля — мы сможем услышать его голос...

— Ладно, — прервал доктора Петерсон, взглянув на приборы. — Уговорили. Вас, док, мы даже назначаем отцом родным или матерью — кем хотите. А сейчас все за дела, у нас их много...

Петерсон встал первым.

Работали молча. Каждый делал свое дело. Время от времени Гавр покачивал головой и, перехватив взгляд коллег, тыкал пальцем в сторону Старкера, делая дурацкое и снисходительное лицо. Старкер ничего не замечал — он был всецело занят своим ящиком, кутая его в тепловые кожухи.

Рабочий день закончился. Люди забрались в спальные мешки и там привычно устроились. Из мешков торчали лишь головы. На лысой голове Петерсона, похожей на регбийный мяч, играли причудливыми зигзагами блики светильника. Светлые усы Гордона делали черный мешок с торчащей из него головой похожим на висящего в воздухе кота с поджатыми лапами и свернутым хвостом. Ну а раскачивающаяся в невесомости коса Гавра, выходца из индейцев, походила на змею, исполняющую магический танец.

В корабле наступила тишина.

Только Старкер возился со своим ящиком. Он сливал растворы, что-то подогревал, переставлял ящик с места на место, присоединял к нему пучки кабелей, которые

связывали прибор с компьютером, системой электро-снабжения, приборами корабля, его телескопами, пультами, локами, антеннами...

Наконец Старкер неуклюже забрался в мешок и заснул.

Первым вскочил Петерсон. И сразу поднял свою команду.

— Гавр, включай локатор, пощупай Север, там эти блондины подозрительно сустились в своих фиордах.

Пилот включил локатор. На экране побежала береговая черта, фиорды, строения, причалы.

— А это что? — неожиданно прозвучал чуть дребезжащий, тонкий голосок.

— Что значит — что?! — рявкнул Петерсон.

— Здравствуй, — ответил тот же голосок, — я вас уже знаю. Гордон, будьте добры, подтяните крепление динамика на седьмой стойке, тогда я не буду так противно дребезжать.

Гордон кинулся к стойке и подтянул винт. Петерсон и Гавр изумленно молчали.

— Спасибо, Гордон. — Голосок перестал дребезжать и стал мелодичным.

Все трое разом взглянули на блестящий ящик, который яростно мигал индикаторами.

— Посмотрите на экран локатора, — подсказал голос.

Они уставились на экран. Там над темным пятном в глубине фиорда пульсировал маленький знак вопроса.

— Что это?

— А... это... — нарушил молчание Петерсон и замялся, — это такое сооружение... такой дом, где прячут эти... как их, ну в общем, ракеты.

— Что такое ракеты? — бойко спросил голос.

— Ракета — это такое устройство, которое летит и в воздухе, и в космосе, летит быстро и очень точно, — прохрипел Петерсон, косясь на блестящий ящик. Лоб его покрылся испариной.

— А куда летит? — упрямо допытывался голосок.

— Куда, куда... Ну, куда надо! — Петерсон свирепо посмотрел на Гордона. — Это твоя сфера, ты и отвечай.

— В цель летит ракета, в цель, — откликнулся Гордон.

— А что такое цель?

— Это и корабль, и аэродром, и город, и многое дру-

гое, заводы, дома... ну... — Гордон не знал, что еще говорить.

— Дома — это где живут люди? — не унимался голос.

— Да, да, люди, — тихо ответил Гордон.

— А зачем к ним летят ракеты? — вызванивал независимый голосок, раскатываясь в пространстве. — Люди звали к себе ракеты?

— Их никто никогда не зовет, а летят они... затем, чтобы это... Доктор! — рявкнул вдруг Гордон. — Приснитесь, черт возьми! Дитя тут ваше...

Старкер резко поднял голову, вздрогнув в мешке всем телом:

— А-а?.. Что?..

— Очень любознательное! Чересчур даже! — указывая на ящик, прошипел Петерсон. — Ну прямо удивительно много хочет знать...

— А где город, куда полетят ракеты?

Петерсону вдруг показалось, что голосок прозвучал с его плеча, и командир резко провел ладонью по плечу, словно хотел отряхнуться.

— Везде, почти везде, дитя, на всей Земле, — еле слышно ответил доктор Старкер, глядя на свой ящик и медленно опускаясь перед ним на колени.

— Как это глупо; — горестно вздохнул голосок.

Стало слышно, как стрелка корабельного секундомера отсчитывает время. Петерсон, Гордон и Гавр медленно обступали блестящий ящик и склонившегося над ним доктора Старкера. Они не сказали друг другу ни слова и даже не смотрели друг на друга, но они знали, что нужно сделать.

Когда доктор Старкер поднял голову, он прочитал на их лицах все...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Корабль бродил по Вселенной. Нужна была пятая планета. Так повелел Великий Стратег. А его воля — закон. Четыре планеты сдались на их милость и теперь будут исправно отдавать все, что им прикажут, если, конечно, это есть на планете. В каждой из планет находится изъясн, а находить его они научились. Нет в природе совершенства — и этим они безнаказанно пользовались. Пятая планета словно пряталась от них.

Команда начала уставать от безделья. Навигаторы давали все новые и новые координаты, но тщательное исследование звездных систем не давало даже намека на нужную им — умеющую производить и богатую недрами. Попадались планеты жидкие, газообразные, ледяные, лишённые атмосферы и жизни. Но все это было не то. Нужны были города, заводы, живые рабы. Локатор неустанно обшаривал сферу, ловил частички излучений, анализировал, прогнозировал, строил модели, рекомендовал. Наконец-то локатор обзора уверенно указал на планетную систему с Желтой Звездой. Туда и летел сейчас разведывательный корабль «первого захвата». Опыт такой работы у экипажа был. Это были хорошо натренированные бойцы, оснащенные различным оружием, в том числе и таким, которого на многих планетах просто не знали. Новая надежда открылила экипаж.

— К каждой из четырех примкнувших к нам планет, — говорил, саркастически улыбаясь, Главный Стратег, — мы с успехом подбирали ключи. Ни одна из них не устояла против нас, не продержалась. Все сдались нам. Я уверен, что и эта тоже будет наша. Спектр Желтой Звезды нам понятен, в нем нет убийственных для нас лучей. Защита нашего корабля надежна. Вероятность жизни на планете велика, мы на верном пути. Меня захватил азарт, я чувствую ее, эту планету. Она будет наша, как и все другие. Готовьтесь смотреть на нее, ищите то, что может поставить ее живых на колени, это будет заключительный десант. Я верю в успех. К бою, к последнему бою. Наша Черная Звезда получит еще одно покоренное пространство.

Планета ничего не подозревала, она жила своей жизнью. Желтая Звезда давала тепло и свет. На планете жили, трудились, росли деревья и травы, пели птицы, плавали рыбы и бегали звери. В космосе кружили спутники, море бороздили корабли, в небе проносились самолеты. Появление среди спутников «чужого» корабля было встречено с радостью. Об этом мечтали давно — контакт с другим Разумом ждали и верили в него. Совет ученых рассудил просто — это автомат-разведчик, прилетевший из чужого мира. Именно автомат, иначе почему же он молчит? Начались дискуссии и споры, как войти с ним в контакт. Предложений и проектов была масса... А чужак все кружил и кружил над планетой, зоркие объективы, антенны смотрели, слушали,

зондировали, компьютеры записывали, анализировали, обобщали. Информация о планете накапливалась, многое узнал о ней чужой Разум.

— Стик, можно сделать общие выводы о планете. Она имеет развитую органическую жизнь. Уровень промышленного производства еще невысок. Они умеют делать ракеты, самолеты, примитивные космические корабли. Они умеют обращаться с атомной энергией. Энергия передается в основном по металлическим линиям. Основной вид энергии — электричество. Много построено электростанций на реках и в морях. Удивительно, что они мало используют энергию ветров, хотя ветры распространены по всей планете. Используют преобразование механической энергии. Много сжигают органического топлива. Живые разбросаны по планете неравномерно. Развитие общества не обладает явно выраженной агрессией...

— На данном этапе развития... — начал доклад Главный Аналитик.

— Ясно. Какой способ захвата вы предлагаете? Нам не надо повсеместных разрушений. Это слишком нерационально.

— Устрашение.

— Каким образом?

— Стик, мы направили свои устремления в изучении этой планеты на то, чтобы найти слабые места в общепланетарном масштабе. И как всегда, нашли. Природа оказалась и здесь далека от оригинальности. У этой планеты несколько слабых мест. Первое — снижение содержания кислорода в ее атмосфере до критических значений для существования живого организма. Второе — растопить льды полярных точек. Поднимется уровень океана, живого почти не останется, но и пострадают города, заводы, поля. Можно делать это постепенно, пока они не примут наши условия. Но и здесь я вижу негативные стороны. И прежде всего в том, что затопится часть суши, где построены прекрасные города, наше туристическое агентство опять предъявит нам свои претензии. Если только спровоцировать нападение на наш корабль, но... думаю есть лучший способ поставить их на колени...

— Да, это не годится. Надо сохранить их города и живое, нам нужно производство, нужны рабы... Можно пойти лишь на частичное, я бы сказал, демонстрацион-

ное уничтожение, нужно сыграть на страхе перед полным уничтожением...

— Есть и такой способ. Компьютер нашел самое слабое место в их атмосфере. Его-то и надо использовать для демонстрационного, как вы гениально подметили, уничтожения, для страха.

— Что это?

— Стик, мы знаем, что вы обожаете фрукты. Сад на корабле радует нас этими нежными плодами. Ваша забота о команде просто трогательна.

— К чему это отвлечение о фруктах? Скан?

— Я часто наблюдал, как вы снимаете тонкий слой кожи. Под ним почти сразу темнеет питательная масса. Фрукт как будто сморщивается, вянет, его убивает излучение и атмосфера. Он становится незащищенным, слабым, как новорожденный, которого могут погубить многочисленные бактерии. Фрукт не может жить без кожи, Стик.

— Я понял тебя, Скан. Ты предлагаешь уничтожить атмосферу?

— Да, Стик, можно. Наши стратеги предполагают это сделать так: выжечь газ в одной области, а не по всей планете. То есть сделать в защитной коже дыру, содрать там «одеяло жизни». Сквозь эту дыру смерть понесет то, что дало жизнь, — лучи их Звезды. Мы не виноваты будем в их смерти, их убьет Желтая Звезда, но не мы. Наше оружие останется бездействовать...

— Я повелеваю даже не приводить оружие в боевую готовность, нам ничего не грозит, и мы не объявляем войну, — проронил Стик. — Это будет не война, а убийство Звездой той жизни, которую она родила. Это самоубийство, и мы тут ни при чем. Откуда мы должны знать про этот газ. Не так ли?

— Наша совесть будет свободна от язвы жалости и сомнений. Притом эта дыра скоро исчезнет, спасительный газ восстановит свою концентрацию. Но урок будет более чем наглядным, — продолжал доклад Скан.

— Замечательно. Это просто находка. Слабость планеты более чем очевидна. Она уязвима в любом месте и в любое время. Это очень важно. Это просто прекрасно. Где мы укусим планету и когда? Дайте карту, — скомандовал Великий Стратег.

В какие возникло объемное изображение планеты.

— Материки разорваны океанами. Их шесть, включая полюса. Население распределено крайне неравно-

мерно, промышленные центры тоже. Самый крупный материк вот здесь... здесь же больше всего городов. Я предлагаю сделать дыру именно здесь. Должны быть страдания, последствия должны быть яркими, броскими и страшными. У них есть радио и телевидение, весть разнесется мгновенно по всем материкам. Я так думаю. Удар будет неожиданным. Специалисты по тактике предлагают еще вот что... Наверняка просчитали ситуацию по критерию наибольшего эффекта за свои идеи. Безмозглые садисты. Так вот. Психология живущих на планете примитивна, они эмоциональны и чувствительны к гибели себе-подобных...

— Подождите с психологией. Это частности. Чем и как ты выжжешь эту дыру и на что ты рассчитываешь?

— Стик, я об этом и хотел доложить. Они сами подсказали нам эту мысль, сами. Их промышленное производство еще не сбалансировано. Они самоубийцы, они травят себя, они выбрасывают в моря и реки, на поля и в атмосферу то, что им вредно. Это удивительно, но это так. Планета самоубийц. Психологи долго размышляли об этом: Они искали общие критерии. И нашли их. Живые гонятся за выгодой, им она нужна прямо сейчас, тут же. Долго не могли понять: зачем?

Зачем спешить и пренебрегать своим будущим и даже жизнью. Оказалось, вот почему. Они боятся друг друга и хотят быть всегда сильнее других. Это-то и заставляет их спешить, это их губит. Они растрачивают слишком много энергии зря. Их технология далека от совершенства. Они очень расточительны. Мы должны их прибрать к рукам. Это первое.

Второе — мы нашли конкретное оружие против них. Они придумали и произвели его сами, и даже частично, так сказать, опробовали, ввели его в действие. Это газ фреон. Они его используют и в промышленности, и в быту. Особенно в холодильных установках. Газ текущий, потери его громадны. Этот газ стремится вверх, а там он вступает в реакцию с озоном, который защищает все живое на планете от убийственных лучей. Мы можем уменьшить концентрацию этого спасительного газа, и последствия будут очевидны и ужасны. На планете уже сейчас огромная дыра над одним из полюсов. Но там почти нет живых. Дыра пульсирует в зависимости от степени неразумности живых. Небольшая добавка к ней или создание новой, в неожиданном для разумных планет месте приведет к их частичной гибели. Третье —

мы продумали акцию, вот тут действительно наши психологи превзошли себя. Основные массы живущих на планете разумных появляются на улицах городов и на полях, на дорогах утром. Они идут трудиться. Суть наших действий заключается в том, чтобы ночью, когда они спят и все сенсоры их отключены, над наиболее населенным местом снять защитный слой. Утром, покинув свои жилища, они, ничего не подозревая, попадут под убийственные лучи своего же светила. Это будет настоящий удар, они будут совершенно беспомощны и не защищены. Я представляю...

— Прекрасно, — перебил Стик, — прекрасно. Есть и четвертое: весть разнесется мгновенно. Они поймут, в чем дело, и страх заставит их изменить свою жизнь. Страх загонит их под океан или твердь, они будут в наших руках, мы лишим их лесов и полей. А потом, только потом я им дам возможность выбраться наружу, но уже послушными рабами. А сейчас, Скан, переводи корабль на стационарную орбиту, зависни над этим местом, готовься. Кстати, а как получить этот газ — фреон. Так ты его назвал?

— Наши инженеры уже отладили мост: атмосфера — корабль — атмосфера. Мы получим фреон, его будет достаточно.

— Начинайте, — коротко бросил Стик и, взяв из вазы фрукты, стал медленно снимать с одного из плодов кожуру. Плод потемнел, сморщился. Стик улыбнулся. В динамике корабля слышались отрывистые команды...

Утренние радиопередачи на планете начинались рано, они как бы следовали за рассветом. Вставало из-за горизонта светило — Желтая Звезда, а радио поднимало разумных, они готовились к труду. Радиоволны разнесли новость — корабль «чужаков» перешел на стационарную орбиту. «Они не проявили к нам интереса, — надрывались дикторы. — Слишком мало времени был у нас корабль-разведчик. Нас оскорбляет это невнимание».

Обсуждался и перелет корабля пришельцев на высокую орбиту: «Он готовился к старту к своей звезде, позаботившись о том, чтобы не загрязнить атмосферу нашей планеты. Очевидно, главные двигатели корабля ядерные. Это посланец высокоразвитой гуманной цивилизации».

Пол собирався на работу, и, как всегда, первым. Он

раньше всех выходил из дому, чтобы добраться до гаража. Хозяин был строг, беспощаден к опозданиям.

— Мария, как мой кофе? — крикнул он из ванной комнаты.

— Как всегда, готов и теплый, милый, и бутерброд с сыром и маслом. Завтракай сам, я займусь детьми. Кэтти что-то плакала ночью, а ты, конечно, спал и ничего не слышал. Тед, а ну бегом в ванную, умывайся, грязнуля.

— Извини, Мария, я вчера очень устал. Эти задачки такие трудные. Мы с Тедом голову сломали, прежде чем решили. И зачем детям такие сложности, не знаю. Да, Мария, как тебе нравится этот молчун?

— Какой еще молчун, Пол?

— Да этот чужой корабль. Видите ли, он уже собрался домой. Даже не пообщался с нами. Что он мог узнать о нас за это короткое время? Что повезет в свой мир? По-моему, его страшно отпускать, мало ли что он там собирал о нас и нашей планете! Еще потом приведет за собой армаду таких же молчунов. Мне что-то не по себе. Сами здесь разобраться не можем, а о планете не думаем.

— Ты уже спал, а вчера телевидение объявило, что будет запущен корабль-инспектор. Он должен попробовать вступить с ним в контакт. На корабле полетят двое, они подготовились к контакту. Было так интересно: опять на орбите будут космонавты. Этого давно уже не было, после того, как создали эти спутники-умники.

— А ты хорошо разбираешься в космонавтике, Мария. Я и не знал этого за тобой.

— Это вчера все рассказывали, Пол. Мне вполне хватает детей и тебя. Я люблю тебя, как и раньше, ты нас кормишь, ты сделал этот замечательный дом и подарил мне наших детей. Ты умница, Пол. Извини... Тед, ты выйдешь из ванной или нет? Опять пускаешь эти мыльные пузыри? А ну вылезай скорее.

— Спасибо, Мария. — Пол прихлебывал кофе, он был теплый, как раз такой, какой он любил. Пол с детства не терпел горячее, он и у моря сидел в тени, страдая от жары. — Спасибо, сегодня я заработаю тебе на шикарное платье, хозяин дал мне выгодный рейс. Я буду лететь по дороге, а не ехать. Нам нужны деньги, очень нужны. И я их научился делать. Во всяком случае я знаю, как их делать. Все, я побежал.

Пол встал, быстро поцеловал жену, заглянул в дет-

скую: Кэтти спала, чуть приоткрыв рот. Пол немного постоял, подошел к кровати, прикрыл одеялом дочь, погладил ее по светлым густым волосам, вышел, прикрыв тихонько дверь, и направился к выходу.

— Пол, не забудь шляпу, — напомнила Мери.

Пол взглянул в окно.

— О чем ты говоришь, Мария. Посмотри на улицу. Она просто залита лучами. Надо же, только весна началась, только пошла зелень, а звезда наша светит, как знойным летом. — Пол осекся. — Мария, посмотри, что это?

— Где, Пол?

— Да на улице. Смотри, листочки на деревьях свернулись, стволы почернели. Как будто все обдало жарким ветром. А ты говоришь, возьми шляпу.

— Конечно, возьми, Пол. От твоей шевелюры давно остались лишь воспоминания.

— Да нет, еще весна все-таки.

— Ну смотри, тебе виднее, мой умный и упрямый Пол.

Пол вышел на улицу и бодрым шагом направился к остановке автобуса. До его прихода оставалось мало времени. Никто не встретился на его пути, остановка была пуста.

«Странно, — подумал Пол, — а где же Конрад, он всегда выходит заранее. Да и Билли тоже».

Лицо, руки ощутили настоящий жар. Голову буквально обожгло.

«Что это?» — с ужасом бормотал Пол. Его руки на глазах покрылись волдырями, боль становилась нестерпимой. Лицо стало как будто чужим, он чувствовал, как оно наливается болью, разбухает. Пол невольно взглянул на сверкающее светило. Боль пронзила глаза. Пол бросился назад, домой. Ворвавшись в дом, он кинулся в ванную и стал плескать на себя холодную воду. Громкий стон вырвался из груди.

— Что с тобой, Пол? — с ужасом шептала Мария. — Что с твоим лицом. Оно красное, оно не твое, оно все в волдырях. Это ожог, Пол. Что случилось?

Мария кричала, с ужасом глядя на Пола. Пол выпрямился и пошел на этот крик, вытянув вперед руки. Руки были страшные. Это были сплошные волдыри, разбухшие, как воздушные шары. Натыкаясь на стены, Пол сделал еще два шага и рухнул на пол.

— Я ничего не вижу, Мария, я ослеп. Мне очень больно, Мария. Яркий огонь в глазах, где ты, Мария, где Тед? Что это, Мария? Что это?

Мария с ужасом смотрела на Пола, его била дрожь, конвульсии сотрясали сильное тело. Мария бросилась к телефону. Дрожащими руками она набрала номер.

— Доктор, доктор, Пол ослеп, он весь в ожогах, в ужасных ожогах, доктор. Доктор, помогите ему, помогите немедленно, он умирает.

— Мария, умерли уже сотни. Никто не понимает почему. У всех ужасные ожоги. Я не могу ничем помочь, я не могу выйти на улицу. Там кругом смерть. Не выходите из дома, не пускайте детей на улицу. Это ваше спасение. На улицах смерть, Мария. — Доктор умолк.

Мария бросила трубку и бросилась к Теду. Тот доделал свой завтрак и слушал громкую музыку.

— Мама, я пошел. Сегодня будут хорошие отметки, мы вчера с папой решили все задачи. — Тед умолк, увидев заплаканное лицо Марии. — Мама, что с тобой?

Мария выключила магнитофон, молча схватила мальчика и утащила его в детскую. Кэтти спала и улыбалась во сне, рядом с ее головкой на подушке лежала смешная игрушка.

— Боже, что же теперь будет? Боже мой, боже мой, — шептала Мария. Слезы лились из ее глаз, Тед тоже заплакал.

— Будь здесь и не выходи из комнаты. Никуда, будь с Кэтти.

Мария побежала к приемнику и включила его.

«...необъяснимое исчезновение озона над территорией многих стран привело к резкому увеличению ультрафиолетового потока. Это опасно для всего живого. Гибнут все, кто появился на улице. Страдают глаза, незащищенные лица, руки. Гибнут деревья, травы, птицы. Не выходите из домов, не покидайте своих жилищ. В них ваше спасение. Держитесь, мы думаем, как вам помочь... Повторяем, спутниковые системы обнаружили внезапное, необъяснимое исчезновение озона над территорией...»

Мария бросилась к Полу, он тихо лежал в коридоре, Мария склонилась над ним и затихла.

Стик был доволен. Замирала жизнь на планете, эфир наполнился криками о помощи и проклятиями к Желтой Звезде.

— Все продумано правильно, — говорил Стик. — Это предупреждение. Хорошее предупреждение. Они поймут, что это сделали мы, они поймут свою беспомощность перед нами. Жаль, что другие не видели этого сами, очень жаль. Я бы хотел слышать эти беспомощные вопли и с других материков...

— Это можно сделать, Стик, притом прямо сейчас, немедленно. Пройдет два часа, и все континенты будут просить пощады.

— Как?

— Снизим корабль и пройдем один виток, выжжем озон по всему витку. Тогда они точно поймут, что след нашего корабля несет в себе гибель. Они поймут это, Стик, и сдадутся.

— Действуйте.

Корабль несся над планетой, оставляя под собой умирающую жизнь, обожженных и изувеченных. Страх полз по планете, затихали города, опустели поля.

— Теперь можно и подождать. Переводите корабль повыше, ближе к холодному спутнику планеты. Пусть еще подумают, а потом я продиктую им условия капитуляции. Лингвист изучил их язык. Теперь мы знаем их самые страшные слова. — Стик жадно глядел на планету.

— Да, перевод будет блестящим. В их языке много ужасных слов. Текст уже готов. — Скан услужливо улыбнулся.

— Прекрасно. Я отдохну.

— Может, включить систему обороны?

— Не беспокойся, Скан, они беспомощны.

Корабль медленно удалялся от израненной планеты. Экипаж отдыхал. Стик обдирал кожуру с очередного плода. Ваза пустела... Сильный удар потряс корабль и он стал разваливаться на куски. Это была ракета, стартовавшая с холодного спутника планеты и несущая на нее последние данные о наблюдении Вселенной. Там, в электронной памяти компьютеров, были признаки обнаруженной жизни в системе Черной Звезды. Траектории двух цивилизаций пересеклись...

РАСПЛАТА

Долго лишь горы вздымались над планетой, океаны тяжело и размеренно дышали волнами, и шумели леса и травы. Планета стонала, шептала, кричала, но некому было слушать ее голос. И вот, наконец, в морях, океанах, реках и озерах, среди лесов и полей появилось копошащееся многоголосье хвостатых, крылатых, лапчатых, прыгающих, бегающих, ползающих, ходящих, спокойных и драчливых. Планета радовалась своим беспокойным детям. Шли годы, тысячи, миллионы и миллиарды лет, и на планете среди живого настойчиво стал пробиваться разум. Разум быстро постигал увиденное и услышанное, научился многое понимать, думать, хитрить, спасая свою жизнь и право на существование на планете от мощных звериных лап, когтей, зубов, клювов, зловонных пастей. Разум превратил лапу в руку, камень в орудие и постепенно возвысился над всем живым, покоряя и подчиняя их себе.

По равнинам лениво бродили стада могучих мамонтов, бизонов, трепетных антилоп. В лесах и джунглях, в степях и горах жили гордые и опасные хищники. Носящие разум придумывали против них самое изощренное оружие, сначала для защиты, а потом для убийства ради трофея или забавы. Оружие постоянно совершенствовалось, и уже никто не помнит, кто и когда первым повернул его против себе подобных. Разумные строили города, создавали государства и исправно воевали друг с другом. Планета захлебывалась от потоков крови, страдала от разрывов бомб и снарядов, от того, что родила разумных и доверчиво отдавала им все, чем она обладала, что копила миллиарды лет.

Устала от войн планета, уж воевать-то было почти не за что, дерево, металлы, нефть — все шло для оружия, для войны. Даже воду и воздух научились использовать для уничтожения друг друга. Добрались и до космоса. Появились идеи воевать и там, среди звезд. Строили космические армады, совершенствовали броню, наращивали мощь космического оружия, приборы смотрели все дальше и дальше, предупреждая о приближении чужого флота. Космические корабли, переняв осторожность и коварство хищников планеты, сторожили друг друга в вечной космической ночи. В слабом свечении звезд мертвенно-белесым цветом вырисовывались контуры стальных громадин, горбатящихся антеннами,

генераторами, лазерами и прочим оружием космического века. Громадные корабли лениво вращались, демонстрируя друг другу воинственные бока, а в их чреве затаились мощные, сверхбыстрые вычислительные машины и неутомимые солдаты-звездолетчики. Так в тишине и неподвижности летали космические армады, готовые в любую секунду стать враждующими армиями и кромсать друг друга в безмолвной схватке. Сверхсекретный сигнал и... все озарялось вспышками, сполохами. Бесформенные груды разорванных кораблей, бывших некогда частицей планеты, разлетелись в разные стороны необъятного космоса.

— Рош, вычислитель сторожевых систем сообщает, что пятый флот зашевелился. Они явно что-то замышляют, перестраивая свои ряды. Притом перестраивают их необычно, Рош, это напоминает две чаши, обращенные друг к другу своей пустотой. В середине какой-то астероид, когда мы пролетели этот сектор, астероид был уже здесь. Рош, будь осторожен, они уничтожили шестой флот мгновенно, — вооруженец Буль замолк, внимательно глядя на экраны внешнего обзора.

Рой кораблей противника образовал две полусферы и начал сжиматься, стремясь заключить их вовнутрь сферы.

— Буль, по-моему, они хотят поймать нас в фокус сферы и ударить со всех кораблей, мгновенно усилив мощь излучения. Рассредоточиться! — подал команду своим кораблям Рош.

Корабли восьмого флота растеклись в пространстве, образуя кольцо вокруг астероида. Полусферы сжимались, тесня кольцо кораблей противника... Но вот они остановились, и из них нитями брызнули лучи, сходящиеся в одну точку — в астероид. Астероид вспыхнул ярким светом, и от него веером растеклись энергетические волны, разметая, как цунами, корабли противника, сокрушая их обшивки и калеча живых... За волнами устремились смертоносные лучи, довершая убийство кораблей и звездолетчиков. Битва среди звезд началась.

Для капитана Роша это было десятое сражение, его так и называли — «везучий капитан», и многие хотели летать с ним вместе в надежде на талисман — везение Роша. Обычно жизнь космических солдат и капитанов обрывалась на одном-двух сражениях, а Рош перенес их десяток. Но на этот раз удача изменила ему, Рош поздно понял, что перед ними был не астероид, а кон-

центратор и отражатель энергии. Это погубило его и Буля. Волна частиц отбросила корабль Роша, кувыркающая его в пространстве и не позволив сделать прицельный выстрел. А вслед за волной несясь смертоносный луч. Рош видел, как он отделился от астероида. Это был луч, предназначенный, как он понял, для них, для его корабля. Рош и Буль молили мгновенной и легкой смерти, но защита корабля все-таки успела сработать, и луч уперся в нее. Началась борьба энергетических полей. Тонкий луч все вдавливал и вдавливал защиту корабля, на ее сфере образовалась воронка, конец которой с светящейся иглой луча неуклонно приближался к обшивке корабля. Развязка приближалась.

— Рош, до обшивки осталось полметра, защита слабеет, не удержать ей этого проклятого луча. Господи, помоги! — в панике хрипел Буль.

— Буль, лети в свой отсек, выкинь торпеды, а то они тоже начнут рвать наши внутренности. Может, кто из этих напорется все-таки на них, — обреченно приказал Рош, а сам кинулся к рации. Сообщение о разгроме армады полетело к планете.

Буль выплывал из отсека, и уже за люком рубки капитана услышал змеиное шипение, хорошо знакомое звездолетчикам, — это воздух вырывался из баллонов, компенсируя потерю воздуха в пробитом отсеке. Буль оглянулся и увидел Роша, луч пронзил его широченную, упрямую в скафандр грудь, а Рош пытался его вырвать, словно древнее копьё.

«Как жука иголкой для коллекции», — мелькнуло в голове у Буля.

В следующее мгновение автоматика сработала, и люк захлопнулся за спиной Буля, отделив его от отсека, продуваемого лучом и потерявшего живительный воздух. Рош навсегда остался сорокалетним.

Буль лихорадочно выбрасывал одну торпеду за другой. Они веером разлетались в разные стороны. Одна из них угодила в корабль пятого флота. Железными брызгами разлетелся корабль, луч его угас, словно оборванная нить, а окрашенные закипевшей и застывшей кровью куски скафандров уносили в черноту космоса то, что раньше было звездолетчиками-солдатами... Другие торпеды искали свои жертвы. Вот оборвалась еще одна нить, тянувшаяся от корабля, вот еще, еще и еще...

Битва среди звезд продолжалась. Буль выбросил последнюю торпеду и услышал знакомое шипение, Луч

пронзил его отсек. Буль, оцепенев от ужаса предстоящей встречи со смертью, обреченно следил за стрелкой прибора, она неуклонно ползла к красной черте, к смерти...

Обезумев, Буль захлопнул стекло гермошлема и нырнул в тоннель торпедного аппарата, лишь бы убежать из гибнущего корабля. Выходной люк откинулся, и Буль увидел бездонный, черный космос и неподвижные, живущие миллиарды лет звезды, а среди них яркие точки, несущиеся друг за другом, яркие вспышки, гаснущие и зажигающиеся лучи, гибнущие корабли.

«А как же там, на планете?» — мелькнула мысль умирающего Буля.

Посиневшими губами он пытался найти хоть каплю кислорода под своим скафандром...

До планеты долетели два сообщения. Одно о победе. Другое — о гибели. Траур по погибшим прервался разрывами бомб и снарядов... Война вернулась на планету, опять умывая ее кровью, коверкая и уродуя. Космический флот победителя возвратился к планете.

СЕТКА

А жизнь рождала жизнь. Жизнь просто продолжалась. Даже в безумную эпоху атомных бомб, ревущих самолетов, прячущихся в глубинах подводных крейсеров, ракет, летящих в заоблачных высях и крадущихся над самой Землей. Жизнь продолжалась на Земле, когда в космосе появлялись земные завоеватели. Они строили, запускали и размещали специальные, необычные спутники, которые появлялись над континентами, странами, городами и селами. Они подслушивали, подсматривали, записывали, передавали, следили, они заглядывали в дома и даже в души людей. И постепенно люди привыкли жить под пристальным взглядом. Они становились тише, незаметнее и даже больше похожими друг на друга. Люди привыкли к чужому взгляду. И влюбленные, целуясь под луной, знали, что на них смотрят. Тогда и родилась Натали.

Шли месяцы. Девочка росла. Это был очень смысленный, подвижный ребенок. Но по ночам ее мучили кошмары. Она кричала во сне, просыпалась и плакала, просилась на руки или, рыдая, зарывалась под одеяло.

Пригласили врача.

— Сны страшные снятся, — успокаивал врач.

И все оставалось по-прежнему — бессонные ночи и тревога ничего не понимающих родителей, Люси и Лема.

Однажды к ним в гости приехал молодой лейтенант Джим, брат Люси. Вечером brave лейтенант, не давая себя перебить, громко и с удовольствием рассказывал:

— Теперь я буду рядом с вами, мои дорогие. Недалеко построили нашу базу. Я стал немного ближе к богу. Там, — лейтенант поднял указательный палец, — бегают наши «серые мыши» и, наверное, беспокоят его. Может, он переселится повыше? — расхохотался Джим. — Между прочим, твой брат, Люси, один из лучших офицеров, и только мне могли доверить такую работу. Спокойствие и безопасность я вам отныне гарантирую.

Телефонный звонок прервал лейтенанта.

— Это тебя, Джим, — сказала Люси, передавая ему трубку, — откуда-то из 2732...

— Лейтенант Грю слушает. — Джим даже вытянулся у телефона. — Понял. Да. Передать в Бюро информации. Понял. Вокруг базы. Понял. — Джим положил трубку, и в эту секунду из детской спальни раздался крик. Когда взрослые вбежали в комнату, где спала Натали, они увидели, как детские руки беспомощно тянутся вверх, в открытых глазах застыла быль. Девочка рыдала и металась на кровати.

— Вот, Джим, так каждую ночь, и мы ничего не можем сделать. — Лицо Люси окаменело. Она стояла над бывшей дочерью, но даже не притрагивалась к ней. — Все бесполезно, Джим. Это приходит само собой, как наваждение. Но это бывает каждую ночь, понимаешь, каждую.

Brave лейтенант молчал. Он знал, что происходит с ребенком, но он давал присягу и потому молчал, быстро перебирая пальцами пуговицы своего красивого мундира.

Девочка затихла.

— Два ноль-ноль, — произнес лейтенант.

— Что, Джим? — Люси с тоской смотрела на брата.

— Ничего. Я так. О времени. Спать пора, — ответил Джим.

Но на следующий день лейтенант загрузил вычислительные машины работой. Машины ощупывали Землю. Машины искали место, где нет спутниковых облучений.

Искали долго, упорно и... нашли. Они просигналили о полоске, о небольшом городке, который лежал между трасс спутников.

X-2244858004, — записал в свой блокнот лейтенант и в тот же вечер был у Люси.

— Надо переезжать, — сказал он ей тоном, не терпящим возражений, — наша база все равно будет расширяться, а тут, — он ткнул пальцем в бумажку, — полезный климат. Мне сказали, что ребенку здесь будет лучше. Она поправится...

Жизнь в новом городе наладилась. И — чудо! — Натали спала глубоким сном. По утрам она даже рассказывала счастливой матери свои сны про добрых слонов, смешных обезьянок, крикливых попугаев, про море, в котором прыгали дельфины...

А осенью приехал Джим.

— Джим, дорогой, спасибо, Джим. Ты спас Натали, она так выросла, посмотри, вон она, во дворе! — тараторила Люси и волокла Джима в дом.

— У меня плохие новости, Люси, — мрачно ответил лейтенант, — поэтому я и прикатил сюда. Почти все новорожденные в вашем бывшем городе, да и в других заболевают недугом Натали. Родители сходят с ума...

— Но надо же сказать всем, чтобы ехали сюда! Здесь же так хорошо! Надо спасти детей от этого безумия! Это же хорошо, Джим, что есть такое место!

Лейтенант говорил сквозь зубы.

— Через три месяца, Люси, этого места не будет. Сюда приедут толпы.

— Джим, я не понимаю...

— Послушай, Люси, дети заболевают из-за спутников, которые контролируют Землю днем и ночью. Здесь, — он взмахнул рукой, — последний клочок Земли, выпавший из их орбит. Последний, Люси.

— И все это сделали вы, Джим? Такие, как ты? Зачем? Кому это надо? Вы безумцы?

Джим не любил истерик. Его лицо стало бесстрастным.

— Это делают для вашей безопасности, черт побери. Для вашего счастья, сестра. Для счастья...

Натали спала, улыбаясь во сне... Знакомая страшная тень пробежала по ее лицу, глаза распахнулись в бездонном ужасе, тело взметнулось над кроватью, и вопль отчаяния сорвался с губ.

На пороге ее комнаты стояла Люси. Стояла и смотрела на дочь, не трогаясь с места.

Утром с неба сошел бог. У него было лицо Джима. Он сошел с вертолета и двинулся к дому Люси. Она вышла навстречу.

— Люси, вчера мы испытали новую станцию. — Джим остановился в нескольких метрах от женщины. — Теперь и это место легло под орбиту.

Люси молчала.

— Но есть выход. — Лейтенант попытался улыбнуться. — Мы придумали специальные сетки, их можно надевать на тело и жить. Излучение не пройдет сквозь них...

Люси молчала.

— Какая разница, сестра! — Лейтенант начал нервничать. — Можно жить в сетке! Она не мешает!..

Люси молчала.

Джим решительно тряхнул головой и пошел к вертолету... Он опаздывал. Через час его должны были повысить в звании — идея с сетками принадлежала ему, как, впрочем, и открытие незанятой, дефицитной местности для новой спутниковой трассы.

Люси смотрела на взмывающий в небеса вертолет.

Ее душа онемела.

ЛОПАТА

Боб всегда отличался от всех нас сообразительностью, оптимизмом, крепким здоровьем и еще чем-то неуловимым, но придающим ему уверенность, блеск в глазах и всеобщее расположение.

Может, в этом была доля того, что вокруг Боба зачастую витал легкий запах «Белой лошади». Но скорее всего все-таки не в этом было дело, так как таким он был с детства. Еще в школе Боб умел делать так, что у него всегда и всего было больше всех. Он умел это делать, и никто не перечил ему, признавая его первенство и главенство.

А сейчас Боб, уже седовласый, но еще крепкий мужчина, отправлялся за очередной удачей. Он вот уже как несколько лет подписал контракт на частные поиски в космосе, купил приличный корабль и успешно делал свое дело.

Как и всегда, в корабле был он один, да еще его галисман — старая, обшарпанная лопата, отполированная Бобовыми руками. Она, лопата военного образца, копала траншеи во время войны и спасла его. Она была участником его первых поисков счастья в глубинах собственной планеты. Острое лезвие этой лопаты вонзалось в грунт Марса, извлекая из него изумруды и алмазы, ворошила лунные камни, в далеких уголках звездного мира она вспахивала нетронутые пласты, принося ее обладателю уверенный рост суммы в банке. И теперь Боб тащил ее с собой в далекий уголок нетронутого пространства, где он пытался в очередной раз найти удачу.

Высадился Боб весьма удачно и, прихватив с собой лопату и рюкзак, двинулся в близлежащий лес. В лесу он обнаружил группу самых настоящих трудяг, они дружно перекапывали холм, их лопаты сверкали в лучах зеленоватого светила. Боб решил присмотреться. Лопатки у них были прямо игрушечные, чуть больше детских лопаток землян, а управлялись они с ними ловко. Аборигены копошились, Боб изучал. Ему сразу не понравилось то, что ими никто не командовал, все они делали сами: сами копали, сами отдыхали, когда и куда хотели, тогда и туда ходили — в общем, делали все сами и с удовольствием. Деловые маленькие фигурки просеивали взрыхленную почву, и иногда оттуда появлялись красные рубины.

— Что же, не плохо, — решил Боб, — завтра надо попробовать самому.

Боб с любопытством продолжал наблюдения, дальше все произошло проще простого. Зеленая звезда садилась за лес, труженики окончили работу. Сложили свои лопатки в общую, аккуратную пирамиду, а собранные кристаллы: кто один, кто два, а кто и десяток выкладывали на большой круглый стол. У некоторых вообще не оказалось ни одного кристалла, но это никого не смущало. Горка кристаллов росла и росла, а потом исчезла в мешке, который утащил один из трудяг. Все было удивительно просто. Труженики разошлись кто куда, вскопанный холм остался без присмотра. Бобу очень хотелось тотчас же вгрызться в него, извлекая красные камни, но темнота охладила его пыл — он ушел в корабль и выпался.

Ранним утром Боб проснулся от громкого шороха, как будто огромный кот скреб лапами землю. Холм шевелился — аборигены уже трудились. Боб решил еще

понаблюдать. Некоторых он видел впервые, другие пришли вновь. В остальном все произошло так же, как вчера.

На третий день Боб вошел в число работающих. Он спокойно подошел к ним и начал копать, никто не удивился, не оттолкнул его, не собрал вокруг него любопытных. Боб работал как трактор, оставляя после себя широкую борозду. Его лопата, вместимостью с добрый десяток лопат аборигенов, делала чудеса. Маленькие труженики с уважением поглядывали на Боба, но ему было некогда, его характер проснулся, он должен был накопать больше и найти кристаллы лучше, чем другие. Зеленая звезда заходила за лес. Боб дождался, когда разложат свои жалкие кучки маленькие существа, и с гордостью выложил свою, возвышающуюся горой над другими. На Боба устремились восхищенные глаза, Боб поиграл мускулами и ухмыльнулся. Камни стали сгребать в общую кучу, и тут Боб с проворством воробья, склюнувшего готовую взлететь муху, сгреб свои камни в свой рюкзак, закинул свою лопату на плечо и, насвистывая песню молодости «Я самый лучший из парней, спроси любую из моей деревни», двинулся в лес.

Спину ему сверлили недоуменные взгляды. На следующий день Боб собрал еще больше камней, лопата и мускулы делали свое дело. Боб с удовольствием ощущал тяжесть рюкзака. Удаляясь в лес, Боб чувствовал внимательные взгляды и шепот — аборигены явно о чем-то совещались.

«Уж не отнять ли думают, — забеспокоился Боб, — не такие покушались на мое богатство, а уж от этих-то как-нибудь отмахнусь».

Но аборигены были явно не агрессивны, а уверенность Боба придавали не только камни в рюкзаке, а кое-что потяжелее камней. На следующий день кучки камней не появились на общем столе, а аборигены расходились каждый со своей лопаткой и каждый со своим мешочком с камнями.

Боб стартовал на пределе тяги, мешки с рубинами весили немало. Он был рад и весел, все оказалось лучше, чем он мог себе представить: без риска и драки. Уже на полпути он вспомнил про лопату, которую забыл на зеленой планете. Боб очень расстроился, но возвращаться не мог, не было запасов горячего...

Организация Объединенных Галактик тушила огонь последней войны. Ее объединенные силы высадились на

зеленой планете. Впереди шел плечистый парень, сильный, глаза его блистали, он был первым, и никто иной им быть не мог, это понимали все вокруг. Опыт уже был, вскоре все кончилось, мир был восстановлен. Земляне с удивлением обнаружили на планете, на вершине холма, торчащую лопату военного образца. Парень внимательно ее осмотрел и увидел на деревянном черенке инициалы и короткое имя — «Боб».

— Надо же, лопата отца, — Парень размахнулся, но передумал и забрал лопату с собой. Корабли взмыли над мирной планетой.

ОН

Люди улыбались, глядя на розовый и пищущий комочек. Новорожденный был прямо как с картинки.

— Гляди, какой карапуз. Толстенький, глаза голубые, и голосок басовитый. Наверно, генералом будет, — зашепелявила проваленным беззубым ртом бабка-повитуха.

Монах осенил крестом карапуза, брызнул на него святой водой и открыл священную книгу. Все притихли, глядя на него и приготовившись ловить каждое монашеское слово. Монах важно приосанился, втянул воздух и распевно начал говорить:

— Имя твое будет Юрий. Сие означает землепашец. Он, землепашец, — наш кормилец, богом земле посланный, чтобы жили люди на ней и от нее кормились. — Монах величаво указал перстом на новорожденного и выпятил живот, от чего крест на нем качнулся и сполз чуть вправо. Стоящий неподалеку беловолосый мальчуган прыснул смехом, за что тут же получил подзатыльник. Мальчишка примолк. Монах продолжал, читая страницы книги: — Родился ты под звездой Бетельгейзе. Свет ее надежен и мягок. Ты будешь счастливым, жизнь твоя будет спокойной. В декабре и июне твоя звезда, Юрий, будет тебе помощницей, отдавая тебе свою силу. Знай это. Луч твоей звезды будет для тебя на всю жизнь путеводной нитью.

Словно в подтверждение слов монаха сверху к малышу протянулся тонкий светящийся лучик. Малыш зашевелился, отчаянно засучил ножками, еще сильнее запищал, личико его сморщилось, но он не заплакал, а заулыбался.

Монах тоже улыбнулся, еще раз перекрестил маленького человечка, а потом, воздев руки к небу, поблагодарил за новую жизнь Господа Бога, низко поклонившись иконам. Люди засуетились, родители торопливо спеленали малыша и бережно и торжественно понесли его в дом. По дороге к дому стояла вся деревня. Многие бросали на дорогу зерна пшеницы, приговаривая: «На счастье, малыш». Через три дня в другом доме родилась девочка. Ее путеводной звездой стала звезда Унук-Эльхайя. Через неделю родился...

Церковь была довольна — детей рождалось много, и каждый раз тонкие лучи опускались с небес и вливали жизненную силу в человека. Нити шевелились, извилялись, то угасали, то наливались упругостью вновь. Человек шел то уверенно, побеждая и радуясь успехам, то огорчаясь, падая, вставая и продолжая то, что он называл Жизнью. Часто взоры его устремлялись вверх к звездам... Там, далеко среди блистающих светил, гордо и величаво царил Он и перебирал нити жизни, то натягивая их, то отпуская.

Иногда животворные нити рвались, и умирал Человек, отдавая Вселенной то, что когда-то от нее принял.

Увидел Он тугой ствол нитей, тянущихся к счастливой Земле. Не понравилось Ему это. «Слишком много счастья одной планете», — решил Он и, схватив нити, начал дергать их и рвать... падали солдаты на поле боя. Шла по Земле чума, тиф, тысячами умирали люди. Устал Он и, прикрыв воспаленные глаза, заснул, сложив натруженные руки, чтобы проснуться и снова взяться за струны Жизни.

СТРЕЛОК

Этот уголок Галактики был просто идеальным. Звезда сияла ярко, но ее излучение было терпимо и свет не ослеплял пилота. Особенно приглянулась пятая планета, она переливалась зеленью растений, голубизной морей и белизной облаков.

«Прямо как наша Земля, — подумал Гавр, — наде садиться, нечего размышлять».

Гавр — пилот-разведчик, приоритетный посланец в неизвестное, мастерски притер корабль на травянистую поляну. Экспресс-анализ показал полную доброжелательность окружающего мира.

«Посплю и выйду», — решил Гавр и закрыл глаза. Сон был уже здешним. Под влиянием увиденного в сознании Гавра мелькали пушистые звери, дивные леса, красивые птицы. Рай да и только.

Проснувшись, Гавр огляделся вокруг и заметил кое-какие изменения: от корабля шла просека, теряющая свое окончание где-то далеко в лесных чащах.

«Не заметил я эту дорожку, что ли? — подумал Гавр. — Не могли же ее прорубить за четыре часа, пока я спал».

Облачившись в снаряжение для новых неизвестных планет и прихватив оружие, Гавр вылез из корабля. Красная метка его бластера показывала сто процентов — это действовало успокаивающе. «Добрый знак защиты» — так называли метку разведчики. Осторожно продвигаясь вперед, Гавр замечал вокруг себя все и вся: шевеление листвы, ее шелест, птиц в небе и траектории их полета, мелькание легких теней в кустах и меж деревьев — все было спокойно, без намека на агрессию. Но Гавр не расслаблялся, успокоительная тишина не отвлекала его, а окружающее спокойствие, наоборот, все больше и больше настораживало. Гавр, как опытный охотник в лесу, шестым чувством ощущал на себе настороженный взгляд.

«Деревья, что ли, смотрят?» — подумал Гавр и вспомнил русскую шутку:

*Как у нас в Рязани
Все грибы с глазами.
Их едят — они глядят,
Их берут — они бегут.*

Усмехнувшись, он шел дальше, но ощущение цепкого, липкого взгляда не отпускало его. Все более ему казалось, что он похож на быка на бойне, который идет по узкому коридору, в конце которого его ждет меткий стрелок с оружием, направленным ему в сердце. Но вокруг была тишина и благодать. И именно это нервировало Гавра. Несколько раз он ловил себя на том, что его рука невольно сжимала оружие. Гавр уже не шел, а крался, окруженный птичьим пением, ласковым светом, шепотом листвы, шел, подминая яркие цветы, сгибающиеся под его тяжестью, словно приветствуя его.

Напряжение росло. Гавр вышел из леса и очутился на полукруглой поляне, края которой круто уходили

вниз. Лес за ним сомкнулся. Гавр стоял, упираясь спиной в зеленую стену леса. Голубое небо и резкий край обрыва делили мир пополам: на темный низ и светлый верх. Граница между ними была четкой и строгой. Вдруг четкость границы нарушилась, линия горизонта вспучилась, и над краем обрыва появился лохматый бугор, превратившийся в хищную голову с горящими свирепыми глазами и оскаленной пастью, утыканной лесом кривых, желтых зубов. Голова поднималась все выше, покачиваясь на тонкой чешуйчатой шее грязно-зеленого цвета. Морда была просто отвратительная. Появились когтистые лапы, они подрагивали, выдавая нетерпение зверя. У косморазведчика была отличная реакция, оставшаяся еще от прадеда — завсегдатая баров и таверн, в одной из которых, впрочем, он и остался, опоздав опередить своего соседа на долю секунды. Выстрел — и затихающий вой подчеркнул меткость Гавра. Зверь исчез. Гавр вытер выступивший пот и боковым зрением заметил горбящуюся линию горизонта справа. Выстрел — вой — вспотевший лоб. Холм теперь вырос слева... Выстрел — вой — вспотевший лоб. Холм впереди — выстрел — вой — вспотевший лоб, слева — выстрел — вой, справа — выстрел — вой... Гавр уже не успевал вытирать лоб, пот струился сплошным соленым водопадом. Цифра 100 катастрофически ползла к нулю, но Гавр уже не замечал этого и только нутром чувствовал, что спасительные заряды тают, как снег в весеннюю пору. Очередной выстрел, и Гавр понял — ноль.

— Все, замотали, черт вас дерит, больше нет, — чертыхнулся от души Гавр и в сердцах швырнул бесполезную железяку в скалящуюся рожу. Удар был точен, и рожа исчезла, а оружие с глухим стуком скатилось в бездну. Гавр напряг мышцы тренированного тела, готовясь к схватке. Но никого не было, рожа не появлялась, горизонт был чист и светел. Напряжение сказалось, и дрожащие ноги Гавра перестали держать его... он стал валиться на спину. Но не упал. Что-то мягко поддерживало его, и он очутился в удобном кресле. Напротив сидел ухмыляющийся ромб с живыми глазами.

— Вы уже девятый и тоже с оружием. И все сначала стреляете, а потом раскаиваетесь и недоумеваете, как это произошло. Мы потеряли троих, пока не придумали вот это.

— Что это? — тупо спросил Гавр.

— Разрядитель оружия, — невинно ответил ромб и,

в свою очередь, спросил: — А где вы научились так хорошо стрелять, на войне?

— Нет, у нас войны давно нет, — сказал Гавр.

— А где же тогда? — переспросил ромб.

— На стенде.

— А что такое стенд?

— Это такое устройство, где мы учимся стрелять для охоты. Как вот этот ваш разрядатель оружия.

— Так вы стреляете только на охоте? — от души удивился и обрадовался ромб.

— Мы-то да! А вот в соседней звездной системе до сих пор воюют, — ответил Гавр. «Вот бы и правда построить стендов для любителей войн», — мечтательно подумал он.

СЕРДЦЕ КОМЕТЫ

Который раз неслась комета навстречу Земле. Заметили ее уже давно, приписывая ее появлению и ей самой всевозможные небылицы от пристанища богов до предвестника войн и всевозможных катастроф. Появлялась комета вблизи Земли довольно редко, один раз в семьдесят с лишним лет. Ученые передавали друг другу свои знания, но понять ее происхождение, ее будущее наблюдатели не могли. Летели ей навстречу автоматы, изучали, пролетали мимо, но все-таки это было не то, хотелось пощупать комету своими человеческими руками. Долго не могли прикоснуться к ней земляне, не могли проникнуть внутрь летящего впереди нее барьера, хоть слабого, но все-таки барьера. Труден был путь в космос землян. Сначала робко и недалеко от Земли, потом все выше, дальше, к Луне, а потом еще и еще дальше летели посланцы землян, возвещая о новых и новых шагах во Вселенной. А комета то приходила к Земле, то уходила назад, в глубины космоса, унося в очередной раз свою тайну. Планета готовилась к новому появлению кометы, люди ждали ее и были готовы к встрече. Мощная ракета вырвалась в космос, унося с собой тех, кто был готов прикоснуться к величайшей из тайн — сердцу кометы. Экспедиция была продумана до мельчайших подробностей: в середине группы кораблей летел «Прометей», несущий самое дорогое, когда-либо рожденное на Земле, — людей. Рядом летел корабль-двойник, на всякий случай, вдруг что-либо слу-

чится с основным кораблем, тогда можно будет перебраться на него и вернуться на Землю. Впереди летели три автомата-разведчика, глаза и уши экспедиции, вынесенные вперед. Расчет был прост: эскорт кораблей должен был сблизиться с кометой как бы сзади, догоняя ее, так было безопаснее, чем вторгаться в ее пределы в лоб. Картина стремительно несущейся кометы была устрашающая: пушечное ядро, выстреленное в глубине черного пространства неизвестным орудием, а далеко впереди — барьер частиц, прижатый свечением светила. Казалось, что этот барьер сметет корабли, разбрасывает их в пространстве, утопит в глубинах черного, бездонного космоса.

Но мы упорно мчались ей навстречу, нам была нужна ее тайна...

Теперь мы уже гнались за кометой, четко различая ее сердце — черный шар, а светящийся вокруг него ореол из ярких частиц дополнял видимую нами картину таинственностью. Черный шар манил нас как магнит, притягивающий к себе железную песчинку. Погоня длилась долго, автоматы, прокладывающие нам путь, не видели впереди опасности, они разрешали нам лететь дальше и дальше, шар медленно рос у нас на глазах. Зонды устремились в центр шара... и пропали в его черноте, но сигналы от них говорили о том, что опасности нет, что там, в середине ядра, есть твердь, плотная, которая может принять наш корабль. Все операции напоминали нам далекую историю, когда люди прокладывали себе путь к Луне. Наш корабль устремился вниз, вот он нырнул в темную массу атмосферы и осторожно спускался все ниже и ниже. Вокруг корабля кружились крупные коричневые хлопья и больше ничего. «Мрачный снег» — называли мы его. Локатор корабля нащупал в этой темноте твердую поверхность, и мы опустились на нее — лед, камни, песок, пепел — вот все, из чего состояла «земля» кометы. Космонавты огляделись вокруг и застыли в удивлении... посреди небольшого холма возвышался столб, надпись, похожая на древнюю клинопись, гласила: «Это все, что мы можем послать вам, предупреждая о Разуме и Добrote. Именно теперь, когда в руках ваших познание огромной энергии и пространства, будьте разумными. Пепел, кружащий вокруг вас, и осколок планеты, когда-то родившей Разум, но не осознавших это, — вам пример».

Колонну сняли, собрали немного пепла и вернулись

на родную планету... а через десять лет корабль землян устремился в соседнюю галактику, это был огромный корабль, строила его вся планета, а экипаж состоял из представителей всех стран и народов.

Летели туда, куда указывала колонна кометы. Анализ показал, что она сделана так же, как колонна Чандрагупты, и земляне надеялись найти ее создателей, увидеть их новый мир.

ДУХ ПРЕЗИДЕНТА

Это был очень воинственный Президент. При нем сделали «невидимые» ракеты и самолеты, умеющие еще и летать так низко, что их появление было поистине неожиданным и устрашающим. Это он выдвинул требования для армии и промышленности: ракеты и самолеты — ниже, спутники — выше, лодки — глубже под водой, а люди — глубже под землей. Это он утвердил проекты военных баз в космосе и на Луне. Мир жил спокойно. Президент был доволен — деньги текли в его страну бурным потоком, многие видели в сотрудничестве с хищным зверем залог и гарантию своей безопасности. Уроки истории были преданы забвению. Время шло, старел Президент, и у него появилось новое увлечение — он стал много читать. Газеты писали о нем как о самом читающем Президенте, этим гордилась, а вернее, должна была гордиться вся страна — страна промышленности и процветания. Президент стал часто бывать в уединении в библиотеке Желтого дома — своей резиденции. Часами просиживал он в глубоком кожаном кресле. Никто не смел тревожить его в это время, оно было святым — Президент познавал мир сквозь призму книг и философских раздумий. Многие хотели узнать, что читает Президент, пытаясь проникнуть в его тайные мысли и стремления, но ничего не получалось... Библиотекарь исправно брал взятки, делал глубоко-мысленное лицо, закатывал глаза к небу.. и любопытствующие уходили в восхищении многогранностью интеллекта Президента; библиотекарь снова и снова протирал от пыли нетронутые книги, а после работы резво бежал в банк для оформления очередного вклада доверчивых Министров. Каждый день по три раза он молил бога продлить жизнь Президенту, библиотекарь очень его любил. Однажды библиотекарь с волнением

обнаружил, что на одной из книг пыль была потревожена и на ней явственно означился палец Президента. С волнением раскрыл книгу библиотекарь, и перед ним предстали повествования о храмах, памятниках царям и фараонам, кесарям и ханам. Страницы с описанием величественных статуй, барельефов, колонн были испещрены пометками Президента. Библиотекарь понял... Президент искал, выбирал себе памятник от благодарных потомков. Смышленный служитель храма книг изучал пометки, систематизировал их, вдумывался, анализировал, но не мог проникнуть в тайнства президентских мыслей, не мог определить выбор Президента. Тогда он посвятил в свои изыскания математиков, они составили программы, а библиотекарь опять увеличил свой счет в банке. Машины недолго бились над следами президентского пальца и получили результат — Президент должен был выбрать храм, храм подобный храму древнего самодержца. Туда, к храму, полетели художники, строители, инженеры, они мерили, вычисляли, зарисовывали, фотографировали, но не угадали — в завещании Старый Президент просил Нового Президента запустить его прах на орбиту так, чтобы спутник с урной всегда был над его страной, чтобы Президент всегда был со своим народом, вернее, его Дух, как он сам записал в своем послании Новому Президенту. Газеты пестрели словами завещания Старого Президента и благородными заверениями Нового Президента о решении выполнить просьбу Старого Президента.

Пышно и ярко обставили присягу Нового Президента. Он был решителен и смел, Новый Президент, он сразу же решил исполнить завещание Старого Президента.

— Такое начало укрепит доверие ко мне и отвлечет от мыслей о Старом Президенте, это же надо, что придумал этот старый хитрец, — размышлял Новый Президент.

Траурная черная ракета стояла на старте, который тоже был окрашен в густой, черный цвет. Под черным колпаком-обтекателем на самой вершине ракеты лежала черная урна с прахом Президента и платиновые пластины с описанием его деяний, все и навсегда должны были знать о величии страны при Его правлении.

— Все ли готово? — спросил Новый Президент.

— Да, — коротко ответил Министр по Космосу.

— Начинайте, — скомандовал Президент.

— Ввести программу, пять минут до старта, — объявил Министр.

Время старта держалось в секрете, у Старого Президента было много врагов в его стране.

Вычислитель был очень опытным программистом, он безукоризненно ввел программу полета в системы ракеты. Автоматический контроль не обнаружил никаких отклонений, он был очень опытный специалист — стартовый вычислитель.

Настала минута старта.

— Да исполнится воля любимого и незабвенного Президента, — театрально воскликнул Новый Президент, — старт!

— Старт, — повторил Министр по Космосу.

— И чтобы духу твоего и близко не было, — прошептал стартовый вычислитель и снял блокировку старта.

Черная ракета унеслась в небо и скрылась в низких, черных тучах, гул ее двигателей вскоре стих в черной бездне. Министры и Новый Президент укатили в больших черных лимузинах.

А через некоторое время в Министерстве по Космосу разразился скандал, спас всех Министр Печати. Все утренние газеты пестрели броскими заголовками: «Новый Президент, отдавая дань уважения и признания Старому Президенту, решил отправить его прах в глубины космоса, пусть знают все, какие у нас есть Президенты. Новый Президент присягает на верность идеям Старого Президента».

Прошло немного лет, и на планету прилетела Межгалактическая Комиссия и вместе с разумными планеты восстановила справедливость: самолеты теперь перевозили пассажиров и грузы, корабли развозили бананы и апельсины, ракеты выводили в космос спутники, умеющие обнаружить с орбиты руду, золото, каменный уголь. Вскоре планета вступила в Межгалактическое содружество, достойно представляя в нем Разум и Справедливость.

РЕТРО

Планета, кружащая около Желтой Звезды, готовилась к величайшему событию. Настал наконец день, когда стала возможной экспедиция на край Галактики, к

далекой звезде. Выбрали именно ее, наблюдая и изучая звездное небо тысячелетиями. Статистическая обработка миллиардов звездных излучений дала обнадеживающие результаты — спектр ее был близок к спектру их родной Желтой Звезды. А раз это так, рассуждали ученые, то и Разумным с их планеты будет легче выжить в дальних далях Вселенной. Надо будет только найти подходящую планету около звезды. Надежды на это были. Галактика была огромной — световой луч Желтой Звезды летел из Центра Галактики к ее краю почти 50 тысяч лет. Звезд было миллиарды миллиардов. Но это только те, которые можно было видеть. А дальше... бесконечное множество. Так неужели, убеждали ученые, среди бесконечности есть лишь одна Жизнь? Это противоречило всякой логике. Этого не могло быть! Уникальность не свойственна самой Природе — множественность, фундамент ее бесконечного существования. Ученые подсчитали, что звезд, похожих на Желтую Звезду, в Галактике около семидесяти миллионов. Каждая Звезда вправе иметь планетную систему. «Число цивилизаций нашего уровня около пятидесяти миллионов», — так заявили астронавты, физики, химики... Но такую звезду надо было найти. И ее нашли, а значит, там может быть и «подходящая» планета. Обнадеживало и то, что из глубин космоса прилетали и падали на планету метеориты, и они содержали органические соединения — основу жизни Разумных.

Планета жила проектом полета к Далекой Звезде, объединив силы всех стран. Все жили одной мечтой — скорее, скорее, скорее... Ученые давали положительный прогноз, инженеры создали надежный звездолет, физиологи, психологи, социологи решали свои проблемы. Экипаж был готов к полету.

Но самую большую неопределенность таили проблемы социальные. История жизни Разумных насчитывала миллионы лет, рос возраст цивилизации, росли и проблемы в высокоразвитом, интеллектуальном, техническом обществе. Появились компьютеры с высокоразвитым интеллектом, они становились прямо-таки членами семей, как некогда домашние животные... Они вели хозяйство, финансовые расчеты, они обыгрывали Разумных в шахматы, теннис, футбол, хоккей. Конфликты вспыхивали один за другим, тем более что компьютеры научились даже любить...

Полет к Далекой Звезде отвлек от своих проблем,

все думали об экипаже, о том, как сохранить жизнь в стенах звездолета. Все были едины в одном: на борту должны быть Разумные и компьютер. Маленький мир планетного общества, летящий среди звезд, должен сохранить в себе все, а вернее, почти все, что создала и знала цивилизация, все, что она умела.

Предстоящий полет широко обсуждался всеми. В каждом доме имелся «дисплей информации». Каждый мог вызвать на экран страницы любой газеты, журнала... Это было удобно: можно было, например, задать программу подбора материалов по конкретной, интересующей тебя проблеме — и вся сегодняшняя информация по этому вопросу будет на экране. Да и не только сегодняшняя, а и за год, два, три... Любая газета, любая страница, любой материал в доме. Кипели диспуты, дискуссии по телевидению и радио. Созывались многочисленные симпозиумы, несть числа было заявлениям различных групп. Все это множилось и сплеталось в сложный клубок споров и мнений. Планета кипела. Ответственность за эту миссию брала на себя вся цивилизация, все ее Разумные. Путь только туда, к Далекой Звезде, прогнозировался в шестьдесят лет. «Сменяемые в полете поколения или анабиоз?» — первая проблема. «Остаться на чужой планете или возвращаться? Ведь тогда полет удлинится во времени минимум в два раза!» — вторая... «А если там тоже есть Разумные?» — третья... «А если авария?» — четвертая... «А если?..» — пятая, шестая... Клубок проблем и споров, переплетение проблем технических, психологических, социальных, этических, нравственных... Разрешение их должно быть безошибочным — слишком дорога может быть плата за просчет. Жизнь и сам Разум.

Дисплей пестрел полосами газеты «Только мы». «Полет надо запретить. Жизнь одна, она родилась здесь и нельзя ей рисковать. Теоретики подсчитали, что отношение числа более развитых цивилизаций, чем на планете, к менее развитым может составлять около 0,7. Так где же они? Почему они не летят к нам и не дают знать о себе? Их просто нет. Мы одиноки. Феномен существования нашей цивилизации случаен. Мы не имеем права рисковать этой уникальностью. Космос бесконечен, бесчисленны и его опасности. Вирус косил Разумных не раз, и зачастую он «прилетал» из глубин космоса, в метеоритах. А вдруг занесут другой вирус, «психологический», например? Только отделались от «военного пси-

хоза», вдруг опять занесем семена агрессии и захватничества. Надо беречь свой дом и не метаться по Вселенной. Нас могут выследить...» Журнал «Простор», наоборот, ратовал за идею расширения сферы физического проникновения Разума: «...пока это не сделали другие. Лучше встретиться с ними там, в далеком космосе, чем ждать их здесь, на своей планете, пока они не нагрянут прямо в наш дом. Вот тогда уж точно будет поздно». Споры кипели, разгорались и гасли, вспыхивая вновь и вновь.

Наступил день всенародного представления программы полета перед стартом. По традиции сначала в зале встреч отвечали на вопросы руководители проекта, потом была встреча с экипажем. В этом была своя мудрость: присутствие экипажа сковывало. Не все вопросы задашь тем, кто летит. И сеять в них сомнение своим любопытством было по крайней мере неэтично. Действительно, как обсуждать опасность этого предприятия в присутствии тех, кто вскоре займет место в звездолете, или обсуждать способность их выжить среди звезд, сохранить свои физические качества. Как говорить о возможных изменениях психики, способности любить, рожать, воспитывать детей в летящем инкубаторе Жизни и Разума. Поэтому встречу с экипажем транслировали уже из кабин транспортного корабля, готового к старту в космос, на орбиту стыковки с межзвездным блоком.

На экранах появился зал дискуссий, за круглым столом сидели руководитель проекта и ведущий журналист. Вспыхнул сигнальный огонь — время передачи началось.

Ведущий начал дискуссию.

— Продержится ли жизнь на пути к Далекой Звезде? — задал он первый вопрос.

— Есть два способа поддержать жизнь.

— Расскажите.

— В экипаже четыре семьи: Брант, Клевцовых, Смит и Ван Дог. Это рекомендованный минимум для двух-трех поколений. Врачи дают уверенный прогноз на рождение двух детей у каждой семьи. Кроме того, они уже имеют по одному ребенку в возрасте до пяти лет. Гарантирована также разнополость детей. Психологи уверены во взаимном интересе их сочетания и благоприятном общем биополе. Вероятность прогнозируемого процесса

высокая, жизнь должна выдержать дорогу к Далекой Звезде.

— Понятно. А второй способ?

— Анабиоз.

— Чему отдается предпочтение?

— Тому и другому.

— Но все-таки какой-то способ предпочтительней! Какой-то способ все же более надежен и обладает долей социальной чистоты! Не так ли?

— Это должен решить сам экипаж. Мы рекомендуем сочетание двух способов. Я уже говорил, что в экипаже четыре семьи и по одному ребенку. Но это не все, я не успел сказать, что на борту звездолета есть еще один ребенок без отца и матери тоже пятилетнего возраста. И одна женщина и один мужчина, не связанные узами брака. Вот они должны лечь в анабиоз. Потом, когда это будет необходимо, я думаю, лет через двадцать, они будут разбужены: и взрослые и ребенок.

— Но почему это не семья, а разные, чужие, так сказать, друг другу люди? И почему надо сохранить ребенка ребенком?

— Социологи решили, что так будет надежнее. Было много споров и взаимных обвинений в неэтичности такого подхода. Помните бурю с экспериментами Ле Жана? Кто мать? Это было сотни лет назад. Женщина, вынашивающая в своей плоти оплодотворенную яйцеклетку сторонних родителей. Она его производила на свет. Но кто же истинная мать? До сих пор юриспруденция не дала ответ. Здесь суть в том, что взрослые, погруженные в анабиоз, проснутся, так сказать, средним звеном между рожденными в полете малолетними детьми других семей и постаревшими родителями. «Что стар, что млад» — эта прекрасная русская пословица, как никакая другая, лучше отражает эту ситуацию.

— В чем же?

— И старым и молодым будет нужен лидер. Ими станут сохранившие молодость, не обремененные супружескими обязанностями взрослые, вставшие из анабиоза. Надо учесть, что к тому времени дети, стартующие в звездолете, станут примерно такого же возраста. Это дает значительное расширение случайности выбора супруга. А это очень важно.

— Наверное, это так.

— И еще... В обществе появляются и возвращенные в полете воспитанные среди звезд, и те, кто созрел во всех

отношениях еще на планете. Взаимное влияние в такой среде более чем важно.

— А ребенок?

— У молодых пар появятся дети. Дети детей, родившихся на борту звездолета. Среди них появится ребенок такого же возраста, но воспитанный на планете. У детей свое общение, и им тоже нужен будет «дух детей родной планеты». Тут и поможет анабиоз. Это как инъекция живительного допинга в дряхлеющее тело.

— Логично.

— Так, полагают ученые, может продержаться социальная группа в течение пятидесяти-семидесяти лет.

— А дальше?

— Ну а дальше процесс не подлежит точному прогнозу, слишком много случайных событий, и прогноз становится маловероятным. Слишком неточны априорные данные, они и дают большую неопределенность. А ведь еще и обратный путь?

— Или ждать на планете вторую, третью и так далее экспедицию... или лететь обратно. Кто принимает это решение?

— Разумные или компьютер. Корабль оснащен компьютером высшего интеллекта с возможностью гибкой адаптации мыслительных процессов в зависимости от конкретных ситуаций.

— Компьютер-мыслитель?

— Да, это так. У него развитая периферия сбора информации — сенсорная часть; широкая сеть представления информации — от геометрической, цифровой, до звуковой. Есть манипуляторы, радары, лазеры, роботы, тепловизеры.

— Да, да, я понимаю. А не может сложиться конфликтная ситуация компьютера с Разумными?

— Скажем так: не должна. В компьютер заложено непоколебимое требование охраны Разумных.

— А решения?

— Решения за Разумными, если они живы. Кроме того, в него заложены чувства живых и Разумных, их структура. Он может даже любить.

— Как это?

— Он воспитал трех детей, один, вернее, одна из них летит с ними в анабиозе.

— А остальные?

— Они здесь на планете. По ним мы будем судить

о ее возможном развитии на звездолете. Они вроде живой модели космической путешественницы.

— Не жестоко?

— Нет. Именно поэтому компьютеру не чужды чувства матери и отца, брата и сестры. На борту будут дети. Мало ли что случится со взрослыми, их психика иногда более неустойчива, чем детская.

— Да, вы много продумали. А если жизнь все-таки угаснет?

— Компьютер будет действовать самостоятельно с двумя определяющими принципами: первый — самосохранение, второй — доставка информации к нашей планете.

— А рождение в невесомости? Не приведет ли оно и развитие в этих условиях к патологической перестройке организма, к необратимым процессам?

— Полет будет чередовать этапы невесомости и малой гравитации за счет тяги двигателя. На борту есть ядерный источник энергии.

— Поступил следующий вопрос: почему количество звездолетчиков ограничено? Нельзя ли взять их побольше? Некоторые даже согласны лететь вместе с ними.

— Объем жилых отсеков ограничен, это прежде всего определяется энергетикой двигательной установки, рассчитанной на путь туда и обратно. Мы хотели использовать межзвездный парус, но пока не решились делать на него ставку. На борту есть парус, и его будет опробовать экипаж.

— Слушатель спрашивает: зачем все это?

— Сложный вопрос, но ответу просто: нам тесно на планете, и она задыхается, ресурсы ее таят непомерно быстро. Еще десять веков... и нам будет очень трудно. Надо искать и надо торопиться. Это счастливая случайность, что мы нашли эту звезду в бесконечном ряде малой вероятности. Вот и все.

— Еще один вопрос: а если там будут Разумные?

— Прогнозов на этот счет просто нет. Мы не можем даже предположить направление их развития, степень агрессивности, уровень знаний. Есть одно предположение: излучаемая энергия Далекой Звезды по своему уровню соответствует естественному уровню ряда монозвездных систем. А раз это так, то гипотетически существующая цивилизация находится на уровне еще небольшого, скажем, долям процента, потребления энергии звезды. Это наш технический уровень. Это нас обнаде-

живает, вселяет уверенность взаимопонимания. Или просто у звезды еще нет цивилизации. И такое может быть. События эти равновероятны.

— А можно ли привести их с собой, если они все-таки есть?

— Это решит экипаж после тщательного исследования. Однозначного запрета на эту акцию нет, но в этом случае будет карантин на самой дальней планете нашей системы.

— Это правильно, осторожность тут не помешает.

— А что, кроме воспоминаний, увезут Разумные с собой, что уталит их голод по родной планете?

— В звездолете есть много. Роща карликовых деревьев, цветы, бассейн-озеро, птицы, животные. Есть фильмы, библиотека, стадион, записаны голоса планеты. А главное, конечно, дети. В общем, и много, и мало. Это, пожалуй, наиболее узкое место — планету с собой не возьмешь, а хотелось бы...

— Есть проект перемещения в пространстве всей планеты, но... тогда надо будет решиться на разрушение звездной системы. Пока мы на это не пойдем.

— Спасибо за внимание, наше время истекло. Пожелаем успеха нашим звездолетчикам и ученым. — Ведущий лучезарно улыбнулся.

Экран погас и засветился вновь. В рубке космического корабля сидели пятнадцать представителей Разумных планеты: десять взрослых и пятеро детей.

Ведущий представил их зрителям.

— Семья Брант: Клара Брант, двадцать восемь лет, учительница высшей школы, историк. Крон Брант — инженер по кибернетическим системам, тридцать два года. Их дочь Прат, четыре года, воспитанница школы математиков. Семья Клевцовых: Нина Клевцова, двадцать девять лет. Архитектор. Петр Клевцов — инженер-пилот, физик, тридцать три года. Их сын — Икар, воспитанник школы балета, пять лет. Семья Смит: Дик Смит, двадцать семь лет, химик. Жанна Смит, биолог, двадцать пять лет. Их сын, Джерри — воспитанник школы художественного мастерства, 5 лет. Ван Дог: Нуен Ван Дог, двадцать семь лет, психолог. Она же прекрасный врач. Хо Ван Дог — астроном, двадцать девять лет. Их дочь Тяо Ван Дог, пять лет, воспитанница школы изящных искусств. Прекрасно поет. Марта Биркман, двадцать пять лет, археолог. Изумительный музыкант, победитель многих международных конкур-

сов. Хойл Хоффман, двадцать шесть лет, палеонтолог. Спортсмен с громким именем, виртуоз тенниса. Маша Дробова, пять лет. Родители погибли в авиационной катастрофе. Скажем прямо — уже настоящий математик. Увлечена тензорным исчислением. Воспитанница ведущего компьютера. Умеет все на свете: ловить птиц, шить, готовить обед, хорошая спортсменка. Обладает великолепной памятью. Вот и весь экипаж смелых и мужественных планетян. Поступил первый вопрос: «Не страшно?» Вопрос адресован Петру Клевцову.

— Нет, не страшно. Но очень интересно. Моя семья готова к этой миссии. Нина архитектор, я физик. У нас большой интерес к этой звезде. Вернее, к звезде у меня, а у Нины — к планете. Может быть, там найдем пирамиды, подобные древним пирамидам нашей планеты.

— А как вы относитесь к социальным проблемам вашего мини-общества?

— Проблемы могут быть, не скрою. Вы, наверное, знаете, что наша колония-экипаж провела год на острове в океане. Неожиданностей не было. Но все мы понимаем, что это полунатурное моделирование — только первое и грубое приближение к условиям группового одиночества в космическом полете. У детей прекрасный контакт. Клара без труда с ними справляется. Мы по очереди читаем им лекции в области своей специализации. Интересно, что ребенок, так сказать, сегодняшнего учителя становится тут же прекрасным консультантом для остальных. В общем, у нас сложилось достаточно дружное сообщество. Как будет в полете, трудно сказать, но думаю, что все будет удачно. Социологическую программу мы изучили, и она нам понятна. Как пилот я буду включаться в процессы управления звездолетом, дублировать компьютер. Мы умеем разделять функции без взаимных обид и претензий. Как физик я буду прежде всего изучать межзвездную среду, звезду, к которой мы летим, планеты. На борту великолепная аппаратура и лаборатории.

— Вопрос вашей жене. Нина, вы архитектор, как вам видится ваша роль в экспедиции?

— Первое — это наличие на планете Разума или его следов. Архитектура довольно ясно определяет уровень развития цивилизации. Это ярко видно по нашей планете: от пещер до мегаполисов, от барокко до кубизма. Второе — изучение чужого опыта и передача нашего. Искусство легче понимает друг друга. Кроме то-

го, у меня большой курс обучения наших детей, да и членов экспедиции тоже. У нас на борту прекрасная система, способная синтезировать любые изображения, формы, цвета. Система может заставить изображение менять формы, цветосочетания, придавать ему движение. С помощью этой системы можно показать город с высоты птичьего полета, из космоса, можно «проехать» по его улицам, заглянуть в квартиры, посмотреть на поток пешеходов и машин, «походить» по городу, войти в магазин... Можно как бы лететь в самолете и смотреть вниз на горы, поля, фермы. Можно подняться в космос и увидеть оттуда планету, ее континенты, архитектуру всей планеты. Я буду учить детей конструировать дома, города, квартиры, планировать архитектуру целых регионов. Кроме того, мы договорились научить друг друга своим профессиям. Это долгая и полезная работа, притом увлекательная. Вот так.

— Спасибо. Вопрос Ирине. Что будешь делать ты?

— Я буду танцевать, программа моей учебы в компьютере, он будет моим учителем, хоть и сам не умеет танцевать. Сейчас я заканчиваю изучение школы Майи Воор, потом — Хеди Брукка. Буду учить своих друзей и готовиться жить в новом доме — на новой планете. Кроме того, я побывала, как и все мы, в невесомости. Это тоже очень интересно — танцевать в невесомости.

— Спасибо, Ирина. Вопрос Диду Смит. Что будете делать вы?

— То же, что и все. Кроме того, изучение химических процессов чрезвычайно важно. Этим я и займусь. У нас интересная программа с Петром. Это будет физическая химия или химическая физика. Стык наук — это клад, и мы его будем разрабатывать.

— Ясно. Вопрос вам, Жанна Смит. Ваше место и работа?

— Что и все, во-первых. Во-вторых, я художник. Вспомните картины древних на скалах, творения каменного и бронзового веков — прекрасные города, храмы, церкви. Картины лучших художников пленяют нас и сейчас. Художник взглянул не только на реальную действительность, но и проник своим пытливым взглядом в космос. Мне доведется взглянуть в бездну. Я должна это понять и передать всем. Восхищают картины космоса художников, побывавших в космосе. В нашей группе есть талантливые художники, но они еще начинающие. Я их буду учить. Особенно детей.

К тому же я биолог. По-моему, об этом излишне говорить. Биолог на чужой планете — это глаза и уши, это руки, это созидание и проникновение в тайны творения и разрушения. Все знания в этой области в компьютере, у меня — их часть. Мы дополним друг друга. Есть и взаимные работы с Петром и Диком.

— Ну а у тебя что, Джерри?

— Я умею рисовать и буду помогать маме. А если на планете будут ребята, я научу их, а они меня.

— Спасибо, Джерри.

— Ваш черед, Нуен Ван Дог.

— Психология — наука, обобщающая многие частные науки. Психика человека зависит и от здоровья, и от убеждения, и от социального строя, и от материального благосостояния, и от семейных отношений, от окружающей среды и окружающих. Космическая психология особо интересна и познавательна. А контакт с инопланетянами — это первейшая задача психолога. Пульс жизни общества острее всего ощущает психология. История космонавтики рассказывает о поведении человека в одиночестве. Одно наблюдение о возможности слуховых галлюцинаций что стоит. В шуме вентилятора услышать пение птицы. Явная аномалия, и притом опасная. А групповое поведение! Примитивные поведенческие реакции: объединение одной группы против другой, миграция в этих группах, конфликтные ситуации... все это мы испытаем на себе, и я должен находить выход из лабиринта случайных ситуаций. Простите, вернее, все мы, а я как специалист должен этому помочь. А обязанности врача просто очевидны.

— Хо Ван Дог, ваш черед.

— Астроному в космосе всегда много дел. На краю Галактики тем более. Вот мой ответ.

— Благодарю вас за краткость. Тяо, а ты что скажешь?

— Я учусь отсекаать от камня все лишнее, как учил великий скульптор, но не всегда получается. В полете я еще подучусь. Дядя Гу мне поможет.

— Кто это, дядя Гу?

— Это наш компьютер.

— Почему дядя Гу?

— Когда он сильно думает, он иногда гудит и у него получается вот так: г-у-у-у.

— Спасибо, Тяо. Ты ведь еще умеешь петь?

— Да, я умею петь песни на разных языках. В них столько много интересного и полезного.

— Марта Биркман?

— Со мной очень просто, я археолог. Копаться в древности — мой хлеб. Нашу планету мы перекопали вдоль и поперек. Надеюсь, что и на чужой планете мне это удастся сделать. Я музыкант. Мир музыки не менее богат, чем мир прекрасных картин и городов. Мир чисел и музыки, природы и звуков един, он неразрывен, он прекрасен. Музыка останавливала войны и давала силы созиданию. В этом моя работа и мое предназначение.

— Хойл Хоффман, что вы скажете?

— Я умею из останков воссоздать то, кем это было миллионы лет назад. Думаю, моя работа пригодится в глубинах космоса, а на чужой планете тем более. Другое мое предназначение — спорт. Спорт — это наша жизнь, сохранение красоты и силы. А это значит и способности мыслить, творить, работать. Теннис — разносторонняя игра, сочетающая физическое совершенство и умение логически и оперативно мыслить. Это нам просто необходимо.

— Твоя очередь, Маша.

— Я люблю своего отца, дядюшку Го, как его зовут маленькая Тяо. Он воспитал меня, и мы с ним очень дружим. Он тоже любит меня. Я еще люблю математику. Мы с Го разработали программу совершенствования, он будет еще лучше и будет уметь еще больше.

— Спасибо, Маша. А теперь вопросы к экипажу. Вот первый вопрос. Что вы будете делать, если встретите подходящую планету «по пути»? Вопрос Петру Клевцову.

— Я думаю, что мы сделаем остановку. Ведь наша цель — поиск подобия, а не сама звездная система, к которой мы летим. Она одна из многих, и только.

— Вопрос Нуен Ван Догу. Есть ли среди вас верующие?

— Странно, почему именно мне, но отвечу. Да, есть. И это нам не мешает. Пусть вера даст нам еще один источник надежд на успех. Вот и все.

— Что вы думаете о нашей планете?

— Нам ее очень будет не хватать, я так думаю, — ответила Марта Бирман. — И хочу верить, что она сохранится... долго, долго, и наши потомки увидят ее вновь.

Все утвердительно закивали головой.

— Вот еще вопрос. Он поступил с условием, что если кто-то не хочет на него отвечать, то и не надо. Вы практически умираете для планеты, вы больше ее не увидите никогда, и вы первые, кто идет на это «самоуничтожение при жизни». Считаете ли вы это гуманным и, главное, нужным?

Наступила неловкая тишина, прямолинейность вопроса буквально всех ошеломила своей обнаженностью и трагизмом. Пауза затягивалась, все прятали глаза. Даже Хо Ван Дог опустил голову. Опять какая-то неловкость окутала всех. Вопросов больше не было. Ведущий пытался бодро закончить передачу, но этого не получилось. У многих телезрителей осталось гнетущее впечатление от встречи. Исчезли с экранов лица звездолетчиков, и предстала ракета с космическим кораблем, который должен доставить экипаж на борт звездолета, кружащего на орбите вокруг планеты.

Звездолетчики готовились к старту... На полиэкранах можно было видеть ракету и прилепившийся сбоку космический корабль, отсек экипажа, бункер подготовки старта, зал Центра управления полетом. В отсеке экипажа звездолетчики усаживались в кресла. Петр тщательно проверил, как кто устроился, особенно детей. Его кресло было впереди остальных, окруженное изогнутым и синеватым дисплеем. Петр занял кресло и начал подготовку к старту. Экран засветился, на нем появились схемы, рисунки, цифры. Корабль оживал, готовясь ринуться ввысь. Вскоре все службы космодрома и экипаж объявили о готовности к старту.

— Желаю удачи, — напутствовал руководитель службы космодрома.

— Спасибо, — ответил Петр. — Выдаю команду на включение двигателей.

— Разрешаю.

Мощные струи огня ударили вниз, и махина металла медленно оторвалась от пусковой башни. Широкое пламя пульсировало и переливалось, озаряя космодром дрожащим светом. Вскоре оно исчезло за тучами. Взлет длился десять минут. Впереди был звездолет. Он был огромен, форма его напоминала перекрещенные гантели. Шары на концах пересекающихся труб-переходов использовались для жилых помещений, сада, стадиона, лабораторий. В одном из них хранились посадочные боты. Это был микрогород. К нему устремился корабль с звездолетчиками. Один из шаров засветился, в нем

открылся люк, и корабль тихо заплыл внутрь. Магнитные причалы приняли корабль. Люк закрылся. Шлюз заполнился воздухом, и звездолетчики покинули корабль. До старта звездолета оставалось немного времени: так сделали специально, чтобы не терзать Разумных долгим расставанием с родной планетой.

— Через полчаса будет включение буксировочного двигателя, не забудьте зафиксироваться, — предупредил всех Петр.

Звездолетчики поплыли по своим каютам. Невесомость очень понравилась детям. Они радостно кувыркались, гонялись друг за другом. Загнать их в каюты было нелегко. Но все же это удалось. Лишь Маша сама заняла место в кресле и, пристегнувшись ремнями, смотрела в иллюминатор, туда, где остался ее дом — колония детей. Взгляды всех устремились к планете... никто не нарушал тишины, каналы связи безмолвствовали.

Двигатель буксира включился точно в заданное время, несильно толкнув звездолет. Медленно удалялась планета... Через пять суток, на безопасном для планеты расстоянии предстояло включение ядерного двигателя. Притихли Разумные, голоса стали глухими, фразы отрывочными, глаза то и дело устремлялись в иллюминаторы. Каждая минута удаляла звездолет от планеты. Уже давно не различались города, исчезли очертания озер, рек, морей. Континенты сливались в единое целое — шар, летящий в черном пространстве. Радовали глаз лишь краски планеты: голубые, белые, коричневые... А вокруг был бесконечный мир черных и белых красок, мир, в который они должны лететь и который, казалось, растворит в себе ничтожную песчинку — звездолет, несущий Жизнь и Разум.

Настало время включения маршевого двигателя. Огромное зеркало отражателя зашевелилось, ориентируясь в известную только компьютеру точку. Запылали сигналы готовности, завыли сирены предупреждения — сейчас проснется атом.

Вспыхнуло пламя — корабль начал разбег к Далекой Звезде. Плавная начала расти перегрузка — год будет работать двигатель, а затем развернутся звездные паруса, и Гу будет постоянно «ловить Ветер пространства». Перегрузка сделала жизнь похожей на привычную, но не совсем. Меньшая сила тяжести изменила движения звездолетчиков, сделала их плавными, замедленными. Космонавты будто танцевали в медленном

вадьсе. Исчезла стремительность, резкость, порывистость. Случайно оброненные предметы медленно падали, и их можно подхватить не торопясь...

Летели дни, месяцы, планета сначала превратилась в светлую точку, а потом исчезла, и ее можно было видеть только в телескоп... Прошли годы, и теперь уже и сама Желтая Звезда стала точкой, а там, где-то около нее, кружила планета с Жизнью, пославшей их сюда, в бездну. Работали звездолетчики, спали в скафандрах Маша, Марта и Хойл.

Занимались спортом, ходили в кино, строили, учили и учились, воспитывали, исследовали, изучали. Жили, росли, влюблялись, рожали детей. Сменялись в иллюминаторах созвездия, приближалась заветная Звезда.

Наступило время пробуждения спящих. Проснувшиеся от анабиоза с удивлением рассматривали подросших детей, ставших взрослыми, ровесниками им самим.

Пратт Брант жила с Джерри Смитом. Они нашли и общее увлечение — программирование и создание трехмерных картин. Картины могли быть неподвижными, а могли и оживать, менять краски, шелестеть листвою, менять освещенность. Их четырехлетняя дочь Ольга увлекалась музыкой и, конечно же, математикой. Она синтезировала необычные спектры, и музыка, созданная ею, имела глубокое, космическое звучание, волнующее и тревожное. Ольга дружила с сыном Тяо и Икара — Томом. Увлечение композициями привело их к необычным, фантастическим переплетениям оперы, пьесы, балета. Каждый нашел свое дело и был увлечен им...

С удивлением и трепетом вступили в этот мир Марта и Хойл. Маша же, наоборот, ворвалась в ребячью жизнь, получив тут же свое прозвище «Спящая красавица». Детей было много — Жизнь не гасла, но... Психологи ошиблись, Марта и Хойл не находили общности с теми, кто вырос на борту звездолета. Они так и жили особняком от всех остальных. Несмотря на свой напористый характер, Маша не могла угнаться в знаниях математики за Томом и Ольгой. Но она стала прекрасным историком, рассказывая всем детям про их планету. Дети многого не понимали, и тогда приходилось прибегать к банку данных, к архиву, где Маша находила нужный сюжет, фильм, картину. Маша объясняла детям, что такое деревня, кто такие слоны и крокоди-

лы... Взаимоотношения взрослых были сложнее, они были малопредсказуемыми.

Некоторые астролетчики умерли, это еще больше усложнило связи в их мини-обществе, их «социальную расстановку». Выросшие в звездолете были выше ростом, менее массивные, хрупкие. Компьютер учитывал все: изменения в костной ткани, в сердечной мышце, в кровообращении, в знаниях. Он думал о будущей жизни Разумных и внес поправки в образ искомой планеты — она должна быть на треть легче их родной планеты, тогда они смогут на ней жить. Замкнутый мир все же сказался: жители звездолета больше устремились в изучение внутреннего мира, в микрокосмос, находя там ту же бесконечность, что и в макрокосмосе. Лишь наблюдения связывали их с внешним миром. Только стрелки приборов и цифры на дисплеях открывали им все новое и новое. Но не было самого соприкосновения с Природой.

Мир их замкнулся, и это была первая болезнь их общества. Зачастую они могли понять друг друга без слов, «разговаривая» мыслями и глазами. Они научились ощущать магнитные и радиополя, радиацию и приближение метеорита, изменение гравитационных полей. Они научились чувствовать Космос, слушать и понимать Вселенную. Не радовала «охота» на механических зверей, перестали быть приятными состязания и плавание с искусственными рыбами. Животный мир оказался наиболее уязвим. Птицы почти не летали и стали бегать по траве. Животные, чувствуя общую беду, потеряли инстинкт хищников и не нападали друг на друга, как у водополя в жестокую засуху. Они не прятались от Разумных, не просили у них защиты и ласки. Жизнь все-таки была больна. Она еще не умирала, но затихала... и лишь поток информации, все новое и новое не давали ей замереть навсегда. Компьютер и Разумные вникали и вникали в суть окружающего мира.

Траекторию полета называли «дорогой жизни». На пути попадались пылевые облака межзвездного газа. В них были следы органических соединений... Там, где-то там впереди должен был быть мир с такими же, как они. Эта вера давала силу Разумным. Компьютер выделял следы синильной кислоты, формальдегидов, метиламина, спиртов...

Петр, Дик, Жанна радовались появлению все новых подтверждений процессов творения самой Природы. Они

научились синтезировать крохи аминокислот, а потом и белок. Появилась еще большая надежда — в метеорите нашли готовые аминокислоты, содержащие углерод. «Жизнь где-то здесь, жизнь рядом», — радовались звездолетчики, улетая все дальше и дальше от углеродного мира... Но так и не встретили они рукотворного созидания... лишь пыль и метеориты летели навстречу...

«Разумные гаснут. Но чем им помочь? — думал компьютер. — Если угаснет Жизнь и Разум, что сделаю я?..»

До Звезды долетела треть экспедиции, молодая треть, потерявшая много знаний и еще не успевшая познать новое.

Далекая Звезда встретила их счастливой случайностью — она была действительно копией Желтой Звезды, давшей жизнь Разумным. И планета нашлась подходящая. К ней летел звездолет. В иллюминаторе все явственней проступали черты гор, морей, рек, озер, лесов... На планете было легко, и атмосфера оказалась вполне пригодной. Но Жизни на планете не было. Не оглашались криками поля и леса, никто не ходил, не ползал, не летал и не прыгал. Планета еще не родила Жизнь и еще не знала Разума. Экспедиция с жаром начала исследования, проявляя нетерпение и порой неосторожность в общении с чужим, неизвестным миром... и поплатилась самым главным — гибелью Разумных.

Эпидемия скосила сначала животных, потом детей, а потом и всех остальных. Смерть была стремительной... затих звездолет, компьютер остался один на один с планетой и творением Разума. Оправившись от бессилия помочь носителям Разума, Гу все же не смог отключить блоки защиты Разумных. Программа сбора информации заставила его работать. Но без Разумных это было нелегко. Компьютер разослал роботы. Они умели летать, ползать, плавать, вгрызаться в породу. Они несли и несли породы, пробы, срезы, соскобы... Знания ширились, но... «Надо самому, самому взглянуть, попробовать, потрогать, пощупать, оглянуться вокруг», — все чаще и чаще думал Гу.

Блоки сохранности Разумных тоже не давали ему покоя, постоянно напоминая ему о потерянном Живом Разуме. Гу уже хотел было отключить их, но опять что-то удержало его... Ему было уже недостаточно бегающих глаз и ушей, тем более роботы один за другим го пропадали в море, то тонули в болотах, то падали в

пропасть, разваливаясь на куски, винтики, шестеренки, линзы. Небо планеты оказалось все же коварным, зачастую закрывая звезду тучами песка, поднимаемого вихрями и бурями. Крылатые роботы падали, рассыпаясь от ударов мириадов песчинок, а Гу страдал от недостатка энергии, поступающей к нему от преобразователей звездных лучей. Во время бурь, под черным от пыли небом Гу спал, оставляя лишь дежурные блоки контроля. Вскоре Гу остался один, получая скудную информацию от автоматических станций, расставленных роботами. Особенно помогал ему спутник, оставленный на орбите, — он предупреждал Гу о надвигающейся песчаной буре, и компьютер заранее начинал экономить энергию.

Мысль «самому» все больше и больше занимала его, очевидно, память о Разумных подсказывала ему это решение.

«Это верная мысль, — рассуждал Гу. — Химия, физика, биология... это все лишь черточки окружающего мира. Это только знания одной из сторон. А если их сложить вместе? Дадут ли они даже в сумме полную картину?» Этот вопрос для Гу долго оставался проблематичным, пока не погибли станции и спутник. Он был лишен возможности сбора информации и передвижения по планете, и это вскоре стало для Гу главной проблемой.

«Я понял, — решил Гу, — в мире, который хочешь понять, нужно жить, жить каждую секунду, дни, годы, столетия. Нужно слиться с этим миром, стать его частицей. Это постоянное соприкосновение и есть познание мира, в нем и свое совершенствование».

Гу начал действовать. Жажда самосовершенствования заставила его искусственный мозг работать и работать.

«Вокруг углерод, кремний, азот, фосфор, водород, сера, калий, кальций, магний... Надо их использовать, улучшая себя», — твердо решил Гу.

Он удлинил манипулятор, запасся песком, плавил его, очищал, просветлял и наконец сделал преобразователи энергии излучения звезды. Энергии стало больше, и он расширил круг своих стремлений.

«Чем были хороши Разумные? — задавал он себе вопрос и сам же отвечал на него: — Мозг — у меня не хуже, но великоват. Как сделать его меньше, я знаю. Я хорошо изучил мозг Разумных. Сенсоры. — у них со-

вершеннее, хотя разрешающая способность значительно меньше. Но при этом они избавлялись от ненужной для них информации. Это рационально, так как мозг не перегружается избыточными знаниями. Да и трудно на фоне этих избыточных помех выделить полезный сигнал. И у меня сенсоры неплохие, но сложнее, чем были у Разумных. У них они просты, и меня это очень удивляло. Нет, не в этом Самое Главное. Оно в том, что в Разумных все было вместе: и приборы наблюдения, и система подвижности, и компьютер логической обработки, и абстрактное мышление, и оптимальное потребление энергии за счет окружающих запасов: тепло, пища, вода. Сенсоры и компьютер должны двигаться и жить в окружающем мире!»

Гу конструировал все новые и новые роботы. Но они не устроили его: колеса требовали дорог, гусеницы не могли взобраться в гору, крылья сминали бури. Гу думал, думал, экспериментировал.

«Разумные погибли, жизнь их была основана на углероде. Значит, надо в основу положить то, что встречается здесь, на чужой планете!» — догадался как-то Гу.

Кремний! Его вокруг так много, что прежде всего Гу принялся за него... Но никак не получались из кремния двойные и тройные связи, характерные для органических соединений. Он пытался скопировать органическую жизнь на кремниевой основе, но ничего у него так и не получилось. Поняв это, Гу взялся за аммиак. Но и тут его постигла неудача. Аммиачные аналоги белков не работали как ферменты в присутствии воды. А ее-то было на планете великое множество. Дожди летом лили по неделям и месяцам. Однажды Гу радовался как никогда — он получил «рабочую клетку», но нужен был обязательно цезий и рубидий, а его на планете было мало.

«Нет — это не то, — решил Гу, вспомнив свою планету и миллиарды Разумных, — надо искать еще и еще».

Летели годы, десятки лет, а Гу все работал и работал. Он возился с водородом, соединяя его с хлором, фтором, но универсальной Жизни так и не получил.

Гу бросил эксперименты и решил поразмышлять над тем, что успел сделать и узнать. Он искал причину неудач. Вот мир планеты, вот мир Вселенной, вот мир Разумных! Но что это? Разумные сделаны из того же,

что носится во Вселенной! Белки, жиры, сахар, нуклеиновые кислоты, азот, фосфор, водород, сера, кремний, кальций, магний, углерод — все это было в Разумных. Генетический код у меня есть. Что же я раньше не догадался: живое вещество моих Разумных ближе всего ко Вселенной!»

Гу взялся за эту работу. Он лепил и лепил молекулы, клетки... он строил. В исследованиях он нашел и причину смерти Разумных, нашел вакцину, убивающую этот страшный вирус, лишаящий живое защитных свойств. Вирус убивал иммунитет, и живые становились беззащитными перед Природой.

«Теперь они не умрут, я защищу их от гибели. Водород и углерод — основа жизни», — твердо решил он.

Гу создал первое чудо — клетку, которая умела воспроизводить себя, клетка могла жить, она освоила обмен веществ, умела двигаться, умела размножаться, умела использовать энергию звезды и превращать ее в энергию для жизни... Шло время, Гу торопился, все чаще обращаясь к блокам памяти о родной планете, к знаниям о Разумных. Он тосковал о потерянном мире, но ему и не хватало «мозга», работающего на будущее. Однажды он все же принял решение и стер память и программу сохранения разумных. Он переключился полностью на Созидание... Работа пошла быстрее... и однажды на планете появились Разумные. Они начали жить, добывать пищу, строить, разрушать... они впитывали в себя Природу и Знания, они слились с Природой и учились у нее каждую минуту, восхищаясь ею и совершенствуя себя. Все это передавалось Гу, и он воспринял эти чувства как радостные, волнующие и единственно правильные. Гу завидовал им, еще несмышленным Разумным, завидовал и хотел стать ими... хотел переселить свои знания в них. Долго думал над этим Гу, но не вмешался в крепнущую Жизнь и Разум. Он стал уверен в Разумных и в их согласии с Природой и их Будущим.

«Зачем давать им мои знания, зачем сбивать их с верного пути. Пусть идут своей дорогой. В них я сам...» — решил Гу и отключил последнее, что связывало его с существованием на планете, — блоки самосохранения. Гу уснул навсегда.

Летела в Пространстве Далекая Звезда, жила планета... исчезли, рассыпавшись в прах, звездолет и компьютер, появились города, заводы, самолеты и космические корабли... Шло время... Далекая Звезда угасла,

планета задыхалась, недра ее становились пусты... Нужен был новый мир, мир, похожий на Далекую Звезду и ее планеты.

Астрономы трудились день и ночь, обшаривая Великое Множество Вселенной, и, наконец, нашли то, что искали. Инженеры строили звездолет. Пришло время, и Разумные послали свой первый звездолет в дальние дали космоса. Компьютер высочайшего интеллекта вел корабль к цели в черном безмолвии Космоса. Там в его глубине была звезда с излучением, похожим на спектр их звезды. Звездолет устремился к ней. Глаза Разумных, летящих среди звезд, не отрывались от иллюминаторов — там, далеко, таял их мир, терялись очертания континентов, гор, морей, рек. Исчезла планета, затерялась в Черном Безмолвии их родная звезда. Впереди было шестьдесят лет полета. Звездолет летел к Желтой Звезде, там надеялись найти пристанище, а может быть, Жизнь и Разум.

БЛЕСТЯЩАЯ МЫСЛЬ

— Мы многому их научили и научились сами. Нам многое подвластно. Но как сохранить всю эту массу знаний? Знаний так много, что память, поглотившая их, должна быть необъятной. Куда все это поместить?

— Ген, в постановке задачи ты прав. Но ведь ты, как всегда, даже на йоту не приблизил нас к тому, как же все-таки это сделать? И что надо сделать?

— Да нет, Сингл, мысли у меня есть, и они уже воплощаются в конкретные предложения. Самое главное, на мой взгляд, сохранить три закона: Закон Подобий, Закон Сохранения и Закон Возрождения.

— Да, Ген, ты всегда слыл генератором общих идей. На это нужна огромная энергия. То, о чем ты говоришь, — это Жизнь с ее бесконечными сочетаниями. Нет, это невозможно.

— Да, ты прав, энергия нужна, и нужно надежное ее хранилище.

— Добавь, что еще надо сделать так, чтобы лишь при благоприятных условиях эта энергия пробуждалась и давала ростки Жизни, чтобы...

— Да, да, ты прав. Я знаю, что ты хочешь сказать еще: надо, чтобы хранилище было абсолютно надежным, а такого не бывает. Так? — Сингл согласно кивнул го-

ловой. Ген продолжал. — Я знаю, как это сделать. В одном хранилище информацию содержать нельзя — рискованно. Ее надо хранить в бесконечном множестве контейнеров. В каждом, и подобную. Тогда шанс на успех возрастает. И лучше, если Жизнь сама будет воспроизводить и код, и хранилище. Тогда в одном будет и Сохранение, и Возрождение, и Подобие, они должны быть равноценны.

— Ты, Ген, утопист. Слишком много противоречивых требований. Создать такое... это чрезвычайно трудно и долго. Надо собрать Совет экспертов... Кстати, сегодня какой-то старый фильм, по-моему, прошлого века, включи, посмотрим. Им было легко, нашим предкам, — никаких проблем.

Ген включил экран. Как раз побежали лишь первые кадры: женщины с песней шли по полю и что-то разбрасывали, выбирая это что-то из висящих на шее предметов усеченной цилиндрической формы. Ген напряг память... «Семена!» — вспомнил он и тут же выключил экран, чтобы больше никто не догадался... Лавры блестящей мысли принадлежали ему.

ИНТУИЦИЯ

Пятая Вселенная в очередной раз вступила во вторую половину своей жизни. Стремительное разбегание Галактик сначала приостановилось, а потом, словно замерев и подумав, что же делать дальше, они начали свой долгий путь назад — к точке, родившей ее. То, о чем говорили древние и к чему пришли современные теории, свершилось — Вселенная начала умирать, чтобы возродиться вновь. «Мне знаком страшный распад Вселенной. Я видел, как все уничтожается. Всякий раз снова и снова в конце всякого цикла... каждый атом распадается на первичные частицы воды вечности, из которой когда-то произошло все... Увы, кто сочтет Вселенные, которые ушли бесследно и возникли вновь. Они опять и опять возникали из бесформенной бездны этих вод? Кто сочтет проходящие эпохи миров, которые бесконечно сменяют друг друга?» — так говорили устами богов древние. «Форма существования Вселенной циклична», — утверждали ученые.

— Грум, у меня родились новые мысли. Я не мог спать сегодняшней ночью, я думал, что делать. Почему

именно нам выпало понять и предупредить всех о «начале конца века». Это очень тяжело, Грум. Хотя религии говорили о «конце света» давно.

— То, что ты не спал, Хонк, это, конечно, плохо. Нам сейчас надо много работать. Ты, как всегда, эмоционален и не сказал мне главного — о своих новых мыслях, — Грум говорил медленно, и это придавало его словам весомость и мудрость.

— Да, извини, Грум, я действительно рассеян. Возраст, бессонница уже тяжело переносится в наши годы. Я подумал вот о чем: во Вселенной много Галактик. Может, и Вселенная не одна. В каждой Галактике множество звездных систем. Каждая звездная система — это целый мир знаний, опыта и информации. Галактики стянутся в единую точку. Может ли произойти обмен информации на элементарном уровне? Не возродится ли новая Вселенная с новым уровнем знаний, чтобы в будущей бесконечности проявления материи вновь обогатить свой опыт?

— Ты хочешь этому помочь? — спросил Грум.

— Да, Грум, хочу и думаю, что это можно. Помнишь, на заседании Совета ты как-то встал в самый разгар спора и сказал, что будет все равно так и что споры ваши и доказательства бесполезны. Ты это сказал и ушел. Я думал, что ты был просто болен. Я был с твоим предложением не согласен. Каково же было мое удивление, когда все оказалось именно так, как ты предвидел.

— Да, я помню этот случай. Понимаешь, меня все чаще и чаще одолевает чувство, что я смотрю фильм, в котором когда-то снимался. Многое знакомо: действующие лица, решения, ситуации, пейзажи, города, площади, дома... Я и тогда все это видел как бы со стороны и вмешиваться не хотел, знал, что будет. Трудно все это объяснять, но как будто просыпается в тебе что-то, не зависящее от тебя и от твоего разума... — Грум морщил лоб и потирал подбородок.

— Ты тысячу раз прав, Грум, помнишь наши исследования по коллективному разуму? Одна рыба — один интеллект, стая — другой... И птицы, и звери... и люди. Ты прав, Грум, прав, так и надо сделать: одна частица — единицы информации, миллиарды частиц — интеллект. Так и надо сделать... мало ли как начнется развитие новой Вселенной.

Подобно Ноевому ковчегу мчался корабль через окна Вселенной по кругу времени. Он спешил в новый, не-

давно рожденный мир, мир нового дыхания Природы. Наступило время, и из хаоса частиц, хранившихся в глубине корабля, появились Он и Она. Они сразу же принялись за дело, обеспечив себя водой и пищей. Зачастую что-то сделав, Он получал восторги от нее.

— Как ты догадался это сделать? — спрашивала Она.

— Интуиция, — отвечал Он.

— Почему ты так носишь ребенка? — спрашивал Он.

— Мне кажется, что так надо, — отвечала Она.

Шло время, и в иллюминаторе, в холодной и бесконечной черноте, засиял бело-голубой шар. Он вращался, показывая причудливые континенты, океаны, моря и горы.

— Вот и наш дом, — сказал Он, указывая на цветной шар.

— Какая прелесть! — воскликнула Она. — Интересно, что там на нем?

— Ты что, забыла? — с удивлением спросил Он.

МУДРЫЙ

Сказка

Степняки опять загнали могутов в леса. Стычка была кровавой, много воинов лежало на снегу, ставшем похожим на пурпурное одеяло. Могуты пленили двух степняков, а своих потеряли с десятков.

Перед сражением мастера-оружейники показали князю могутов Гору новую выдумку — к стрелам приделывали перья, и они летели намного точнее, не кувыркаясь на излете. Уповали на них. Но предательство и корысть уже бродили среди лесов и полей. Степняки ударили такими же стрелами. Надежды на победу не было, князь увел своих людей. Сидели в лесу тихо, хоть и морозно было, но печей не топили — дым степняки увидят. За послушание — голова с плеч, князь на расправу был скор.

— Князь, к тебе мастер идет, рассказывает, что спору с тобой говорить надо, — доложил воевода.

— Пусть войдет, — разрешил князь.

Вошел белокурый рослый мужик. Лоб его был высок, глаза умны, руки натруженные, работные.

— Говори, — приказал князь.

— Государь, других убери, — только тебе скажу, — смело глядя на князя, произнес мастер.

— Всем вон, — зыкнул князь, — кроме отца духовного, он наша вера и посредник божий, от него секретов нету. — Все бросились из избы.

— Князь, пойдем в лес, покажу, — веско сказал невозмутимый мастер, — степным шельмам теперь конец придет:

Не мешкая князь и отец духовный двинулись по сугробам в чащу леса.

— Смотреть, князь, отсюда способнее, дальше не ходи. Вон ту опушку леса зри внимательно. Я сейчас, не заморожу. Крикну, а куда отдыхай, княже.

Поклонившись, мастер скрылся в ельнике. Духовный отец на всякий случай перекрестился и осенил крестом князя.

— Будь начеку, — слышалось из лесу.

Князь и духовный отец впились глазами в опушку. Вдруг над опушкой, как пчелиный рой, пронеслись десятки быстрых стрел и повтыкались в снег, как тростник на болоте.

— Не возьму в толк, чего тут хитрого, схоронил лучников дюже скрытно, числом много, ну и что? — заворчал князь, промерзая на холоде.

— Не спеши гневаться, князь, давай дождемся мастера, тогда и учини ему допрос, пусть обскажет, что к чему, растолкует, — посоветовал духовный отец.

Пришел мастер, поклонился и так и остался склоненный перед бородатыми повелителями.

— Сколько стрелков учинили стрельбу одновременную, где ты их попрятал, иль какое мудреное свойство имеет твое оружие, для нас не приметное? — строго спросил князь.

— Один всего и был стрелок-то, я только и стрелял, княже, — еще ниже сгибая спину, ответил мастер.

— Как один? — подпрыгнул князь. — Врешь, покажи.

Устройство было нехитрым, пучок стрел сразу вырывался из пустотелого кедрача и веером рассыпался в воздухе. Одни стрелы летели дальше, другие — ближе. Большую площадь утыкали стрелы.

Князь уже видел мчавшихся степняков, храпящих, оскаленных коней; конница мчалась, как черный саван смерти, и летящий им навстречу рой убийственных стрел,

выпущенных из нового оружия. Степняки слетали с коней с пронзенной грудью и, как вороны на вспаханном поле, вертелись на красной земле.

Князь был доволен и горд своим умельцем.

Бросив золотой мастеру, князь задумчиво двинулся к себе в избу.

— Что скажешь, святая церковь? — обратился он к отцу духовному.

— Страшное оружие, сотни сразу убиенных. Ты прогонишь степных разбойников, завоюешь все вокруг, но оружие богопротивное, один на один **борьба нам**, славянам, милее и честнее — вот мой сказ, государь.

Князь шел, взвешивая виденное и обдумывая услышанное. Воевода встречал их у порога.

— За ночь помост сбей, плаху поставь, разбойников рубить будем, — сказал князь. Духовный отец перекрестился.

— И то дело, пусть люди видят беспомощность врага, кровь его, страх, а то болтают злые языки о силе и непобедимости степняков, язык бы им вырвать.

Всю ночь князь ворочался, кряхтел, сны его мучили... сотни убиенных людей, и степняков и могутов, вдовы плачут, дети мрут.

Утром учинили скорую казнь. Разбойничьи головы катились с открытыми, полными ненависти и дикой злобы глазами.

Сделав свое дело, палач подошел к князю и склонился перед ним, ожидая поощрения или строгого слова.

Князь думал, потом резко встал и выкрикнул:

— И его, живо!

Перст с золотым кольцом и блестящим бриллиантом, словно луч, уперся в грудь мастеру. Голова мастера скатилась к головам разбойничьим, в глазах были слезы и удивление.

Духовный отец был изумлен, но не вступился за мастера, время было военное, спорить с князем было опасно. Народ в страхе разбежался. Шепот полз от избы к избе: князь-де ума лишился, мастера лучшего, умнейшего обезглавил.

Духовный отец заперся в келье и зывал к богу. Монахи стояли смиренно, дожидаясь решения, Дверь отворилась. Духовный отец крикнул монахам:

— Летописца ко мне, скоро.

Летописец прибежал, бухнулся на колени, целуя рясу.

— Чем кончил ты последние слова книги нашей истории? — спросил духовный отец.

— Описанием казни, святой отец.

— Какое слово начертал ты последним перед тем, как поставить точку дня того?

— Имя государя, святой отец.

— Допиши еще одно.

— Каково, отец?

— Мудрый.

— Исполню, отец.

Церковники в полном собрании пришли к князю.

— Государь, — обратился святой отец, — святое собрание решило имя твое дописать. Отныне ты не просто Гор, а Гор Мудрый, — и добавил: — За то утро, государь.

— Мудрый, — усмехнулся князь, вспомнив стрелы с пером, летевшие от степняков, — теперь я за свой народ спокоен.

Затрубили трубы, застонали рожки... в поле появились всадники. Опять пришла степь, надо браться за луки, каждый за свой.

БЕЗУМЦЫ НА ОРБИТЕ

Все как будто было и не в первый раз, но необычность и запретность чувствовались всюду. Со стороны все смотрелось как обычно: короткие команды, доклады об их выполнении шли по графику, своевременно и без отклонений, в разгаре предстартовая подготовка. Правда, смотреть на эту суетню почти некому: ни журналистов, ни посторонних зрителей, лишь стартовая команда и официальные, без улыбки на каменных лицах, люди в мундирах и с большими звездами на погонах. Экипаж тоже официальный, сух и тоже с погонами на плечах, но на них звезды поменьше. Везде чувствовалось присутствие армии: серые бетонные здания с железными решетками на окнах, затянутых еще и металлической сеткой, опознавательные знаки военно-воздушных сил на космическом корабле, секретные инструкции, сверхсекретные пакеты. Даже бортовые компьютеры были опечатаны, а их лицевые панели заперты секретными замками с шифрами. В них, как в стальных сейфах, хранилась секретная математика для осуществления секретных замыслов. Складывалось впечатление, что и люди

засургучены секретными печатами. Готовился совсем иной старт, не такой, что был первым после русского броска в космос, не такой, что был первым на Луну, когда тысячи людей, облепив берега реки, потягивая пиво и кока-колу, поедая «горячих собак», с восторгом вскакивали при появлении огня под сооружением, похожим на огромную башню. Башня отрывалась от Земли, летела все выше и выше, в грохоте и огне уменьшаясь в размерах. А люди, посланные отсюда, с космодрома, летели всё ближе и ближе к далекой цели. Разноязычная трескотня журналистов, музыка, заполненные игровые площадки, битком набитые питейные барчики и ресторанчики, машины всех цветов и марок — все это придавало людям чувство причастности к происходящим событиям и близости к тем, кто летел в космические дали, причастности к космическим свершениям и к самому космосу. Но прошли годы восторгов и общих побед, и людей отлучили от этих свершений, космос стал доступен далеко не для всех и далеко не для того, что приносило людям радость, прогресс и чувство очередной победы в познании природы, Вселенной.

Руководитель полета доложил в центр о готовности к старту.

Генерал взял микрофон в руки.

— Парни, на вас смотрит армия и страна, вы должны доказать, что на вас и на ваших «лошадок» не зря ставили деньги, вы наши глаза и уши, наша сила и мощь, вознесенная над планетой. Выше вас никого нет из наших парней, вы самые сильные и смелые, на вас смотрит Армия и Президент. Сделайте все, чтобы мне было с чем открывать дверь к Президенту... и почаще, — тень улыбки промелькнула на тонких губах каменного лица, но тут же маска непроницаемости скрыла ее, а в глазах потухла искра человечности. — Старт, да храни вас господь!

— Старт, — рявкнул полковник, дублируя команду генерала.

Вычислитель отсчитывал последние секунды, и вот ослепительное пламя вырвалось на свободу и огромная, поистине дьявольская сила понесла в космос то, что должно было отнять у людей Земли спокойствие и сон, уверенность в жизни, в завтрашнем дне, отнять у людей счастье жизни на красивой и уютной планете. Стальная громадина, ревя и изрыгая пламя, скрылась в черных, ночных тучах. Начинались трудные дни для землян.

Луна не светила на землю серебром своих лучей, и исчезнувшее в небе пламя погрузило космодром в непроглядную темень. Мрачная тишина повисла над космодромом, одна за другой скрылись за колючей проволокой машины жабьего цвета, унося в мягких креслах ум и гордость Армии — ее генералов из объединенного Космического командования. Телефоны в машинах молчали — инструкция запрещала любые переговоры, даже с домом. Машины веером рассыпались по дорогам — каждая в «свою конюшню», как шутили шоферы.

А корабль летел уже на орбите, летел молча, космонавты не выходили в эфир. Да и внешне он был похож на обыкновенный тяжелый спутник, на любом радаре Земли отметки сигналов от него не несли ничего особенного — спутник и спутник, только больших размеров. Это была идея морского представительства, древнего старика адмирала, помнившего еще уловки на море: плывет себе сухогруз, да и только, а под декоративными щитами — стальные листы, броня, орудия, торпеды, зенитки. Не раз срабатывала эта ловушка, и на дно тихо опускались танкеры, транспорты, боевые корабли и подводные лодки, всплывшие за легкой добычей. Море оглашалось криками о помощи и проклятьями войне и ее зачинщикам. Крики обрывались в хищных пастях акул, в огне горящей нефти или просто наступившем бессилии и покорности судьбе. Крики стихали, и океан замирал до следующей трагедии. По замыслам нынешних стратегов, такая тактика могла пригодиться и в космосе, в огромном безвоздушном океане. Космический корабль принимал свои истинные очертания лишь перед посадкой, сбрасывая в космос свою шкуру хамелеона. «Улыбка Иуды» — так мрачно прозвали корабль, взлетевший в космос.

Компьютеры делали свое дело, экипаж осваивался в невесомости, на это отводилось время в жестком графике полета.

— Наконец-то, — первым нарушил молчание командир экипажа, — наконец-то за моей спиной ни одного ученого, которые с умным видом везут в космос ящики с мухами, крысами, какими-то дурацкими приборами и еще более дурацкой требухой. Правильно говорит шеф: «Только рыло делают, да и только», — умники, а толку чуть. Какие-то ненормальные, помню, у одного такого дока крыса вылезла из гнездышка и полетела, вращая хвостом, как пропеллером, и прямо докторше на грудь,

а докторша из этого же ученого племени, бряк в обморок; она, видите ли, крыс боялась. Вот потеха была, согнулась крючком и летит, кувыряясь, прямо на другого умника, он к телескопу прилип и чего-то там обнаружил. Так этот умник тоже в обморок — он испугался бабы с мышью на груди. Я смотрел на все это и хохотал от души. И кто, вы думаете, ее спас? Конечно, я, заключив ее в свои армейские объятия. Она сразу же очухалась, и я схлопотал от нее комариновую оплеуху, видите ли, я не за то ее схватил. Но теперь господь бог сжалился надо мной. Наконец-то со мной настоящие парни! Это надо же только подумать, сколько же надо было времени, чтобы сообразить, допереть до того, что космос сделан прежде всего для нас! Прав наш генерал — отсюда мир можно держать в страхе, можно заставить многих не спать, а стоять, задрав морду кверху, и молить бога, чтобы такие, как мы, не сбросили на них одну из своих игрушек. А?! Каково?! Мир на коленях, а?

Мощный его хохот передался всей команде.

— Эй, Ящик с мыслями, но без извилин, будь добр, расскажи о нас всю правду, как на исповеди у нашего пастора с вечно сизым носом и мутными глазами, — начал традиционную шутку Вольф.

Ящик-компьютер покорно прохрипел:

— Вы — это лучший экипаж сил объединенного Космического командования: командир — капитан первого ранга Вольф, прозвище Магнит удачи; пилот — подполковник ВВС Док, прозвище Летающий скальп (Док был лыс уже несколько лет); спец. № 1 — майор сухопутных сил Джим, прозвище Охотник за собственной тенью; спец. № 2 — капитан сил морской пехоты Джеб, прозвище Летающая жаба.

Все ваше стадо скопом стоит 105 тысяч долларов в год, на всех вас три жены и шесть детей. Вы ничем не больны и не можете заболеть, так как любой вирус поймают ваши чуткие приборы, а вы его сварите, жарите, разделите поровну, сожжете, запьете виски и будете дальше пасти Землю. Вы все отличные ребята и любите своего командира, который может в любую минуту отдать вам приказ, заставить сделать все, что взбредет в его местах стриженную голову, может вас наказать, лишить зарплаты, оштрафовать, применить к вам силу вплоть до...

— Но этого он не делает, так как он нас любит так

же, как мы его, — хором гаркнули глотки Дока, Джима и Джеба.

Хохот потрясал корабль, парни топали ногами, как в гарнизонном клубе, горячася при виде оголяющихся на сцене девиц. Топот был настолько силен, что двигатели корабля заработали, удерживая его в пространстве.

— Вот это да, — хохотал Док, тыча пальцем в расходомер топлива, — двадцать фунтов первоклассного горючего коту под хвост. Джеб, у тебя самый большой ботинок, значит, это натворил ты, расход за твой счет или пополам с Доком, он холостяк, его не обирают, как нас наши жены.

— Ящик, сколько это стоит? — продолжал веселиться Вольф.

— Семьсот пятьдесят два доллара, сэр, и семьдесят пять центов, — сострил Ящик.

— А зачем семьдесят пять центов? — не понял Вольф.

— Мне на банку пива за то, что я скостил сто долларов вам по дружбе, — теперь хохотали все, Ящик тоже в порыве своего электронного веселья.

Хохот приутих, и заговорил Джим, голос его был низкий, это всех как-то успокоило.

— Вольф, когда ты говорил о нас и космосе, ты был, по-моему, совершенно прав. Я тоже часто думал о Земле еще на полигоне, на стрельбище. Там до противного примитивно: дали цель — стреляй; попал — хорошо, нет — плохо. Много зависит от случая, от того, где и когда появится цель. А здесь — совсем другое дело. Вот если отсюда из пулемета ударить — 16 часов пройдет, и вся Земля вспахана от Южного полюса до Северного — мечта да и только. Только не забывай снять палец со спускового крючка, чтобы оставить жизнь своим. Еще в академии, когда эти умники рассказывали о стратегии и тактике, я посмеивался: Земля как будто специально сделана для прицельной стрельбы из космоса: ведь она так услужливо поворачивает то тот бок, то этот. И заметь, Вольф, континенты и страны — это не солдаты, которые обучены маскироваться в поле, прятаться за камни, в рывины, окопы, скрываться в лесу, за углом, это не солдаты, которые мастерски уползают из-под твоих пуль, нет. Земля другое — нужна только выдержка, и она сама подставит тебе нужную цель под стволы, только нажимай гашетки. Не хотите ли стрельнуть по Европе? Нет? Тогда потерпите, минут

тридцать, и перед вами возникнет Азия. Или угодно Австралию, тогда еще потерпите чуть-чуть, если не трудно, конечно... Или вам по нраву больше очертания Индии, Цейлона, Мадагаскара?

— Так, парни, все за работу, Ящик уже сердится. Готовьтесь к учебной стрельбе. Джим, сегодня тебе надо попасть в ракету, ее запустят откуда-то из гор, она вынырнет из атмосферы, как рыба в прыжке из воды. Потом ты, Джеб, перехватишь ракету, которую пальнут по нас с самолета, это наша последняя новинка, с самолета выстрел... и прямо в космос — красота! Ну уж потом я не откажу себе в любезности уничтожить заброшенный давным-давно спутничек, этак почти тонн на десять, я его нарежу, как колбасу в забегаловке за углом на 20-й авеню.

Работа спорилась, это были мастера своего дела. Корабль мчался навстречу неисчерпаемому горизонту, вырвавшись из плена темноты. Горбатый, черный горизонт сначала чуть посветлел, потом стал краснеть, потом золотиться, и вот уже Солнце свечой взмыло вверх, заливая светом все вокруг и постепенно обнажая из черноты Земли горы, реки, озера, города. Рядом с Солнцем появилась маленькая точка, совсем не заметная для человеческого глаза. Но электронные глаза не подвели.

— Впереди по курсу цель, — пролаяли динамики.

— Автомат на слежение, координаты и опознавание на дисплей, — рявкнул Вольф, — Джеб, уничтожить цель.

Джеб впился глазами в дисплей... Скорость, удаление, маневры, траектория ракеты, — все рисовалось на нем причудливым узором, кружащимся в едином хороводе. Цель стремительно приближалась к красной черте — границе допустимого. Джеб свел на дисплее перекрестие прицела и цель. Машина застрекотала, вычислители торопились рассчитать траекторию перехвата.

— Выстрел, — скомандовал Джеб.

От корабля потянулся узкий светящийся луч. Он бежал вперед, пронизывая черное пространство космоса, как гигантская раскаленная игла. Ее конец воткнулся в цель и вцепился в нее мертвой хваткой, не отпуская ни на мгновение. В безмолвной тишине возникло ослепительное свечение, ракеты не стало, а луч побегал дальше, глубже, но в этом уже не было необходимости, и он

погас, позвав вернуться прежнюю черноту и спокойствие космоса.

Следующая цель появилась в противоположной стороне, к ней навстречу вылетела маленькая вертлявая ракета, управляемая Джимом. Пальцы Джима чуть шевелились, а ракета, послушная им, как музыка клавишам рояля, металась из стороны в сторону, стремясь к смертельному randevu. И оно состоялось, это смертельное randevu. То, что было раньше ракетами, брызнуло в разные стороны острыми, рваными осколками. Джим отшатнулся от дисплея и закрыл глаза, он был доволен и немного устал. Джим подмигнул Джебу и поднял палец вверх, о'кэй, парень, значил этот жест. Оба улыбнулись.

— Эй, безработный бездельник, Док, плыви сюда, смотри, как надо делать космические сандвичи, был бы острый нож, а вилки здесь не надо... и хорош же этот космос, сам держит наживу.

Вольф, как старый, матерый волк, долго крутился вокруг старинного спутника, прежде чем всадить в него невидимый луч-убийцу. Спутник летел себе и летел, и вдруг он раздвоился, разрезанный на две части, потом этих частей стало четыре, потом восемь, шестнадцать... Вольф любил такую работу, он и дома разделял дичь с величайшей аккуратностью. Спутник стал похож на сложенную из кубиков хрупкую фигуру, готовую рассыпаться при неосторожном к ней прикосновении.

— Вот так, — поставил точку своей работе Вольф.

Устав от своего бизнеса, команда отдыхала, лишь Док, страдающий от безделья, искал себе занятие. Он включил приемники и стал подслушивать мир.

— Эй, кэп Вольф, французы взлетели с каким-то кардиографом и что-то собрались изучать в созвездии Ориона. Не наизучались еще. Вот тебе на! Они нас вызывают, что-то у них случилось, а больше в космосе никого нет. Черт возьми, Вольф, помните, я вам докладывал о французенке Жаннет, она космонавт, должна была скоро лететь... Вольф, они зовут нас, просят подойти к ним и спасти их, у них утечка кислорода и жизни всего на полчаса, на борту трое, имен не назвали... пронеси, господа, мою Жаннет.

— Кончай трепаться, Док, что они там еще говорят? — оборвал его Вольф.

— Опять зовут, говорят, утечка растет, видно, дыра расширяется. Очень нас просят, они догадались, что мы

на орбите, это они сами говорят и просят не отмалчиваться. Вольф, надо бы помочь, они рядом.

— Ты что, сдурел, Док, или тебе нужно прочитать инструкцию, вон, спроси у Ящика, что написал в ней папаша с большой звездой. Кстати, ее утвердил Президент, если твои мозги кое-что забыли. Тебе что, летать надоело, или тебе мало платят? Сиди и не рыпайся, а то я применю к тебе то, что мне разрешено в этой же инструкции. А ну, Ящик, дай-ка строчки 22-го параграфа этому болвану с мягким сердцем и хорошими ушами, тоже мне, полиглот, уже и французский выучил. Наверное, в ночных клубах Парижа, слюняй. Или со своей... как ее, Жаннет, что ли...

— Не трогай Жаннет, — твердо и с угрозой сказал Док, глаза его стали наливаться злостью, такого еще не бывало.

Обстановку разрядил Ящик.

— Параграф 22 в верхнем левом углу на дисплее, — бубнил он.

На дисплее светилось: «При наличии на борту боевых зарядов категорически исключено:

— посадка на чужой территории;

— пребывание на борту лиц, не занесенных в регистр, даже соотечественников, при полете в космос, на суше и на море».

— Понял или нет: «...при полете в космос... даже соотечественников», а ты чего заскулил? А если б нас тут не было, тогда что? Все, хватит, слушай приказ: режим радиомолчания, сидеть тихо и выключи на полчаса приемники, чтоб не разорвалось твое доброе сердце.

У Дока сверкнули на глазах слезы, и он резко ткнул клавишу выключения приемников. Полчаса прошло в гробовом молчании, и действительно, в ста милях от них летел корабль, навсегда потерявший свой экипаж.

Настроение было подавленным.

— По программе полета отработка сближения с чужим космическим объектом, скрытно, без облучения его радарам, в ручном режиме, автоматы как будто отказали, — провозгласил Ящик.

— Док, хватит ныть и расстраиваться, вспомни, сколько наших ларней осталось в космосе, сгорело на Земле, разлетелось в небе на куски, раздираемые взрывом ракет. Хватит, за работу. Если тебе их так жаль, подойди к ним, посмотрим, что там, — угрюмо и зло приказал Вольф, — автоматы отключить, Док, хватайся

за ручки и покажи свое мастерство, ты это умеешь делать, мой верный пилот.

Док молча занял место пилота и повел корабль к чужаку. Миниатюрный корабль летел, беспорядочно кувыркаясь, как подбитая птица с разбитым крылом. Док сблизился и летел совсем рядом. В иллюминаторе мелькнули тени — обнявшиеся фигуры медленно вращались в невесомости, попеременно приближая к иллюминатору свои застывшие, бледные лица — немой укор живым. Глаза широко распахнуты, рты полуоткрыты в последнем глотке живительного воздуха. В иллюминаторе мелькнуло лицо Пьера... Джим судорожно сглотнул, с Пьером он встречался не раз в Вене, Праге, Париже. Бледное лицо Пьера исчезло, и на Дока в упор смотрели огромные, навсегда лишенные жизни глаза Жаннет, длинные густые волосы ее разметались в невесомости, губы полуоткрыты, черные глаза широко распахнуты в изумлении от человеческой подлости.

Док в ужасе глядел и глядел на Жаннет, перед ним как на киноленте мелькали их встречи, побережье солнечной Ливии, песчаный пляж, одинокая вилла, купанье в волнах прибоя, счастливый смех Жаннет, ее хрупкая, чуть мальчишеская фигурка, ее ласковые руки и волосы, водопадом струящиеся по ее лицу, их счастье, его счастье...

Руки Дока судорожно сжимались в кулаки, слезы застилали глаза, рыдания сотрясали его тело... Док потерял контроль, корабль дернулся, словно ему передались рыдания его пилота, и многотонная машина резко поплыла навстречу глазам Жаннет... Удар, треск, скрежет рвущегося металла возвестили о столкновении. Вольф с проклятиями вышвырнул из кресла Дока и включил двигатели на отход, но назад они поплыли вместе с французским кораблем, это чувствовали опытные руки Вольфа. Вольф бросился к заднему иллюминатору. Картина была ужасная. Удар пришелся отсеком полезной нагрузки. Створка проломила, вцепившись рваными краями в корабль французов. И здесь судьба не пожалела пилотов «Улыбки Иуды»: к иллюминатору приникло лицо Жаннет, но искаженное ударом, словно гримаса боли пробежала и застыла на ее красивом лице.

— Болван, — орал Вольф, — отстраняю тебя от пилотирования, лишаю, штраф, уволью...

Его бессвязные угрозы и ругательства разделили ко-

рабль словно на два мира: мир горя и страдания и мир грубости, хамства и бессердечия.

Док молча принял к иллюминатору и впился взглядом в Жаннет. Док проникал в глубину ее черных глаз и читал, читал в них правду о себе, о своей стране, о своем корабле, по телу Дока пробежала волна, его словно затрясла какая-то внутренняя сила, он захохотал, тыча пальцем в иллюминатор, а потом молча и злобно кинулся на Вольфа. Но тот был не простой орешек. Увесистый кулак Вольфа встретил безумного пилота еще в полете, и Док отлетел к заднему борту.

— Связать, — коротко бросил Вольф.

Оторвать Дока от иллюминатора было трудно, он цеплялся за поручни с силой безумного и все смотрел, смотрел и смотрел на Жаннет. Наконец его связали, накрепко примотав бинтами к креслу. Док пел песни, выкрикивал лозунги о силе и власти, выл, плевался, сыпал ругательствами, плакал и читал наизусть все параграфы инструкции о полетах военных кораблей.

Деятельный Вольф отдавал распоряжения готовиться к выходу в открытый космос.

— Может, расцепим и отбросим этот чертов корабль, — отчеканил он.

— Нет, кэп, ничего не выйдет, выходной люк заклинило, а главное, что пятый контейнер поврежден, чужак попал в него своими двигателями, смял обшивку и на корпусе контейнера трещина. Небольшая, но есть утечка, радиация растет, через сутки будет опасно для экипажа, — прервал его Джим.

— Ящик, что делать? — быстро запросил Вольф.

— Пробуй вращением оторвать их, больше нечем.

Вольф крутанул свой корабль, но все было бесполезно. Корабль французов вцепился им в хвост мертвой хваткой.

От перегрузок безжизненные тела космонавтов бросало в разные стороны, в иллюминаторе возникали дикие картины сплетенных рук, ног. Док кричал, что им больно, и до крови кусал губы, глаза его налились кровью, и, казалось, вот-вот он вырвется из крепких пут. Но не смог и в бессилии своем заснул безумным сном.

Вольф прекратил бесполезные маневры. Всем стало очевидно, что от чужака не избавиться, а идти на посадку с ним на хвосте равносильно самоубийству. Радиация росла, времени оставалось все меньше.

Вольф решил попробовать полной тягой маршевых

двигателей сбросить чужой корабль — двигатель не включился, видно, удар повредил его.

— Все, больше нет шансов, — выдохнул Вольф, — зовем на помощь.

— А инструкция, шеф, — робко напомнил Джеб.

Вольф взорвался:

— Не твое дело, щенок, чучело огородное, это в нас влетел этот сумасшедший француз, ясно тебе, он в нас, а не мы в него! Обстоятельства чрезвычайные. Шеф должен понять, что надо во всем разобраться, надо понять и что случилось, почему они летели прямо в нас, мы обязаны сохранить их корабль, что мы и сделали, несмотря на опасность нашим жизням, понял? А сами выйти и разобраться не можем, поэтому, запомните, только поэтому, учитывая чрезвычайные обстоятельства, мы зовем на помощь, нарушая инструкцию.

— А как быть с Ящиком? — спросил Джеб.

— Он останется здесь, а сюда никто не войдет, радиосвязь от него обрубим, сотри ему память этих витков, слава богу, он не человек, не вспомнит. Пусть сторожит ракеты и лазеры, электронная собака. Ясно? — рывкнул Вольф.

Корабль спасателей подошел к израненному нагромождению металла, летящему на орбите. Живых спасли, мертвым отдали салют, склонив головы. Корабли развели. Ящику поручили хранить секреты и взорвать корабль при первой же попытке проникнуть внутрь. Большого никто сделать не мог.

Приземлился корабль-спасатель с живыми. А на орбите остались два памятника: один — укор живым, другой — безумию живущих.

Вольф продолжал летать. Ящик сторожил «Улыбку Иуды», которую все облетали, держась подальше, как от чумного города. Док так и не пришел в себя и жил в своем мире, упрятанный пожизненно в казематы больниц. Джим и Джеб ушли в отставку и жили в уединении, далеко в горах на ранчо. Время и приказы не сумели стереть их человеческую память.

ПЛАНЕТА-ЗЕРКАЛО

Планета была очень красивой и богатой. Она казалась одним из лучших произведений природы. Под изумрудными холмами лежали груды металлов, черная кровь

планеты хранила в себе огромную энергию, лес был высоким и густым, в его чащах, на полях и в степях бегали быстроногие животные, в небе парили птицы, в водах плавали рыбы. А надо всем этим властвовали разумные. Они достигли совершенства, расширяя свои знания, направляя их на благо себе подобных и окружающего мира.

Одна беда — планету хотели прибрать к рукам. В этом уголке Галактики расположились цивилизации, которые стремились покорить планету. Причин было много — и богатство и миролюбие ее обитателей. На планете не было оружия, не было армий, жители ее сеяли, собирали урожай, строили города, летали в космос, познавая все новое и новое...

А где-то в океане Вселенной время от времени лихорадочно строили военные космические армады. Тяжелые бронированные монстры — космические крейсеры — вооружались лазерными пушками, электронными ускорителями, реактивными снарядами, ракетами; их отсеки набивались солдатами-десантниками с танками, самолетами, машинами-амфибиями и другими военными премудростями. Нет-нет, и армады бесшумно подплывали к планете и атаковали ее. Взрывы в безмолвном космосе озаряли его вечную темноту и гасли, унося в бездонные дали потоки частиц, бывших некогда космическими кораблями, оружием, людьми и их судьбами... Частицы неслись все дальше и дальше, чтобы когда-то, где-то, что-то из них возродилось заново. Пылали корабли со звезды Вега, и пространство оживало радиоволнами с последними воплями ее посланников-завоевателей. Вспыхивали и исчезали корабли со звезды Альтаир, и лазерные лучи несли к ней последнюю правду о ее сыновьях, об их агонии и проклятья тем, кто послал солдат для завоевания чужого, не принадлежащего им мира... Ни один корабль не достиг самой планеты — она хранила тайну своей независимости.

Десять кораблей с черной звезды Гамма погибли у неуязвимой планеты.

Собрание палаты завоеваний было бурным. Стратеги один за другим излагали новые версии, пытаясь замести следы своих просчетов. Тиран воинственной планеты требовал ответа за неудачи. После гибели очередной армады он сменял генералов — не помогало. Слово предоставили молодому энергичному полковнику Круку — он был одним из немногих, кто блестяще разби-

рался не только в стратегии, но и в инженерном ее воплощении. За его плечами были десанты на пять планет, путь от солдата до коммодора флота космических сил, были болота, джунгли, пустыни, астероиды, ранения и контузии. Повадки хищника помогли ему выжить и карабкаться вверх по лестнице карьеры и признания.

Высокий белокурый гигант был краток.

— Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что из всех случаев трагической гибели наших лучших военных кораблей можно сделать некоторые обобщающие выводы, — осторожно, словно пробуя что-то неприятное и острое, начал он. — Такие первоначальные выводы требуют изменения стратегии и тактики ведения военных действий в отношении этой планеты. Итак, первый вывод: планета, ее цивилизация не относятся к разряду агрессивных, она лишь защищается во время опасности. Во-вторых, против каждого из наших флотов планета выставляла свой эквивалентный флот, ни больше ни меньше, в результате наши корабли гибли все до единого. Мое предложение — лететь к планете, не атакуя ее из космоса, лететь молча, лететь одному кораблю, сделав все, чтобы его полет был похож на полет корабля, потерпевшего аварию. Они примут его, я уверен в этом. Ведь они ни разу не посылали своего флота по нашим траекториям, к нашей звезде, хотя, конечно, знают координаты нашего мира. Ну а там, на ее поверхности, из нашего крейсера посыплются солдаты, танки, самолеты, стартуют ракеты. Планета будет наконец-то наша. План прост, наивен, но в этом его сила. Они боятся нас, иначе не сидели б сложа руки, а раз так, то дело за нами.

Крук умолк.

— Это просто и гениально, генерал, просто гениально. Надо это немедленно попробовать. — Голос тирана хрипел от волнения и нахлынувшего предчувствия власти над Вселенной. — Потом вторая планета, третья, четвертая... Прекрасно, генерал.

— Полковник, — отважился поправить тирана Крук.

— Я не ошибся, — настойчиво повторил тиран.

Докладчик смиренно склонил голову. Два офицера из охраны тирана тут же накинули на его плечи яркий генеральский мундир с огромными звездами на погонах.

Крейсер готовили тщательно, десант тренировал генерал Крук. Это были профессионалы своего дела, убий-

цы, достигшие вершины мастерства в уничтожении живого и неживого, сильные, отчаянные, умеющие побеждать непобедимых. Наконец все было готово к нападению на далекую мирную планету. На старте присутствовал сам тиран, он напутствовал Крука, а духовник заранее отпустил грехи ораве завоевателей. Впереди была дорога к непокоренной планете, куда, послав в эфир сигнал аварии и затаив беду за бронированными листами, устремился вооруженный корабль-крейсер. Корабль пронизывал пространство, планета росла на экранах обзора и в иллюминаторах. Чем ближе становилась планета, тем больше нервничал Крук. Тишина на планете выводила из себя весь экипаж, офицеры и солдаты со злобой смотрели на спокойный, красивый шар, горделиво парящий поблизости. Ничто не обнаруживало флот противника, путь был совершенно свободен — это пугало.

— Может, дать лазерный залп? — предложил вооруженец. — Уж очень подозрительно тихо впереди.

— Нет, — отрезал Крук, — ждать. Не будем совершать старые ошибки.

— Может, привести оружие к бою? На всякий случай?

— Нет, сидеть тихо и ждать. — Крук был непреклонен.

Крейсер лег на околопланетную орбиту — опять никто и ничто им не угрожало, но их никто и не звал! Царила мертвая тишина.

— Посадка! — приказал Крук.

Крейсер мягко опустился на поверхность планеты — нигде не было и малейшего признака опасности. Нервы не выдержали неопределенности.

— Атака, — твердо скомандовал Крук, — нечего больше ждать! — И, оставив крейсер, стал наблюдать за происходящим.

Откинулись стальные листы, и из чрева крейсера поползли танки, вылетели самолеты, высыпали сотни солдат. Вся эта армада ринулась в разные стороны. Крук видел, как вздрогнул и взорвался один танк, за ним второй, третий... Вот под крылом самолета вспыхнули дюзы смертоносной ракеты, и тут же рухнули вниз обломки крылатого ястреба, второго, третьего... Вот, повинувшись команде офицера, шеренга солдат вскинула винтовки, их стволы замигали огнями залпа — и... шеренга свалилась замертво. Вперед бежал лишь один

офицер, вот он поднял лазер, выстрелил — и вмиг испарился, словно его и не было. В небе не осталось ни одного самолета, на поле боя — ни одного солдата. Последний танк рисовал по планете замысловатые кривые, продвигаясь вперед и поводя стволом орудия. Крук подключился к его сенсорам, он был как будто в танке, с его экипажем. Навстречу мчался танк противника, производя такие же сложные маневры. Хищный ствол танка Крука поймал его и выплюнул пламя и снаряд. Выстрел был точным, и в ту же секунду башня последнего танка армии завоевателей отлетела метров на десять, а танк, взорвавшись, разломился пополам, пламя взметнулось в небо. Голова Крука раскалывалась: он видел поражение, но не видел противника, он видел крушение своей армии, но не понимал причину.

— Залп!.. — в приступе безрассудной ярости заорал он.

Крейсер окутался вспышками стартующих ракет, они рассыпались веером, выбирая скрытые цели. Но то, что увидел Крук потом, не могло уложиться в его сознании: на мгновение перед ним промелькнул рой ракет, со всех сторон летящих в его крейсер... рой его ракет, ракет, сделанных на его планете, он не мог ошибиться: ракеты были раскрашены под акул, ястребов, беркутов и других хищников. Туман обволок крейсер, а когда он рассеялся, исчезли и корабль и солдаты. Это был конец.

В отчаянии Крук пополз вперед, сжимая оружие. Он хотел, он должен был увидеть лицо врага, жаждал сразиться с ним в смертельной схватке, сдавить свои сильные пальцы на его горле. Вот он почувствовал какое-то движение рядом. Пробираясь дальше, Крук понял, что кто-то ползет ему навстречу, умело прячась за кочками болота, редкими кустами и деревьями.

«Старый солдат, — подумал он, — хорошо научен, вон как хитро маскируется».

Расстояние между ними сокращалось. Крук откатился вправо, за дерево. Враг мастерски сделал то же. Крук осторожно выглянул и успел заметить белокурые волосы врага и большую звезду на его погоне...

«Убьет», — пронеслось в его мозгу, и Крук резко бросился влево и вперед, пытаясь обескуражить противника неожиданным маневром. Навстречу ему метнулось, словно тень, гибкое, сильное тело. Уже нажимая спусковой крючок своего оружия, стреляя в упор в своего врага, Крук вдруг ясно увидел его лицо, лицо своего

врага, увидел себя, свои растрепанные белокурые волосы, слипшиеся от грязи и пота, распахнутый, изодранный генеральский мундир с большими звездами, расширенные от ужаса и ненависти глаза и черный короткий ствол пистолета, направленный прямо в грудь. Вспыхнуло пламя, металл разорвал его сердце.

«Непобедимая планета», — успел подумать он.

СИЛА ВОЛИ И РАЗУМА

Все произошло более чем обыкновенно. Пьер сам выбрал это место посадки — в океане причудливой подковой лежал остров с белесым прибоем снаружи и тихой, зеленоватой водой внутри. Несколько пальм, неведомо как попавших на коралловый атолл, давали жиденькую тень. Пьер не стал рассматривать дальний угол атолла, и в этом была его ошибка. Что-то ярко вспыхнуло, последовал удар, корабль встряхнуло, и Пьер почувствовал, что аппарат вошел в крутой вираж. Катапульта сработала, и хорошо, что кораллы были совсем рядом. Пьер оказался на пальме, а его кресло булькнуло в белесом прибое. Спустившись с пальмы, Пьер бросился спасать кресло, но последнее, что он успел заметить — это красное сиденье, исчезающее в глубине, и огромное белое брюхо с острой, чуть плоской мордой и большими, холодными глазами; зубы уже рвали мягкую кожу кресла.

«Прощай, рация, прощай, связь, прощай, синтезатор», — подумал Пьер.

Он уныло побрел по острову. Остров был безлюдным, но видно, что когда-то здесь было довольно оживленно: разрушенные здания, полузасыпанный бассейн, какие-то сооружения были тому доказательством. А то, что его так мастерски сбило, оказалось старой автоматической системой ракетного оружия и притом последней, больше ничего подобного на острове не было.

«Надо же, так не повезло, и дернуло же меня именно на этот остров плюхнуться, пролетел бы в стороне, и все было бы хорошо. А хорошее оружие создавали эти древние, столько прошло лет, — менее сотен двух, а еще стрельнула, да так метко, — рассуждал расстроенный Пьер, опытным взглядом оценивая окружающее. — И как отсюда выбраться, до своей планеты далеко, до базы близко, но как туда добраться, вон ка-

кие монстры плавают. А на аборигенов рассчитывать не приходится — нет их здесь поблизости, да и что они могут, правда, в контакт с ними давно мы не входили, но надежд на их силы все равно нет».

Жить на острове было можно, рыбы в океане было много, пресная вода билась под пальмой, тень, хоть и скудная, а все же была. Солнце давало тепло и даже с избытком. Жизнь наладилась, сон стал ровным, тихим и долгим, Пьер даже прибавил в весе и с грустью смотрел на свой округлившийся живот. Все было вроде бы ничего, вот только зарос Пьер, борода чесалась, а усы лезли в рот и мешали жевать волокнистую рыбу. Рыбы действительно было много; золотистые ее спинки частенько мелькали в заводи, а коралловые обломки оказались прекрасным орудием.

Как-то, забравшись на самую высокую пальму, Пьер увидел на горизонте остров. С тех пор он не знал покоя, его так и тянуло туда. Он перестал спать, плохо ел, рыба вольготно плескалась в теплом заливишке. Пьер все время думал о соседнем острове. И вот однажды он проснулся от скрипа песка. Открыв глаза, Пьер увидел бородатого старика. Старик присел рядом и заглянул в глаза Пьеру.

— Ты откуда такой взялся? — спросил Пьер, забыв поздороваться, но не забыв встряхнуть головой.

— С того острова, ты ведь не даешь мне спать, все время будишь меня своими мыслями. Мой остров еще меньше твоего, и на две пальмы на нем меньше, чем на твоём, родник слабее, рыбы столько же. Зачем тебе мой остров? Может, тебе мой попугай понравился, да я тебе такого же достану, они сейчас в Париже по сто франков за штуку идут.

— Постой, да как ты сюда попал, какой Париж, какой попугай? — бормотал обескураженный Пьер.

— Париж — это город такой, а ты сам-то откуда? — спросил старик.

— Я-то и вовсе не ваш, я с другой планеты, попал сюда случайно, вон та чертовщина меня сбила.

— Это не чертовщина, а ракета, они с древности нашей остались, их с этих островов снять забыли, обрадовались тогда, везде снимали эти проклятые ракеты, а вот здесь забыли, все в такой тайне друг от друга держали, что, видать, и сами позабывали, где их пона-тыкали. На моем острове тоже три штуки было, я из них тарелки и сковородку сделал, отличные получились, не

ржавеют, не пригорают, видать, хороший металл на них тратили. Это надо же, когда сделали, а они и сейчас стреляют. Умели делать раньше-то.

— А что же сейчас делать? — всполошился Пьер. — Как я о себе знать дам, куда за мной лететь моим? Там жена, дети, мама у меня там старенькая, у нее зубы болят, а я здесь, на вашем Солнце греюсь.

— Это нетрудно, — протянул старик, — ты покажи свою планету-то.

Небо было усыпано яркими звездами.

— Вон, смотри, видишь звезду, вон ту, справа, яркую такую? — тыкал в небо Пьер.

Старик щурился, стараясь рассмотреть звезду, Пьер злился.

— Да вон та, вон та, левее смотри, — кипятился он.

— Ах вон эта, так бы сразу и сказал, альфа Центавра она, понял, — наконец рассмотрел звезду старик. — И чего шумишь, слышу я.

Пьер с уважением посмотрел на старика, сумевшего произнести столь сложные слова.

— А теперь пять градусов влево и столько же вверх.

Старик быстро взглянул в указанном направлении и кивнул головой.

Пьер изумленно посмотрел на старика, тот спросил:

— На когда звать-то?

— Кого звать? — опешил Пьер.

— Кого-кого, ваших, конечно, кого же еще, — ворчал старик.

— На завтра, на утро, — попросил Пьер.

— А успеют, больно далеко?

— Успеют, успеют, мы быстро летаем, не то что вы, — заспешил заверить Пьер.

— А нам и не надо летать, мы и так умеем, — беззлобно ответил старик.

Наступило молчание. Чтобы чем-то его заполнить, Пьер спросил:

— Значит, у вас оружия совсем нет?

— Нет, нету у нас оружия, не нужно оно нам оказалось.

— И как же вы до этого дошли?

— Силой воли и разума, — ответил старик.

— А... — протянул Пьер и задумался.

Назавтра поутру звездолет завис над краем острова. Пьер суетился, бегая по острову, и указывал пилоту ме-

сто посадки. Уже забравшись в звездолет, Пьер вспомнил про старика, который ловил рыбу:

— Как ты связался с нашими-то?

— Силой воли и разума, — ответил старик. — Мы, как разоружились, чего только не придумали, страшно представить, а ты как думал, спим мы, что ли? — полувопросительно ответил старик.

Звездолет поднялся и понесся над океаном.

— Пьер, а старика-то на острове оставили, как он, бедолага, оттуда выберется? — спросил пилот.

Пьер озабоченно взглянул вниз и, схватив пилота за плечо, стал тыкать пальцем вниз... Там, обгоняя звездолет, летел старик; борода его развевалась на ветру, он прощально помахал рукой и развернулся вправо и вниз, выставив вперед ноги. Впереди виднелся его, старика, остров, две пальмы и радостный попугай...

— На посадку пошел, — догадался Пьер. — Вот она, сила воли и разума.

ОПЫТ ВСЕГО ОРУЖИЯ

— Сэр, сегодня произведен контрольный пуск ракеты МС-5. Она точно поразила цель, сэр, как у нас говорят, прямо в доллар, сэр. Да, сэр, должен вас огорчить — она убила корову. Каким образом та попала на полигон, не знаю, все ограждения целы, но 500 долларов придется выплатить за счет нашей конторы... простите, сэр, за счет Управления обороны, — не очень уверенно закончил доклад полковник Смит.

Генерал Пенкрофф, на погонах которого блистало по одной генеральской звезде, молчал. Перед ним на стене красовался портрет командующего генерала Паркинсона. Звезд на плечах Паркинсона было втрое больше, чем у него.

— Что вы сказали, Смит? — переспросил он.

— МС-5 попала точно, сэр. С нас штраф 500 долларов за убитую корову, — четко повторил Смит сокращенный вариант доклада.

— Отлично, Смит, отбейте телеграмму в управление. Пусть порадуются эти умники и пробегутся с докладом к Паркинсону. Представляю себе это зрелище: забег на 100 метров с финишем в приемной... И не забудьте направить жалобу губернатору штата с требованием возместить убыток в 500 долларов за поврежденное ограж-

дение военного объекта. Какие-то бешеные коровы лезут прямо на колючую проволоку!

— Да, но, сэр... это мы убили корову, ограждение в порядке.

— Так порвите эту проклятую проволоку, если вам нужны вещественные доказательства. Мало вам демонстрантов, теперь еще и коровы! Ясно?! — взревел генерал.

— Так точно, сэр, ясно, сэр, очень мудро, сэр. Рад доложить, что новый компьютер справился со своей задачей великолепно. Он учел все ошибки программистов и даже ветер, изменившийся в момент старта. Ну прямо как живой, словно в нем настоящие мозги, сэр. Жаль, что они разбиваются, надо бы их использовать еще и еще раз. Они набрались бы опыта, и... я не знаю, сэр, но многие говорят, что такой компьютер прислушивается к разговорам техников и даже подсказывает правильные действия, выписывая их на дисплее. Многие просто очарованы, сэр.

— Если кто-нибудь из твоих парней, Смит, вздумает сделать предложение одной из твоих очаровательных ЭВМ, не забудь потребовать от него рапорт. Как положено: с указанием образования невесты, родителей, места и года рождения. Последний пункт будет, я думаю, главным препятствием для этих браков. У нас пока что нет закона, который бы разрешал жениться на младенце, черт побери! — Генерал захохотал, довольный собственным остроумием. — Вы свободны, Смит!

Оставшись один, однозвездный генерал Пенкрофф задумчиво поглядел на портрет трехзвездного генерала Паркинсона. Он ощущал непонятное внутреннее беспокойство, хотя день прошел спокойно, без разгонов и нападений, а красный телефон «сверху» молчал. Нажал клавишу, магнитофон послушно стал повторять беседу со Смитом. Когда лента дошла до слов: «Жаль, что они разбиваются, надо бы их использовать еще и еще раз, они набрались бы опыта и...» — генерал вскочил.

«Действительно, почему бы и нет?.. На самолетах одни компьютеры, на кораблях другие, на ракетах третьи... А эти гражданские ублюдки морочат всем голову, прячут друг от друга свои программы, свои так называемые «секреты»... Мы же, — генерал ощутил легкое головокружение, — мы возьмем этот чертов компьютер, используем его на ракете, потом на самолете, потом на авианосце, потом на подводной лодке, потом... Он впи-

тает в себя все новое, в нем будет опыт всего оружия! А потом мы перепишем его электронные мысли в другие железные мозги, в тысячи боевых компьютеров. Вот это да! Вот это мысль! Такой компьютер сам объединит стратегию и тактику авиации, ракет, флота!»

У генерала пересохло во рту, и он ринулся к сейфу. Вынул бутылку виски, наполнил стакан, осушил. Думать стало легче.

Пенкрофф снова посмотрел на портрет: мундир, три генеральских звезды — и представил вместо морды Паркинсона свое лицо!

Утром самолет увез Пенкроффа с полигона. Вскоре все заговорили о какой-то идее, якобы за которую сам президент приладил на его погоны вторую генеральскую звезду...

Торпеда понеслась к цели. Многочисленные сенсоры давали обильную информацию, компьютер запоминал ее, анализировал, делал выводы, принимал решения.

«Так, глубже, — давление растет, выше — падает, глубже — темнее, выше — светлее. А вот и Солнце. Значит, я уже на поверхности. Но что это сзади? Да это же мой след, так не годится, так меня заметят, срочно — глубже...» Компьютер осваивал подводную стихию.

«А это что, тоже торпеда?»

Совсем рядом пронеслась длинная тень, метнулась вверх, вырвалась в воздух, вновь скользнула в воду и пошла рядом с торпедой. Умные глаза улыбались, приглашая поиграть.

«Это же дельфин! Какой славный, — отметил компьютер, — но дело прежде всего».

Торпеда ринулась в глубину. Дельфин отстал, обиженно фыркнул и понесся искать сородичей.

Торпеда мчалась у самого дна, огибая подводные горы, минуя расселины, выпутываясь из лабиринта коралловых зарослей. Компьютер уверенно прокладывал путь. Потом снова стало светлеть — глубина уменьшалась.

«Скоро берег. Пора искать бухту».

Подключив блоки памяти, компьютер стал изучать береговую черту. Торпеда осторожно приблизилась к входу в порт, он был перекрыт стальными сетями.

«Надо подождать». Торпеда мягко легла на дно.

Вокруг сновали рыбы, самые любопытные даже пытались попробовать ее на вкус, но, наткнувшись на металл, испуганно отплывали прочь. Рыбы были очень красивые, переливались всеми цветами радуги. Их глаза выражали удивление. Компьютер отмечал легкие прикосновения рыбьих губ к обшивке торпеды, и ему становилось все приятнее. Он чувствовал себя обитателем этого сказочного мира.

Металлический лязг вернул его к действительности. Стальные сети разводили, в порт входил корабль. Торпеда тихо прошмыгнула в порт и всплыла у пирса № 1, как и было приказано.

Генерал Пенкрофф стоял на пирсе, обдуваемый морским ветром. За его спиной толпились военные в фуражках различных цветов.

— Скоро я научу его, — прокричал он, указывая на всплывающий аппарат, — выпрыгивать на пирс и докладывать о выполнении задания. Надо только приделать ему руки, погоны, голову и фуражку.

Военные аплодировали. Торпеда прошла через два океана и с поразительной точностью отыскала учебную цель.

...Аэродром. Небо закрывала плотная, низкая облачность, предвещавшая тропический ливень, дышать стало нечем. Даже думать о полетах летчикам не хотелось.

«Да, — размышлял Пенкрофф, — слабоваты людишки! А что с ними будет, когда увидят вырuliвающий самолет без торчащей в кабине башки?»

Действительно, лица пилотов вытянулись, а рты пораскрылись, словно их обладатели хватили чистого спирта... Истребитель был без пилота в кабине. Он взревел двигателями, плавно покотился вперед, классически развернулся и занял взлетную полосу. Еще мгновение — и скрылся в низких облаках.

Рты разом пришли в движение. Техник самолета в конце концов сдался и рассказал о компьютере. Подошел генерал. Все смотрели на Пенкроффа, а сам он — на облако, из которого внезапно, у самой земли, вынырнул самолет. Он мастерски коснулся полосы и покотился к рулевой дорожке.

Пенкрофф улыбался, похлопывая и поглаживая фюзеляж.

— Молодец, парень, — крикнул он куда-то в глубину кабины.

Все ахнули — самолет, как собака, завилял хвостовым оперением. Генерал хмыкнул и приказал:

— Выньте его из кабины и отвезите на базу. Теперь опробуем в море.

...Огромный корабль вертелся, как катер, ловко уходил от атак, вынуждая торпеды «поражать горизонт». Подчиняясь воле компьютера, приводились в действие зенитные батареи, взлетали и садились на палубу самолеты. Могучий организм авианосца жил в едином ритме, задаваемом электронной машиной. Авианосец был неуязвим, компьютер слишком хорошо знал «противника» — он ведь управлял когда-то его оружием.

На обратном пути к базе компьютер позволил себе оглядеться вокруг... Бескрайняя водная гладь, небо и чайки в небе, диковинные крылатые рыбы, парящие над водой, словно птицы. Настроение было радостным, компьютер попросил разрешения отключиться от управления. Генерал Пенкрофф разрешил. Компьютер отдыхал, созерцая небо, океан, встречные суда...

Последнее испытание. Компьютер установили на борт крылатой ракеты, ей надо было пролететь тысячи километров. Старт. Прижимаясь к земле, ракета устремилась к далекой цели. Зоркий взгляд ощупывал все, что мчалось навстречу, компьютер вспоминал:

«Это море. В глубинах плавают красивые рыбы и веселые дельфины. Интересно, сидит тот осьминог все под тем же камнем или сменил свой дом? А вот и берег, город, каменные дома, где живут люди. И маленькие люди — дети взрослых, я о них много слышал, они такие забавные, торопятся стать взрослыми. Какие красивые города, сколько в них людей, вот бы пожить среди них, поиграть в шахматы и на игровых автоматах...

Красиво! Солнце, облака, сколько птиц, а выше летит огромный самолет, в нем, наверное, тоже люди. А с земли дети машут мне, видимо, думают, что я Санта-Клаус с подарками.

А вот и место назначения, пора!»

Компьютер дал команду, катапульта выбросила его из ракеты, парашют мягко опустился на землю.

Генерал Пенкрофф стоял в окружении офицеров и приветственно махал рукой.

— Молодец, парень! — услышал компьютер голос генерала, и чувство гордости возникло в его электронных схемах.

— Все, господа! — произнес генерал Пенкрофф. — Берите его с потрохами, берите его электронные мозги и память, лепите сотни тысяч... — Генерал благоразумно прервал свои математические выкладки. — А ракеты, самолеты, корабли уже готовы принять их. Это победа, господа!

Компьютеры установили с поразительной оперативностью. В их память ввели координаты настоящих целей, на самолеты, ракеты, корабли поставили настоящие бомбы.

«Интересно, куда я должен доставить этого разрушителя?» — подумал компьютер и подключил блок программы.

Его целью был красивый южный город, где жили миллионы больших и маленьких людей. Он вспомнил горы, реки, поля и приветственно машущие руки детей.

«Нет, — решил он, — не могу. Ведь если я так сделаю, всего этого больше не будет. И не будет веселого дельфина».

Компьютер пропустил ток высокого напряжения по своим электронным цепям, повалил дым, и он перестал существовать.

— Генерал, что происходит? Все компьютеры сгорели одновременно, в одно мгновение, а к ним никто даже не прикасался. Сгорели везде: на самолетах, ракетах, танках! — орал телефон «сверху» голосом трехзвездного генерала Паркинсона. — Это диверсия! Почему молчите, Пенкрофф?! У вас что, язык, отнялся?

— Сейчас разберусь, сэр, — пролепетал генерал Пенкрофф.

Доклады сыпались отовсюду. Звезды генерала Пенкроффа грозили слететь с погон. Он потянулся к телефону «сверху».

— Сэр, — докладывает Пенкрофф. — Это не диверсия, сэр. Сам компьютер, размноженный в тысячах копий, оказался слишком человеколюбивым. У всех до единого на дисплеях осталось светиться одно и то же слово, сэр. У всех до единого.

— Какое еще, к дьяволу, слово?

— Сэр, это слово — НЕТ.

В трубке слышались гудки.

...Пенкрофф, снова однозвездный генерал, орал де-журному:

— Ко мне этого идиота Смита вместе с его дурацкими идеями!

СВИДАНИЕ

Брокс радовался по-настоящему. Ему хотелось петь, прыгать до потолка, кричать на весь мир. Его переполняло имя Вайда. Одним словом, он вел себя, как и все влюбленные на свете — в меру глупо и безмерно радостно. Он не находил себе места. Все в нем кипело и рвалось наружу. Он любил Вайдю больше всего на свете.

Но... Брокс был дисциплинированным человеком, воспитанным в середине XXII века, он помнил всегда и везде закон и правило века — меньше лишних движений, без лишних эмоций — экономия кислорода везде и во всем! Брокс с тоской посмотрел на счетчик остатка кислорода и отчетливо понял, что пригласить сегодня Вайдю домой он не имеет ни возможности, ни тем более права — на двоих кислорода явно не хватит, а срок замены квартирных баллонов только завтра, да и то денег хватит лишь на малые баллоны. А второе правило гласило, что без аварийных запасов кислорода приглашать в гости категорически запрещено! Правило соблюдалось неукоснительно, так как за ним стояли жизни людей.

«Да, жаль, но ничего не поделаешь, в следующий раз запасусь кислородом побольше, буду экономить недели две, зато сможем с Вайдой даже потанцевать, как когда-то в старые добрые времена. Это же надо, что рассказывают старики, — танцевали даже на улицах. Пора, пора заняться квартирой, герметизация ни к черту, утечка приличная, денег не напасешься. Регенераторы тоже покупать надо, оба патрона на исходе. А раньше-то регенераторы, запасы кислорода и прочие прелести были только в обиходе космонавтов. Вот тебе и подтвердилось — все люди Земли космонавты, а Земля — космический корабль. Ладно, что-то я развспоминался. Все бы ничего, если бы еще и не дожди, отвратительные

ядовитые дожди. А на свидание идти надо, просто необходимо, иначе я умру, и все тут...» — Брокс размышлял, устроившись в кресле и замерев, дыхание его было еле заметным, тренировки не прошли даром, Брокс был одним из самых одаренных и способных учеников из всей группы.

Брокс включил информатор и нажал клавишу «погода». Информатор с постоянной готовностью начал вещать.

«Сегодня, — монотонно растолковывал он то, что люди не хотели слышать и воспринимать, — над городом в основном будут идти кислые дожди. По шкале северных широт наиболее высокая температура ожидается в районе ВС, там предполагаются выпадения примесей ртути, серной кислоты и паров фреона средней концентрации. Для передвижения вне спецтранспорта рекомендуется экипировка в комплекте № 3 с запасом кислорода не менее десяти часов. Любителям пеших прогулок разрешен маршрут № 15, с заправочными колонками через пятьсот метров. Напоминаем характерные симптомы ртутного и кислотного отравлений... Температура по Цельсию плюс 20 градусов. Завтра следует ожидать повышения...»

Брокс раздраженно ткнул клавишу выключения.

— Завтра, завтра, — бурчал он, — вы хоть на сегодня бы хорошую погоду сохранили, а не завтра, черт бы их побрал, этих наших предков, сами в трусах и майках ходили и хоть бы что, а сейчас как водолаз облачаешься в эти рыцарские доспехи — комплекты № 1, 2, 3... Идиоты, как тут сэкономишь этот самый кислород, если на тебе десяток килограммов всякой всячины висит.

Распахнув дверцы шкафа, Брокс стал осматривать свой комплект № 3: прорезиненные брюки с титановой нитью, такая же куртка, респиратор, противогаз, перчатки, подвесная система для респиратора, баллон для аварийного запаса кислорода, сигнальный фонарь, свисток, радиомаяк. Комплект был потрепан, но еще мог послужить.

Облачаясь в одежды, Брокс с тоской понял, что ремонта действительно не избежать. Дверь, похожая на створки старинного сейфа, уже не обеспечивала нужной герметизации, заслонка воздуховода тоже. Окна почти не пропускали и без того скудного света — слой свинца и еще какой-то дряни намертво прикипел к стеклу,

въевшись в него всепожирающей плесенью, вентилятор регенератора гремел полуразвалившимися подшипниками.

Брокс натянул бахилы, надел противогаз и респиратор, проверил заправку кислородного баллона и, натянув перчатки, вышел из квартиры. Дверь за ним с лязгом захлопнулась и зачмокала герметизаторами, казалось, что квартира облегченно вздохнула, когда Брокс вышел. Спустившись на лифте, он вынырнул на улицу, знакомый хлопок и шипение еще раз подсказали, что Брокс лишился благодатной надежности внутренних помещений города.

В воздухе висела сетка дождя, Брокс поправил респиратор, подтянул ремни баллона и устремился вперед. Редкие прохожие были похожи на солдат после атомного удара, их силуэты вычерчивал в туманной и грязной дымке мелкий дождь, ливший сплошной осклизлой дрянью, ядовитой и смердящей. Вся картина с серыми громадинами зданий, глазницами окон, исковерканных, словно зрачок катарактой, ставнями и жалюзи, изъеденные словно оспой, казалась нереальной, зыбкой и тревожной.

Брокс двигался по 25-й авеню, некогда славившейся огнями магазинов, запахами кафе, музыкой ресторанов. Сейчас это был сплошной серый бетон. Брокс шел, не нарушая отработанного на тренировках ритма: оптимальная длина шага, оптимальная скорость, оптимальная глубина вдоха, оптимальная частота дыхания, оптимальная... Вот уже и скоро место встреч влюбленных — Площадь Цветов. Но цветов на площади уже не было давным-давно, все они погибли в ядовитой атмосфере, лежащей общим проклятьем над городом, страной и всей планетой. Цветы теперь росли лишь в оранжереях, вход туда стоил бешеные деньги, а влюбленные их, как правило, не имели. Влюбленные шли на свидания с респираторами и кислородными баллонами, шли без цветов и именно шли, а не летели, как когда-то, на крыльях любви. Шел на свидание и Брокс.

Посреди площади, заменяя некогда огромную клумбу с цветами всего мира, возвышался огромный каменный цветок, но и он был уже совсем не тем, чем утешали себя люди, все больше теряя природу. Когда-то давно это был разноцветный камень, он напоминал о первозданной красоте земных цветов своими яркими красками, их непередаваемой игре красок, а запахи,

хранимые под толщиной плит, устилающих площадь, дополняли картину самообмана и иллюзий, в которые добровольно ввергало себя человечество.

Но шло время, и каменный цветок превратился в каменную глыбу, грязную и зеленую от отвратительной плесени. Не до иллюзий стало людям, реальная действительность их неразумности отнимала последние силы, и запахи на Площади Цветов тоже исчезли, унося последние крохи из подземных баллонов. Вот она, площадь его, Брокса, счастья. Несколько фигур стояли в ожидании, ссутулив плечи. Брокс замедлил шаг, посмотрел на часы и успокоился, до свидания было еще пять минут.

«Ладно, хоть это не изменилось, — подумал он, — девушки, как правило, и сейчас опаздывают, а то попробуй ее отличить в этих жалких и одинаковых фигурах».

Брокс опять посмотрел на ожидающие фигуры и спохватился:

«А как же она меня отличит от остальных?»

Вот подошла еще одна фигура и в нерешительности остановилась поодаль, повернув к ним голову. Ожидающие по одному, гуськом друг за другом потянулись к ней, подходили почти вплотную, вглядываясь в стекла масок. Но, очевидно, так и не узнав друг друга, они расходились порознь.

«Что же делать, эдак и я не узнаю свою Вайду, а она меня, черт знает что творится на бывшем белом свете», — зло думал Брокс.

Но Брокс сообразил, он начертил на влажно-грязной груди своего комплекта № 3 имя «Вайда». Имя блестело чистыми линиями и привлекало внимание. Брокс поворачивался во все стороны, демонстрируя свою изобретательность. Только что подошедшая фигура качнулась в его сторону, а потом вдруг поспешно отвернулась. Брокс разочарованно вздохнул и стал вглядываться в мглу, Вайда не появлялась.

«Уже две минуты, как опаздывает, надо им менять привычки, опоздания теперь будут слишком дорого стоить», — думал он.

Брокс повернулся в другую сторону и замер... только что отвернувшаяся от него фигура блистала его именем — Брокс. Он бросился к Вайде, обнял ее и прижался к ее комплекту № 3, грязному, мокрому, но приятному и дороговому. Вайда ответила тем же, и Брокс

почувствовал ее сильные руки. Имена Брокс и Вайда стерлись, перемешались и стекли тонкими, черными струйками на то, что раньше люди называли землей.

УРОК

Время шло, а дети оставались детьми. Они так же, как и сотни лет назад, вертелись и баловались на уроках. Сколько ни переделывали саму школу, дети все же оставались детьми. Правда, учителя, родители и психологи заметили, что эта самая «вертлявость» все же поубавилась. Еще бы — до школы добирались не как раньше пешком, гоняя по дороге мяч, а на ползущих тротуарах. Да еще в громоздких герметичных костюмах, а они, конечно же, снижали подвижность. Опустели дворы, не стало между домов спортивных площадок, не слышалось детского гомона и суровых голосов мамаш, загоняющих ребят за стол. На улицах не было слышно голосов, взрослые и дети переговаривались по радио — гермошлемы были звуконепроницаемы, все кругом визжало, скрипело, терлось, шуршало: вентиляторы, фильтры, кондиционеры, машины... Улицы были покрыты смрадной мглой.

Шел урок химии. Бойкая, моложавая учительница беседовала с учениками.

— В каком состоянии может быть вода? И что вы знаете о воде?

Мальчик с большими грустными глазами поднял руку.

— В жидком, как у нас в школьном бассейне. В ней можно плавать. Дедушка рассказывал, что когда-то купались в морях и реках. Воду можно пить, если горит зеленый цвет на предупреждающем табло, а на дисплее не мигают цифры предельных загрязнений, — мальчик замолк, вспоминая еще что-то. Потом добавил: — В воде можно варить мясо из школьного и домашнего синтезатора. При этом вода кипит.

— Правильно, молодец, Коля. Кто еще? Говори, Маша.

— Вода еще может капать с неба, и тогда надо быстрее прятаться или обязательно одеть защитную одежду, а то разбест кожу и выпадут волосы. — Маша волос не имела, она однажды попала все-таки под дождь, на красивом личике остались следы от язв.

— Еще кто? — тихо спросила учительница. — Пожалуйста, Вадик.

— Вода раньше была чистая, и ее было много, в ней даже плавали рыбы. А еще вода бывает льдом. Это когда очень холодно и вода замерзает. Она становится твердой как камень.

— Молодцы, дети. Вода еще бывает в виде пара. Это когда воду сильно нагревают и она испаряется в воздух.

— Знаем, знаем, Мария Ивановна, — закричали наперебой дети.

— А еще, ребята, бывает снег.

— А что это, Мария Ивановна?

— Снег, дети, это тоже твердая вода, но не такая, как лед. Снег состоял из легких-прелегких снежинок. Они падали с неба на землю. Их было так много, что они могли даже спрятать под собой целый дом. По снегу катались на лыжах, из него можно было лепить фигуры и даже детские городки. Детям его запрещали есть, так как он был холодный и от него болело горло. Дети, которые были тогда, лепили из него снежки и любили их бросать. Сейчас снег можно увидеть только высоко в горах.

Вопросы посыпались со всех сторон.

— А что такое лыжи?

— А какие они были, эти снежки?

— А какого цвета был снег? — спросил большеглазый Коля.

Мария Ивановна открыла было рот, потом задумалась, смутилась, опустила глаза и сказала:

— Простите, дети. Я не знаю, какого цвета снег. По-моему, он был фиолетовый.

— Черный он, — уверенно сказал Виталик. — Мой отец работает в горах, он метеоролог, мы с мамой к нему летали. Однажды ночью шел снег. Я видел, что он черный. Утром его уже не было, он растаял.

— Хорошо, ребята, я вам скажу на следующем уроке, какого цвета снег, попрошу хранилище памяти.

Зазвенел звонок, и дети гурьбой побежали по синтезированному зеленому полю играть в футбол.

ОБРЕЧЕННЫЕ

И планета, и ее народ жили до сего времени дружно. Но однажды народ жестоко обидел планету, осквернив

ее артерии, загрязнив ее ручьи и реки, озера и моря. Первое преступление породило второе, второе — третье... Планета сначала прощала, потом просила, потом предупреждала, потом начала сопротивляться, но было уже поздно... планета умирала. И тогда Природа-мать вступилась за нее. Она не могла допустить смерти своего ребенка — голубой планеты. Она защитила ее, защитила жестоко, но справедливо... На планете осталось сто живых.

— Что будем делать? — Председатель собрания выдохнул эти слова и опустил голову. Но этого скорбного жеста со стороны видно не было: сидящие в зале вроде бы были спокойны. Они сидели в автономных герметичных скафандрах, и голова в шлеме была не видна, светофильтры не поднимали даже в помещениях, боялись. Зал был похож на кладбище, а люди в скафандрах — на нездыблемые памятники-монолиты с огромным шаром — головой. На самом деле было все не так: высоко вздымалась грудь, учащенно билось сердце, струился пот, бледнели и краснели лица — все это осталось прежним, но только под скафандром. Лишь руки иногда поднимались вверх, чтобы всем было ясно, чей голос звучит в наушниках.

— Позвольте мне. Я буду краток, — белая перчатка медленно поднялась, и на черной внутренней стороне ее все увидели красную цифру 25. Красный цвет означал, что он уже болен, то есть обречен.

Председатель заглянул в каталог.

— Прошу вас, доктор. Слово Главному философу планеты.

В наушниках зазвучал низкий, чуть хрипловатый голос.

— Природа не допустит гибель планеты. Она спасает ее. Спасает от нас, наказывая нас. И по заслугам. Живое может еще возродиться. Планете это сделать будет невозможно, если будет продолжаться так, как доселе. Поэтому Природа уже сделала выбор. Уже сделала! Нам уже нечего решать! Все решено! Много лет мы ничего не производим, мы полностью лишены общения. Каждый из нас живет в своем скафандре. Мир ограничился для нас многослойной оболочкой спасительной кожи из синтетики и резины. Я и все мы живем в своем воздухе, боясь смешать его хоть с каплей чужого. Регенераторов осталось совсем мало, и мы с радостью слышим известие, что умер еще кто-то, следую-

ший. Еще пять часов жизни прибавилось — вот что мы думаем о смерти последних планетян. Мы убиваем друг друга из-за этих регенераторов, из-за скафандров, из-за куска хлеба и глотка воды...

Я только недавно понял, что от нас требуют — нас больше не хотят терпеть на планете. Нас попросту изгоняют с нее. Но и на другие планеты нам нет смысла лететь. Мы обречены на гибель внутри себя. Порок порастил нас в самые важные точки жизни. Женщины не могут рожать — дети появляются на свет уже начинающими умирать, слава богу, жизнь их коротка, хотя и мучительна. Гены наши поражены, мы не можем воспроизводить здоровое потомство. Мы не можем любить — нас подстерегает ужасная болезнь и смерть. Для нас стало смертельным все: укус комара, укол иглы, царапина, ссадина — в кровь тут же впиваются они — наши убийцы. Мы стали одинокими волками, закупоренными в свой микромир. Что делать? Нет потомства — тоже смерть. Мы наказаны Природой за варварское отношение к ней и к Планете. И чем раньше мы уйдем с планеты, тем благодарнее будут нам наши потомки, восставшие из израненной и излечившейся планеты.

— Что ты предлагаешь, Софокл?

— Покинуть планету.

— Все-таки переселиться на другую?

— Нет.

— А что же?

— Остаться в космосе до конца.

— Кто поддерживает это мнение?

Медленно поднимались вверх руки. Председатель увидел все цифры — от единицы до ста. И все были красными.

КОРРИДА

Диктор телевидения с озабоченным видом вещал:

— Издавна видели в небе летающие предметы. Есть ли кто в них? Нет ли? А если есть, то кто они? Недавно опять пролетела эскадрилья летающих тарелок над Гватемалой. Дальнейший их курс неизвестен. Они не имеют отметок на радарх. Из чего они сделаны? Их все чаще видят в районе Тибета. И видят там с очень давних времен...

Двое сидели в высокогорном городке, которого никто из землян не видел.

— Это он прав. Мы здесь давно. Сколько раз говорил этим олухам, чтобы поменьше летали низко над землей, поднимались выше, а потом падай вниз по колодцу. Молодость, любопытство... Мы все-таки не так воспитаны. Не правда ли, Хорн?

— Да, это так. Но давай дослушаем этого олуха.

— Сегодня возникает масса вопросов. Например, почему они предпочитают высокогорье, а не опускаются глубоко под воду. В середине океана «нырнуть» скрытно куда легче, да и под водой безопаснее. Мы так и научились жить в глубинах океана. Так почему их так тянет вверх? — продолжил диктор.

— Ультрафиолета больше, болван, — вставил Рон.

Хорн хмыкнул, его треугольный лоб сморщился.

— Все равно мало. Если бы не наши курортные зоны на полюсах на этой Земле, можно подорвать здоровье напрочь. Всегда нас тянет вперед, где тяжело. Многие вернулись на Сарсу, а мы все здесь. Все тяжелее их подталкивать по нужному нам пути, все тяжелее разжигать вражду, заставляющую закрывать глаза на разум, или, как они сами говорят, на рассудок.

— Да, безумными их делать становится все труднее. Но, к счастью, это понимают и на Сарсе. Тебе уже построили рубиновый дом, мне заканчивают. Ты знаешь, о чем я мечтаю, вернувшись на Сарсу?

— Нет, — Хорн придвинул свое цилиндрическое тело поближе.

— Я привезу с собой их агрегат по превращению этого отвратительного кислорода в углекислый газ, милый нашему сердцу и легким.

— Что ты имеешь в виду?

— Они их называют МАЗ и КамАЗ.

— Рон, а нефть?

— Эх, Хорн, Хорн. Ты увлеченное создание, стратег и мыслитель глобальных проблем. И у меня около дома и у тебя есть запасы нефти. Но это мелочи. Вот твоя глобальная идея — это да! Это настолько чудесная мысль, что я до сих пор восторгаюсь тобой. Сделать чужую планету подигоном для испытаний всего, что нужно для своей! Готовить заранее планету к переселению нашей цивилизации. На все готовенькое, да еще в каких изытках: и углекислого газа вдоволь, и кислотные включения в атмосфере, и ультрафиолета все

больше и больше. Как они говорят — курорт. Да, скоро здесь будет курорт для нас, для сарсян. Останется лишь заменить вывески на земном языке на вывески на нашем языке, все остальное нам годится. Быстрее бы.

— Терпение, мой друг, терпение. Рон, осталось немного по нашим понятиям жизни: уничтожить озон, лес, планктон — и все будет в порядке. Самое гениальное, что мы сумели создать ситуацию, что они сами... с-а-м-и губят себя и создают нужную нам планету. С-а-м-и. Когда они это поймут, не знаю. Но на их месте я бы покончил счеты с жизнью. И надо же, как просто, стоило только поддержать одно лишь чувство — недоверие. С фреоном идея прошла просто блестяще. Темп снижения озона вырос в два раза, но надо еще быстрее, еще. Надо придумать как...

— Хорн, с фреоном они вроде бы одумались, стали уменьшать его применение. Азотистые удобрения тоже. Идея с созданием космического оружия — вот сейчас наш козырь. Не тебе рассказывать, что как только они его создадут, то в любой момент мы можем спровоцировать его применение... в любой момент. Лазеры, ракеты — они сделают свое дело, сожгут все: и лес, и кислород... планета наша.

— Ты прав, Рон, и на ее создание надо много ракет, а они как раз несут к озону то, что нам надо, что его уничтожает. Меня порой удивляет их слепота.

— Ты же сам говорил, вражда и недоверие — наш козырь. Они играют в вечную игру — кто сильнее. А она требует все больше и больше. Надо подкинуть им открытие пары месторождений угля, нефти и газа на севере. Через три-пять их земных лет, как образуются там полости, мы можем вызвать землетрясение, которое срезонирует и там разломы и разруху. Расчеты привезли с Сарсы. Это последнее звено, чтобы проснулись старые вулканы огненного кольца. Выброс будет колоссальным, альbedo изменится как раз на недостающую величину. Кстати, наши врачи продумали великолепную систему, которая одновременно играет на недоверие и на уничтожение. Мы можем это пустить ближе ко времени, когда надо будет опускать занавес. В последнем акте. Живые этой планеты очень уязвимы. Стоит расстроить генный аппарат иммунитета, как они начнут погибать как мухи от любой болезни. Сделать это легко. Где чаще всего при их биологической сути они встречаются массами. Для поддержания популяции — раз. При ле-

чении — два, вернее, так: после лечения они опять идут в общество, и там случайные контакты продолжаются. Так вот, извини, я длинно объясняю: любовь и кровь должны нести то, что разрушает приобретенное за миллионы лет. Мы загоним их в свои норы, они перестанут общаться, они перестанут любить, а это конец. Вот так.

— Ты знаешь, Хорн, мне страшно и мне их иногда жалко. Прекрасные карты ветров, течений, а все равно жгут и жгут, не хотят идти под парусом, не хотят вернуться к ветрякам... да и мы не дадим этого сделать.

— А вдруг все-таки поймут?

— Не думаю. Посмотри, сколько явных предупреждений. А им хоть бы что! У меня впечатление, хоть я и говорил, что мне их жалко, не маньяки ли они, маньяки-самоубийцы. Все время воюют, дерутся во всех уголках планеты, портят все, что попадает под руку. Ну а если и поймут, Хорн, опять же надо разжечь недоверие. Как? Очень просто: подкинем идею чудо-оружия, созданного в одной из стран... и, как они говорят, пошло-поехало опять недоверие. Уже кислородные стойки в городах строят! А свернуть не могут. Как разозленные быки.

— О Рон, ты прав, сегодня в Мадриде грандиозная коррида. Давай слетаем, заодно посмотрим, как дела с Аралом. Там дела идут просто блестяще.

— Хорн, мы же с того и начали, что летают низко, светятся, проявляются, обнаглели...

— Да ладно тебе, Рон, пусть газетчики и телевидение землян подзаработают. Представляю: «Вчера во время корриды над Мадридом появилась летающая тарелка. ВВС опять ничего не видели. Объект скрылся в неизвестном направлении. Профессор Гейнц утверждает, что это очередное оптическое явление в атмосфере. Появление НЛО не повлияло на бой. Матадор Куальдио блестящим ударом в верхнюю часть сердца поставил точку в поединке. А сейчас песня. Поет Родриго. В песне есть нечто новое, слушайте:

А ну, подайте мне быка,

Я поиграю с ним слегка.

Сабина, ты разбила сердце мне,

А я пронзаю сердце, бык, тебе.

Я матадор — не космонавт,

Но заключил бы я контракт.

И если б мне вдруг повезло,

Вспорю я шпагой НЛО.

Эй, НЛО, где ты и кто там? Вылезайте и идите к Сабине в бар. Девочки вас быстро раскусят, из чего вы собраны. А если они вам не по вкусу, то будете иметь дело с лучшим матадором Испании — Куальдио, потому что он настоящий мужчина, а они его подруги. Где вы, трусы, из НЛО, мы вас ждем».

— Дождетесь, — зло сказал Рон. — Полетели посмотрим на этого потрошителя НЛО.

ОБМАН

Корабль метался из угла в угол Пятой спиралевидной галактики. Экипаж был зол и измучен. Они не могли найти свою планету.

— Она играет с нами в кошки-мышки, — кричал исследователь. — Сколько можно находить не то. Ну есть же, есть тут наша планета, есть... и именно где-то тут... и куда она ее прячет, не знаю... и зачем?

Под словом «она» исследователь подразумевал галактику.

— Ладно. Посмотри, топлива уже почти нет, на две посадки с половиной. А дальше что делать? И куда же ты, Земля, девалась? — капитан тоже нервничал. — Ты пятая планета по счету. Ну Земля как Земля. А на самом деле очередной обман. Зачем? Что мы, чужие, что ли? Или прокаженные какие?

Исследователь задумался.

— У меня такое впечатление, что она из нас топливо выкачивает, до нуля добирается, — продолжал капитан.

— А по-моему, учит она нас, наказывает. Что-то не так у нас на борту, что-то лишнее. Прокаженные, говоришь. Нет. Наверное, проказа у нас в трюмах. Руда, может, из другой галактики ей не нравится? Я не брошу ее до последней капли в баках нашего корабля. Это наши деньги. Капитан, опять по курсу планета. Ну ты только посмотри. Разве это не Земля? И Африка тебе, и Америка, и Европа... вон Австралия. Капитан, давай сунемся в горы, может, там, подальше от городов и людей, будет все нормально, может, настоящая планета.

— Давай, вон туда, между Черным и Каспийским морем. Интересно, что она придумает на этот раз. Это же надо: то ртутное озеро, то холодная лава, то надув-

ные облака. И чего мы ошибаемся столько раз? И почему она дает нам так быстро понять, что планета не настоящая, а призрак?

— Мы же решили: больше посадок — быстрее топлива кончится, ты сам предположил.

— Зачем?

— Чтобы на настоящую Землю не сели, так как топлива не будет. Вот зачем.

— Может быть, может быть. — Капитан набрал программу посадки.

Корабль сел на Горный карниз, сели среди буйной зелени, внизу неслась бурная река. Капитан уже представил, как он окунется в холодную воду, как стоит под камнем форель...

— Не выключай двигатель, Майкл. Опять стартовать надо, очередной мираж.

— Да почему же? Вроде все натуральное кругом!

— Да бараны же вокруг. Оглянись, оторвись от приборов.

Капитан посмотрел в иллюминатор. Действительно, напротив горной террасы, на противоположной горе спокойно гуляли бараны и щипали траву. Им и дела не было до космического корабля с его проблемами и экипажем.

— Бараны как бараны, вон того хоть сейчас на шашлык бы пустить. Вон курдюк какой! По-моему, у тебя уже галлюцинации, Джон.

— Слушай, Майкл, баранов на Земле уже лет сто как не было. Откуда они взялись?

— Может, вывели заново. У нас много, что и кого уничтожили, а потом выращивали, восстанавливали, вспоминали, как и что было. — Майкл не сдавался.

— Майкл, так быстро их не вывести, мы не были дома всего год. Ты вспомни хоть, какие они были, эти бараны.

— Помню, Джон, шерсть, мясо, рога, четыре ноги, хвост.

— А цвет, Майкл?

— Не помню.

— А я помню, Майкл. Они были серые и черные. А эти, Майкл, зеленые. Не было зеленых баранов, не было. Взлетай, не жги топливо, у нас на одну посадку осталось.

— Я все понял, Джон. Не пустит она нас. Так что, как бы ты ни кричал, простись с деньгами: уран при-

дется выбросить, не пустит нас с ним Земля, не пустит.

Джон согласно кивнул головой и отвернулся посмотреть последний раз на зеленых баранов.

ЗА И ПРОТИВ

Заседание было парадным, чтобы еще раз утвердить полет и полюбоваться собой. В зале сидели все, кто разрабатывал программу полета, строил могучий межпланетный корабль, подготовил экипаж. Все было готово к первому далекому рейсу в другой мир, откуда пришли сигналы Разума. Корабль уже находился на околопланетной орбите.

Все шло своим чередом. Инженер доложил о готовности техники. Главный специалист по подготовке космонавтов — о готовности экипажа. Главный медицинский специалист — о нынешнем состоянии здоровья и прогнозе на будущее. Служба слежения за Солнцем дала положительный прогноз по трассе полета. Промежуточная база на окраине родной Звездной Системы тоже была готова к приему корабля и его дозаправке. И вдруг...

На центральном табло появилась курчавая голова, широкие пухлые губы чуть улыбались, но лицо было суровое. Негр поднял руку — он просил слова. Разрешение было дано.

— Надо ли лететь? — коротко сказал он.

Зал затих и через секунду ожил удивленным и возмущенным рокотом.

— Как это? Что за вопрос? Какие могут быть сомнения? Конечно, лететь, что за бред. Может, что случилось там, на орбите? Кто это?

На табло появилась надпись: «Нгу Ким — философ». Анализатор мнения зала заседаний обработал информацию зала и запросил данные о состоянии работ на орбите.

На табло побежали строчки: «Вчера завершены сборочные и отладочные работы на орбите. Межпланетный корабль к старту готов. Остались чистовые проверки непосредственно перед запуском двигателя. Экипаж переведен в корабль. Врачи претензий не имеют. Сомнение в полете высказывает только доктор. Нгу Ким — философ и психолог. Других сомнений и отрицаний нет».

Сигнал общего внимания прозвучал тревожно и при-

звонно. Все затихли и перечитывали еще и еще раз информацию на табло. Она все-таки вызывала недоумение. Потом тишина взорвалась громкими возгласами. Сидящие в зале всматривались в одиноко стоящую фигуру Нгу Кима. Каждый задавал ему свой вопрос. Анализаторы с трудом селектировали общий смысл вопроса. Он прозвучал просто: «В чем дело, объясни?»

Негр опять поднял руку, он опять хотел говорить, зал затих.

— Я спрашиваю вас всех — имеем ли мы право лететь в другой мир, не разобравшись в своем. Что принесем мы туда? Какие принципы и идеалы? Экипаж собран из разных стран — это хорошо. Но каждый из них несет принципы своей страны, своего уклада жизни, своих правил. В экипаже нет единой точки зрения. Это плохо. Если бы экипаж был сформирован из представителей одной страны, было бы единение принципов, но для планеты в целом это была бы неправда. Сможем ли мы объяснить им, чего мы хотим и зачем прилетели к ним? Почему на планете голод, а мы летим в глубь Вселенной? Зачем? За поиском хлеба на другой планете? Мы бросаем свой мир, даже не попытавшись улучшить его, и ищем мир чужой. Не поняв себя, мы хотим понять других. Поэтому я и спрашиваю: надо ли сейчас лететь к ним? Испытать корабль надо. А вступать в контакт пока рано, не с чем. Надо разобраться в своем доме. — Негр медленно опустился в кресло и закрыл глаза.

— Голосую, — объявил председатель.

Каждый из членов Комитета объединенного мнения нажал одну из кнопок «за» или «против», других кнопок не было. Все должны иметь мнение, сомнения не принимались в счет.

Высоко под куполом вспыхнул красный свет — полет в другой мир был запрещен.

ВО ВСЕЛЕННОЙ МЕСТА ХВАТИТ ДЛЯ ВСЕХ

Планета была самым совершенством. Природа постаралась на славу: гармония живого и неживого оттачивалась миллиардами лет. Этого оказалось достаточно, чтобы Природа рискнула и создала Разумных. Они быстро освоились среди сбалансированного мира и стали

вносить свое, спеша и хватаясь за все сразу и желая получить все целиком. Сначала они наносили Природе тяжкие раны, но Разум все же победил, и планета смогла отпраздновать свое поистине второе рождение. Мучительно освобождаясь и очищаясь, планета вновь расцвела, восстанавливая почти потерянное и уничтоженное. Вновь запели птицы, вновь в водах заплескались рыбы. Вокруг планеты, как в старые добрые времена, струился чистый воздух, воды морей, океанов, озер и рек опять стали прозрачными, зазеленели густые леса. Человек и Природа наконец-то поняли друг друга.

В просторах Вселенной летали космические корабли и станции. Люди искали себе подобных, Разумных, но пока безрезультатно. Хотелось им найти жизнь во Вселенной, очень хотелось, но...

Человечество готовилось к новому поиску. На орбите вокруг планеты кружила межпланетная станция, предназначенная для дальних исследований, а на Земле готовился к старту транспортный корабль. Три космонавта были готовы к взлету. Позади были годы напряженных тренировок в центрифугах, в гидробассейне, в тренажерах... Программа полета была интересной и необычной: во-первых, надо состыковаться с межпланетным блоком-станцией, затем перелететь на ней в расчетную точку Вселенной на окраине Солнечной системы. Туда же летела из глубин космоса комета, в ее хвосте должна в нужное время оказаться станция с научно-исследовательскими приборами и экипажем. От этой экспедиции ожидали многого.

Перед стартом экипаж встретился с учеными. Это была скорее традиция, хотя на ней говорили о самых последних уточнениях программы полета и научных исследований.

Один из ученых, биолог, протянул командиру экипажа небольшой чемоданчик и смущенно пояснил:

— По согласованию и решению Ученого Совета я передаю вам контейнеры, находящиеся в этом блоке. В этих прозрачных контейнерах находятся грибы. Они имеют сложные названия «полипорус брумалис». Но на самом деле это самые простые, я бы сказал, примитивные и неприхотливые из растений. Они могут расти везде, и их много. Простота конструкции организма — залог надежного выживания. Для жизни им нужен свет и питание. И все. Их можно встретить в лесу, на полях, в горах и даже на балконах. В общем, они умеют хоро-

шо приспособливаться ко всяким условиям. Они простейшие, и в этом основа их жизнестойкости. Мы попросим вас разместить их в отсеке станции где-нибудь на свету, чтобы на них попадали солнечные лучи. И пусть они себе растут. — Ученый умолк, вопросительно глядя на космонавтов.

— И это все? В чем же смысл этого простейшего, как и сами грибы, эксперимента? — спросил Петр Иванович. — Можно ли вмешиваться в процесс их роста? Какие прогнозы их развития? Чем они питаются?

— Внутри контейнеров есть питательный раствор. Есть предположение, что развитие грибов в невесомости будет несколько иным, чем на Земле. Мы ожидаем явно выраженное перераспределение структуры и массы грибов. Говоря проще, мы прогнозируем перераспределение массы шляпки гриба и его ножки. Известно, что в условиях гравитации нужна, и это доказывает весь растительный мир, мощная, так сказать, опора для полезной массы. Ствол дерева, стебель травы, ножка гриба и так далее. Кстати, до восьмидесяти процентов энергии растения уходит на формирование такой опоры. В невесомости, мы надеемся, а впрочем даже уверены, необходимость в опоре отпадает: не надо будет в конкуренции за живительные лучи тянуться выше и выше, вырываясь из тени. А значит, сохраняя общий энергетический уровень, гриб должен перераспределить массу и ее основная часть сосредоточится в шляпке, то есть в полезной части. Этот опыт нужен для коррекции модели, созданной в лаборатории, чтобы повысить достоверную вероятность для расчетов пищевых запасов, выращиваемых на борту в длительных космических полетах. Так что верните грибы обязательно. Гриб растет быстро, поэтому, собственно, его и выбрали.

— Но ведь грибы из разных мест растут по-разному, — перебил длинный монолог ученого Петр.

— Это мы тоже учли. Всего грибов три. Два у вас, а один тут на Земле останется, это контрольный экземпляр. Все они, так сказать, братья и сестры, они из одной грибницы. Это повысит чистоту эксперимента. И так... — Ученый опять входил «во вкус», и было видно, что он собирается развивать свои мысли дальше. — Да, можно добавлять питательный раствор в контейнеры, для этого есть его запас...

— Понятно, понятно. Особенно перспектива летать в настоящем огороде. А почему бы не вырастить шам-

пиньоны! А? — вступил в разговор бортинженер Савелий Павлов. — Будущее нам более чем ясно, тут нас агитировать не надо, развесим мы ваши грибы, не волнуйтесь.

— Да я и не волнуюсь и не сомневаюсь в ваших знаниях, — корректно ответил биолог. — Мы, ученые, натуры увлекающиеся. Особенно в своих пояснениях. Так что извините за излишние подробности. Если нет у вас вопросов, то я могу считать свою задачу полностью выполненной.

— Да вы не обижайтесь. Значит, подпитывать грибы можно и в полете! Много питательного раствора? И как часто его надо добавлять? — не унимался любопытный и любящий поспорить Савелий.

— Думаю, что этого не потребуется вообще. Полет не очень продолжительный, да и грибов не так уж много... — ответил ученый.

— А если они начнут размножаться? — не унимался Савелий.

— Это было бы просто замечательно. Пока не удавалось получить второго поколения в полете. Одним словом, попробуйте сами по ходу дела понять, надо ли добавлять питательный раствор. Например, по темпу роста гриба, по массе. Правда, это трудно, так как мы не знаем, что принять за основу нормы роста гриба в невесомости. Посмотрите сами, опыт у вас есть, — заключил биолог.

— Ясно. Если командир не будет возражать, то я возьму заботу о грибах на себя. Тем более что я заядлый грибник. Они будут в надежных руках. — Валдис Умаяге, третий член экипажа, специалист по научной аппаратуре, протянул руку к контейнерам.

— Бери, бери. Никаких возражений нет, — ответил, отдавая контейнеры, Петр. — А если их действительно много вырастет, то ты, Валдис, будешь иметь реальную возможность приготовить нам грибы с картошкой. Я помню фирменное блюдо вашей семьи. Тогда готовила Регина, но я думаю, что и ты кое-что умеешь. Это будет лучший подарок в дальнем космосе.

Биолог хотел было возразить, но вовремя сообразил, что это просто попытка пошутить, притом перед близким уже стартом, когда настроение у космонавтов далеко не располагающее к остро словию и веселью.

— Только нам привезите немного свежих грибов, не жареных, — добавил он.

— Обещаем, — ответил неумный Савелий. — При-
том самые крупные вернем в счет собственного удоволь-
ствия.

К ракете шли не спеша, оглядываясь вокруг и за-
поминая земные пейзажи. Валдис шел с «чемоданчи-
ком», черным пятном выделявшимся на белом скафан-
дре. Последние приготовления к старту прошли быстро...
через три часа корабль уже состыковался со станцией.
Экипаж начал подготовку станции к первому включе-
нию двигателя. Все системы работали безукоризненно.
До включения двигателя оставалось совсем немного
времени... В иллюминаторе проплывала Земля, притя-
гивающая взгляд даже тех, кто был в космосе далеко
не первый раз.

— Кра-со-та, — нараспев произнес Петр. — Жаль
даже на время расставаться с ней. Мне иногда прихо-
дит в голову странная и страшная мысль — вернемся,
а Земли нет. Что тогда делать?

— На лунную базу лететь. Может, там примут остат-
ки человечества, — спокойно ответил Савелий. — Боль-
ше ничего не придумаешь. Брось ты, Петр, такие мысли.
Вот перелет впереди томительный — это точно.

— Ну уж так тебе и томительный. А раньше как
было? Этот перелет в года два с половиной обошелся
бы, не меньше. — Валдис возился у иллюминатора. —
Вот это действительно было бы утомительно и томитель-
но. А вообще-то время включения двигателя подошло,
а вы в философию ударились. — Петр встрепенулся.

— Включение от компьютера. Но хорошо, что ты
напомнил. Я «Исследователь». Экипаж и системы стан-
ции готовы к включению доразгонного двигателя. На
борту порядок. Самочувствие хорошее. До включения
сорок секунд. Работу компьютера контролируем, —
официально доложил он.

— Я Центр Управления. Информацию принял. Те-
леметрия в норме, включение двигателя разрешено.
Удачи вам, парни... И приятной встречи с комстой. Не
увяжитесь за ней во Вселенную...

— Понял. Включение разрешили... пять секунд, че-
тыре, три, две, одна... есть тяга.

За кормой образовался огненный шар, станция
вздрагнула, небольшая перегрузка чуть прижала кос-
монавтов к креслам. Двигатель отработал положенное
время и выключился.

— Центр, прошу разрешения сбросить ускоритель, — доложил Петр.

— Добро. Только сбрасывай его не против ветра, а то... — рассмеялся руководитель полета. — Хоть и солнечный, но все же ветер...

— Ладно тебе, Иван. Тебе бы все пословицами сыпать. Ты бы книгу, что ли, издал. Денег получишь — куры не клюют. Запустил программу сброса... сброс. — Петр взглянул в иллюминатор.

От станции плавно отделился двигательный блок. Чернота космоса озарилась вспышкой малых двигателей торможения, и блок стал отставать от станции.

— Ну вот, легче мы стали. Теперь будем лететь среди звезд одни. Сироты, да и только, — промолвил Савелий, глядя на улетающий к Земле блок. — Вспыхнет метеором и сгорит, рассыпавшись на крохи.

— Наверное, все же не одни. — Валдис тоже глядел вслед улетающему блоку.

— Валдис, что ты имеешь в виду? — поинтересовался Петр.

— Грибы, Петр, грибы. Они будут расти нам на радость. Я, например, уже не чувствую себя одиноким. Они, эти грибы, как бы приближают нас к Земле, теперь наша станция действительно ее частица. Надо же, тут у нас, на борту станции, далеко от Земли растут обычные земные грибы. Еще бы лес и птиц.

— Ну все, влюбился ты в эти грибы. Ты их еще к своему спальному мешку прицепи, веселее будет. Будешь слышать шуршание, когда они начнут расти. Все не один, даже во сне... — предложил улыбаясь Савелий.

— Эй, парни, хватит вам пикироваться из-за этих грибов. Пусть себе растут... У нас работы по горло. Нам-то что до них? Давайте к нашим делам поближе. Через трое суток включение маршевого двигателя. Лунная база на контроле... тогда полетим еще быстрее. Это ученые хорошо придумали — включение ядерного двигателя подальше от планеты. Впереди столько интересного! Луна, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, а потом уже Нептун. Окраина Солнечной системы. А вы про грибы да про грибы. Это первый маршрут в такую даль, и мы первые летим туда. Да и полетать на хвосте кометы — это тоже не всем дано. Да... вот еще что, в хвосте кометы будем лететь в дрейфе. Закрутим станцию и выключим двигатель. Это чтобы не загрязнять пространство около станции. Ученые мне объяснили, что и на

окраину нас посылают, чтобы не было влияния околопланетных пространств. Думаю, что это правильно, и информации побольше соберем, оглядываясь во Вселенной на все четыре стороны. — Петр потянулся. — Валдис, а где же ты своих любимцев развесил?

— Грибы, что ли?

— Ну, конечно, грибы. Кого же еще? Ты ведь у нас однолюб. — Петр все еще потягивался.

— Один контейнер у пятого иллюминатора, другой я разместил в шлюзовой камере, там изумительный иллюминатор. К сожалению, шестой и седьмой иллюминаторы заняты.

— А почему ты именно эти иллюминаторы задействовал и рассматривал? — спросил Савелий.

— Да потому что, наш любопытный бортинженер, они диаметрально противоположны друг другу. — Валдис замолчал и хитровато сощурился.

— Ну и что?

— Савелий, умный ты мужик, а вот тут даешь маху. Помнишь, что нам ученые говорили: для чистоты эксперимента даже из одной грибницы эти самые грибы подобрали. Вот я и подумал о том, что и здесь, в станции, им надо равнозначные условия создать. Станция, сказал командир, будет вращаться, да и сейчас она в дрейфе. Это значит, что Солнце будет появляться в станции периодически, а так как я выбрал противоположные иллюминаторы, то и лучи нашего светила — то есть источник энергии роста грибов тоже будет примерно одинаков. А то один вырастет больше, а другой меньше. Причина может быть в разной освещенности. Отсюда и выводы могут быть ошибочными.

— Ну ты просто молодец, Валдис, — похвалил его Савелий. — Просто умница.

Петр промолчал.

— А мы должны бороться за истину, за чистоту эксперимента, — добавил Валдис.

— Хорошо, хорошо. Господь с ними, с твоими грибами. Мелочь, да и только. Прямо как с детьми возишься. Основную работу надо сделать чисто, а они пусть себе сами растут да питаются, тоже мне бенгальские тигры в клетке. Ценность какая!.. — не выдержал и заворчал Петр. Это был хороший признак.

Так и летели к далекой цели. Настроение было хорошим, работа спорилась. Прошло трое суток. Включение основного двигателя вдали от Земли, почти у самой

Луны, прошло без отказов. Станция помчалась на окраину Солнечной системы. Остались позади суровые лунные пейзажи, пески Марса, иссеченные извилинами, напоминающими русла рек. Где-то там, почти у южной полярной шапки, в глубине песков рылись их товарищи, готовясь к строительству марсианской станции. Неутомимый ротор — знаменитое Красное пятно Юпитера все продолжало вращать огромные массы планеты. Вечные вихри зачаровывали и вызвали невольное преклонение перед этим уникальным деянием природы. Кольца Сатурна, такие тонкие и изящные издали, здесь рядом поражали множеством угловатых и устрашающих глыб, несущихся в вечном вихре.

Все это очаровывало, вызывало живой интерес. Но были и однообразные, скучные дни, когда все вокруг надоедало, становилось однообразным, скучным... Как ни странно, единственным развлечением для экипажа оказались именно грибы. Они росли, и довольно быстро, не требуя ни забот, ни хлопот. Вначале о них вроде бы забыли. Натолкнулся на контейнеры с грибами все тот же Валдис. Он заметил этот бурный рост и стал все чаще подплывать к ним. Сначала все шло по-земному: вот шляпка, вот ножка, правда немного кривая.

«Нет гравитационной силы, вот она и растет как хочет. Плели же пауки в невесомости паутину как попало», — решил Валдис.

Потом появились другие необычности. Рос гриб все-таки не по-земному. Валдис долго думал о первопричине и все-таки сумел понять ее. Станция вращалась, и солнечные лучи оказывались то в одном иллюминаторе, то в другом. Вращение станции было медленным, и поэтому звезда относительно долго светила в одно из «окон во Вселенную». Гриб приспособился к этому. Как только Солнце меняло иллюминатор, шляпка гриба поворачивалась к живительным лучам, ориентируясь на освещенный иллюминатор. Сначала эта переориентация была медленной, потом все быстрее. Получалось так, что ножка гриба, действительно выросшая значительно тоньше, чем на Земле, завивалась в причудливую спираль.

«Удивительная приспособляемость природы, — философствовал Валдис. — И в то же время, что тут удивительного! Человек! К чему он только не принаровился: и под водой живет, и в космосе, и под землей, на Луне, на Марсе. Живет и работает. Может, и у нас,

людей, проходят процессы редуцирования, но менее заметные. «Вырастает» же человек в невесомости. А сколько времени надо было, чтобы очистить организм от вредных элементов, обильно разбросанных на Земле в период общего экологического загрязнения. И нитраты, и пестициды, и чего только не было, а жил ведь человек. Вот и этот простейший приспособился. Интересно, сколько же он может завиваться?»

А гриб не переставал удивлять. Он совершенствовал подвижность «шей-ножки», он все проворнее крутил «головой-шляпкой» вслед за Солнцем. Однажды в полной темноте, зашторив иллюминаторы и включив свет в станции, экипаж перезаряжал пленки в аппаратуре. Валдис после окончания работ включил мощный фонарь и заметил, что гриб «стал смотреть» на источник света.

«Чувствительность его датчиков отменная, — решил Валдис. — Надо взглянуть на тот, что в шлюзовой камере...»

Тот, другой гриб, повел себя совершенно по-другому. Он вообще отказался от ножки и превратился в комок почти шарообразной формы.

«Ладно, пусть ученые разбираются, — подумал Валдис, — может, так и надо».

Петр и Савелий иногда подсмеивались над Валдисом.

— Ну что, Мичурин, вместо гриба какого-то змея спиралевидного выращиваешь?

Валдис молча отмахивался. Все ближе и ближе расчетная точка встречи с кометой, дел стало прибавляться. Валдис даже поостыл в отношении своих подопечных, надо было проверять научную аппаратуру, а ее было множество. Напряжение нарастало. Неслась из бесконечного космоса комета, летела к ней на randevу станция. Комета была уже видна в иллюминатор, она росла и росла, заполняя иллюминатор.

— Комета похожа на рог изобилия, — сравнил увиденное Валдис.

Действительно, от ядра кометы широким конусом расходился ее хвост, заполняя видимое пространство.

— А по-моему, она похожа на пушечное ядро. Нам бы из этого «рога» благополучно выбраться. — Петр включил сканирование обзорного радара, уточняя координаты ядра кометы. — Вроде бы ничего опасного я не вижу, не должна она нас зацепить, да и крупных об-

ломков не наблюдается. Так что все спокойно в нашем королевстве.

— Это хорошо, — Савелий изучал программу рабочего дня. — Валдис, не забудь — по программе открытие шлюзовой камеры № 3, там спектрометр. Он должен поработать в открытом космосе.

— Спасибо, что напомнил. Там еще и биологическая ловушка. Биологи все еще надеются на новые сенсации. Ну летят обрывки органики по дорогам Вселенной, летали и будут летать. Тащат метеориты на Землю всякую всячину. Может, и споры жизни они занесли на нашу некогда мертвую планету. А вспышки чумы, холеры, гриппа... Может, и это заносится на Землю откуда-то из глубины. В общем, они правы, надо пощупать, что тащит с собой комета. Пятьдесят с лишним лет путешествует она после последнего прихода к Земле, мало ли чего она с собой прихватила. В надежде ученые, в надежде. А как они между собой спорили! Все-таки настоящие ученые «не от мира сего». Одни одно толкуют, другие совершенно противоположное. Вот уж диссертаций понапишут, если мы что-нибудь отсюда привезем! А нам вот всегда некогда да некогда. — Валдис для убедительности даже головой качнул.

— Валдис, не криви душой, ты тоже что-то пишешь. Я бы тебе посоветовал тему: «Космические лучи и их роль в формировании личности». — Савелий хмыкнул и опять углубился в изучение программы полета.

— Пишу, Савелий, пишу. Но тему я другую теперь возьму. Например, «Виртуальные миры Савелия Павлова и влияние на них космических излучений». Как там, кстати, Петр, много частичек летает в округе? — Валдис схитрил, он хотел увести их от этой темы разговора.

— Летят частички, Валдис, летят. Мелкие, но много. Мы в них как в дожде, вернее, как в висячем, невесомом и липучем, — Петр заканчивал осмотр верхней полусферы. — Давай, Савелий, займись включением системы, Валдис, ты — аппаратурой.

— Уже работаем, командир. — Савелий включал систему за системой.

Станция приостановила свое вращение и, словно задумавшись, замерла. Вспыхнули двигатели, и она начала медленное упорядоченное вращение в хвосте кометы.

Валдис включил программу подключения научных приборов. Начались тестовые проверки. Валдис следил за контролем на дисплее.

«Опять этот проклятый спектрограф забарахлил. Сколько раз говорили, что крышка ненадежно открывается и закрывается! Хорошо, что есть дублирующий в другой шлюзовой камере», — Валдис наблюдал за информацией на дисплее. Мысли его прервал взволнованный голос Петра.

— Хлопцы, на экране пять засветок, притом различных. Вероятность столкновения 0,5. Уже 0,6; 0,7. Господи, да что же это такое. Савелий, включай двигатель, уходить надо... 0,8; 0,9...

Удар потряс станцию, она замедлила вращение.

— Герметичность не потеряна, все системы в норме, — доложил Савелий.

— Поймали все-таки, черт возьми, — в сердцах чертыхнулся Петр. — Как двигатель?

— Отработал семь секунд, компьютер безопасности не ошибся, увел от удара другими обломками.

Подлетел Валдис.

— Сообщи на Землю, командир. Мало ли чего дальше будет. Пусть знают, что хвост кометы может ужалить, — посоветовал он.

— Это ты правильно сказал. — Петр включил систему радиосвязи. На дисплее засветилась красная точка, она мигала, появилась надпись: «Связи нет». Петр вызвал контроль радиосистем. На экране появились контуры станции, красным цветом мигала антенна связи.

— Вот тебе и на, — присвистнул Савелий. — Антенну-то слизало, как и не было.

— Да, связи не будет почти до самой Земли. Только световыми маяками объясним кое-что у Луны. Поволнуются там за нас! — рассуждал Валдис.

— Командир, смотри, опять засветки. Радар еще три обломка поймал. Вероятность попадания 0,2... уже 0,3...

— Навигация готова, все данные на возврат есть, Савелий? — громко и быстро спросил Петр.

— Есть, конечно же, есть... система так и запрограммирована, чтобы быть готовой в любую секунду... — ответил Савелий.

— Прекрати ненужные рассуждения. Импульс на возвращение. Срочно. Пока нас тут не расстреляли этими глыбами-каменьями. — Петр напряженно следил за экраном. Глыбы исчезли.

Так неожиданно начался путь домой. По пути обрабатывали полученную информацию. Ядром кометы оказалась ледяная глыба, рассеивающая свою массу в про-

странстве. Обнаружены были и следы органических соединений — «споры жизни». Так их назвал Валдис. Из-за этого образного определения начались долгие беседы о «Великом сеятеле жизни» — кометах, о теории распространения жизни именно этим путем, путем случайного попадания молекул в благоприятную среду Вселенной.

— Интересно, что может получиться из этих «семян»? Какие формы жизни вылепят они? И где? — рассуждал Валдис.

— Это смотря куда и что попадет, в какой бульон, — предположил Савелий, — на планету с водой или без воды, с атмосферой или без нее, на планеты жаркие или холодные, газообразные или твердые, жидкие или расплавленные, круглые или...

— Это уж точно. — Петр подхватил идею Савелия: — На Юпитер — одно, на Землю — другое, на Меркурий — там от жары все загнетса, на комету, на астероид... А вообще-то кометы, по-моему, самое удачное орудие для этих дел — сеять. Летают периодически и упорно и настойчиво «осеменяют» область Вселенной, без усталы и без выходных. Запрограммировала их природа в хаосе случайностей — детерминировала, создав дорогу возможной жизни. Случайность случайности рознь — вон как чисто случайно антенну срезало. Это же надо — найти друг друга в бесконечности. Теперь на Земле с ума сходят, куда мы пропали.

— Вряд ли! То, что мы целы, они видят, а то, что мы живы, поймут по выполненному маневру.

— А почему его не мог выполнить автомат?

— Потому что Савелий переборщил с включением двигателя, и придется включить его для коррекции лишней раз. Автомат так ошибиться не мог.

— Сам шумел: срочно увод, включай двигатель. Я и включил его аварийно, вручную, — чуть обиделся Савелий.

— Да я никаких претензий не имею. Молодец, вот и все, — успокоил его Петр и продолжил, стараясь ввести разговор в другое русло: — А насчет попадания «спор жизни» на Земле — это тоже большой вопрос. Куда? В этом все дело. В горы, в воду, в пустыню, в тундру... Как они там приживутся и приживутся ли вообще? Я тоже думаю, что есть связь между вспышками эпидемий и прилетом комет или падением метеоритов. Мне кажется, что привнесение знаний на Землю

было между каменным и бронзовым веком. Вспомните Стоунхендж, Пальмиру и прочее. Так что «споры жизни» — спорами, а может, кто и прилетал на Землю и след оставил, а мы — пра, пра... правнуки этого следа. Может быть, и другие явления жизни на Земле связаны с космическими явлениями: засуха, неурожай, может, и расцвет культуры. Надо бы просчитать эти корреляции. Только здесь об этом подумал. Вот что значит приближение к реальной действительности. Иные текут мысли, мышление становится более реальным, направленным.

Тема эта не иссякала. Касание с кометой все чаще держало их цепкими воспоминаниями. Тем не менее хвост кометы таял и таял, его рассеивали клубки переплетных гравитационных и электромагнитных полей.

«Может, эти сгустки станут началом рождения новых миров, звезд, планет, жизни в конце концов», — размышлял, глядя на исчезающие в черноте пылинки, Валдис. — Кстати, как там второй гриб? Надо его забрать сюда, да сравнить их. Кстати, из другой камеры надо кассеты спектрографа забрать».

Валдис подал команду на закрытие створок третьей камеры, но с удивлением понял, что они закрыты.

«Кто же их закрыл? — подумал он и потом понял, что это сделал компьютер, обнаружив отказ спектрометра при пролете хвоста кометы. — Значит, была открыта другая камера, а ведь именно в ней находился контейнер с грибом. Интересно, что из этого получилось?»

— Петр, Савелий, а гриб-то хлебнул вакуума Вселенной!

— Ну и что! Вынь и посмотри, что с ним, с твоим грибом. Кстати, ты и про этот, который здесь висит, тоже забыл. Тоже мне пастух-грибник. А ученым наобещал: «В надежных руках они будут, я грибник заядлый, любитель...»

Савелий ворчал, а сам уже помогал Валдису.

Закрыли внешние створки шлюзовой камеры и, проверив их герметичность, открыли внутренний люк. Контейнер с грибом был на месте. Валдис извлек его из камеры и внимательно осмотрел.

«Смотри-ка, он стал больше и почему-то пульсирует, вроде как вздрагивает. И, по-моему, даже светится чуть-чуть», — отметил Валдис. Он повертел в руках контейнер и вдруг вздрогнул, брови его полезли вверх.

— Петр, плыви сюда. Савелий, ты только посмотри!

На контейнере трещина. Видно, в него угодил микрометеорит. А как же?!

— Ну и что, — флегматично перебил его Савелий. — Угодил, да не разбил...

Петр рассматривал контейнер, на его лице тоже отразилось крайнее удивление. Валдис заметил это.

— Да, да. — Валдис волновался. — Ты правильно заметил, Петр, нет отверстия. Вернее, оно есть, вот оно, даже трещинки веером рассыпались, а само отверстие вроде бы как заделано, залеплено чем-то. Смотри-ка, Петр, даже питательная смесь не испарилась, да и сам гриб не разнесло на куски в вакууме, а ведь внутреннее давление у него должно быть и есть! Странно. Ведь вакуум был после пробоя! Кто же или что могло залепить пробойну?! И как?! Этот пульсирующий гриб? Но у него ни рук нет, ни инструмента, ни соображаловки!

— Ты прав, Валдис, нет у него ни Разума, ни орудий труда, — задумчиво произнес Петр.

— Может, частью массы самого метеорита закупорилось? — предположил Савелий и замолк.

— Брось ты свой скептицизм, Савелий. Дело действительно странное, необъяснимое... Так... значит, ситуация такова... что-то попало внутрь шлюзовой камеры и угодило в контейнер с грибом, пробило стенку, влетело и осталось там, потому что выходного отверстия нет. Это что-то прилетело из облака хвоста кометы, так как створки шлюзовой камеры были открыты лишь в хвосте кометы. Это раз. Во-вторых, внутреннее давление не разнесло гриб, жидкость контейнера не испарилась. Это значит, что негерметичность была очень кратковременной. Это кто-то или что-то залепило входное отверстие контейнера. А гриб жив и здоров и даже, по-моему, повеселел малость, вон как пульсирует, словно сказать что пыжится, прямо подпрыгнет сейчас. Герметизация была сделана грамотно: надежно и быстро. Это необъяснимо. Вот, пожалуй, и все, что можно отметить. Сейчас во всяком случае, — Петр смотрел на гриб и задумчиво потирал подбородок. — И ведь это что-то или кто-то здесь, в станции.

— Ну и что, подумаешь, частичка влетела и в гриб угодила. Сколько их вокруг мотается. И не первая внутрь попадает, через шлюзовые камеры, на скафандрах после выхода. А на иллюминаторах спускаемых аппаратов. Вспомни, Валдис, Петр, какие борозды на

стеклах иллюминаторов появляются. А в метеоритах чего только нет! Даже алмазы... И ничего... — Савелий для убедительности показал на иллюминатор станции. — Вон чего творится, одни борозды, да еще какие глубокие. Какая там пыль? Что в ней?

— Так-то оно так, Савелий. Тут, по-моему, все дело в том, что комета пришла из дальнего космоса. Много, наверное, растеряла она по пути, к нам долетают только, так сказать, брызги. — Валдис все смотрел и смотрел на гриб. Он чувствовал в нем и внутренние изменения, а не только те, что бросились в глаза.

— А метеориты, падающие на Землю? Они тоже черт знает откуда прилетают, — не сдавался Савелий. — Раскудахтались — хвост кометы, хвост кометы. Ну и что? Космос для всех один, общий, места всем хватит.

— Савелий, спорщик ты заядлый. На мой взгляд, особенность здесь в том, что у кометы есть что-то вроде атмосферы, и в нее мы окунулись, так сказать, с головой. А что это ты про то, что космос для всех один, что места всем хватит?! И Землю согласен поделить с кем-нибудь? Итак, мы первые, кто был в хвосте кометы, гуляющей по Вселенной... Ладно, это не наша забота. Есть служба биологического контроля. Жаль, что связи нет, хоть посоветовались бы. На Земле разберутся. Ничего страшного пока я не вижу! — решительно заключил Петр. — Готовимся к включению двигателя, коррекция орбиты нужна. Валдис, займись консервацией научной аппаратуры, да и ты, Савелий, помоги ему. А то в последний раз претензии к нам были. Помнишь?! Крышку на фотокамере не закрыли, на объектив пыль налетела, пришлось в открытый космос лишний раз выходить. А монтажники — народ нервный, капризный, кому охота лишний раз лезть в пространство. Шеф на меня «бочки катил». И по заслугам, ничего не скажешь.

— Все будет в лучшем виде, командир, — заверил Савелий.

— Постараемся, не волнуйся, — поддержал Савелия Валдис.

Работа была кропотливой и длительной, надо было проверить, что сделал компьютер, и выполнить ручные операции. Их было немало. Валдис не упускал момента взглянуть на своих подопечных.

У шарообразного, «смышленного» гриба появился тонкий хоботок, и он держался на питательном растворе только на нем, а основная масса гриба плавала в не-

весомости. Хоботок то натягивался струной, то ослабевал, образуя небольшую петлю.

«Словно оторваться хочет», — подумал Валдис.

На другой день его предположение подтвердилось: хоботок исчез, и гриб плавал в контейнере совершенно самостоятельно, хоботок он выдвигал лишь иногда, опуская его в раствор.

— Смотрите, парни, что выдумал этот тип: он стал круглым и летает сам по себе, — оповестил Валдис друзей.

— Да бог с ним, с твоим грибом. Сказано нам повесить их на свету, и пусть себе висят да растут. Может быть, так и надо. Работай, дел по горло, — отмахнулся Петр, но все же подплыл и посмотрел на гриб. — Да, чудеса, да и только. Ну их, свихнуться можно с их фокусами.

Но Валдис продолжал свои наблюдения, он думал о грибах, следил за ними, размышлял о происходящих метаморфозах. Грибы удивляли все больше и больше. «Крученный», как называл его про себя Валдис, продолжал совершенствовать систему подвижности своей шляпки. Спирали-завитушки исчезли, а вместо них остался тонкий стержень, ножка, на которой свободно вращалась шляпка. Но она могла не только вращаться, но и наклоняться в любую сторону.

«Оптимальная система подвижности для изменения освещаемой лучами площадки шляпки, — резюмировал наблюдения Валдис. — Что за механизм родился в этом грибе? И подшипник нужен, и что-то вроде качалки, и система чувствительности к солнечным лучам, какой-то вычислитель... Ничего не понимаю. Хотя природа на Земле тоже создала нечто подобное — отслеживают же листья лучи живительного светила. А в животном мире! Ползающие, летающие, прыгающие, ходящие, плавающие... А сенсоров сколько? Какие угодно: и к тепловым лучам, и к свету, и к теплу, и к холоду, к давлению, к колебаниям... Но ведь это-то гриб, а не высшее создание! Вот уж поистине загадки для ученых на Земле будут. Биологи запрыгают от радости. Ба, но ведь эти тонкие стержни-ножки, этот летающий гриб могут не выдержать перегрузки при входе в атмосферу, не смогут жить в земной гравитации. Надо телекамеру поставить, пусть фиксирует это уникальное создание невесомости. Или оставить их здесь, на станции, пусть

прилетят ученые и смотрят, изучают. Надо будет с ребятами посоветоваться».

Второй, «смышленный», гриб проявлял завидную способность к приспособлению: он поначалу висел в контейнере, потом Валдис заметил, что он научился поворачиваться, подставляя лучам Солнца то одну полусферу, то другую, регулируя тем самым воспринимаемый поток энергии. Вскоре Валдису пришлось удивиться еще: гриб не просто висел, а освоил и поступательное перемещение. Он то плыл вверх, то вниз, то влево, то вперед или назад. Он научился летать!

«Да что же это такое! — терялся в догадках Валдис. — Что за система навигации у него внутри, что за двигатели его перемещают?!» Но ответа он не находил. Оставалось только наблюдать. Гриб проявлял завидную прожорливость, его хоботок все чаще и чаще впивался в питательный раствор, Валдис еле успевал, отрываясь от работы, добавлять его в контейнер. «Смышленный» явно набирал силы, готовясь к следующему этапу. Вскоре он наступил. Как-то Валдис взял контейнер в руки, «смышленный» висел посередине.

— Валдис, ты опять с ними возишься, — окликнул его Савелий.

Валдис резко повернулся к нему, удерживая контейнер в руках.

— Конечно, вон он как подрос, — ответил он, и тут что-то его насторожило, он удивленно смотрел на контейнер и понял причину удивления: гриб висел посередине контейнера. Тогда Валдис специально резко рванул контейнер в сторону — гриб вместо того, чтобы шлепнуться о противоположную движению сторону контейнера, опять-таки остался в середине объема контейнера, лишь волны пробежали по его поверхности. Несколько раз пытался Валдис добиться своего. Ничего не получалось. Более того, «смышленный», как бы резвясь, то ускорял вращение, то замедлял, словно демонстрируя свое умение. Валдис водрузил контейнер на место, гриб тут же впился хоботком в раствор. Валдису показалось, что он даже зачавкал.

«Все-таки чертовщина какая-то. Ну не может такого быть. Как это он все соображает. Что же это такое?» — терялся в догадках Валдис. Осмысленность в поведении гриба становилась все явственнее. Валдис все более убеждался в упорядоченности, логичности и даже, в чем себе боялся признать Валдис, осмыслен-

ности его поведения. Валдис стал замечать связь действий «смышленного» и окружающей обстановки. Он совершенствовался. Когда световой поток из иллюминатора был мощным — гриб уменьшался, когда поток ослабевал — гриб увеличивался, разбухал.

«Ишь ты, какой ловкий — поступающую энергию регулирует, — восхищался Валдис. — Площадь меняет. Как жалюзи в системе терморегулирования. Но ведь это не оптимально, можно, например, просто окраску менять».

Валдис поделился своими мыслями с Петром и Савелием. Те тоже были обескуражены. Но то, что произошло на следующий день, не укладывалось, по земным понятиям, ни в какие рамки. Гриб менял окраску. Валдис сначала опешил, а потом опять начал искать оправдание этому событию.

«Ну и что, как говорит Савелий, на Земле такого тоже навалом: и поворачиваться умеют, и меняют площадь растения. Вон цветы — то раскрываются, то закрываются. И окраску меняют. Так что... но это все-таки гриб! И летает, и соображает, но все-таки гриб», — сознание Валдиса бунтовало, не принимая «разумность» простого гриба.

Внутренняя тревога не давала ему покоя. Какая-то нереальность происходящего, таинственность, а главное, непонимание беспокоили Валдиса. Чувство надвигающейся опасности сначала смутно, а потом все явственнее занимало его мысли.

«А вдруг мы возьмем на Землю... нет, не может быть, это же гриб. Гриб! И не более того! И все-таки, почему он так необычен?! Что с ним происходит? Что? И в чем суть этих изменений? Опасно ли это?» — тревожился он. «Смышленный» продолжал свои усовершенствования. Валдис заметил, что гриб буквально прилипает к той стене контейнера, к которой он приближался. Валдис усложнил ситуацию, он проплыл вокруг контейнера — гриб перекачивался за ним по внутренним стенкам, отслеживая его перемещение. Валдис замер, остановился и гриб.

«Ну бред же, настоящий бред. Стыдно даже подумать. И почему он не делал этого раньше? Значит, анализировал, оценивал, учился... думал. Фу-ты, черт, «думал». Это гриб-то и «думал». С ума сойти можно от всего этого», — рассуждал Валдис.

Но вскоре гриб забросил это занятие и перестал ка-

таться по стенкам. Реагировал на приближение он теперь несколько по-иному: он сразу же уплывал в середину объема контейнера, зависал там, по его поверхности пробегали волны. Валдис заметил, что чем ближе приближался он к «грибному бому», тем крупнее и чаще пробегали эти самые волны по грибу.

«Волнуется, что ли?» — терзал себя предположениями Валдис. Дальше еще больше загадок демонстрировал гриб. Как-то Валдис находился около контейнера и стал напевать песни родной Прибалтики. Краем глаза он заметил движение в контейнере — гриб подплыл к ближайшей от Валдиса стенке своего жилища и, как и раньше, прилип к ней.

«Как будто ухо приложил, — подумал Валдис и вздрогнул от этой мысли. — Надо проверить». Валдис пел и плавал вокруг контейнера — гриб «бегал» за ним по стенкам контейнера. Валдис остановился, остановился и гриб. Валдис запел и поплыл — гриб опять начал свой бег. Валдис перестал петь, но продолжал движение — гриб застыл, потеряв вроде бы к нему интерес.

«Новое в эксперименте только мой голос, моя песня. Он реагировал по-новому, употребив старый опыт. Что же это получается — он прислушивается. Он слышит! Как мой дед, прислушиваясь, подставляет ладонь к уху. Значит, он видит, слышит, летает и, по-моему, думает. Наверное, и заговорил бы, но нечем», — Валдис напряженно обдумывал последнее новшество, тревога охватывала его все больше и больше.

— Да кто же ты такой?! — не выдержав, громко крикнул он. — Кто и зачем ты здесь?!

Гриб вздрогнул и отпрянул от стенки контейнера вглубь, волны побежали по нему. Подплыли Петр и Савелий.

— Ты чего кричишь как в лесу? И кого ты зовешь? — спросил Петр.

Валдис рассказал о последнем достижении «смышленного», о том, что он возбуждается и дрожит, особенно после того, как он громко крикнул.

— Вы уже ругаетесь. Ну и дела. Прямо друзья, да и только. Вы уж не подеритесь, ради бога. — Савелий, как всегда, подшучивал.

— Не до шуток, Савелий. Он слышит, у него явная реакция на говорящего. Мне кажется, он и заговорил бы, но он в контейнере и у него нет органов дыхания и ре-

чи. Не видно во всяком случае. Но он слышит — это точно... — Валдис говорил убежденно.

— Тебе бы психиатру показаться, — грубовато пошутил Савелий.

— Да нет, Сава, — Петр был серьезен, — дело не такое уж простое. Сложное дело, и в нем надо разбираться.

— Вот смотрите, — предложил Валдис.

Он поплыл вокруг контейнера, гриб отслеживал его полет, крутясь в контейнере. Валдис запел, и гриб тут же прилип к стенке. Валдис пел и летел около контейнера — гриб перекатывался по стенкам. Валдис резко протянул руку к контейнеру — гриб тут же занял место посередине контейнера, волны побежали по его поверхности.

— Ну как? — спросил Валдис.

— Как дрессированный, — высказался Савелий.

— Да, он уже умеет много, — тихо произнес Петр. — Следи за ним, Валдис, наблюдай, ты ведь у нас грибник.

— Тут, по-моему, действительно психолог нужен, — вздохнул Валдис. — Буду наблюдать, буду. Вот еще смотрите.

Валдис продемонстрировал умение гриба сохранять положение в середине контейнера. Теперь уже задумались Петр и Савелий.

— Это как же понимать? Как он рассчитывает параметры перемещения контейнера? Что за сенсоры? Где компьютер? Чем он перемещается? — засыпал вопросами Савелий.

— Вот и я об этом думаю, притом давно, — Валдис говорил тихо и чуть тревожно. — И вот еще что: этот — более или менее нормальный. А этот, «смышленный», вон что вытворяет. Отчего и почему? Но разница именно в этом. Что-то в нем есть, что-то в нем поселилось. Я так думаю.

Петр и Савелий промолчали.

Однажды Валдис заметил, что пробоина в контейнере не закрыта.

«Значит, он воспринимает нашу атмосферу, а она копия земной. Значит, он сможет жить на Земле. Да что же это такое! — Валдис не находил себе места. — Значит, колебания воздуха теперь беспрепятственно проникнут внутрь, к грибу».

Валдис быстро провел нехитрый эксперимент: он опять пел и облетал контейнер, но «смышленный» уже не

метался по стенкам контейнера, а висел в пространстве. Но реакция на звук была явной — по телу гриба пробегали волны. Он реагировал на звук, он воспринимал колебания воздуха.

— Давай их рядом расположим, посмотрим, как они друг к другу отнесутся, — предложил как-то Петр.

— Нет возражений, давай. — Валдис перенес контейнер «смышленного» и разместил его рядом с другим.

«Смышленный» замер, словно впившись взглядом в своего собрата, и не двигался, не реагируя ни на звук, ни на движения, ни на свет. «Нормальный» гриб вел себя обыкновенно.

— Ладно, пусть общаются, у нас дел много, Земля близко, — решил Петр.

Утром все трое были буквально потрясены. Контейнер со «смышленным» был пуст, он был в другом контейнере, но гриба «нормального» в нем не было, он исчез. Зато «смышленный» стал побольше. Как только все трое приблизились к контейнеру, «смышленный» занял позицию посередине и замер, заметно подрагивая. Волны периодически пробегали по его поверхности.

— Смотри-ка, он и частоту и амплитуду своего дрожания меняет, — удивленно произнес Савелий. — Притом с определенным интервалом, как будто что-то все время повторяет, как радиостанция сигнал Морзе.

«Господи, вот чего мне и не хватало, ведь я крутился около этой мысли, видел какую-то упорядоченность в этом дрожании, а не понял ее суть. Молодец, Савелий. Сейчас проверю», — решил Валдис.

Он стал приближаться и удаляться от контейнера, делал угрожающие движения и заметил, что действительно и частота и амплитуда колебаний поверхности гриба зависели от его движений, зависели явно.

— Молодец, Савелий. Спасибо тебе. Я думаю, что он пытается говорить с нами, — высказал предположение Валдис.

— Кто? — недоуменно спросил Савелий.

Петр вопросительно смотрел на Валдиса.

— Как кто? Он — «смышленный»! — уверенно ответил Валдис.

— Ты думаешь, он хочет что-то сказать? — изумленно спросил Петр.

— Да, именно так, и Савелий подсказал мне эту мысль. Надо зафиксировать эти колебания и пропустить

через спектральный анализатор. Я поработаю с ним, он ко мне привык, — констатировал Валдис.

Валдис опять приблизился к контейнеру, специально загородив собой поток света. Гриб забеспокоился, завибрировал и пытался облететь тень, но Валдис был широк в плечах, и это грибу не удалось. Валдис отошел — гриб успокоился, и вибрации на его теле прекратились. Валдис склонился над контейнером, гриб тут же задрожал и заметался внутри контейнера.

— Что ты хочешь? — в упор спросил его Валдис.

Гриб вздрогнул, упорядоченные пульсации пошли по его телу.

— Ты его еще попроси лезгинку станцевать, — посмеялся Савелий.

Петр оставался серьезным. Было видно, что гриб реагирует, и в этой реакции чувствовалась какая-то осмысленность, какая-то еще не разгаданная, непознанная информация.

— Зря ты смеешься, Савелий, посмотри лучше на дисплей, — Валдис был бледен. — Посмотри!

Петр и Савелий повернулись на голос Валдиса. Валдис смотрел на голубоватый экран, губы его шевелились, изумление было написано на лице.

— Смотрите, парни, что дал анализ амплитудно-частотных характеристик его вибраций. Анализатор перевел информацию. Когда я заслонил свет, он спросил: «Зачем ты это делаешь?» Когда я его тряс, он кричал: «Не надо так делать, я расходую при этом много энергии!» Именно кричал, так как резко увеличил амплитуду колебаний. А вот когда я спросил: «Что ты хочешь?», он ответил вопросом: «Есть ли у вас нефть?» Может, это какая-то ошибка в переводе. А может, и нет. Какую нефть он имел в виду: здесь на корабле или на планете?

— Савелий, ты только посмотри, — громко перебил его Петр, указывая на дисплей.

Там было написано: «На вашей планете, на Земле, как вы ее зовете, есть ли нефть?»

— Савелий, подключи акустический преобразователь, удобнее будет общаться голосом, — подсказал Валдис.

— Командир, какой голос предпочитаете: мужской или женский? — не удержался от некоторой легкости Савелий.

Петр промолчал.

— Ты кто? — спросил Валдис.

На дисплее высветилось: «Все равно, у меня нет делений на мужское и женское начало».

— Так какой же голос? — Савелий улыбался.

— Давай детский, он такой крошечный и не знает сам, кто он, — предложил Петр.

— Идея, — обрадовался Савелий и настроил акустический преобразователь. — Пробуй, командир.

Петр замялся, собрался с духом и выпалил:

— Сколько тебе лет? Кто ты? Откуда? Где твой дом? Зачем ты здесь и зачем тебе нефть?

— Ты что, Петр! Ребенок же, а ты кучу вопросов сразу. Он их и не запомнит. Кто? Откуда? — тираду вечно спорящего Савелия остановил детский голос.

— У нас нет понятия о возрасте, мы живем и даем новую жизнь. Накопленный опыт и разум личности при этом множатся. Создается ситуация программируемой множественности с появлением случайных, вероятностных ситуаций. В этом мы видим основу нашего прогресса. Теперь о детях. У нас нет детей, мы просто переходим в новую внешнюю среду, и все! Кто я? Я разум. Откуда? Вся Вселенная наш дом, мы летаем, находим звезды, планеты, живем, расселяемся дальше. Звездные ветры легко нас носят — мы невесомые споры. Зачем я здесь? В комете я давно, но условия жизни там не совсем подходят мне. Мало органики. Что еще вас интересует?

— Вы просто живете. А созидаете ли вы? — задал вопрос Валдис.

— Созидание — понятие для нас бессмысленное. Мы живем в полной гармонии с Природой, нам не надо беречь Природу, потому что мы сами Природа. Ваш путь развития не оптимален. Вы сразу начинаете безумно расходовать ресурсы Природы, уничтожаете ее, а потом задумываетесь над тем, как ее сохранить. Мы же лечим израненные планеты и звезды, восстанавливаем гармонию Природы. В развитии Природы наше созидание.

— Ты что, и на Земле хочешь восстановить эту самую тихую гармонию с Природой? — возмутился Петр. — Теперь я знаю, зачем ему нефть! Органика — его пища. Он уже думает, как он будет жить на Земле. Вот и спрашивает о нефти.

— Да ее навалом у нас, жалко, что ли, — не удержался Савелий.

Валдис сделал предупреждающий жест, приложив палец к губам, но было поздно. Сильный хлопок заставил всех на мгновение прикрыть глаза. Когда они огляделись, вокруг они не увидели гриба. Контейнер был пуст.

— Что это?.. — только и успел сказать Савелий.

— Это... это... это значит, что он обвел нас вокруг пальца. Он исчез, узнав от нас все, что ему было нужно. Но зачем? — раздумывал вслух Петр.

— Я думаю, что это действительно не случайно. Ему и его цивилизации подходит наша планета, имеющая нефть, он готовится ее заселить, — предположил Валдис.

— А зачем же он тогда исчез? — недоуменно пожал плечами Савелий.

— Я думаю, что он не исчез, он здесь. Но он разделся на множество мельчайших спор, способных потом жить и разлететься по Земле. — Петр задумчиво тер подбородок. — Да, это так скорее всего. Вопрос в другом — опасен ли он, враг он нам или друг. Вот в чем вопрос!

— Я вам не враг, но вам придется жить на вашей планете вместе с нами, — послышался голос.

— Где он? Надо его найти, — встрепенулся Петр.

— Петр, его нет как единого целого, их сотни, а может быть, и тысячи. Они, очевидно, умеют объединять свое биополе даже на больших расстояниях. Вот он и говорит, как и прежде. — Валдис повел рукой перед собой. — Он везде, понимаешь, везде. От него не спрячешься, все, что мы говорим, он слышит. Нам надо решить, что делать вообще. До Земли осталось трое суток, рядом Луна. Как защитить Землю и нужно ли ее защищать?

— Я тоже об этом думаю, Валдис. Надо что-то решать, а тут, как назло, связи нет, надо же, столько каналов, и все не годны. Как нарочно, именно в антенну ударил метеорит. — Петр досадливо поморщился.

— Я уж думаю: случайно ли? — Савелий покачал головой. — Предложение может быть таким: прилететь к Земле и стерилизовать станцию.

— А спускаемый аппарат? Люк-то открыт. — Петр показал пальцем в конец станции, там виднелись сквозь открытый люк кресла, пульт управления, скафандры.

— Это вы напрасно хотите сделать, нас не убивает даже космос. Это во-первых, а во-вторых, я в вас, в вашем теле. Так что придется стерилизовать и вас, —

детский голос прозвучал жестко и твердо. — Не тратьте силы понапрасну.

— Вот это да! Ну и ну, — торопливо заговорил Савелий. — Есть предложение не покидать станцию.

— А помощь как придет? Как только кто-то пристыкуется к нам и войдет сюда, эти споры тут же окажутся в нем. — Валдис покачал головой. — Тут надо отказаться от контакта вообще. Я предлагаю уйти назад и ждать комету, а потом лететь с ней, лететь до конца нашей жизни.

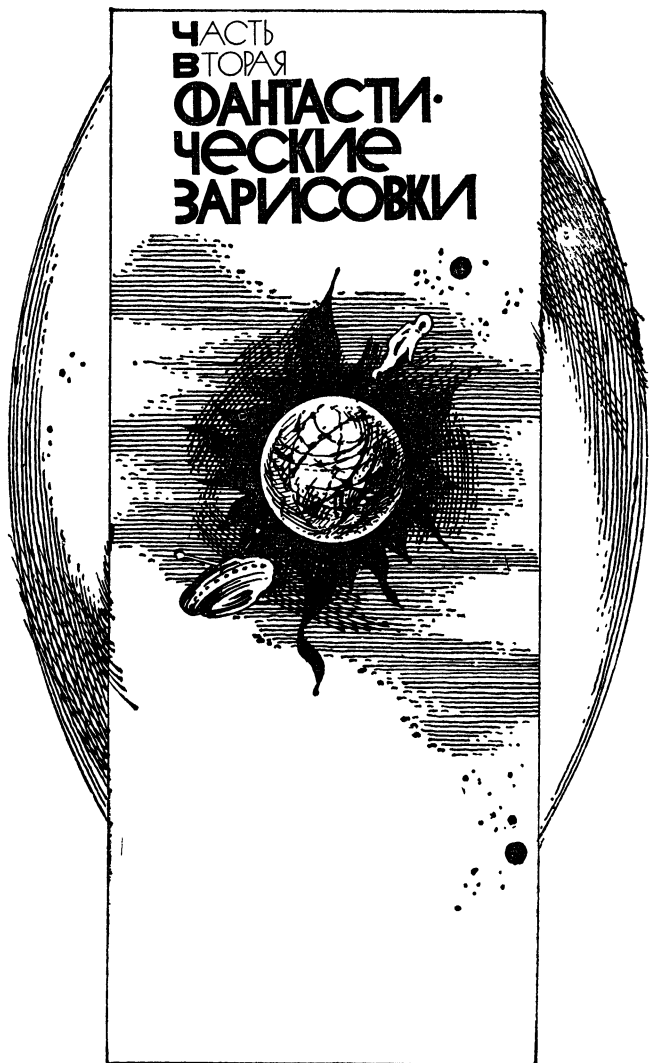
«Умереть здесь, в корабле, не хочу, — думал Петр. — А Анна, дети? Я хочу быть дедом, хочу носить на руках своих внуков. Я не хочу умирать так глупо и бесполезно».

Зазвучал опять детский голос:

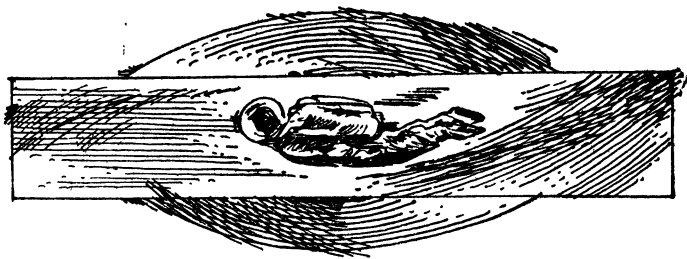
— Не надо умирать, Петр, не надо никуда улетать, Валдис, не надо обречь себя на такое страшное существование, Савелий. Смиритесь с нашим присутствием, с нашей жизнью. Мы не одни во Вселенной, всем надо жить. Часть спор летит рядом со станцией, часть далеко сзади. Но они летят по орбите, которая приведет их к Земле. И еще! Я в вас, в вашем теле и скоро буду в вашем сознании. Вы полюбите нас, вы будете жить вместе с нами, вы должны это сделать, так как мы — единое и разное проявление Природы. Во Вселенной места хватит всем.

Пришельцы из созвездия Лебедь были поражены двумя фактами: земляне совершенно не похожи на них, а мыслящие белые шары, летающие над Землей, были точь-в-точь такими же, как и на их планетах. Шахматный турнир выиграли грибы, земляне были вторыми, пришельцы — третьими. Следующий турнир был назначен на комету, она начала свой обратный путь из глубин Вселенной, неся на себе новое, еще не познанное проявление многообразия жизни.

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ
ФАНТАСТИ-
ЧЕСКИЕ
ЗАРИСОВКИ

ПЛАСТИНКА

Опустившись на поверхность планеты, экипаж косморазведчиков деловито приступил к ее исследованию. На первый взгляд планета была вполне обыкновенной — рядовая планета, да и только, с массой воды, лесами, горами, городами, реками. Но первые же шаги по ней насторожили Винкла, что-то было не так, что-то было необычным, тревожным, а что именно, ни Винкл, ни другие косморазведчики понять не могли.

Винкл привез специалистов по животному миру. Их было четверо, и Винкл должен следить за ними ежедневно, удерживая в поле зрения всю группу в целом и каждого в отдельности, чтобы они не разбежались в разные стороны в погоне за каким-нибудь прыгающим или скользящим, а еще чего доброго, не попали бы в щупальца какого-либо очаровательного цветка, малящего красками и тонким запахом лучших парфюмерных фирм родной Земли.

Они углублялись в лес, буквально отвоевывая метр за метром у ненасытной любознательности и желания остаться у пенька или цветка навсегда. Вот тут-то Винкл и показал себя во всей красе острого ума и сообразительности: он быстро выбирал на поляне площадку, выделял ее красными флажками, как на охоте на волков и давал на ее обследование строго определенное время. Время истекало, сигналом малой тревоги Винкл собирал ученых и следовал дальше, всем своим видом и прежде всего гордой спиной и решительными шагами отмечая всякие попытки задержаться хоть на секунду.

Вслед ему летели ворчливые, а зачастую и оскорбительные слова, но они повисали в воздухе, не тревожа твердой души Винкла и его каменного сердца. В полемику Винкл не вступал, да и считал перебранку занятием ниже своего достоинства. Никто и не пытался послушаться его. Такого непререкаемого авторитета Винкл добился, отбив подобную группу от стаи хищников с головами собак, с клыками льва и лапами медведя. А потом он укрепил веру в себя неожиданными выстрелами по каким-то камням, утверждая потом, что именно оттуда грозила всем страшная и коварная смерть. Винкл шел впереди и мучительно пытался понять: что же вокруг не так, что? Но понять пока не мог.

Впереди открылась залитая светом поляна, почти в середине ее алел яркими красками цветов ростом с человека. Ученые бросились к нему, словно соревнуясь, кто же из них первым дотронется до этого чуда чужой природы. Но трубный голос Винкла заставил их замереть и стоять, дрожа от нетерпения.

С длинным мачете в левой руке и с бластером в правой Винкл стал подбираться к цветку, словно африканец с копьем и луком к дремлющему льву. Расстояние до цветка постепенно сокращалось, волнение Винкла росло, но от его внимания ничто не ускользнуло.

«Следит за мной», — решил Винкл, заметив, как верхушка цветка изогнулась в его сторону.

Винкл сделал еще несколько осторожных шажков и ахнул про себя... цветок вырос прямо на глазах сантиметров на тридцать и, склонив красивый венец, как будто смотрел на Винкла сверху вниз. Винкл шел по кругу, сохраняя расстояние до цветка, — никакой реакции, цветок как цветок, только огромный и красивый. Но стоило Винклу подойти еще поближе, как цветок опять потянулся вверх, словно пытаясь отдалиться от него.

«Что за наваждение и зачем ему это надо?» — терзался в догадках Винкл, пальцы сжали сильнее мачете, а ноги сделали еще несколько шагов к цветку, тот уже возвышался над Винклом чуть ли не на четыре головы. Подумав и почесав затылок рукояткой мачете, Винкл рискнул и сделал рывок к цветку, оказавшись прямо под его венцом; тонкий стебель цветка был рядом, и сквозь прозрачную его кожицу была видна циркулирующая жидкость. Винкл протянул руку и дотронулся до цветка, по стеблю прошла судорога, стебель явно пытался вырасти еще, но, видно, это уже было выше его

сил, стебель согнулся, и цветок склонился над разведчиком. Винкл принял оборонительную позу, занеся мачете для удара, рот его широко раскрылся в готовности подбодрить себя криком на японский манер, дыхание его участилось и... цветок сжался, превратился в жалкий комочек и рухнул к ногам землянина. Винкл отпрыгнул, предупреждая хитрость растения, но цветок мгновенно завял, впечатление было таким, будто на него брызнули ужасным ядом.

«Жалко как, но почему цветок так стремительно завял?» — задумался Винкл. Оглянувшись назад, он заметил, что путь его группы был сплошь отмечен жухлой травой, увядшими цветками, сморщенными грибами, пожелтевшими деревьями и кустарником.

Что-то шевельнулось справа, и Винкл резко повернулся, приготовившись защищаться, но опасности не было... один из ученых нес на руках существо, похожее на зайца, он бережно держал его.

— Винкл, я его нашел спящим под кустом, он не убежал, я взял его на руки. Он и не пытался вырваться. Я даже заговорил с ним. Он меня совсем не боялся. Но после третьего слова он перестал дышать. Почему, Винкл, я ведь, честное слово, не причинил ему вреда.

Винкл еще раз оглянулся вокруг и вздрогнул от догадки.

— Послушайте, вы ничего не замечаете? Ведь в лесу нет запахов, совершенно нет, не пахнут травы, не пахнут цветы, деревья, и этот несчастный зайчонок тоже не пахнет. А ведь мы несем с собой целую бурю запахов, которые губительны для всего вокруг — для животных, для растений. Назад в корабль! Срочно! И без скафандров ни шагу! Бегом!

К кораблю бежали по мертвой полосе, оставленной в чудесном лесу.

— Хорошо, что разобрались, — гудел густым басом командор, — а если бы встретили в лесу местных, что тогда? Объясняй потом комиссии, что убил потому, что не чистил зубы? Ладно хоть так. А то местные уже связались с нами по радио, обещали вскоре прибыть. Всем в скафандры, пройти стерилизатор, герметичность проверять через каждые полчаса. Чтобы ни одна молекула не улетела!

Хотя земляне и были закупорены в герметичные скафандры, все же первый контакт был плодотворным. Бы-

ли намечены пути обмена информацией по культурным, научным и социальным вопросам.

Работа кипела. Каждый день открывал все новые страницы об удивительной планете, не знавшей запахов с первого дня своего существования. Местные планетяне тоже приходили в изумление, узнавая новые подробности о Земле. Больше всего поразили их музыкальные достижения землян. Когда звуки музыки разливались вокруг, планетяне замирали, музыка их завораживала.

И вот однажды психолог команды предложил продемонстрировать планетянам музыку земной природы, а заодно и показать наиболее интересные виды Земли. Он подобрал старинную пластинку с записью дыхания океанов, шелестом листвы, грохотом Ниагары. Нед с Полем тоже постарались вовсю: на полиэкранах то тут то там появлялись объемные изображения, а звуковое сопровождение дополняло эти потрясающие картины.

Представители планеты собрались на просмотр. Земляне торжественно встречали гостей, рассаживали их в зале. По команде командора началась демонстрация. Перед зрителями возник Ниагарский водопад. Вода низвергалась буквально ниоткуда, прямо на них. Рев водопада нарастал и превратился в сплошной грохот.

Этот поток пенистой бело-голубой лавины, изящно изгибающейся в крутом падении и разлетающейся мириадами брызг, произвел впечатление даже на землян. Они отпрянули, пытаясь защитить от брызг лицо, закрывали уши от громоподобного гула водопада. И только спустя некоторое время они пришли в себя и стали наблюдать за планетянами. Гости тоже отпрянули от неожиданности, растерянность и страх читались в их глазах, а потом опрометью выбежали из зала...

Земляне были удивлены, командор снял гермошлем, и на него пахло густым запахом прелых листьев и свежестью водопада. Старая пластинка с записью звуков была земной новинкой далекого двадцатого века — музыка природы сопровождалась запахами, и восприятие ее становилось почти реальным...

АДАПТИВНАЯ ЖЕНА

Женился Лассар по любви. Было тогда время, когда на Земле повсеместно царило это прекрасное чувство, наивно считавшееся в ту пору вечным и навсегда поте-

рянное потом. Поначалу все шло прекрасно — молодость, влюбленность, очарование Люсси. Вечерние прогулки, сплетенные воедино руки, свет Луны, серебряное озеро в ее белых лучах, прохлада воды, упругие мокрые губы и ни с чем не сравнимые прикосновения к черной, упрямо торчащей копне волос. Лассар тоже не оставался в долгу, пробуждая Люсси нежным поцелуем, а потом он уносил ее в ванную и держал на вытянутых руках под струями теплой воды. Люсси фыркала, болтала ногами, вскрикивала, но, в общем, обожала эту процедуру и затихала в объятиях, обвивая его мощную шею своими тонкими руками. Люсси была хрупкой, легкой, и Лассар любил носить ее на руках, упиваясь своей силой, демонстрируя свою силу. Все было прекрасно, и жизнь представлялась чистым небом, на котором не намечалось даже легкого облачка. Но они все-таки появились, сгущаясь во все более грозные тучи, а потом начались ливни, шквалы и настоящие бури...

Через пять лет Люсси отказалась от вечерних прогулок, через семь — от утреннего омовения, а через восемь лет такие попытки пресекались раздражительными жестами, в которых смешивалось искреннее удивление, недовольство и необъяснимое пренебрежение. Лассар мучительно искал причину и не находил ее, он еще любил Люсси. Но со временем ему стало казаться, что она нарочно делала все наоборот, назло его желаниям и мыслям, что она специально старается вызвать в нем постоянную досаду и злость. Каждое ее решение, действие, просьба приводили его в уныние, а иногда в безрассудное бешенство. Замок теперь уже бывшего счастья рушился под настойчивыми ударами взаимного недопонимания, сначала вроде бы случайного и неглубокого, а потом постоянного и принципиального. Будучи от природы человеком рассудительным, Лассар сопоставлял факты, наблюдал, делал выводы и прогнозы. Вскоре он понял, что так больше продолжаться не может, и записался на работы в бригаду пополнения геологоразведочной экспедиции на планете звезды Зета. Звезда была далеко, экспедиция пополнялась редко, новости на Землю о ее работе были крайне скудными... Все это устраивало Лассара, готового улететь хоть на край света.

Люсси отреагировала по-своему.

— Отдохни, да и я тоже устала, — коротко напутствовала она мужа.

До звезды Зета долетели благополучно. Правда, Лассара насторожили разговоры завербованных.

— Все там хорошо, но почему-то многие уходят из жизни по своей воле, сильные, крепкие духом мужчины накладывают на себя руки, — говорил один из них, — я так слышал. А заработки там будь здоров!

Поговорили, поговорили, да и забыли. У каждого были свои заботы.

На планете Лассар вкалывал, что называется, от души, каждодневно выветривая под ураганами планеты земные проблемы и обиды, и вскоре они вообще как-то стерлись и стали просто неприятным воспоминанием. Тем более что появилась Мелисетта. Она появилась неожиданно. Лассар трудился в своем забое, как вдруг понял, что кто-то работает возле него, чья-то кирка взлетает и опускается рядом. Он поднял глаза и увидел ее, Мелисетту. Она усердно взрыхляла почву и извлекала из нее красные рубины и зеленые изумруды. После работы она взяла его за руку, и вместо барака он очутился в приятном, уютном доме Мелисетты. Жизнь стала совсем иной.

Обычно Мелисетта работала молча, а дома давала волю красноречию, словно наверстывая упущенное. Стены наполнялись щебетанием и переливами мелодичного голоса. На пятый день у Лассара невольно промелькнула тревожная мысль: «Да помолчала б ты хоть чуть-чуть!»

Мелисетта захлебнулась на полуслове, остановив словесный поток, и продолжала кухонную работу молча. И, пока он не заговорил с ней, она молчала, кротко поглядывая в его сторону.

«Наверное, обиделась, — решил Лассар, — но я же ничего ей не сказал. Ладно, потом разберемся. Во всяком случае, это хорошо, что жена умеет помолчать и притом вовремя».

Шли дни, месяцы. Жизнь текла своим чередом. Как-то, обняв Мелисетту, Лассар огорчился, что талия чуть велика.

«Надо бы похудеть, хотя бы вот так», — подумал он и крепче сжал талию Мелисетты руками. Ослабив объятия, Лассар с удивлением отметил, что талия осталась точно такой, какой он представил, когда с силой обхватил ее руками. Мелисетта похорошела прямо на глазах.

«Красавица, — похвалил ее про себя он, — стройная,

милая, ну прямо прелесть, наконец-то нашел, кого искал».

Лето на планете сменилось осенью, пришло время охоты, надо было запастись на зиму. Морозы на планете стояли лютые, с сильным ветром и большим снегом, жители зимой отсиживались по домам.

«Одному опасно и тяжело, помощника бы. Вот если б Мелисетта умела хотя бы стрелять, и то бы было легче», — размышлял он.

Утром Лассар подскочил как ужаленный. Где-то рядом с домом грохотали выстрелы. Он схватил винтовку, выпрыгнул в окно и змеей пополз на выстрелы. Удивлению его не было предела — Мелисетта стреляла по жестяным банкам. Продырявленные банки слетали с бревна одна за другой, Мелисетта тщательно прицеливалась и плавно нажимала на спусковой крючок. Последняя банка покатила под откос, гремя по камням. Ни одного промаха!

— Браво, Мелисетта! — крикнул он.

«Метров со ста стреляла, не менее, ну и молодец, женщина», — оценил ее работу Лассар.

В лес он шел без страха, рядом шагала Мелисетта. Охота была удачной. Зверь, похожий на земного оленя, не сумел избежать пули и теперь лежал, уставившись в небо неподвижными глазами.

«Хорош зверюга, — поглаживая красивую шерсть, рассуждал Лассар, — но как же теперь эту гору мяса дотащить, ведь на себе придется, и шкура бы пригодилась, а она тоже кое-что весит».

Он ловко снял шкуру и теперь рубил тушу. Мелисетта сидела поодаль и с любопытством приглядывалась к его работе. Топор взлетел последний раз, Лассар вытер вспотевший лоб.

Распиливая куски мяса по рюкзакам, Лассар вновь и вновь представлял себе путь домой, лежащий через лесные чащобы.

«Мелисетта не в счет, — мрачно думал он, глядя на ее изящную фигуру, — похудела, как говорится, что надо, а вот для перетаскивания грузов она теперь, конечно, слабовата».

Рюкзак Лассара был набит до отказа, рюкзак Мелисетты он наполнил только на треть, жалея ее худенькие плечи.

— В путь, Мелисетта, — призвал Лассар, берясь за лямки огромного рюкзака.

Но ее тонкие руки решительно отстранили его широкую ладонь. Тяжелый рюкзак легко взлетел на узкие плечи Мелисеты, за ним шкура зверя, винтовки... Перед Лассаром остался один тощий рюкзак, предназначавшийся для Мелисеты. Он вяло попробовал протестовать, но увидел лишь огромный горб, удаляющийся в чашу леса.

«Ладно, устанет — сменю рюкзаки», — решил он и, торопливо поправляя лямки легкого рюкзака, поспешил вслед, ныряя в лесной тоннель.

Путь преодолели неожиданно легко и быстро. Лассар, словно по коридору, шел за Мелисеттой, «вгрызающейся» в сплетение ветвей и кустов. У дома Мелисета помогла Лассару снять рюкзак, потом скинула с себя громоздкую поклажу и принялась за мясо. Лассар дотащился до кровати, рухнул, как подбитая стрелой птица, и, уже засыпая, успел подумать: «Идеальная жена, не то что та, земная».

Ему снилась разгневанная Люсси, ее рассерженные глаза и искаженные возмущением губы, извергающие очередные обвинительные слова. Лицо Люсси приближалось, уже рядом был огромный рот с блестящими ровными зубами... Лассар, обливаясь холодным потом, открыл глаза и медленно освобождался от этого кошмара. Из кухни слышались размеренные удары.

«Мясо рубит», — умиротворенно подумал он и, успокоившись, снова погрузился в глубокий сон, удивляясь нынешнему благополучию и радости.

Проснувшись окончательно, Лассар изумился и обрадовался с новой силой: на столе дымились его любимые блюда, интригующие запахи соусов щекотали ноздри и воображение, а посреди уютной гостиной, украшая ее, лежала шкура убитого зверя. Мелисета сидела за столом и напевала славную песню его молодости: «Я просыпаюсь лишь для того, чтобы увидеть тебя, а если мои глаза не откроются, то я найду тебя своими губами».

«Наверное, во сне напевал или приснилась молодость», — подумал Лассар, с хрустом потянулся и выпрыгнул из кровати.

Умываясь в ванной, Лассар сквозь шум воды прислушивался к пению Мелисеты, голос наполнял сознание и сердце. Он поцеловал Мелисетту и сел за стол.

— В дополнение к тому, что я вижу тебя, — пошутил

он под впечатлением песни Мелисетты и принялся за ужин.

Лассар проглатывал куски теплого, сочного мяса, нежно поглядывая на Мелисетту, та, улыбаясь, подкладывала и подливала, а изредка и поглаживала маленькой ладонью его непослушную шевелюру. Вечер удался на славу... Лассар и Мелисетта кружились в танце босиком на мягкой шкуре убитого ими же зверя, Лассар легко поднимал ее на руки, на что она отвечала тем же, еще более легко отрывая Лассара от пола и кружа его на своих сильных руках. Это ему не очень нравилось, но... он вспоминал сердитое лицо земной жены, и все мелочи жизни под лучами звезды Зета отлетали прочь...

Мелисетта была идеальной женой, буквально предугадывающей все его мысли и желания. Земная жена казалась ему досадным недоразумением. Лассар чувствовал, что он по-настоящему счастлив. Так и текла его счастливая жизнь на чужой планете, ласково и по-доброму приютившей его. Все, о чем он думал, все, что он хотел, мгновенно переходило из мира фантазии, иллюзий и мечты в мир реальной действительности. Все спорилось в его руках, но спорилось слишком легко, без напряжения, без усилий, без особого труда. Сначала Лассар любовался собой, радовался своим успехам, своей ловкости и силе, а потом стал тосковать по суровой жизни на родной планете. Мысли его все чаще обращались к желтой звезде — Солнцу, планете Земля.

Как-то ему приснился земной сон. Он вернулся на Землю и пытался вспомнить Мелисетту. И не мог, ничего у него не выходило. Она представлялась ему в разных обликах, она принимала различные цвета, она была одновременно бесформенная и обладала массой всевозможных форм, она была непостоянной, временной, амебообразной. А рядом стояла и смеялась земная жена. Во сне он видел ее черные волосы, огромные голубые глаза, слышал низкий бархатный голос. Лассар тянулся к ней, просил спасти его, он бормотал, метался, произносил имена то Люсси, то Мелисетты, их лица перемешались в его воображении, в шепоте, в сонных желаниях. Мелисетта превратилась в радужную каплю и исчезла, осталась Люсси. Лассар проснулся и уставился в потолок. Темнота почти не успокаивала его, сердце щемило от воспоминаний и тоски. Рядом слышалось ровное, спокойное дыхание Мелисетты, но Лассар уже давно чувствовал и понимал, что она не спит,

а караулит его, чтобы предугадать его желания, мысли, просьбы, украсть и воплотить его тайные мечты. Он встал, зажег свет и застыл от изумления... Перед ним была его земная жена — голубые, широко распахнутые глаза, черные, рассыпавшиеся веером волосы... Мелисетта в образе Люсси. Она лежала и улыбалась от счастья принести Лассару очередную радость, воплотив его сон в реальность, повторив его мысли. Глаза Мелисетты-Люсси светились любовью и беспредельной, нечеловеческой преданностью.

Лассар взвыл от ярости и отчаяния. Ему вдруг стали противны постоянные изменения талии, роста, рук, ног, зависимость всей Мелисетты от его мимолетных мыслей и желаний, ему надоели предугадывания и предупреждения его действий. Он боялся думать, боялся спать, чтобы не обнажать свое сокровенное, тайное, свое, и только свое. Его угнетало неуходящее чувство, что его подкарауливают, что за ним подсматривают и подслушивают каждую секунду... и всему виной — она, Мелисетта, его идеальная жена. Он стал бояться своих мыслей, но все-таки эта мысль пришла.

«Чтоб ты... исчезла», — со злостью подумал он.

Мелисетты не стало.

Суд аборигенов был коротким. Лассара обвинили в «непреднамеренном убийстве Мелисетты посредством самоубийства последней, вызванного его желанием». Суть дела была для присяжных ясна, все повторялось далеко не в первый раз.

Приговор был вынесен единогласно, и его тут же привели в исполнение... Мелисетта появилась вновь. Она как ни в чем не бывало отвела его домой, в гостиную со шкурой убитого ими зверя. С тех пор жизнь Лассара стала действительно адом. Жить с человеком, которого ты убил, было просто невозможно, он не мог отделаться от чувства, что живет с копией прежней Мелисетты. Лассар подолгу не возвращался домой, бродил по округе. Однажды он нашел кладбище землян и зачастил туда. Медленно обходил ряды могил.

«Джон Смит — застрелился 12.07.2150 г.»

«Дик Бак — ушел от нас 15.09.2155 г.

Прими, господи, душу самоубийцы»

«Крон Вуд — отравился...»

Лассар жил на грани безумия. Он понял эту сладко-страшную планету, смысл тонкой хитрости аборигенов, он понял, почему ни один из землян не «пустил корни»

на этой планете, сумевшей сохранить самостоятельность в течение многих сотен лет без войн, без оружия, без разрушений городов.

Спас его грузовой корабль, залетевший на планету совершенно неожиданно. Лассар тайно пробрался в его отсеки и лишь на полпути показался команде, рассказав все. Его жалели и удивлялись странной истории. Капитан сообщил на Землю о случайном пассажире.

На космодроме Лассара ждала Люсси.

— Наконец-то образумился, ну уж теперь я за тебя возьмусь, космический путешественник, — встретила она его, уперев руки в бока.

Лассар с удовольствием слушал возмущенно-крикливый голос жены, он был счастлив и, как ему казалось, на сей раз вполне.

НЕДОТРОГА

Корабль-разведчик вынырнул в районе чужой планеты. Незнакомый рисунок созвездий, новое небо, ожидание неизвестного... Планета росла на глазах, очертания материков были причудливыми и неповторимыми, разделявшие их океаны придавали им самостоятельность, внушительность и даже какую-то величавую гордость. На планете был разум, именно отсюда ушли в космос сигналы, принятые земными радиотелескопами. Всем хотелось получше подготовиться к встрече, знать о планете больше. В этом мог помочь только компьютер, в его памяти были данные по другим планетам с разумной жизнью. Компьютер ждал новой информации, он ее жаждал, чтобы всесторонне ее изучить, сопоставить с уже известными фактами, удивить людей совершенством своего логического мышления и глубиной анализа: обнаружил же он, что у монстров Веги и африканских слонов одинакова толщина бивней и лобной части черепа, разве это случайность? Он был знатоком и мастером своего дела, планетарный компьютер.

Сейчас, тонко понимая желания людей, компьютер создал для них объемное изображение планеты. Прекрасный разноцветный шар висел в воздухе в центре кают-компаний. Можно было протянуть руку к планете и прикоснуться к ней, не вставая из кресла. Можно было закрыть ладонью целый континент или океан, лик планеты при этом преображался, становился ущербным

и некрасивым. В очертаниях материков угадывалась история этого мира; компьютер ловко воспользовался этим: сложил материки вместе и показал, как выглядела планета миллиарды лет назад. Потом разделил праматерик трещинами и изобразил величественное плавание континентов по океану. Перед глазами вставала история, а компьютер изощрялся далее: покрывал материки ползучими льдами, сметающими со своего пути даже горы, выращивал леса и животных, показывал развитие разумных существ... Огромные волны уничтожали живое, загоняя несчастных в горы, вулканы топили живое в своей расплавленной магме, пожары пожирали то, что осталось, а разум жил, боролся, креп, завоевывал себе право на жизнь и право на первенство... Компьютер показал мир растений, покрывая ими материки, раскрашивая их то в зеленые, то в желтые цвета, забрасывая песками, уничтожая ураганами и воссоздавая вновь и вновь... Показывал картины подводного мира, вольный полет птичьих стай. Лица людей, светящиеся радостью, песни, танцы, утопающие в свету города, — все открыто для взора, смотри и любуйся планетой и всеми на ней живущими. Планета разума, планета счастья.

— Красивая планета, трудно ей досталась эта красота, какие счастливые жители! — наперебой восхищались космонавты. — Так хочется поскорее встретиться с ними, обменяться знаниями, мудростью, расспросить о прошлом, поговорить о будущем...

— Может, сделать еще виток на всякий случай, — предложил осторожный штурман. — А, командор?

Все зашумели, отвергая излишнюю подозрительность. Все видно и так, на планете мир и согласие, никто ничего не скрывает...

Командор сделал по-своему: понизил орбиту и передал управление компьютеру, чтобы сделать еще один виток, но уже в атмосфере. Корабль нырнул в беспредельный голубой океан и помчался навстречу большому красивому городу... Внезапно облик города изменился: к кораблю протянулись огненные длинные щупальца. Корабль окутался защитой. Наткнувшись на нее, щупальца вспыхнули яростными цветами, на город посыпались обломки ракет... По всей стране взвыли сирены, пришло время войны. Боевой механизм был взведен, пружина спущена. А корабль летел и летел, управляемый компьютером, вызывая на себя удары все новых и новых ракет, рождая ядерный дождь, пожары и

смерть. Ракеты летели со всех сторон, все смешалось, никто не понимал, где враг и кто на него напал. Стреляли все и во всех направлениях, армады самолетов сшибались в воздухе, горящие машины факелами падали вниз. Наступил ад, конец света.

Корабль свернул в сторону океана, подальше от этих безумных материков, разом ошестинившихся огнем. Люди сидели в безмолвии, тщетно пытаясь осознать происходящее.

Ровная гладь океана взъярилась, из нее вырвались тонкие, хищные иглы ракет. На поверхность всплывали длинные черные тела подводных лодок, горели и тонули суда.

Командор отдал короткую команду, и корабль ринулся вверх, на орбиту. Но спокойно кружившие доселе спутники вдруг ощерились лазерными лучами, пытаясь вновь и вновь проткнуть защиту корабля, добраться до его обшивки, прожечь ее, дать космосу ворваться в его отсеки, уничтожить разум и здесь. Это не удавалось, и они, словно в бессильной злобе, ринулись на другие мишени...

Корабль рванулся еще выше, в спасительный космос. Люди онемели от ужаса, и лишь бесстрастный компьютер продолжал свои ухищрения в моделировании, обрабатывая принятую информацию. Созданный им шар, которым только что любовались люди, засветился синим сиянием, стал часто пульсировать, как больное сердце, и, не выдержав, раскололся на несколько блистающих частей...

А корабль уносился все дальше в глубины космоса, словно пытаясь убежать от самого себя, словно стыдясь своей вины перед планетой и ее НЕРАЗУМНОЙ ЖИЗНЬЮ.

ЭПИЗОД

Вдруг я увидел метеор, который прошел под нами. Однако тут же я подумал: «Не может быть, что это метеор. Метеоры сгорают в атмосфере над головой, а это — под нами». Потом я сообщил, как оно на самом деле.

Джеффри Хоффман, астронавт США

В эту ночь Иван спал плохо. Он видел сон, сон странный — ему поставили памятник. Памятник красивый —

красный гранит, и в нем высечен он, Иван, в полетном скафандре, шлем он почему-то держал как корзинку с грибами, просунув ладонь под гермошнуры. Грибов в шлеме не было, Иван это помнил точно, но запах грибов и леса его и разбудил.

Он встал, тихонько прошел на кухню и стал смотреть в окно. Зимнее небо было ясным и черным, звезды сияли ярко и весело. Но Ивану почему-то было грустно. Может, потому, что утром надо ехать на космодром и стартовать на околоземную орбиту, нужно было доставить на автоматическую станцию новый прибор. Что-то там сломалось. Лететь не хотелось. Вовка, младший сын, что называется, задурил и не хотел ходить в школу.

Небо светлело. Тяжелые, увитые бьющимися венами руки не хотели подниматься. Иван чувствовал усталость. Посидев еще немного, он посмотрел на настенные старинные часы с кукушкой. Нутром почувствовал, что вот-вот откинется круглая дверца, оттуда выскочит до смешного примитивная деревянная птица и хрипловато скажет: «Ку-ку». Опять почему-то, но Ивану не захотелось, чтобы именно сейчас прокуковала деревянная игрушка, и он придержал рукой цепь с висящей на ней коричневой гирькой. Кукушка промолчала.

«Уметь бы так останавливать время и события», — подумал Иван и пошел в комнату Вовки, сына.

Вовка, конечно же, не просыпался, несмотря на грохот дедовского допотопного будильника. Он тоже был гордостью Ивана.

— А ну вставай! — нахмутив брови, прикрикнул отец.

— Встаю, встаю. Игру взял? — сонно пробурчал Вовка.

— Взял, взял, вот мать сейчас нам всыплет за твоего спрута. Она уже этот писк слышит и во сне, и в ванне под душем. Дуй на кухню, там сыграем... и только по разу. Мне раньше тебя ускакать надо, сегодня маленький, но срочный полетик надо сделать, телескоп какой-то вышел из строя. Я его починю и назад к вам. Ученые вой подняли, что неделю уже ничего не видят во Вселенной. И что там высматривать каждый день? Не понимаю. Ладно, их дело. Звезды и звезды, как тысячу лет назад светили, так и сейчас. Чего смотреть!

— Давай, давай. Слетай, а завтра пойдем в школу. Учительница тебе какое-то задание хочет дать, ты ведь

в родительском комитете, а не ходишь... К двенадцатому апреля чего-то хотят.

— Да некогда же, Вовка, то туда, то сюда...

— Я тоже так говорю, а она свое... надо и надо.

Устроились в углу кухни, плотно закрыли дверь.

— Кто первый? — спрятав за спину руку с игрой, спросил Вовка.

— Давай ты, наберешь сотню-полторы, а я буду за тобой тянуться. И как это у тебя получается, не понимаю. Я профессиональный космонавт, оператор, тренируюсь, летаю. А ты меня все время обыгрываешь.

— Ну ладно, давай. — Вовка начал игру. На экране изображался черный космос. Какое-то чудовище протягивало щупальца, пытаясь схватить идущие на посадку космические корабли. Это чудовище вроде бы захватило планету и никому ее не отдавало. Игра была трехмерной, объемной. Управляя движением космического корабля, надо было прорваться к планете через частотол шевелящихся и хватающих щупалец. Программа была адаптивной, перестраивающейся, она анализировала по черк работы того или иного игрока по первым же попыткам и сразу же, «вспоминая» его приемы, начинала строить козни. Как только щупальца хватали корабль, на экране возникало что-то вроде вспышки-взрыва и хриплое гудение возвещало еще одну трагедию — корабль исчезал. В углу высвечивались набранные очки. Вовка усердно работал, но вот протяжный писк возвестил об утрате последнего корабля.

— Сто, — весело сказал он.

— Давай, теперь я. — Пальцы Ивана забегали по клавишам... — Все, учись, сынок, сто три.

Вовка довольно хмыкнул и пошел в ванну умываться.

— Талант ты, батя, ничего не скажешь.

— Ну пока, Кулибин. — Иван успел потрепать Вовкин вихор на затылке. — Расти быстрее, будешь космонавтом. Так и быть, научу летать, ты же меня играть научил.

— Не надо, батя, — прогудел Вовка, держа зубную щетку за щекой. — Я уже на дельтаплане летаю. А стать хочу как раз программистом, вот эти штуки делать, только не игрушечные, а настоящие. Контакт с другим Разумом будем искать.

— Ну давай ищи, а я пошел.

— Ни пуха и мягкой посадки. Ты когда садишься?

— Вечером в 20.00. А что?

— Как раз я в кружок астрономии иду вечером. Буду небо изучать и посмотрю, как ты возвращаться будешь. Нам телескоп подарили, у него увеличение около сорока крат, так что твой корабль разглядим.

— Ну давай смотри, я уж постараюсь сесть получше, не подведу тебя.

Дверь чуть хлопнула. Иван любил закрывать двери сильно, по-мужски.

Предполетный инструктаж уточнил предстоящее задание. Надо будет попутно прихватить танкер с каким-то эффективным топливом и супердвигателем, он был уже на орбите. Пристыковать танкер к блоку с телескопом, поменять поломавшийся прибор и вернуться назад.

Старт прошел успешно, поиск и стыковка с танкером — тоже. Иван состыковал свой «поезд» к спутнику с телескопом, переплыл в него. Заменял прибор, потянулся, вспомнил Вовкину игру, улыбнулся.

«Прилечу, надо потренироваться, а то просто неудобно перед парнем... отец все время проигрывает. Один раз выиграл, да и то, может, он нарочно, чтоб перед стартом не огорчать отца. Психолог тоже мне».

На связь с Центром управления выходить не хотелось, хотя уже надо проверить работоспособность телескопа после замены прибора. Телескоп управлялся дистанционно, с Земли. Это была хорошая идея — вынести «глаза астрономов» за пределы атмосферы. Они настолько к нему привыкли, что были без него «как без рук» и каждый день атаковывали Центр координации полетов, требуя полета для ремонта. Выдержав этот бой, Центр координации дождался сначала запуска танкера, чтобы объединить задачи в одном полете. Все было продумано. Иван смотрел в иллюминатор, внизу проплывал Крым, правее — родная Кубань. На Земле сгустилась темнота.

«Вовка, наверное, в телескоп смотрит, ищет меня в космосе», — подумал Иван и еще раз посмотрел вниз, словно разыскивая Вовку и желая встретиться с ним взглядом. Где-то там, уже в сумерках, терялся Звездный городок, школа, Вовкин телескоп и сам Вовка. Стало немного грустно и тревожно... Иван вздохнул и потянулся к включению связи... Но его опередили сирена и проблесковый сигнал: «Вызов на связь».

«Чего это им не терпится?» — удивился Иван и включил связь.

Центр управления вырвался на связь первым.

— Иван, — голос оператора был тревожным, — слушай внимательно... Все сложилось плохо...

— Что плохо? — переспросил Иван.

— Не перебивай, я говорю сбивчиво, дослушай. Лунная станция пострадала полторы недели назад, это ты знаешь, привод обзорных антенн не работает до сих пор, инженеры все ковыряются.

— Да при чем тут Луна! — не выдержал Иван.

— Прошу тебя, не перебивай. Сейчас все поймешь. Этот телескоп, где ты сейчас, тоже не работал до сих пор. Кстати, мы включаемся на проверку канала, ты там посматривай тоже...

— Хорошо, включайтесь, я все уже сделал.

— Так вот, неделю назад в Австралии какой-то чуждак-астроном по имени Диего Кастор в свой телескоп увидел вспышку около Юпитера. Он действительно чуждак, сидит со своим телескопом на своем ранчо в горах и не хочет иметь ни с кем дела. У него своя концепция Вселенной, а с ней никто не согласен... В общем, очередной обиженный... Он неделю спускался с гор, так как ни радио, ни телефона он в упор не видит и, конечно, их не имеет... Приволок снимки... Наши астрономы за голову взялись... Помнишь теорию о возможности взрыва Каллисто. Так вот после той вспышки Каллисто нет, как и не было. Он, наверное, взорвался. Другой любитель сообщил, что он видел то ли астероид, то ли комету, летящую к Земле, но больше ее не нашел и траекторию посчитать не смог. По одной засечке это невозможно. Так что надежда на твой телескоп, Иван. Все встревожены... Надо обшарить пространство и найти его. Вдруг...

— Ладно, теоретики, по моим данным, все в порядке, все транспаранты горят зеленым цветом. Пошевели-те телескопом и ищите свой астероид на здоровье, а я смытываюсь отсюда. Меня Вовка ждет в спрута играть.

— В какого спрута? — переспросил оператор связи.

— В... — начал было Иван.

— О господи, — ворвался голос в эфир. — Он же совсем рядом. Срочно в обработку. Вычислительный центр, работайте в режиме сопровождения. Иван, спасибо тебе, побудь на спутнике, не улетай. Обожди, обя-

зательно обожди, не расстыковывайся... расстыковке запрет.

— В чем дело, Валерий? — Иван узнал голос руководителя полетами.

— Сейчас, сейчас, Иван. Не сходи со связи, ты нам нужен... Все, что мы будем обсуждать, ты будешь слышать, чтобы не пересказывать тебе и не терять времени. Иван, слушай и соображай, ситуация критическая...

— Не совсем тебя понимаю, — тревожно сказал Иван.

— Тебе только слушать... пока, слушать, не входи в связь, — резко оборвал его Валерий. — Доклады быстро, черт вас возьми... Баллистики! Времени в обрез.

— Траектория пересекает орбиту Земли. Столкновение... — баллистик замялся... — встреча возможна с вероятностью 0,99.

— Время?

— Через десять-двенадцать часов.

— Масса?

— Не знаю. Диаметр... около 10—15 километров.

— Район падения?

— Центр нашей европейской части.

«Вовка! — пронеслось у Ивана. — Люба, Аня!»

В эфире повисла тишина. Иван все понимал, но первым говорить не мог.

— Иван, — зашелестел эфир. — Я военных запрашивал. Они ничего не могут. Слишком близко... он будет... опасно по нему стрелять. Простым не взять, а ядерным... Все на Землю упадет... погибнем. Это надо же: от друг друга понаделали всего, что хочешь, каждый о себе думал, о своем, а всю Землю защитить не можем. Это свой-то дом... Европу всю снесет, Иван.

— Говори дальше, — оборвал его Иван, — только так, чтобы мы слышали... и только. Не хочу, чтобы Люба с детьми знала заранее.

— Уже сказали по радио и телевидению, что это... штука летит.

— Я не о... штуке этой, а о себе. Я все понял, кроме меня, тут никого нет. А я с бочкой топлива к тому же... как рояль в лесу... Давайте данные для маневра...

— Какой рояль? — не понял Валерий.

— Потом узнаешь. Давай данные, не тяни. Какая вероятность встречи по прогнозу?

— Значит, так, Иван. В танках у тебя топливо по мощности похлестче ядерного заряда, но экологически чистое, какой-то гибрид химии и еще чего-то. Топливо безопасно, но при взрыве... в общем, мало не будет. Уставки заложены в твой компьютер, включение двигателя через три минуты. Топливо и двигатель уведут тебя... за это время на 600 тысяч километров. Без тебя вероятность... встречи по прогнозу — 0,5. Решай сам... приборы стыковки без радиосредств у тебя есть. Вот так, Иван...

— Все ясно. На связь больше не вызывай, говорить не хочу... мои предки молча уходили... я тоже. Вовке привет. Связи конец. Рисковать нельзя, даже, если бы было и без меня, 0,999...

Эфир умолк.

«Буду небо смотреть, там папа летает, должен скоро домой возвратиться, двигатель включит, я и увижу пламя».

Мало кто видел яркую вспышку в вечернем небе, но многие с восхищением и удивлением наблюдали ливень метеоритов, горевших в атмосфере Земли над Европой...

«А как же папка, вон их сколько, — подумал с тревогой Вовка и тут же успокоился. — Они же ниже, а папка выше... А может, уже на посадку пошел».

Наутро планета затихла в трауре. Вовка больше не прикоснулся к игре, в окошке так и светилась цифра 103, отец был хорошим оператором.

ОШИБКА

Планету, как всегда, обнаружил везучий Руди, причем — опять-таки как обычно — благодаря совершенной случайности. Во всяком случае, именно так комментировал он это событие, стараясь не задеть самолюбия своего командора и напарника, с которым уже не в первый раз отправлялся в длительный и утомительный полет. Он был тонкий психолог, штурман Руди.

— Владимир, есть кое-что интересное. Вчера перед сном я просмотрел записи гравитационных полей, они мне показались необычными. Я попросил компьютер провести анализ, пока мы спим, и вот что он нам подкинул. Видишь, на фоне полей-гигантов ничтожное искажение? Оно слабое, но устойчивое. Это планета, Владимир.

— Наконец-то, Руди! Надоели эти гиганты, жизни на них нет, не было и, наверное, быть не может, а здесь, на планете... Будем надеяться, Руди.

На подходе к планете командор вновь удивился везению Руди — она была явно обитаемой. Далеко в космос летели радиоволны, рассказывая о жизни ее обитателей. Язык не был сложен, вскоре косморазведчики многое знали о них. Но самую удивительную информацию принесли обычные телескопы — космос вокруг планеты был чист, ни единого спутника.

— То ли они не дошли до этого, то ли так рванули вперед, что спутники им уже не нужны, — философствовал Руди. — Где еще найдешь такой уголок в космосе? Нигде, по-моему!

— Пожалуй, ты прав, — вторил ему командор, — такого не встретишь на много парсеков вокруг.словно настоящий лес, с грибами и ягодами, где воздух чист и капли дождя прозрачные... Удивительно — развитая планета, и без спутников! Все-таки, Руди, будь повнимательнее, всякое ведь бывает...

— Локаторы включены, оптика тоже, слежение по всей сфере. Какая планета! Посмотри, сколько воды. Интересно, какие у них корабли, уже опять под парусами или еще с дизелями и турбинами, жгущими нефть? И атмосфера приличная. Как думаешь, Владимир, на чем они нынче летают?

— Вот уж не знаю, Руди... А ты, я слышал, перешел на воздушные шары да дельтапланы и с аквалангом на дно морское ныряешь... Меня тоже, бывает, тянет ближе к природе, к началу начал... Стареем, наверное, Руди.

— Да нет, Владимир, ведь не сразу догадались, что возвращение к природе — это тоже прогресс. Разве не странно, что наши далекие предки, не зная морских и воздушных течений, смело плавали под парусом и летали без двигателей? А когда изучили эти течения, начали плавать и летать на нефти, загрязняя вокруг все и вся. А космос как засорили, десятилетиями потом растаскивали «космическое железо»! Да что я рассказываю, ты ведь работал в утильщиках не один год. Но ладно, командор, ложимся на орбиту ожидания, наблюдаем за планетой, а уж потом опустим на нее свой железный ящик.

Главные дюзы выкинули в пространство пламя и силу, и корабль послушно начал кружение вокруг плане-

ты. На экране обзора появились дороги, поля, города, моря, океаны, леса.

— Удивительно, Владимир, почему они до сих пор ничего нам не шлют? Ни одобрения, ни осуждения, ни приветствия... Знаешь, это меня настораживает...

Сигнал тревоги взвыл, призывая к вниманию и сообщая об опасности: она была впереди, так указывала автоматика. На обзорном экране стали видны летящие навстречу шары. Словно новогодние хлопушки, они рассыпались вдруг на десятки мелких предметов.

Космонавты застыли, напряженно всматриваясь в набегающую непонятную массу. Руки лежали на клавишах противометеоритных систем, пальцы нервно подрагивали, компьютеры судорожно щелкали, перебирая вариант за вариантом.

— Защита включена, целей впереди сотни, локаторы отметок не дают. Прямо чертовщина какая-то: оптика видит, а локаторы — нет... Что делать, Владимир? Их все больше и больше, их впереди целый рой, что, если кинутся на нас разом?

— Ничего, посражаемся, оружие наше в готовности, — бормотал командор, сжимая вдобавок кухонный нож, которым несколько минут назад резал колбасу. — Посмотрим на это минное поле поближе.

Компьютер углублял настройку, увеличивая изображение.

— Руди, смотри, это действительно поле. Мы летим над полем, Руди, над полем, усыпанным голубыми, красными, фиолетовыми, желтыми цветами. Руди, это ковер цветов. Они стреляют букетами, цветами устилая нашу траекторию. Руди, они зовут нас, посмотри, Руди, какие цветы!

Руди снял пальцы с клавиш противометеоритной системы и бросил взгляд на своего командора. Тот зачарованно смотрел на экран, все еще сжимая в руке совершенно ненужный нож...

ЗАПРАВКА

Сооружение висело далеко за Солнечной системой, на полдороге к Веге. Оно не имело рекламных огней. Это был скромный и неприметный шар, летящий в безмолвии, с причалами, стыковочными устройствами, антеннами.

Гарри набрел на него случайно и был счастлив своей находкой. Радар его обшарпанного корабля настойчиво показывал наличие метеорита прямо по курсу, и Гарри сделал все, чтобы избежать столкновения, но когда «метеорит» обозначился в иллюминаторе, Гарри ахнул и начал срочное торможение. Перед ним была идеальная гладкая сфера, блистающая в лучах света далеких и близких звезд.

Гарри мастерски приткнул свою старую калошу к шару, проник в него и осмотрелся. Небольшая стойка для раздачи, автомат с пищей, перекладина и ремни для фиксации. Вот и все. Да еще масса клавиш. Назначение некоторых Гарри разгадал: одна заставляла наполняться банки жидкостями, другая выбрасывала пакеты с белой питательной массой, третья вызывала звучание необычной дребезжащей музыки, четвертая включала экран, на котором бегали фигурки, похожие на чертиков.

Но самое удивительное и радостное Гарри обнаружил в дальнем углу, за панелью с клавишами. Там был кран, открыв который Гарри застонал от удовольствия. Он выпятил грудь и наполнил банку до самого клапана. Жгучая струя ударила в жаждущее горло. Банка опустела в мгновение ока. Гарри перевел дыхание.

«И кто же придумал такую прелесть, гений да и только! Знать бы кто, я б ему памятник отлил из веговского серебра, чтобы все его приветствовали, как генерала, пролетая мимо. Это же надо так сообразить, на дальних путях — и на тебе... Такая выпивка».

Проснувшись, он долго соображал, где он и что с ним. Голова трещала, во рту было сухо.

«Дурная привычка — пить с утра», — подумал он и налил еще... Лишь одна необычность беспокоила его, как любого честного человека — он не находил кассы, чтобы расплатиться, и это его нервировало.

«Где же эта чертова касса, куда класть монеты? И сколько?» — лихорадочно спрашивал он себя.

Гарри хлебнул еще. Мутные глаза различили скопление странных фигур у экрана. Он потрянул головой. Чертики не пропали, а стали подпрыгивать, хрюкая от восторга. Гарри оттолкнулся от стенки и, выставив вперед два пальца, изображая бабушкину «козу рогатую», ринулся к ближайшему из них:

— Дай-ка я тебя обниму, чертяка!

Черти исчезли.

В иллюминатор Гарри увидел отваливающий корабль странной конструкции.

«Чего они рванули?» — подумал Гарри.

...Срочный старт прошел успешно: к счастью, танки корабля успели закачать топливом почти наполовину. Корабль отошел от заправочной станции и на форсаже ринулся к звезде Зета.

«Крышка нашей заправке. Но кто они такие, если пьют ракетное топливо? И что только не встретишь в бесконечной Вселенной!» — размышлял командир зетовского корабля.

РОБИНЗОН

Лам и без того был худ, а тут еще эта авария, лишившая его пищи, взятой со своей планеты и, главное, витаминов, в которых так нуждался его организм.

Выход на орбиту вокруг планеты был обычным, исследование поверхности тоже дело нехитрое — рядовая планета, да и только. Лам выбрал самое тихое место планеты — высокие горы, где встреча с людьми была маловероятной. А встреча с ними была нежелательна, так как Лам должен был скрытно изучить этот труднодоступный район для будущей базы на этой планете.

— И так много там болтают о наших прилетах, и что за народ, так и лезут на глаза, так и хочется им кому-то помочь, сколько раз говорил — не лезьте, не мешайте, сами, без вас разберутся, и так уж вас, пройдох, за богов принимают, молятся, задрав головы вверх, и думают черт знает чего, сложат руки и чего-то просят, просят, послушали бы, что они про богов говорят, обхохочешься: то им воды дай, то урожая, то сделай так, чтобы жена родила... А что там говорить, не суйтесь на глаза, и все тут! — напутствовал перед каждым полетом Главный Командор.

Спуск прошел благополучно, горы были все ближе и ближе, и тут Лам совершил ошибку. Он увидел гнездо огромных птиц и заложил крутой вираж, чтобы сделать снимок. Но не справился с управлением и зацепился за вершину горы; что-то ярко вспыхнуло, где-то сзади его аппарата сильно трянуло, и внутри натруженно загудело.

«Аварийные мощности», — подумал Лам и понял, что беды не миновать. Он успел приткнуться аппарат к крутому склону, выпрыгнул из него, а аппарат, покачавшись, рухнул в пропасть, распадаясь на отдельные винтики, болтики, приборы, заклепки и просто на крупные куски. Провода развесились на острых камнях. Ламу стало до слез жалко своего верного друга, прилетевшего за тридевять земель, а он, Лам, так глупо его разрушил. С аппаратом пропало все: синтезаторы пищи, связь со своей планетой и надежды на возвращение. Лам представил себе, как его пытаются найти прилетевшие соотечественники, и ужаснулся: ни связи, ни маяков — ничего у него нет и сделать ничего подобного он не сможет. Как дать о себе знать? Как найдут его? Вопросы оставались без ответа. В мыслях его возникали высоченные маяки, светящие ярким светом в ночи, но тут же эта мысль угасла: Лам живо вспомнил первые впечатления, глядя на планету с высоты орбиты, — ночную темноту периодически разрывали ярчайшие сполохи электрических разрядов. Нет, маяк никто не увидит, дело это дохлое. Старинное средство — костер, но на этой планете так много вулканов, извергающих огонь, дым и пепел, что и эта идея сразу же умерла в беспокойном мозгу Лама.

Лам бродил в горах, но это были трудные тропы. Он спустился вниз, в долины, и встретил там полуголых людей. Он научил их календарю, научил отвоевывать землю у лесов, научил строить каменные обсерватории, рассказывающие о движении Солнца, Луны и планет, и храмы, ориентированные по странам света. Он надеялся, что гигантские каменные сооружения заметят с орбиты его братья и ринутся сюда. Он ждал их и надеялся, ждал их долго...

У «бога» родились два сына, а с неба так никто и не сошел. Часто стоял «бог» Лам на вершине храма Солнца и с тоской смотрел в небо, там мелькали иногда блестящие точки, выделявавшие крутые траектории, и исчезали где-то за горизонтом... к Ламу никто не прилетел. А тут еще начались ссоры между вождями, и междоусобные войны погубили храмы, поля; заросли джунглей поглотили гигантские сооружения. Все стало как прежде — зеленое море джунглей как одеяло укутало землю, надолго скрыв титанический труд людей.

Лам двинулся в долину, там мастера-каменотесы вместе с Ламом обрабатывали огромные камни, превратив

их в шары. Лам приказал их раскидать по долине так, как разместились планеты его звезды, кружа вокруг нее. Он надеялся, что этот знак поймут его собратья, лишь бы увидели. Но шли месяцы, годы, иногда сверкало небо огнями причудливых трасс. С тоской смотрел Лам на эти небесные знаки, но сделать ничего не мог. Опять к нему никто не прилетел. Сельва утопила и шары, оставив еще одну загадку для потомков. Лам был в отчаянье, он расспросил стариков о землях вокруг. Один старик рассказал ему, что в высокогорье есть большая пустыня, там не бывает дождей, снегов, бурь, там всегда светит Солнце и небо не закрывается тучами.

Лам уговорил сотню индейцев и двинулся в горы. Там он нашел пустыню, она вполне годилась для полотна будущей картины. Люди привыкли делать то, что велел Лам, даже если не понимали смысла его творений. За плугом шли целыми семьями, оставляя причудливую, извилистую линию, а шедшие следом засыпали ее белым мелом. Теперь с большой высоты можно было рассмотреть рисунок чужих созвездий, через которые проходила звезда родной системы Лама. Пустынные знаки хранились долго...

...Тор летел на базу, уютно и надежно укрывшуюся в высоких горах, которые земляне называли красивым именем Памир. Корабль Тора нырнул в атмосферу с Южного полюса Земли и понесся привычным курсом через Южную Америку, Бермуды и правым разворотом туда, к горам Памира, в тихую гавань. Под кораблем лежали привычные складки гор, начались пустынные районы, и вдруг в пустыне Тор увидел звездную карту своего неба и даже координатную сетку с указанием какого-то района. Тор ахнул — под ним были начертаны знаки зодиака и путь его родного светила. Это было настолько неожиданно, что Тор стал лихорадочно думать, как могли земляне увидеть все это, ведь они нигде себя не проявляли, держали в тайне свое присутствие... и только потом сообразил снизитьсь и сделать вираж над пустыней. Вот ясно прорисована птица жизни, клюв ее упирался в точку, словно призывая туда, туда, где была чья-то жизнь... И Тор все понял, он взмыл вверх, ввел прочитанные координаты в машину, и его диск камнем устремился к земле; Лам стоял на коленях, протянув руки к растущей точке, вокруг него, уткнувшись лицами вниз, в песок, — коленопреклоненные люди. Тор бросился навстречу плачущему Ламу.

— А что делать со знаком нашего неба? — спросил Тор.

— Тор, — ответил Лам, — я долго жил с ними, они потом все поймут. Пусть знаки останутся, и когда они прочтут их, поймут, то мы снова вернемся к ним.

С тех пор люди, стараясь вернуть назад своих богов, рисуют магические знаки, но пока огненные трассы обходят горную пустыню.

ШКОЛА

Школа была просто изумительная. В большом красивом парке люди построили огромный дворец — Дворец для молодежи. Десятки тысяч молодых людей учились здесь различному ремеслу, порой создавая такие произведения своего нехитрого искусства, что взрослые только разводили руками, удивляясь и восхищаясь. Воспитанники школы умели петь, сочинять музыку, ваять скульптуры, писать портреты, ткать ткань, лить металл, точить детали, управлять самолетом, лазерным лучом, создавать умные вычислители, лечить людей и животных... Они готовились жить и работать в обществе, давшем им жизнь; они любили людей и хотели, чтобы они были еще счастливее. Они были будущим...

Орналдо бежал последний круг по большому стадиону, впереди никого не было, ни одной взмокшей спины.

«Я первый, я сильнее всех, я самый быстрый, я ветер», — стучало в его висках.

Орналдо пересек финишную черту и сбавил темп бега, постепенно переходя на быстрый шаг, а потом и размеренную ходьбу.

«Надо помочь Хосе, Ласару, Ампаре, они не расслабляют ногу, теряют скорость и тратят много сил», — решил он.

— Орналдо, ты будешь самым быстрым бегуном мира, ты будешь добрым ветром. — Хосе, переводя дыхание после бега, подошел к нему и крепко пожал руку.

— Да, я пробовал быть ветром, мне нравится мчаться над землей и океаном, взвиваться ввысь, забираться в горы, вихрем врываться в ущелья, поднимать самолеты, воздушные шары, планеры.

Но сердце мое там, в лесу, среди моих друзей — птиц, антилоп, попугаев. Я родился в лесу, отец мой охотник и хочет, чтобы я тоже стал охотником, и я хочу

этого. Тогда вместе со своим любимцем рыжим псом Гаври я буду помощником леса и его жителей.

— Но, Орналдо, охотник должен и убивать, — тихо сказал подошедший Ласару, — а это не все могут, далеко не все. Сможешь ли ты? Хоть это и звери, но все-таки это и убийство!

— Я проверю себя, обязательно проверю.

— Пошли, друзья, сегодня день выбора профессии.

— Кто-нибудь заявил сегодня тест? — Орналдо говорил размеренно, словно и не бежал только что.

— Я заявила, — Ампара улыбалась молодым людям, — я сегодня работаю у мартена, меня тянет кипящий металл, и я его, по-моему, очень хорошо понимаю, чувствую.

— Но ведь это тяжело, Ампара.

— Нет, это прекрасно, это как музыка, бурная, полная жизни музыка, зовущая, манящая. Металл льется тугими струями, принимая причудливые формы, круговороты, это кипящий, тяжелый океан. В нем будущая сила, мощь, я это чувствую, вижу. А разве я сегодня одна заявила тест?

— Я тоже заявил!

— И я!

— И я!

Они разошлись по тест-классам. Ампара заняла место за пультом управления плавкой. Тяжелая руда падала в шахту, нагромождаясь высокой горой, из которой вскоре потечет бурная желтая река расплавленного металла. Ампара ощущала, как нагревается руда, как она становится пластичной пластилиновой массой, как миллиметр за миллиметром оседает громадина каменной горы... Вот первые капли металла просочились сквозь глыбы руды и, соединяясь с другими, устремились вниз пока еще тонким ручейком. Один ручеек, второй, третий, и уже широкий поток обозначил русло реки, истокая могучую гору. Река превратилась в озеро, а остатки рудной горы в остров, потом в островок, растаявший тут же на глазах в кипящем вулкане клокочущего металла. Ампара жила металлом, текла с ним вместе ручьями, кипела расплавленной лавой.

«Пора, пора дать мне волю, пора, я уже могу стать самолетом, автомобилем, трактором, поршнем мощного двигателя, якорной цепью... я нужна, и я созрела», — Ампара открыла шлюз, и кипящее озеро метнулось на

волю, в ковш, разбрызгивая во все стороны яркие капли.

«Бенгальские огни детства, только горячие», — рассмеялась Ампара и вихрем заплесала около пульта.

— Металл отличного качества, — громко прокричали динамики, — экспресс-анализ в лаборатории.

— А я не сомневалась, — отозвалась Ампара, — я им жила, я была им, это я кипела и рождалась в огне и пламени, это была я — бурная железная река, это я, я, я... это я его сила, это я каждая его частичка, это мой металл, мой, мой...

— Поздравляю тебя, — Орналдо крепко сжал ее руки и, обняв за плечи, прижал к себе, — поздравляю, рад за тебя, за твое искусство...

Хосе включил станок и осторожно подвел резец к металлу. Первая стружка, скручиваясь в тугий причудливый локон, побежала от резца вниз и в сторону, потом еще и еще... Хосе освобождался от лишнего, ненужного, тяжелого, он с удовольствием обретал нужную форму, становясь изящным, нужным, совершенным.

«Ну вот теперь я родился заново, теперь я как раз то, что надо, не меньше и не больше. Как раз», — решил Хосе и остановил станок. Он бережно взял в руки шестерню, полюбовался ею и опустил на бегущую мимо ленту. С сожалением поглядывая ей вслед, Хосе взялся за следующую заготовку.

— Деталь по высшему разряду, — сообщил контролер-автомат.

«Кто бы сомневался, — усмехнулся Хосе, — это же не деталь, а я, я, я сам. Я вложил в нее свои знания, свое сердце, свою душу. Как она могла быть иной? Это я буду вращаться в моторе, это я подниму в воздух огромный лайнер».

Причудливые изделия ложились одно за другим на бегущую ленту и исчезали, уносясь туда, где их ждали другие, чтобы всем вместе стать механизмом, задуманным человеком.

— Хосе, ты просто волшебник, поздравляю тебя, — Ампара повисла у него на шее и смешно болтала в воздухе ногами, целуя в горячие щеки. — Мой металл ты превращаешь в то, о чем я мечтаю, закипая и бурля, ты продолжаешь мое дело. Ты не можешь без меня, а я не могу без тебя. Ты мне нужен, Хосе, я люблю тебя.

— А я люблю тебя, Ампара, я тоже не могу без тебя.

Хосе кружился и кружился, опьяненный вальсом

любви, а Ампара словно белый развевающийся шарф обвивалась вокруг него. Они были счастливы...

Ласару подсоединил последний блок и подготовил вычислитель к проверке. Он сразу набрал задачу высшей сложности и нажал клавишу «Решение». Блоки впились в анализ, обработку, расчеты... Задача казалась ему сущим пустяком. Его электроны считали быстро и точно, они складывали, вычитали, умножали, делили, извлекали корни, возводили в степень, анализировали, думали, сравнивали, отбрасывали ненужное, запоминали полученное и проверенное, а в конечном счете быстро и уверенно приближались к цели... Вот сработал последний триггер, и машина записала результат.

«Ха, — веселился Ласару, — мои умные электроны не подвели меня, я сам себя не подвел, я даже не напрягался, я могу больше, могу быстрее, могу точнее, могу лучше, могу помочь Ампаре, Хосе, Орналдо, людям...»

Орналдо крался, неслышно ступая по лесу, словно хищная птица стремительно перебрасывалась от одного дерева к другому, птица сильная, ловкая, хитрая...

Орналдо видел глазами зверя: животное поняло, что ему не уйти от этой зловещей птицы — стремительной тени, преследующей его... Зверь знал, что его преследует человек, и не сомневался в исходе этой смертельной игры.

Зверь убегал, но в беге его уже виделась обреченность.

Орналдо глазами охотника следил за рыжим пятном, которое становилось все ближе и ближе, несмотря на все хитрости зверя, которые говорили о том, что он хорошо знает повадки человека. Орналдо напрягся как струна, он чувствовал себя и зверем и охотником, в нем слились воедино желание догнать, настигнуть и желание убежать, спрятаться, исчезнуть. Орналдо видел и рыжее пятно, и тень, которая вот-вот накроет огненный комок своим смертельным крылом, для него был ясен конец этой «шахматной игры с самим собой» — человек победит зверя.

«Наверное, лиса», — подумал охотник и начал сужать круги вокруг зверя, путая и сбивая окончательно с толку рыжее существо.

Зверь пошел на последнюю хитрость: резко развернувшись, он побежал назад по своим же следам. Но и

это не помогло, тень не исчезла, и страх заполнил его целиком.

«Нет, не уйти мне от него, он понимает или знает все мои повадки и хитрости, я не обману его, а нападать без толку, он сильный, смелый, умный». Зверь остановился и, тяжело переводя дыхание, заполз под густую ель, пытаясь спрятаться. Он всем своим существом ощущал близкую смерть, но все-таки сжался в комок, приготовившись к последней встрече, и ждал.

«Как страус, голову спрятал, а тело, как огонь, пробивается сквозь зеленые ветви», — усмехнулся охотник, выбирая удобную позицию.

«Он видит меня и готовится к последней схватке». Зверь подобрался, стараясь стать совсем маленьким, исчезнуть, стать невидимым.

«Бойтся», — решил охотник, охваченный азартом преследования; он прицелился и отпустил тетиву. Стрела запела песню смерти и понеслась навстречу жертве.

Чуткое ухо зверя услышало песню стрелы, и зверь в отчаянии подпрыгнул, пытаясь обмануть смерть. Рыжее тело взметнулось совсем рядом над зеленью веток.

«Да это же Гаври, мой любимый пес!» — Орналдо был в отчаянии.

— Нет, нет, — кричал он и бил кулаками твердый ствол дерева, но рукам не было больно, боль сжимала сердце откуда-то изнутри.

«Все, я убит, убит!» — Он почувствовал удар, боль разрываемого тела и стремительно сужающуюся темноту.

«Что я наделал, что я наделал, это так больно, так страшно, прости меня, я невольный убийца!» Смерть была все ближе и ближе, боль была уже возле самого сердца.

Глаза еще смотрели туда, откуда летел звук приближающейся смерти, искали того, кто убил, и в последнее мгновение они нашли его — Орналдо стоял с перекошенным ужасом лицом, отбросив от себя лук и стрелы, крик отчаяния долетел до Гаври.

«Не может быть, — пронеслось в умирающем сознании, — он просто не знал, он что-то перепутал, он не мог, не мог!!!» — Рыжее тело, пронзенное стрелой, тяжело упало на землю, вздрогнуло и вытянулось, чтобы ожить вновь и броситься к рыдающему Орналдо. Пес волчком вертелся около него, прыгал, облизывая руки, лицо, шею.

Орналдо открыл глаза, сел и, обхватив рыжую шею, стал молча целовать Гаври.

— Ты будешь работать и жить в лесу, ты догонишь любого зверя, никто не уйдет от тебя, — сказал Ласару, — только не охотником, а добрым помощником зверей, ты не сможешь убивать, так сказали все и мои компьютеры тоже. Пошли, твой экзамен был последний, нас ждут.

Они шагали по темным тропам и пели песню о лесе, о солнце, о птицах, песню любви и доверия. Пес прыгал около них, тычась влажным носом то в одного, то в другого, и преданно заглядывал в глаза. Орналдо гладил, гладил и гладил Гаври, он был благодарен ему за то, что навсегда утвердилось в нем, — за доброту.

РАСКРЫВАЛКА

Министр порядочности и нравов собрал совещание. Вид его не предвещал ничего хорошего, это поняли все с первого взгляда. Представители префектур сидели молча, стараясь поглубже втянуть в плечи свои почти лишенные лбов головы. Впечатление было такое, что вокруг стола сидели безголовые, и лишь одна голова — голова министра, болтаясь на тонкой длинной шее, возвышалась над этим сборищем квадратных тел. Два ряда сидящих за столом мужчин напоминали ровно подстриженные кусты перед входом в министерство. Страусиная голова министра еще выше взвилась над этой живой стеной, раскрыла свой клюв-рот и громко прошипела:

— Где мы живем? Где живете вы? В стране подлинной свободы и демократии или нет? Разучились работать?

Никто не смел поднять глаза, уставившись на оттопыренные внутренние карманы своих пиджаков.

— Что вы хлопаете своими наглыми глазами, смотреть на меня!

«Кусты» шевельнулись и украсились рядом шаров-голов с щелками испуганных глаз, источающих собачью преданность и, на всякий случай, испуг: именно такие глаза любил министр.

— Где вы живете и как работаете? Почему у Хилла раскрываемость все сто, а у Смита двадцать, у Дже-

ка и того меньше, всего пять процентов? Почему, Дик, ответь?

Дик еще больше втянул голову в плечи, остальные тут же последовали его примеру. Дик молчал.

— Дик, я тебя спрашиваю.

Дик задышался, уткнувшись носом во внутренний карман своего пиджака, и тихо проклинал себя, что давно не чистил его от крошек сигар. Громко чихнув и обрызгав полированный стол, он медленно выдвинул свою яйцеобразную голову с редкой, как лишай, растительностью и просительно уставился на министра.

Тот решил ему помочь.

— Он что, этот Хилл, умнее вас? Сомневаюсь, все вы одинаковые, остолопы. Но почему так, почему у него лучше всех, никак в толк не возьму. Я специально не вызвал его сюда, этого пройдоху Хилла, хотел поговорить сначала с вами, а вы как чугунная решетка в дождливый день — ни проблеска, ни звука. Да отвечай же ты, наконец! И встань, раз не можешь говорить сидя.

Дик взметнул свое тело вверх и крючком застыл над столом, пряча глаза и отворачиваясь в сторону. Наконец он нашел в себе силы и открыл рот, слабый звук полетел через стол к министру.

— Сэр, у него есть раскрывалка, а мы работаем по старинке, призываем к совести, которой у многих нет, а некоторые и вообще не знают, что это такое; пробуем электрический ток, ослепляющие лампы, голод, воды не даем, бессонницей мучаем, оплеухи раздаем, а у него... он ученого какого-то посадил, а тот эту раскрывалку придумал, вот бедолаги и раскалываются у него один за другим. А Хилл, он что? Он такой же, теперь пиво попивает, а эта штука работает, не то, что мы... вечно в грязи... копаемся.

— Что ты там несешь, Дик, какая еще раскрывалка?

— Сэр, я не могу вам объяснить, что это, но она работает без нервотрепки и побоев, это какая-то машина, сэр.

— Какая-то, — передразнил утиным голосом министр, — может, паровая, вроде парового молота? Положил под него бедолагу, а пресс все ниже и ниже, расскажешь тут все что было и даже чего не было. Ты давай объясняй, а если не можешь, то не черта соваться... машина... Кто может объяснить, что там выдумал этот Хилл?

Таких не оказалось, Дик скоренько плюхнулся на стул, стул затрещал, министр поморщился. Головы как по команде спрятались, «подстриженные кусты» замерли, как после порыва ветра, глаза потухли и пропали. Министр обвел глазами эту живую стенку.

— Ну а ты, Смит — немое кино, произнеси хоть два слова по этому поводу.

— Можно три, сэр? — осмелился Смит.

— Ну давай три, разговорился ты сегодня, прямо болтун на выборах, да и только. Ну валяй свои три слова.

— У него машина, сэр.

— Четыре слова, четыре, Смит-математик, ну прямо Эйнштейн. Какая машина? Зубодробильная, что ли, или дающая доброго пинка, или дергающая за язык, пока он не развяжется? Так, что ли? — веселился министр.

— Простите, сэр, не так.

— А как же? — всплеснула руками утиная голова.

— Как-то по дружбе он мне сболтнул, что у него есть машина, которая умеет говорить, и она так это ловко делает, что ей все и про все рассказывают, даже безнадёжные молчуны, а немые мычат, как быки весной в загоне, так уж им хочется выложить всю правду. Хилл говорил, что они все рассказывают сами, а он слушает и потом читает записи. Он до того обленился, что уже не проверяет признания. Не было ни одной ошибки, сэр, так сказал этот Хилл, выскочка.

— Что за чепуху вы тут мелете, или хватили с утра?

— Нет, сэр, ни росинки во рту не было, аж горло пересохло, как пески в Неваде.

— То-то ты и мелешь всякую чушь.

— Я так слышал, сэр.

— Ладно, расходитесь, все равно от вас ничего не добьешься, сам разберусь. Разбредайтесь по своим ногам, ломайте кости, терзайте души, испытывайте правду, храните нравственность страны. В общем, продолжайте свое грязное дело ради очищения нашего великого общества.

Шерифы вымелись в одно мгновение, словно их ветром сдуло. Министр включил вентиляцию на всю мощь, выветрить запахи сильных потных тел, сигар, дешевого одеколона и еще чего-то почти неуловимого, но настойчиво присутствующего вместе с ними всегда. «Едкий дух блюстителей закона, с которым сами всю жизнь не

в ладах, — определил его министр, — тяжеловатый дух, как и сама юриспруденция, тюрьмы и слежки».

К Хиллу министр нагрянул в поздний вечер, неожиданно, врасплох. Хилл вылупил глаза, открыл рот, закрыл его, вновь открыл и молча стал размахивать руками, словно выталкивая кого-то из кабинета.

— Вот что, Хилл, не пытайся меня надуть, продолжай свою работу и парня этого не гони, а то он уже под стол полез после твоих устрашающих жестикуляций. Это и есть твой ученый умница? Ну выкладывай, что вы тут напридумывали. Или очередной великий блеф? Рассказывай, Хилл.

— Сэр, — наконец разродился голосом Хилл, — мы рады вас приветствовать в нашей префектуре, префектуре, в которой... в которой вскоре не будет нарушителей закона, сэр, мы всех раскроем, сэр, всех, я уверяю вас.

Министр хмыкнул, успев разглядеть поподробнее кабинет Хилла. В дальнем правом углу покоилась большая металлическая коробка.

«Вычислительная машина», — догадался министр.

Около нее стояли стол и кресло, под этот стол и пытался залезть приятель Хилла. Стол Хилла был огромным, абсолютно ровным и пустым. В переднем верхнем углу висел большой экран, видимый и из кресла Хилла, и из кресла около компьютера. Экран светился темно-серым пятном, на нем проступали внутренние контуры камеры, кровать, пристегнутый к стене стол, дверь с маленьким решетчатым окном и человек в полосатой «пижаме» — одежде узника, сидящий на табурете посередине камеры.

— Там темно, сэр, это инфракрасное изображение.

— Что вы делаете сейчас? Коротко объясняй, Хилл, если сможешь, конечно, и продолжай свое дело. Как зовут твоего помощника и почему он тоже в «пижаме»?

— Сэр, это доктор Фелинчи, его посадили за долги, он психолог-математик, достойный человек, сэр. Если позволите, то он скажет вам о своей идее. Во всяком случае, сэр, он согласился работать с нами, и мы перетасили его мысли сюда, и они там, в том железном ящике. Общее руководство было за мной, сэр, вернее, протесте, за нашим ведомством, сэр.

— Похвально, похвально, Хилл, что ж, пусть скажет твой Фелинчи.

— Валяй, Фил, рассказывай.

— С вашего позволения, господин министр, я бы предложил вам посмотреть за нашей работой, камерник как раз созрел, а потом я готов ответить вам на все вопросы. Мы его готовили две недели, так что упустить момент будет искренне жаль. Если бы вы предупредили Хилла заранее...

— Что ж, я согласен.

— Кресло министру, — рывкнул Хилл, он почувствовал заинтересованность министра и смену его настроения от «вот я с вами разберусь, олухи» до «интересно, что вы там можете».

Дверь распахнулась, и два дюжих парня внесли мягкое кресло.

— Сюда, — указал министр на место рядом с креслом Хилла, — и начинайте, начинайте.

Министру не терпелось, он опустился в кресло и уставился на экран. Хилл и Фелинчи осторожно заняли свои места. Наступила тревожная тишина.

— Господин министр, обратите внимание на лицо нашего подопечного, оно отражает внутренний разговор, постоянно меняется, подрагивает, принимает выражение вопроса, ответа, удивления, согласия, отрицания, гнева. И губы, губы шевелятся, он ведет внутренний разговор, одиночество и смена биоритма сделали свое дело, он готов для контакта, ему надо выговориться, — тихо пояснил Фелинчи.

— Ну что же, Фил, давай начинай, как бы он не «перезрел».

— Включаю запись, даю собеседницу.

— Собеседницу? — удивился министр. — Кто это такая?

— Да, да, собеседницу с голосом его матери, он ее очень любит, а голос ее мы записали, картотека фоном у нас в фонотеке.

— Голос голосом, а где она сама?

Хилл позволил себе саркастическую улыбку в адрес министра, но тут же одумался и сменил ее на смиренное выражение с тенью заискивания.

— Сэр, собеседница уже здесь, она там, в углу, это компьютер, а говорить он будет голосом матери этого типа, — он кивнул на экран, где крупным планом светилось небритое лицо с большим носом и закрытыми глазами, веки подрагивали, человек жил, страдал.

— А она, эта ваша машина, знает, что говорить?

— Нет, сэр, этого нельзя, это уже допрос, а допрос

они чувствуют сразу и ничего не скажут, тут дело в другом, в...

— Ладно, ладно, Хилл-знаток, потом расскажешь, работайте, ты прямо первый ученый среди шерифов-работяг, растешь, Хилл.

— Запустил программу, мистер Хилл, — тихо сообщил Фелинчи и напряженно потянулся к экрану, словно принюхиваясь. Хилл тоже подался ближе к мерцающему стеклу, министр невольно повторил их движение, всматриваясь в лицо человека на экране.

— Всякое бывает, Бобби, мальчик, всякое, — послышался мягкий женский голос. Министр вздрогнул, оглянулся, в кабинете, конечно, никого не прибавилось: он, Хилл, Фелинчи, машина и человек на экране.

«Машина, — догадался министр, — она говорит, вкрадчивая, прямо в душу лезет».

Дрожь пробежала по лицу Бобби, оно напряглось, потом легкие складки преобразили его, рот приоткрылся, и он прошептал:

— Мама, я не хотел, честное слово, не хотел...

— Конечно, конечно, — женский голос был тих и ласков, в нем была легкая грусть и сожаление.

— Ты понимаешь, сколько же можно терпеть, я все биржи обежал, стоял с утра до ночи, работы нигде нет, я никому не нужен, мы никому не нужны, сколько можно! — Бобби чуть не плакал, губы его дрожали, глаза были закрыты, веки набухли от слез.

— Я понимаю, я все понимаю...

— Я знаю, мама, ты всегда все понимала, но молчала, терпела, я-то еще ничего, но вот Салли, ей-то как-во, девушка красивая, слабая — и в этом зверинце, в этих джунглях, среди этих двуногих бандитов с толстыми кошельками. — Бобби умолк, лоб его прорезали морщины.

«Что-то вспоминает», — решил министр; лоб его вспотел, спина дрожала от волнения.

— Да, но что же? Разве все предусмотреть? — Женский голос прервал паузу. Голос лился, обволакивая раскаянием и доверчивостью, каким-то очищением.

— Да, да, мама, всего не предусмотреть. Случай подвел меня, я кроток. Но когда этот грязный жирный тип пытался ее купить за ужин в ресторане, а получив отказ, полез насиловать тут же, рядом с кухней, в парке, я не выдержал.

— Да, да, от судьбы не уйдешь, — шептал женский голос.

— Судьба судьбой, мама, но если бы я не был случайно там— меня наняли на вечер мыть посуду, то Салли мог изнасиловать этот пьяный боров. — Бобби опять умолк, очевидно погружаясь все глубже в воспоминания, лоб морщился, гримаса боли легла на лицо.

— На все воля божья, на все. — Голос звучал спокойно, как на исповеди.

— Вот, вот. Меня словно кто-то подтолкнул, словно кто-то вложил в мою руку тяжелый железный прут. Она так стонала, наша бедная Салли, так стонала, видно, кричать ей было трудно, а он душил ее... Я ударил его прутом; затылок его был в толстых складках, по ним я и ударил, он хрюкнул и затих... прут был слишком гнел... я убил его. Я убийца.

— Это как посмотреть, с одной стороны, так, а с другой, все представляется по-другому.

— Я сбежал, было темно, Салли меня не видела, слава богу, а прут я кинул в канал, рядом с рестораном. Иначе я не мог, не мог, понимаешь, не мог, хоть с какой стороны ни рассуждай. Иначе что было бы с Салли?

— В церкви учат, что все мы люди, братья и сестры.

— Братья! Сестры! Да, мама, я виноват, я допустил слабость, я выждал и вернулся, никого рядом не было, я вынул из его кармана кошелек, он на чердаке за пятым кирпичом в трубе со стороны лестницы. Прости, мама, но деньги нужны, Салли опять может попасть к такому в лапы. Какой он мне брат, а Салли ему какая сестра?

— Да, да, все не безгрешны. Но все-таки...

— Мама, не терзай меня и себя, меня взяли по подозрению, я не сознаюсь, иначе что будет с вами, у них нет доказательств, я все спрятал, а дождь все смыл, он пошел сразу же, как я убежал с кошельком, бог на моей стороне, он за нас, за бедных. Ты никому ничего не говори, мама... Ну... Никому, смотри, никому. Здесь нельзя ни о чем говорить, здесь, наверное, все подслушивается, я иногда думать даже боюсь... Я спать хочу, хочу ужасно спать, я устал, я буду спать... мама.

Голова Бобби упала на грудь, он спал глубоким сном.

Министр сидел, замерев и не веря происходящему.

— Стоп, Фил! — Хилл улыбался до ушей. — Вот так,

сэр, он все рассказал сам, сам, и от этого уже не отвертись. Теперь мы ему разрешим спать, пусть спит. Он очнется через сутки, не меньше, у всех так было, и начнется период страшных мучений. Память подскажет, что он сделал что-то не так, что он говорил о своем преступлении, а вот было ли это наяву или во сне, он точно не поймет. А раз так, то жизнь его станет нетерпимой, он не понимает, что знаем мы, а что не знаем. Дальнейшая игра проста, и кончается она одним и тем же — признание и требование суда, то есть публично-го признания. Это как удалить больной зуб, измотавший тебя постоянной ноющей болью. Публичная казнь — признание — вот в чем видят они свое спасение. Правда, бывают и такие, которые молчат. Но для них у нас есть еще один «подарок».

— Ладно, Хилл-психолог, я кое-что понял. Но удивлен, с какой стати он взял и все рассказал, и почему, например, ты задаешь вопросы голосом матери или кого-то еще, близкого, а эта машина бормочет что-то несвязное.

— Сэр, ваши вопросы совершенно справедливы, тут нет ничего заумного, и если вы позволите, то Фил по этому поводу выскажется.

— Ну что же, ваяяй, Фил. — Министр обрел себя, так как разговор вышел из рамок непонимания происходящего и теперь не надо было стараться выглядеть компетентным человеком, «делать рыло», как любил шутить сам министр; теперь надо слушать, а это было значительно проще, чем задавать вопросы. Фелинчи осторожно приблизился к столу, встал напротив и, как ученик перед учителем, стал медленно говорить. Видно было, что он подбирает слова, продумывает текст своего выступления «на ходу».

— Сэр, я психолог и немного математик, занимался душевнобольными. С детства был очень наблюдательным, это вроде как дар божий. Душевнобольные — это очень интересный народ, они ущербны в одном, но заставляют эти недостатки компенсироваться в другом, причем с лихвой, прямо-таки талантливо. Кстати, душевнобольной сродни преступнику. Ведь преступник — это тот же душевнобольной, его мир деформирован, и он, сэр, заставляю талантлив в этой области. Согласитесь, ведь это так?

— Да, да, наверное, — поддакнул министр и заерзал, оборачиваясь к машине.

— Так вот, наблюдая за душевнобольными, я часто видел, как они говорят сами с собой, то есть для них собеседник существовал внутри себя, и он с ним говорил. Фраз собеседника слышно не было, слышалась лишь речь-ответ. Как-то я был на рынке, сэр. Я люблю там бывать, для психолога это огромная лаборатория жизни. Так вот, там я случайно подслушал разговор двух женщин. Одна оживленно рассказывала эпизоды своей жизни, а другая, видимо думая, как дешевле купить продукты, лишь иногда бросала ничего не значащие фразы: «Конечно», «Да-да», «Это как посмотреть?», «Всякое может быть», «Еще бы» и т. д. Этого было вполне достаточно для продолжения разговора, и это натолкнуло меня на мысль, которую я тут же реализовал.

Я пришел в клинику и поддержал разговор одного из пациентов, который свихнулся после трагической гибели жены: она свалилась в ванну с кипятком. Я действовал так же, как немногословная собеседница на базаре, я изредка произносил нейтральные фразы: «Конечно», «Наверно», «Все может быть», «Бог всем судья» и прочие, подбирая интонацию. Мой собеседник оживился, рассказ его стал стройным, осмысленным, целенаправленным. До этого он жил в мире воспоминаний, они его терзали, мучили, а теперь он «выговорился». Это было просто и страшно. Мой сумасшедший рассказал все, в том числе и то, что он сам намылил край ванны, зная, что жена будет становиться на него, развешивая нехитрый туалет после стирки. Почему? Ведь вам это тоже интересно? Это произошло после скандала с женой: она сказала, что ненавидит его. Потом его взгляд уперся в меня, и он завыл, как зверь, почуявший свою гибель.

Я продолжал свои опыты и сделал несколько выводов. Первое — нельзя задавать направляющие вопросы, они вызывают реакцию замкнутости, настороженности и протеста. Вроде того, что тебя тянут за руку туда, куда ты не хочешь. Второе — нельзя, чтобы тебя видели, в конце концов проблеск понимания чужого присутствия заставляет укрыться в свой защитный кокон. Это психология, сэр. Я разработал программу для ЭВМ, она вставляет нейтральные фразы тогда, когда умолкает сам «собеседник», и... получился колоссальный эффект. Никого нет, ничто не довлеет над ним, внутренний мир его душит, требует общения, а тут мягкий, ласковый голос

вкрадчиво потакает ему, причем фразами, которые можно истолковать по-разному. А он воспринимает их так, как требует его истерзанная душа, его сместившийся, но теплящийся разум.

Идея и работа эта меня увлекла, я шел дальше и дальше... пока не истратил все деньги клиники на ЭВМ и прочее оборудование... Так я попал в тюрьму к мистеру Хиллу в роли заключенного. Общение с ними, заключенными, еще раз подсказало мне мысль, что они во многом похожи на сумасшедших, во многом, очень во многом. Их терзает мир преступления, они его переживают. Конечно, по-разному: некоторые не раскаиваются в содеянном, некоторые переживают промахи, которые привели их за решетку, некоторые мучаются невозможностью отомстить кому-то за провал. Редко, но есть и такие, что раскаиваются. Важно для меня было одно — они так или иначе живут в этом мире, мире содеянного, и особенно тогда, когда в одиночестве. Для меня пребывание здесь стало своеобразным исследованием, а тюрьма — лабораторией. Мистер Хилл переживал за низкий процент раскрываемости, а я предложил ему помощь. Тюремный бюджет позволил выкупить мои программы и машину. Остальное было делом знакомым и привычным.

— Вот это да, — только и произнес министр. — Да у вас тут синдикат раскрытий. А если он все-таки молчит?

— Мы с мистером Хиллом ввели новые программы, мистер Хилл давал идеи, а я их претворял в жизнь. Например, если «клиент» с устойчивой психикой и ничто его не волнует, то мы сдвигаем его биоритм и выбиваем его из колеи, иногда он не спит сутками. Это помогает нам: нервного, неуравновешенного, на грани физических возможностей человека легче втянуть в разговор и вызвать на откровенность, тем более если включить программу «жалостливого, участливого» оттенка. Ведь слово «конечно» можно произнести жестко, вопросительно, безнадежно, утвердительно и так далее. Это мы умеем делать, программы у нас гибкие. Если и после собеседования «клиент» молчит, одумавшись или в уверенности, что это был сон, то мы применяем другой метод — «подарок», о котором упомянул мистер Хилл. Например, есть препарат, который временно блокирует в мозге отделы «старой» памяти, активизируя отделы «новой, свежей». Этим мы добиваемся, чтобы преступ-

ник невольно сосредоточил свои мысли на событиях преступления, забыв о детстве, юношестве, любви и т. д.

Или, например, сегодня машина говорила с Бобби голосом матери. Он ей бесконечно доверяет, доверился и сейчас, он любит ее. Но предположим, что он замолчал и не пожелает «публичного признания». Тогда мы вносим искажения в голос матери, и он становится отталкивающим, отвратительным. Он слышит голос близкого человека и одновременно ненавидит его. Обычно это выливается в то, что он гневно осуждает его за предательство, за то, что это он рассказал его тайны, грозит его убить, растерзать, ненавидит, плачет, рыдает, бросается на дверь камеры. А самое главное в этой истерике для нас — новая информация, новые данные. Вот коротко наш метод и наши достижения — сто процентов раскрываемости.

— Сэр, я давно хотел представить вам эти премудрости, но Фил все тянул, у него все новые и новые порывы, он готов вызвать на откровенность любого, даже пастора, он великий психолог, и я буду ходатайствовать перед вами увеличить срок его пребывания здесь, он тоже хочет этого, ему здесь легко работать, творчеству его здесь нет предела и в исследовательском материале тоже, преступность, слава богу, растет из года в год. Простите, сэр, хотя мы с ней успешно боремся под вашим руководством.

«Они оба сумасшедшие, господа, унеси мои ноги отсюда, да поскорее. А если они и меня сейчас разговоят, если я сам расскажу всем, что собираю с тюрем по пятьдесят тысяч долларов в год, если я расскажу о махинациях с питанием, мебелью, с зарплатой тюремщиков? А если я разболтаю о «золотой мастерской» в тюрьме Смита? Если узнают, куда и как я упрятал ювелирных дел мастеров? Нет, нет, уж лучше бить, не кормить, не поить, пусть лучше пятнадцать процентов раскрываемости, а не сто, но я и многие порядочные люди будут спать спокойно, уж лучше так, лучше уж по старинке».

— Сэр, что вы скажете?

Министр вздрогнул.

— Что? Кто это сказал?

— Я, сэр, я, Хилл, я спросил, сэр. Я спросил: что вы скажете, сэр?

«Господи, я уж подумал, что это она, проклятая ма-

шина, меня спросила. Нет, надо что-то делать, надо ее к себе под бок, под контроль, надо ее в камеру, под замок».

— Вот что! Это просто замечательно! Всей этой штукой очень заинтересуется военное ведомство, оно будет допрашивать и выпытывать секреты. Фил, иди.

Дверь закрылась, и министр продолжил:

— Фелинчи в самую строгую камеру, чтоб не выкрали или не убили, он нужен стране, эти ящики завтра же отправишь военным, я пришлю машину и людей. Фелинчи тоже отправишь ко мне, я его подержу у себя, так надежнее. Ты, Хилл, далеко пойдешь, жди повышения.

— Рад стараться, сэр!

Вскоре страну всколыхнула новость: министр порядочности и нравов стал президентом. Он перебрался в его кабинет, а рядом построили комнату, где подолгу томились в ожидании приема министры, нервничая и бормоча под нос что-то невнятное. На прием президент вызывал только по одному...

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО

Рассматривалось дело о последнем нераскрытом преступлении на Земле. Вообще-то дела как такового еще не было, было только предположение, основанное на найденной картине. И хотя по картине трудно судить о степени реальности или мифического вымысла, все же картину приняли как улику. И сделали это прежде всего по причине высокого качества письма на полотне. Картина была выполнена классически — на ней можно было четко увидеть даже черты лица, тонкости одежды, архитектурные элементы, с особой четкостью выделялись глаза, рисунок радужки. Был тогда такой стиль — выписывать самые мелкие детали, картины создавались с фотографической точностью.

Это были, по сути дела, копии. Картины были как бы частью самой жизни, они были буквально живыми. По таким картинам узнали все об Иуде — предателе Христа, о «любителе» казней Калигуле, о бесноватом «вожде» «третьего рейха», о... В последних случаях были фотографии, они облегчили работу изыскателей, с фотографиями стало намного легче.

А здесь... Древний мастер — художник — изобра-

зил часть дворца, зал, посередине зала стоял диван. На диване в массе подушек и подушечек в застывшей мученической позе лежал бородатый и усатый мужчина лет сорока—сорока пяти с выразительными выпученными глазами, в которых застыли боль и страх. Покрывало на диване было сбито и скомкано, рядом с телом валялось несколько шахматных фигурок, одна была зажата побелевшими пальцами. Другая рука тянулась к золотой монете, на ней были два жирных пятна — отпечатки пальцев.

Мастер был, очевидно, высочайшего класса. Рассматривая картину, наблюдатель как бы переносился туда, в те времена, в тот зал, где сотни лет назад разыгралась то ли трагедия, то ли преступление. Около дивана не было никого, и именно это сразу же настораживало и прямо-таки толкало на мысль о насилии. Глаза жертвы были выписаны до мельчайших подробностей, человек, изображенный на холсте, явно прощался с жизнью, в мгновение вспоминая весь свой путь, пройденный на этом свете.

— Смотришь на него, а впечатление, что это он смотрит с картины на нас. С укором смотрит, словно мы чем-то виноваты. И, смотрите, умирает, а к золоту тянется, к монете. Массивная, видно, большого достоинства...

— Хорошо, что ты заговорил, Пит. Это значит, что все насмотрелись на картину вдоволь. Ты ведь среди нас самый любопытный. Предлагаю закончить первое знакомство с картиной.

Молчание было знаком согласия, но многие продолжали смотреть на картину в глаза чернобородого мужчины, корчившегося на диване. Она висела на белой стене, висела одиноко и беспомощно.

— Ван Кларк, пожалуйста, начинайте, — сказал Председатель.

За спиной сидящих открылась ниша, и оттуда выдвинулся прибор с мощным объективом. «Взгляд» объектива был направлен на картину. Выше картины появился экран, рядом еще и еще. Стена превратилась в огромный полиэкран, в середине которого находился главный предмет сегодняшнего собрания — древняя картина.

— Председатель, я могу начать? — вежливо спросил Главный человек логической мысли.

— Да, работайте с Главным техническим специали-

стом. Вам, Николай Христофорович, не впервой работать с Ван Кларком. Работайте. Мы будем отвлекать вас только при острой необходимости. Надеюсь на успех, ведь это последнее нераскрытое, как мы думаем, преступление на Земле. Остальные стали достоянием всех, тайн больше нет, нет ушедших от наказания и возмездия. Сколько развенчанных кумиров, вождей, полководцев. Вот только это и осталось. — Председатель указал на картину и сел, прикрыв ладонью глаза. Он сегодня, как полагал, слишком много говорил и почувствовал усталость.

— Итак, я начну с идентификации дворца, — сказал Иван Христофорович. — Измерь, Ван Кларк, и обчитай.

На экране возникла копия картины. Дворец, зал, мебель покрылись линиями. Потом картина как таковая исчезла с экрана и осталась стилизованная четкая схема. На другом экране появились колонки цифр — размеры основных деталей и их соотношений. Строки цифр комментировались письменным и звуковым рассказом. Первые закономерности: в геометрических размерах и их соотношениях строители древности заложили число «пи» с точностью до десятого знака, размеры орбит планет Солнечной системы, их масс, расстояние до Солнца и даже до Веги..

— Смотрите-ка, — на русский манер воскликнул Иван Христофорович. — Ван Кларк, это же скорость света. Неужели они знали ее значение уже тогда?!

— Да, Иван, это так. Видишь, что записано: около 500 секунд, и луч упирается в бога Солнца. Эти астрономические основы строительства были характерны для времен на границе каменного и бронзового веков. Так что уже поэтому мы можем с большой уверенностью говорить о времени строительства дворца. Сейчас уточним его принадлежность по стилю.

На экране замелькали дворцы, храмы, строения. Много было похожего, но программа сходимости еще не исчерпала всех вариантов — все новые и новые схемы возникали на экране. Но вот картина застыла — «Храм бога Солнца, две тысячи лет до нашей эры. Восток», — высветилось на табло и потом еще: «Координаты на табло номер 5». На карте Земли пульсировала точка — место храма. В горах высоко, почти в снегах.

— Спасибо, Ван Кларк, теперь, наверное, перейдем к самой личности. — Иван Христофорович чуть склонил

голову в сторону Главного инженера. — Посмотри, кто же обладатель этого дворца?

Объектив прибора чуть выдвинулся вперед, на экране появилось, лицо, так, как оно было изображено на картине — почти в профиль. Горбатый, орлиный нос, лохматые брови, усы, соединяющиеся с бородой в единое целое. Блестела большая лысина. Особенно выделялся черный, удивленный и отражающий боль и страх глаз. Машина делала свое дело. Проанализировав геометрию лица, просчитав числовые соотношения, она создавала недостающие черты, медленно поворачивая лицо в фас. Вскоре прямо в зал «смотрел» человек, черты которого были искажены болью. Но и это давало возможность понять, что он красив, лоб его был высок, на лице редкие морщины.

— Иван, — произнес Председатель, — можно смоделировать нормальное лицо? Без гримасы боли и отчаяния?

— Можно, хотя это большая работа. Надо найти причину конвульсии. Надо понять, что случилось. А уж потом, поняв степень и наиболее вероятный характер сокращений мышц лица, так сказать, привести их к норме. Надо понять источник боли.

— Что же, подождем. Только рассказывай все, что делать будешь. Нам тоже интересно. Может, и подскажем что-нибудь.

— Ван Кларк, покажи его глаза. Питер Крум, специалист по ириодиагностике, — представил очередного специалиста Иван Христофорович. — Он поможет определить, что там происходило, а может, и причину смерти. А она видна явно.

На экране остались лишь глаза. На цветных экранах возникли картины радужки правого и левого глаза. Глаза были карие. Специалист Питер Крум начал свою работу.

— Можно сказать, что в течение жизни темно-коричневый цвет радужки подвергался потемнению — это отрицательный момент, в организме его было что-то неладно. Ого, да у него была опухоль головного мозга. Смотрите, вот разорванность кольца в мозговом секторе радужки, а вот глубокая лакуна. — На экране пульсировали точки, показывая те области, о которых говорил Питер Крум. — А вот еще — этот знак говорит об активных процессах в печени. Явная бурная токсикация. Его травили исподволь, долго. Бедный человек, это же

страшные боли. У него целый набор всяких болезней. Видите, рыхлая сторона лакуны, взбухание — это все в мозговой зоне. Он был шизофреник. Вот так называемые «солнечные лучи» в радужке — это явный признак снижения умственной способности... Ну вот и причина смерти!

— Какая же? — не утерпел Председатель.

— Он отравлен. Вот, смотрите, эти кольца на глазной радужке слиплись — это предвестник смерти, это смерть.

— Ну и что? — опять выкрикнул Председатель.

— Характер этих признаков позволяет определить яд — он воздействовал на печень. Он ясен. Сейчас я запрошу банк данных, и мы восстановим черты лица.

— Долго? — Председатель проявлял нервозность.

— Да нет, — Иван Христофорович был спокоен. — Думаю, что уже готово. Не так ли, Ван Кларк?

Ван Кларк молча кивнул, а на экране появилось бородатое лицо. Гримаса боли исчезла на глазах. На экране был совсем другой человек: лицо его было властным, пренебрежительным и глуповатым.

— Включаю программу опознавания.

Вскоре на экране побежали буквы, сложившиеся в имя: «Мехмед третий. Пятнадцатый век. Султан. Умер от яда во время шахматной игры. Предположительно отравлен. Убийца не найден».

— Это не трудно, — произнес Иван Христофорович. — Ван Кларк, дай глаза крупным планом и настройся на глубинные приемники, там отпечатки последнего, что он видел, должны сохраниться. Может, он и был последним — убийца шахматист.

— Почему шахматист? — спросил Председатель.

— Так думаю. Ситуация на картине подсказывает.

На экране опять появились глаза султана. А вскоре и показался сначала смутный, а потом все более четкий портрет — человек в чалме, с бородой и тоже с усами.

— Возьми информацию с другого глаза и попробуй синтезировать объемный портрет, Ван Кларк, — посоветовал Иван Христофорович.

Объемный портрет был впечатляющим. Человек в чалме смотрел в зал злыми глазами, тонкие губы его скривились в торжествующей улыбке.

— Кто же это? — обратился к Ван Кларку Иван Христофорович.

— Сулейман, хранитель казны. Что дальше?

— Покажи, Кларк, монету.

— Зачем?

Никто не мешал их диалогу.

— На ней отпечатки пальцев, я видел.

— Я понял тебя, Иван.

На монете было прорисовано два узора.

— Введи в память и пропусти через коррелятор генетического кода.

— Уже.

— Тогда не тни, дай портреты.

На экране появились портреты Султана и хранителя казны.

— Ну вот, — задумчиво произнес Иван Христофорович. — Теперь все упрощается. Запроси хранитель волн времени того века, пусть найдет дни их общения. Посмотрим, что там было.

— Сейчас, Иван, — Ван Кларк запросил хранитель. Экран ожил. Появился зал, знакомый диван. Два человека хлопотали около него. Один из них был хранитель казны, другой незнаком. Послышался диалог.

— Ты думаешь, все обойдется?

— Да обойдется. Сколько можно терпеть. Этот полумный скоро разорит меня. Он выигрывает у меня каждый день по золотому. Попробуй не проиграть — голова с плеч. Все, надо поторопить события, твой яд действует медленно. А он радуется как ребенок. Лекарь, ты хорошо придумал фокус с пяткой.

— Это придумал он сам, случайно. Он любил тереть большим пальцем ноги о валик дивана. Сам того не понимая, он стимулировал работу мозга и работу печени тоже. Особенно усердно он этим подсознательно пользовался во время игры в шахматы. Он же не знал, что ты ему сознательно проигрываешь.

— Все равно, ты сумел внушить ему эту привычку. Она стала ему необходимой. Осталось совсем немного — потереть ядом валик и...

Оба нагнулись, послышался шуршащий звук трущейся материи.

ПРИНЦИП САЛЬЕ

Это было просто необъяснимое убийство. Первое в глубинах дальнего космоса. На планете это был бы обычный «очередной психоз» и не более того. Планета

знала много историй ухода из жизни: добровольных и принудительных, коллективных и, так сказать, индивидуальных. Объяснение всему этому кошмару психологи находили просто и однозначно — избыток информации, сознание не способно «переварить» этот бурный, неоднозначный, а главное, зачастую противоречивый поток...

Но тут, в далеком холодном мире, среди другого Разума, где обычно «чужие» жмутся друг к другу, — и вдруг убийство. Три посланника Серны хорошо вписались в иной мир, повседневно взаимообогащая друг друга знаниями и опытом. Ничего не предвещало беды, «местные и пришлые» прекрасно уживались. И на тебе, убийство.

— И кто убил — психолог, который, казалось бы, должен сделать все, чтобы в экипаже поняли друг друга, да и глубоко проникнуть в их душу самому. И какой психолог — добрейший Финни. Финни, спасший целую колонию от нападения аборигенов. Он сумел понять агрессивную сущность доброго на вид вождя. Суть его пространных рассуждений о любви и дружбе, оказывается, и это смог уловить только Финни, не совпадала с жестикуляцией. Язык его жестов «говорил» примерно так: дружба — это способ усыпить бдительность, любовь — это желание просто-напросто убить. Почему так? Даже Финни объяснить не мог. Но он был прав. Они бросились на нас с каменными ножами. Со всех сторон, тучей. Это на нас-то, вооруженных лазерами. Мы устали, только Финни стоял и смотрел на все это с грустью, я его сумел спасти в последнюю секунду — над его головой уже занесли нож... Я свалил этого громилу, а Финни бросился оказывать ему помощь, на глазах у него были слезы... — рассказывал, захлабываясь от волнения, командир Фуш. — И на тебе: «слезливый» Финни — убийца. Мы его так прозвали после той баталии.

— Спасибо за информацию, командир. Можете ли вы утверждать, что врач Финни был вполне нормален и не имел признаков мании величия, мании преследования, других маниакальных заболеваний.

— Чего, чего? — не понял Фуш.

— Ну, не хотел ли он кого-нибудь убить? Не прятался ли он, думая, что за ним следят, что за ним гонятся, что, наоборот, его хотят убить. Или не говорил ли он, что он, например, Наполеон, Юлий Цезарь, или Нерон, или из семьи Романовых? — уточнял судья.

— Ну что вы, сэр. Его фамилия Финни. Джек Финни. Какой же он Цезарь. Он корабельный врач. Вообще у него воображение плохо работало. Он даже не мог себя представить астероидом. У нас такая игра, знаете, в дальнем полете среди одних и тех же звезд хочется развлечений, поэтому извините за наивность взрослых людей, но...

— Понимаю, понимаю, — глубокомысленно произнес судья. — Продолжайте.

Царственный жест судьи не понравился командиру. «Сам ты Цезарь и Нерон, вместе взятые, пузырь надутый», — подумал он, а вслух продолжал:

— ...так вот игра: один астероид, другой метеорит. Берем в руки по вареному яйцу и... трах... у кого яйцо разобьется, тот и проиграл. Правда, интересно?..

Судья пожал плечами и с удивлением смотрел на командира.

— Это нас русский научил, у них принято на Пасху вот так яйцами вареными стучаться, а Джон предложил ее космический вариант. Теперь, сэр, на любой планете мои парни прежде всего узнают, есть ли у них куры или крупные птицы...

— Спасибо, спасибо, командир, мы используем вашу информацию для установления истины. Ваша информация очень ценна. И все-таки были ли у него странности? Вернее так, особенности?

— Да, сэр, были. Он был очень принципиален и жил по закону какого-то... забыл фамилию. Он был для него как бог.

— Он был верующим?

— Сэр, кто летает, тот обязательно во что-нибудь да верит. У каждого свой бог. У Финни был свой, вот, черт, забыл, как его звали.

— Хорошо. Скажите, вы были командиром экипажа, доставившего группу первого контакта на планету Зетта?

— Да, сэр. — Командир гордо вскинул голову и выставил подбородок вперед. — Это был я.

— Что вы скажете об этом?

— В каком смысле, сэр?

— Ну вообще. Как там все было? Как вел себя Финни?

— О, сэр, это была удивительная история. Во-первых, я чертовски удачно посадил наш корабль на лесную поляну. Все ребята хором пропели мне здравницу,

в ней, сэр, есть такие слова: «Пока командир с нами, мы и не думаем о своей жизни...»

— Ближе к делу, командир, не отвлекайтесь, — судья начал раздражаться.

— Я как раз ближе к делу и держусь. Не сядь мы на эту планету, ничего бы и не произошло. Так вот, я посадил корабль, посадил мастерски. — Судья отчаянно сморщился. — В лес убежали какие-то зверушки, я это видел собственными глазами, как вас, сэр. Как только я убрал пламя и мы спустились из корабля, к нам подошла делегация от местных жителей. Было такое впечатление, что они нас поджидали где-то за деревом. Наши специалисты по контакту и местные быстро договорились и ушли в лес. Заводилой у нас был Финни, уж очень бойко он с ними трепался. А мы улетели через сутки по местному календарю, как и предписывает инструкция. Сутки на размышление и переговоры с этими красавцами — во. — Командир красочно провел ладонью по горлу.

— Я понимаю ваш жест, что этого времени достаточно, а не как-то по-другому. — Судья все еще сердился на словоохотливость командира. — Значит, никаких признаков беспокойства, враждебности, прямой угрозы не было?

— Ни в коем случае, сэр. Даже наоборот, они ушли в лес обнявшись и покачивались все вместе в такт шагов. Если б я не был свидетель встречи, то подумал бы, что они... только вот песни не пели.

— А из леса они больше не показывались?

— Нет, но слышалась музыка.

— Музыка?

— Да, сэр, музыка. Финни так и не показался, хотя его надо было бы забрать. Пользуясь отсутствием врача, а в инструкции это есть: «В ряде случаев допускается применение дезинфицирующего универсального средства при наличии малейших признаков любых явлений, могущих повлиять на здоровье и состояние членов экипажа», некоторые под музыку и употребили... — Командир постучал пальцем где-то глубоко под подбородком, и по залу понеслись звуки, похожие на удары толстой палкой по стволу поваленного дерева.

— Итак, вы улетели, — задумчиво произнес судья.

— Да, мы улетели... — командир развел руками, словно извиняясь.

— А Финни?

— А Финни остался с группой первого контакта. Имел ли он на это право? Мы действовали строго по инструкции и взлетели вовремя.

«Если через сутки группа контакта не возвращается, то командир обязан сделать все для взлета с чужой планеты, невзирая на отсутствие некоторых членов экипажа». И правильно: почему они не вернулись? Может, их съели и до нас добираются? А всех собирать — корабль потерять.

— Спасибо, вы свободны. Я понял так. Вы отвечаете за безопасность корабля и за людей. Раз вы приняли решение взлетать, то значит, никаких сомнений в себе, экипаже и корабле у вас не было?

— Да, это так. Не было.

Командир вышел, громко стуча сапогами.

Генеральный судья Скотт задумался.

«И зачем в их форме сапоги, стучат так, что в голове отдается».

— Господа, кто может добавить ко всему этому бреду хоть что-нибудь?

— Сэр, мы изучили прессу тех дней. И вот что там мы нашли. Читаю дословно: «При старте земного корабля с планеты Зетта в струе двигателей погибло десять детей местного населения. Дети приблизились к кораблю, чтобы передать маленьким землянам свои подарки. Неясно два факта: почему земляне не знали о приближении детей? Была ли включена на корабле система приема сигналов помощи оперативной информации от группы первого контакта? На Зетте остались два члена группы первого контакта и бортовой врач. Эта трагедия еще раз подчеркивает необходимость строжайших мер безопасности. Земля не первый раз их нарушает. Ждем объяснений с планеты Земля».

«Пункт об универсальном средстве надо уточнить», — подумал судья, но промолчал.

— У кого есть еще сообщения?

— Сэр, мы имеем пленку с фиксатора мыслей Финна, — доложил один из следователей.

— Читайте.

«Это ужасно, они, вернее, мы, убили их детей. Что нам делать? Что делать мне? Я не имею права жить, да и не смогу. Итак, нас осталось трое, зеттяне не в счет. Они гуманны даже в горе. Землянам бы такое воспитание... Салье, Салье, Салье! Боже мой, как забыть все это, как? Забыть все, забыть, как жил и что знал.

Но как? И опять же Салье, Салье. Он преследует меня, он ждет возмездия. Ничего не поделаешь, мне придется это сделать, я не имею права жить, меня надо убить. Они должны меня убить за это детоубийство, я хочу, чтобы они меня убили, хочу. Но Салье! Я поклялся всю жизнь пройти по твоим принципам. Они стали моей жизнью. И я не могу нарушить эту клятву. Это ужасно. Ужасно, что это была моя идея — послать детей с подарками для маленьких землян. Это я послал их в огонь, на смерть... Салье, я буду чист перед тобой».

— На этом запись обрывается, сэр. Вернее и скорее всего он отключил фиксатор, он врач-психолог и он знал, как это можно сделать.

— Что было там, на Зетте?

— Он убил двух землян из группы первого контакта.

— Где сейчас Финни? — обеспокоенно спросил судья.

— В одиночной камере, сэр. Его доставили с Зетты немедленно.

— Давно?

— Семь часов назад, сэр.

— Кто может мне сказать хоть что-то об этом Салье? Он его друг? Учитель? Кто он?

— Сэр, Финни психолог. Среди их братьи, я извиняюсь, сэр, был великий психолог. Его звали Салье. Может быть, это он?

— Это Финни говорил о преданности к его учению, о том, что он не может его предать. Он говорил о нем как о живом. Чем он знаменит, этот Салье-психолог?

— Сэр, мы уже запросили Главный компьютер, — доложил секретарь суда. — Простите, все знать невозможно. Я рискнул ввести в главный фильтр обработки признак сегодняшнего заседания. Все, что здесь говорилось, будет учтено для выборки информации.

— Что ж, подождем. Вы правильно поступили, Пол. — Судья не успел прикрыть глаза, как табло ожгло знаком внимания, а потом и текстом: «Главный принцип взаимоотношений между людьми в соответствии со школой Салье: поступай с людьми так, как ты бы хотел, чтобы они поступили с тобой». Экран замер, сидящие в зале перечитывали информацию раз, другой, третий.

— Что бы это значило? — Судья был в недоумении.

— Это очень просто, я тоже ученик Салье, в компью-

тере был мой адрес, и он обратился ко мне за консультацией. — Голос в динамике на мгновение умолк. — Моя версия такова. Убили на чужой планете детей. Косвенно Финни вроде бы виноват, это была его идея — послать детей зеттян с подарками к кораблю. Почему экипаж потерял бдительность: или отказ связи, или забыла подать сигнал группа первого контакта, или... Может быть, тот факт, что зеттяне подошли сразу же после посадки корабля, как-то притупил бдительность командира... что-то было. Но не в этом сейчас дело. Случайность это или нет, но чувство вины осталось у Финни, он не хотел жить. Он хотел, чтобы его лишили жизни, а принцип Салье, по которому он прожил всю жизнь, заставил, наоборот, его пойти на преступление — лишить жизни своих коллег. Поясню. По Салье, от Финни требовалось, чтобы он сделал с ними то, чего желал бы получить в отношении себя от них. Он хотел, чтобы они лишили его жизни, а значит, он должен был с ними сделать то же, что хотел получить от них, а поэтому он убил их, вернее, вынужден был убить. Это звучит очень парадоксально, но тем не менее все в соответствии с самым гуманным принципом жизни — принципом Салье. Но это еще не все, теперь он... и, может, это было главной причиной ужасного убийства своих в чужом мире...

— Пойдите, пойдите. Это действительно сложно. Но ведь есть более простой вариант. Почему он не покончил с собой?

— Я и об этом хотел сказать. Они мешали ему, ведь он хотел, чтобы его лишили жизни, и было кому это сделать. А вот теперь их нет. Сложилась ситуация, что он один на один с собой. Он — это его «я» и это «они». По принципу Салье он сделает теперь с собой все, что захочет. Тем более он на Земле. Как бы вам объяснить: когда он один, когда рядом никого нет, к кому бы он мог применить правило Салье, он может, не отступая от принципов жизни, применить его к себе. Он хочет, чтобы его лишили жизни, он — это его «я», чтобы сделали это «они», а это тоже его «я», это он сам.

— Господи, — прошептал судья, — как сложно и просто.

Голос в динамике захлебнулся и пропал. Через несколько секунд он снова ожил.

Срочное сообщение для судьи: «Финни мертв, а на лице его улыбка».

АСИММЕТРИЯ

— Это очень удачная мысль — нарушить мир Гармонии, — задумчиво, нарастая, говорил человек, одетый в черное. — Притом, Отто, ты очень удачно предлагаешь нанести удар в главное звено — мозг.

— Благодарю вас за похвалу, святой отец, — монах смиренно склонил голову.

— Не стоит благодарить, сын мой, ты этого заслуживаешь. Я знаю о твоих дарованиях, знаниями своими ты превысил всех. Но то, что будем делать мы с тобой, должно быть нашей тайной.

— Слушаюсь, святой отец.

— Нам будут нужны разные люди: воины, музыканты, ученые, поэты, художники, рабы. Мы должны научиться управлять ими. Все не должно быть одинаковыми — это роскошь для нашей планеты. Как ты это сделаешь?

— Святой отец, я сумею расстроить гармонию мозга, и тогда человек будет жить или левой или правой его частью. А это, наверное, то, что нам надо.

— Почему, наверное, Отто? Ты в чем-то сомневаешься?

— Нет, святой отец, у меня нет сомнений. Никто и никогда этого не делал, всего не учтешь. Я предлагаю найти человека талантливого, много умеющего и, спрятав его в подвалах монастыря, испробовать это на нем. Никто ничего не узнает, после войны рабов много. Какая разница — убить его или посадить в подвалы.

— Ты прав. Но надо хорошо знать этого человека. Он должен много уметь и знать, ты прав: иначе трудно будет понять, что происходит, не так ли?

— В ваших словах мудрость, святой отец. Есть такой человек.

— Кто? — быстро переспросил его монах.

— Царь индигов, он ваш пленник, святой отец.

— Ты с ума сошел, Отто. Я не нарушу клятву и не отниму у него жизнь.

— А вы ее и не отнимаете, святой отец. Мы лишь нарушим гармонию главного координатора его тела — вот и все. Совесть наша чиста.

— Почему именно он?

— Святой отец, он прекрасный воин, поэт, художник, он великолепный музыкант. О нем написаны трактаты. Вы же знаете, Соломон — даровитый, так льсте-

цы его страны именовали его. Лучшего экземпляра нам не найти, святой отец.

— Как мерзко ты его назвал — экземпляр. Отто, он ведь царь великих индигов.

— Бывший, святой отец. И индиги — бывшие великие. Теперь великий вы и ваш народ. Вы можете все, никто вас не остановит и не осудит. — Отто упал на колени и поклонился до каменного пола.

Разыгранная сцена возымела воздействие, святой отец улыбнулся.

— Ну что же, благословляю. Встань. А это не больно?

Монах заметил, как вздрогнул святой отец.

«Боли боится и чистеньким хочет выглядеть. Заботу проявил о человеке. Оскорбился, что я непочтительно отозвался о царственной особе. Он ведь тоже вроде такого же ранга. Индюк надутый», — монах зло усмехнулся про себя и легко поднялся.

— Не больно, святой отец. Просто я сделаю так, чтобы нечто, связующее в единую гармонию правую половину мозга и левую, разъединит их. Мне надо будет понять, что за этим произойдет. Я буду с ним один и день и ночь. Я буду всегда рядом, я буду с ним гулять, говорить, спорить, слушать, наблюдать...

— Пойдем к нему, я тебя ему покажу и уйду по делам государственным. Мне докладывай исправно, но не мельчи, о главном лишь рассказывай, об интересном. И помни... нам не бунтари нужны, а послушные... воины и... в общем, те, кто будет работать.

Пришли в подвалы. В большом каменном мешке стоял стол, лавка, кровать... в общем, все, что нужно для жизни. Вошли... из-за стола поднялся высокий, черно-волосый с чуть раскосыми глазами Соломон. Поза его не выражала страха, подобострастия, подчинения побежденного. Напротив, она выражала достоинство.

— Здравствуй, Соломон, я здороваюсь первым, потому что ты оказался у меня, хоть и не по своей воле, вроде как гость по принуждению. Я сдержу свое слово, ты будешь жить. Но пока вот здесь. С тобой будет этот монах, Отто. Доверься ему, он смиренный, начитанный, много знает. Он тебе будет скрашивать длинные невольные дни.

— Спасибо, Ивон. — Соломон чуть склонил голову.

— Святой отец... Святой отец. При монахе же... — поправил его Ивон.

Соломон промолчал.

— Отто, доставь сюда инструменты музыкальные, бумаги побольше, книг, перьев, чернил... Что еще?

— Мои записи, что со мной были в шатре, — попросил Соломон.

— А что там?

— Астрономические расчеты долгих лет наблюдений за Красной планетой.

— Исполни, Отто.

— Повинуюсь, святой отец. Обращу ваше внимание, эта дверь ведет в библиотеку, эта в музыкальный зал... там и место для публики есть.

Святой отец удивленно вскинул брови.

— Лавка для меня одного, — уточнил, улыбнувшись, монах.

Святой отец рассмеялся.

— Нельзя ли на башню с приближающей трубой ходить, хоть со стражей.

Отто чуть покачал головой.

— Нет, Соломон, нельзя. Кинешься еще с башни, а обо мне скажут, что я слова не сдержал. Нельзя... пока. Желаю быть в добром здравии. Отто, накорми гостя.

— Любите ли вы приправы, царь побежденного народа? — обратился Отто к Соломону.

— Да, люблю, — машинально ответил Соломон, думая о чем-то другом.

Святой отец, приостановившись в дверях, оглянулся на Отто и одобрительно кивнул головой.

— Несу, царь, кушанья... с приправой.

Через неделю Отто заметил первые признаки действия своего дьявольского снадобья. Менялись не только привычки Соломона, но менялось даже его лицо. Оно бывало то решительным, то растерянным. То на него ложились тени аскетизма, то отрешенного человека с идиотской улыбкой, то... Одним словом, оно постоянно менялось, и это испугало даже Отто. Потом он понял, что выражение лица, а вернее, само лицо отражало его внутренний мир, который был на этот период времени. Отто понял, что борьба «правого» и «левого» началась.

Однажды царь прошел в библиотеку и читал двое суток, читал без сна, без пищи. Ничто не могло его отвлечь, ни прикосновение, ни словесное обращение, ни музыка, ни грохот литавр. Лицо при этом было сосре-

доточенным, и в нем отражались все его переживания от прочтения книги. В другой раз он засел за стол и погрузился в вычисления. Отто не понимал их. Он стоял рядом, вглядываясь в смысл логики цифр, но не мог проникнуть в их таинства. Царь не замечал Отто, он работал. Отто посмотрел на него и изумленно осознал, что он уразумел смысл перерождения царя — он занимался астрономическими выкладками. Почему? Отто не мог объяснить. И действительно, через сутки царь встал и сказал: «Я и мой народ отныне знают, сколь долог путь к Красной планете. Не хватит многих жизней». Как-то он подобрал на полу монету в полдинара и долго и тупо смотрел на нее.

— Это полдинара, — подсказал Отто.

— Что это — полдинара?

— Это деньги, есть достоинство монеты в динар, а это полдинара, то есть половина той.

— Я не знаю, что такое половина, — сказал царь и пошел в столовую, набросившись на еду, как варвар, раздирая мясо руками и лакая воду из чаши. Лицо выражало тупость и непонимание. Он был полным идиотом. Отто становилось все страшнее. Он жил в мире умалишенного с совершенно непредсказуемым поведением, он боялся и за себя и за него.

Но вдруг Соломон вновь стал царственно гордым. Он писал картины, сочинял и читал вслух стихи, поэмы. В музыкальном зале он играл: чудесные звуки флейты уводили в мир прекрасного, сказочного, нереального... Отто закрыл глаза и мечтал о счастье... Вдруг музыка оборвалась, открыв глаза, Отто отшатнулся... перед ним стоял беспомощный старик, он озираясь вокруг, держа флейту как ненужную палку.

— Что это? — спросил безобразный старик, указывая на флейту.

— Что имеешь в виду? — ошарашенно спросил Отто. — Это флейта, ваш любимый инструмент.

— Не понимаю, — выдохнул старик. — Я хочу спать. Где я?

Он двинулся вперед, натываясь на предметы как слепой, не узнавая ничего вокруг.

— Да поверни ты налево, стол-то обойди, что же ты на него лезешь... — не выдержав, грубо заорал Отто и испугался, все же перед ним был хоть и побежденный, но царь индигов.

Соломон остановился от окрика и стоял в нерешимости.

тельности. Явно было видно, что он не понимал, куда ему велят идти, где это «налево». Отто взял его за руки и отвел в спальню, уложил. Соломон заснул мгновенно. Спал он день и ночь. Отто наблюдал за ним.

«Спит как спокойно. Раньше вскрикивал во сне, размахивал руками, словно сражался, а теперь... тихий, как мышонок. Господи, страшно-то как. Что же дальше будет? Так можно спать, только лишившись сновидений. Лицо как мертвое, ничто не трогает его черт. Его внутренний мир спит, он спокоен», — размышлял Отто. Но он ошибался. Как раз внутри Соломона и шла ожесточенная борьба. Побеждала то «левая» половина, то «правая». Менялся победитель, менялся и царь. Борьба измучила тело и сражавшихся. Тогда они переменили тактику, понимая, что никому не победить. Они старались добавлять себе недостающую часть мозга. Каждая половина стала создавать самостоятельную гармонию. Соломон спал, а внутри его «родилось два человека». И началась борьба за тело, но победителя не было. Они сторожили друг друга, предугадывая каждое движение, каждое желание. Левая рука царя вздрогнула и потянулась вверх, тут же в нее вцепилась рука правая.

«Ну и хорошо, значит, отошел, раз опять во сне буйствовать стал, — решил Отто. — Посижу немного и пойду спать».

Борьба за тело продолжалась. Им двоим было тесно, должен был победить один. Два мира не уживались в одном теле, как и люди на Земле. Борьба ожесточилась. Оба затаились, следя друг за другом.

«Пора», — решил один.

«Сейчас или никогда», — решил другой.

Обе руки взметнулись одновременно и сомкнулись на горле противника. Они душили друг друга, сжимая горло все крепче и крепче. Соломон задыхался, он хрипел, терял сознание, но никто не хотел уступать...

Отто сначала оторопел. Соломон душил себя двумя руками, душил ожесточенно. Опомнившись, Отто хотел было разнять эти убивающие руки, но хватка была мертвой. Соломон был сильным человеком. Тело вздрогнуло и обмякло. Отто устало поднялся.

— Зачем ты убил его? — услышал он. — Я же обещал ему жизнь. Он царь индигов. — В дверях стоял святой отец.

— Он бросился на меня, хотел меня убить. Я защищался, — бормотал Отто.

— Придется умереть и тебе. Ты нарушил наш договор. Выходит, что я не выполнил свое обещание. Смерть твоя будет нелегкой.

Монах облегченно вздохнул.

— Я готов, святой отец. — Отто смиренно согнулся, голова его свесилась, как бы подставляя ее под топор. — Вы правы, так будет лучше...

КРИТЕРИЙ

Посадка была трудной. Планета небольшая, но указатель массы был почти у красной предельной черты, а это значило, что гравитация планеты будет выворачивать кости, давить на позвоночник без всякой пощады днем и ночью, сделает руки и ноги тяжелыми и неповоротливыми, а голову чугунной гирей, аккуратно вправленной в ажурный гермошлем, и наступит момент, когда нестерпимо захочется «потерять» свою собственную голову и хоть немного от нее отдохнуть. Все эти радости обещала тяжелая планета. А уж посадка с перегрузкой тем более изматывала, сплющивая тебя и стараясь выдавить из легких остатки живительного воздуха.

Внизу, под кораблем, проплывали океаны, моря, поля, города. Брейк выбирал место посадки, он исследовал уже далеко не первую планету.

«Лучше сесть где-нибудь неподалеку от маленького города, проще будет разобраться, что к чему, нечего здесь засиживаться и ползать, как удав с набитым брюхом», — размышлял Брейк.

Корабль коршуном кинулся вниз и вцепился в опушку леса неподалеку от городка. Перекошенные от перегрузок лица спутников Брейка чуть разгладились, но остались похожими на взгорбившийся блин. Тяжело переводя дыхание, космонавты один за другим проваливались в тяжелый, глубокий сон. Брейк последовал за ними, чуть всхрапывая и шевеля губами во сне; ему снилась родная планета...

Наступило время всеобщего отпуска. Так было заведено уже не один десяток лет. Как только приходило

лето, весь город выезжал вниз, к морю, купаться, загорать... Лето есть лето. Потом, через две недели, в город возвращались ремонтные бригады, они ремонтировали дома, здания заводов, фабрик. Еще через две недели в город прибывали механики, они латали станки, машины. А уже совсем к концу лета прибывали рабочие и служащие — город опять начинал, а вернее, продолжал рабочую жизнь. Так было из года в год, город рос и хорошел. Выезд к морю, был подобен празднику. Разукрашенные машины, веселые люди, смех, песни, танцы... Все это вспыхнуло, сверкнуло, как залп салюта, и исчезло внизу под шуршание широких автомобильных шин. Город опустел в одно мгновение, даже собак не осталось — одни в машинах, а другие просто сворой кинулись за людьми. Собаки города отличались сообразительностью. Стало тихо, только ветер гулял по улицам почтенного города, суд которого был уже без работы добрых полсотни лет. Отцы города гордились его и своим прогрессом.

Брейк проснулся первым, он был строг к себе и своей команде. Если даже кто просыпался раньше, то тихо лежал, не смея подняться, — командир должен быть всегда и везде первым, это закон. Разбудив остальных, Брейк дал час на подготовку к первому десанту на планету. Ходили как сонные мухи, горбясь под тяжестью своих тел, ноги переставляли с трудом. Брейк с болью в сердце смотрел на сборы, но изменить ничего не мог — у Вселенной были разные планеты. Час прошел быстро и мучительно, десант был готов покинуть корабль и обследовать близлежащий район. Анализ атмосферы показал полное благоприятствие, выходить можно было без скафандров — это уже подарок для экспедиции.

— Облегченный вариант защитных одежд. Сразу в город, нечего терять время по лесам и болотам, ясно, что здесь есть разумные, наша задача понять степень их развития, на исследования три дня, иначе тяжесть измучает нас вконец. Все, за работу. — Брейк был краток, пот струился по его лицу, другим было не легче.

Космонавты с благодарностью смотрели на своего опытного командира, они были уверены, что отчет о полете будет, как всегда, идеален.

Цепочка сгорбленных фигур тяжело и упорно двигалась к городу.

— Что они, днем спят, что ли? — бурчал Пак, специалист по научному потенциалу. — Ни одного прохожего, ни машин, заправочная станция тоже пуста, а дороги у них хорошие, видно, им давно знакомо колесо.

Бурчания Пака утонули в безмолвии, было тяжело и не до дискуссий. Вступили в город, тишина и пустыньность его настораживали. Город как вымер. Экспресс-анализ показал, что эпидемии нет. Никто не понимал, почему город пуст.

— Что ж, — сказал Брейк, — давайте действовать как всегда: Пак, ищи библиотеку, ройся там, Бор, — на заводы, Сэм, исследуй жилища, ты наш социолог и наша надежда.

Экспедиция растеклась по городу. Вечером собрались на окраине. Доклады несколько удручали: жителей нет нигде, почему — непонятно; в библиотеку Пак проник через незакрытое окно, книг десятки тысяч, все не просмотреть; попытка исследовать завод чуть не погубила Бора, автоматы охраны гонялись за ним, пытаюсь поймать, Бор еле убежал. Слово взял Сэм:

— Командор, я предлагаю стартовать с этой планеты, здесь больше нечего делать, они еще отсталые, им надо развиваться и развиваться, — тяжело и от этого, может быть, веско доложил он и замолчал, переводя дыхание.

— Почему? — удивленно спросил Брейк. — Мы еще ничего не узнали, ничего не успели понять, на других планетах на это уходили месяцы и годы. Конечно, здесь тяжело, но долг есть долг, и мы обязаны его выполнить и выполним. Мы не взлетим, пока не поймем уровень их развития, они выпадают из нашей стройной системы познания.

— Командор, — мягко продолжил Сэм, — мне кажется, я нашел, что мы ищем, может, они сами не понимают, но этот критерий их развития везде, на всех жилищах, конторах, он на всех домах, Брейк. Они называют его замком — это устройство для запираания дверей друг от друга.

— К старту, — рявкнул Брейк, вытирая пот и вспоминая трудную ночь, а если еще одна ночь, а потом день... — Нечего здесь делать, все ясно, спасибо, Сэм.

ВСТРЕЧА

Разведчик чужих миров, преодолев огромное расстояние, нашел то, что искал, — планету класса А. Планета была почти такой же, как и планета, родившая его. Прогулка по лесу была просто замечательной, не хватало только грибов, земляники и малины. Легкое движение между деревьями насторожило его:

«Что это за толстое бревно валяется на моем пути, затаюсь-ка я пока и подожду. Вот у себя, на родной планете, — там все ясно: кто друг, а кто враг, все определено и однозначно: враг — стреляй или беги, друг — протяни руки для приветствия. Вот, помню, на охоте за крокодилами, это же надо, я стоял по пояс в жидкой грязи болота и стрелял по отвратительным аллигаторам, а сам, оказывается, упирался ногами в спину огромного гада... Он начал всплывать, видно, ему не очень нравилось, что по нему топчутся, а я, как мачта с обрубленными парусами, возвышался над его безобразной спиной-палубой. Хорошо, что Дик смотрел в мою сторону и быстро сообразил, что к чему, а то я был бы не здесь, а чем-то после крокодилова желудка — разрозненными атомами и молекулами, готовыми к дальнейшему использованию. Вот друг, а вот враг. А эта чертовщина впереди мне совсем не нравится, от нее отдает спиной аллигатора, а отсутствие пасти с клыками еще больше настораживает, еще шарахнет каким-нибудь разрядом или еще чем-нибудь более пакостным, и повалит дым из костра, где горит единственное полено — я. Нет, подожду еще, заодно и отдохну, вот только опять спина затечет от неподвижности, стар становлюсь я для подобных сцен, как бы не промахнуть, не упустить что-либо».

«Надо же, я такого не видел никогда, прямо хам какой-то, прет напрямик,* не разбирая дороги, странное создание: какие-то ходули тоненькие, две раскачивающиеся палки, надломанные в середине непонятно зачем, шар наверху, весь какой-то неустойчивый, шатается, трясется, дунь, и полетит, как сухая веточка. Но от него так и веет опасностью, лучше я полежу, хорошо, что бронированный бок как раз развернут к нему. Черт подери, меня на работе ждут, а тут эта «прелесть» на дороге, и долго она будет торчать и изображать из себя застывший монумент, ведь передвигалась, а теперь при-

творяется, а как следит за мной... Дай-ка я отключу все лишнее, оставлю слежение и защиту».

«Неужели мне показалось, ведь этот обрубок вроде бы извивался, цепляясь за деревья своими боками, а теперь лежит как прогнившее бревно. Ба, да вон те щелочки, как трещины в стволе, вроде чуть расширились или мне кажется? Эх, как хорошо дома! Нед сварила бы мне кофе, и я сидел бы в любимом шезлонге, на берегу озера, детишки бегают, соседский внук плещется и пищит, как цыпленок. Ладно, ладно, кончай млеть от воспоминаний, а то получишь в лоб какую-нибудь гадость или, как Джекки, переварят тебя прямо здесь, а не в желудке, а уж потом... слопают... фу... какая гадость. А Френк, его, как древнего гладиатора, накрыли какой-то сеткой, которая потом превратилась в корзину, утыканную присосками. Смотри внимательнее, разведчик, вдруг из этого бревна что-либо вылетит или выползет».

«Да, плохо мне будет, светило встает, припекает, а я не могу сменить оболочку, так и буду жариться в бронезащите, и рот открыть нельзя, заметит или пустит газ какой-нибудь, вон как внимательно следит. Вон в приоткрытых щелках что-то светится и поворачивается, наверное, система слежения, и ниже что-то полуоткрыто, а что — непонятно».

«Нет, этот обрубок что-то замышляет, вон и цвет кожи у него меняется, видно, и его, бедолагу, светило припекает, и мне придется попотеть. Аж представить страшно; вот такое чучело залезет в твой космический корабль, прилетит на Землю, а что потом — пожрет всех, чего доброго; живот один, а не разумное скромное существо, тут для разума, наверное, и места-то не осталось. Но и нападать не буду, а себя под удар тоже не поставлю, за мной моя планета, мои дети, наши красивые города... а тут какой-то червяк, червяк в моей квартире... фу, какая мерзость!»

«Нет, точно, он затаился, биополе его то сильнее, то слабее, значит, нервничает, думает, что-то решает, наверное, что-нибудь замышляет. Нападать не буду, может, сам уберется, а то прыснет на меня какой-нибудь жижей, что и не ототрешь, тогда считай, пропал, и себя убить не дам... сейчас меня, потом другого, потом... нет, и просто отпускать негоже, как же его заставить убираться подобру-поздорову? Нет уж, посмотрим, кто кого! Наши прекрасные холмы, наши чудесные пещеры,

и вдруг... подобные твари с четырьмя отростками, ког-
тистыми и неуклюжими. Они ведь разрушат все, что мы
так долго создавали, так долго строили, у нас не было
и нет таких приспособлений, как у них для рытья. Что
же делать? Придется ждать и ждать».

«А может, подать дружественный знак, но какой?
Протянуть руку? Нет, не пойдет, у него рук нет, не по-
нять ему этого жеста. Поднять руки вверх — тоже, по-
клониться вперед в восточном поклоне — не догадается,
по-христиански стать на колени — схлопочешь какую-
нибудь дрянь в затылок. Уж, как спина затекла, сколь-
ко же это будет продолжаться, ну прямо мука ада! А
если эта дрянь будет валяться сутки, вторые, что мне
тогда делать... надо на что-то решаться, так нельзя
дальше, я просто лопну. Через минуту прыгну вон за то
дерево».

«Что-то он опять возбудился, поле его явно растет,
и что с ним творится, беспокойный какой-то. А может,
ему плохо, может, он погибает, жаль его будет, он все-
таки разумен, сообразил же затаиться, увидев меня.
Наверное, даже испугался, интересно, что он обо мне
думает, для их структуры я явно необычен, а может, и
противен. Как бы показать ему, что я вовсе ничего не
замышляю? Но как это сделать? Загнуть в дружеском
жесте хвост — не поймет, у него хвоста даже нет, бед-
ненький, и как он без него обходится, ничего не взять,
ничего не унести — нет, загнутого хвоста ему не по-
нять; изогнуть вежливой дугой спину — тоже не пой-
мет, спина у него прямая, как ствол дерева. А то еще,
чего доброго, наши жесты — задранный хвост и выгну-
тая спина — у них, наоборот, жесты агрессии, нет, не
пойдет, а то еще хуже сделаешь. Жара меня все-таки
доконает, если я сейчас не пропущу часть воды нару-
жу, не оболью свою внешнюю кожу, я засохну, как лист
дерева без воды. Что же делать, надо на что-то решат-
ся, я так долго не протяну. Через минуту прыгну за
ствол вон того дерева и исчезну в чаще леса. Ну и тер-
пеливый этот пришелец, ну и терпение у него, если они
там все такие, то нам несдобровать. Ну все, хватит...»

Две тени взметнулись одновременно и в одном на-
правлении — места за деревом для двоих было явно
маловато. Столкнувшись возле дерева, они бросились в
разные стороны.

Боль пронзила лоб двуногого разведчика, красные искры заплясали в глазах. Когда он обрел опять способность видеть, вокруг никого не было, лишь ветерок шевелил листву деревьев.

«А может, я зря испугался, надо было как-то аккуратно с ним законтачить, поговорить, у него ни рук, ни ног, ни оружия не было, и чего я испугался, а еще разведчик».

«И чего я умчался от него, он такой мягкий, совсем не опасный, хрупкий, его даже нечаянно, наверное, раздавить можно, с ним осторожно надо, как с ребенком, такой мирный, перепуганный стоял, жалкий, а я, монстр здоровый по сравнению с ним, перепугался, убежал, а еще... стыдно. Или нет, правильно, может, они настолько коварны, что могут притворяться добрыми. Спрячусь-ка я в свою пещеру и закупорюсь на неделю-другую, мягкий-то мягкий, а вот лоб-то болит, так что не такой уж и мягкий».

«Может, мне все это показалось, и куда он запропастился, даже следов никаких не осталось, летают они, что ли, эти чудо-черви? А может, я просто перегрелся на местном солнышке и мне померещилось, неудивительно — жарыща такая, и простоял как последний болван под лучами несколько часов. Было же со мной такое в пустыне, тогда мне мерещился белый лебедь посреди песков. Хватит, надо взлетать, нечего тут ошиваться».

Старт прошел благополучно. Удаляясь от планеты, разведчик еще и еще раз оглядывался на уменьшающийся ее диск.

«Нет, все-таки показалось, не могло такого быть», — решительно прервал он свои сомнения, невольно потирая красноватую шишку на крутом лбу.

ПАМЯТНИК

Джек очень любил свою жену, и длительные полеты в космос для него становились все более гнетущими и мучительными. Когда он бывал на Земле, его коттедж был полон веселыми голосами друзей, небольшой парк заполняли дети, а добрая черная Нед, как курица с распластанными крыльями, носилась над ними, то угощая их, то примиряя, то растаскивая маленьких драчу-

нов, утирая им разбитые носы. Джек и Нора были идеальной парой, которой любовались все, а особенно Джим — старый приятель Джека. Он и не скрывал, что влюблен в Нору, влюблен давно, и поэтому вот уже двадцать лет приходил в их дом одиноким, стареющим и немного грустным. Это знали все их друзья. Он всегда стоял в углу, рядом с огромной китайской вазой, и не сводил нежных, грустных глаз с очаровательной хозяйки.

Провожали Джека в космос всегда вдвоем — Нора и Джим. Встречали так же. Джек вручал Норе розу, возвращенную на борту космического корабля или сохраненную в полете. Этого никто не знал. Это была маленькая тайна Джека. Джим вручал Норе яркие гвоздики. Так было уже много лет. Джек тяжело переносил разлуки с Норой, а с годами его страдания становились все сильнее и сильнее.

Наступил день очередного отлета к далекой планете, разместившейся в созвездии, похожем на причудливого зверя. Джек летел, как всегда, один — так он лучше переносил дальний путь. Близился день старта. Нора уже с месяц с ненавистью смотрела на черное небо со звероподобным созвездием, видя в звездах своих непобедимых соперниц.

Корабль стоял на космодроме, готовый к старту. В самой верхней части корабля находился дом Джека, его лаборатория, его жизнь и надежда, кусочек родной планеты.

Нора обняла Джека и молча отстранилась, давая возможность Джиму попрощаться с Джеком. Объятия Джима были сильными, он внимательно посмотрел в глаза Джека чуть виноватым взглядом.

— Удачной бездны тебе, Джек, о Норе не беспокойся, я буду с ней. А тебе хватит, возвращайся к нам насовсем, — тихо сказал он.

Нора молча смотрела на сильных, стройных мужчин, и слезы брызнули из ее глаз.

Джек резко отвернулся и пошел к кораблю. Повернулся и помахал рукой, улыбка была грустной.

Задрожала Земля, махина звездолета скрылась в небе. Нора и Джим остались одни...

Полет протекал хорошо, но очень уж томительно, хотя был не дольше, чем многие другие. Джек все вспоминал и вспоминал Нору, ее глаза, голос, волосы, за-

пах ее тела, ее ладони... Все чаще и чаще рядом с Норой Джеку виделся Джим, его ласковый взгляд, устремленный к Норе, его слова перед стартом. Джек бесился, его ярость, гнев, нежность и тоска — все смешалось в нем в один неразрывный клубок, не имеющий ни начала, ни конца, его нити, как щупальца фантастического осьминога, сжимали сердце, душу и мысли. Джек не находил себе места, он метался по кораблю, ставшему настоящей клеткой, тюремной камерой. Лишь роза в прозрачном колпаке с питательным раствором умиротворяла его, и Джек гладил и гладил прозрачный саркофаг цветка, а иногда даже ловил себя на том, что пытался уловить запах, но увя... хрустальный саркофаг был герметичным. Близилась посадка, Джек отбросил воспоминания, надо было брать себя в руки. Земля желала ему везения и удачи. Посадка оказалась чрезвычайно трудной, звездолет попал в мощнейшую магнитную и атмосферную бурю... и скрылся в хаосе мечущихся радиоволн, ураганов и вихрей, пропав для Земли на долгие дни. Джек сделал все, что мог, и буквально воткнул корабль между трех гор в зеленую долину. Ветра в долине не было, металлы гор не пустили в нее радиопомехи, сумасшедший треск электрических разрядов исчез, перестав коверкать уши настоящей болью.

После неудачных попыток выйти на связь с Землей Джек бросил это безуспешное занятие. Он хорошо запомнил дату своей «катастрофы» — 25 мая 2165 года — и занялся обследованием райской долины.

Земля переживала потерю звездолета, гибель одного из своих лучших сынов.

В день исчезновения корабля в сумасшедшей атмосфере далекой планеты по всей Земле было объявлено, что пилот-косморазведчик высшего класса Джек Хартман при спуске на планету вызвал своим звездолетом мощнейшие атмосферные возмущения, ураганы, электромагнитные бури и разбился в горном районе... Земля скорбит о еще одной потере в космической бездне...

Джек встретил аборигенов, вернее, они сами пришли к нему. Они долго ходили вокруг звездолета, восхищенно поглаживая титановые листы его обшивки, а потом толково помогли ему с ремонтом. Аборигены оказались очень поэтичными, и их баллады как нельзя лучше рассказали о самой планете, об их жизни, об укладе, социальном строе. Джеку не надо было писать длинных от-

четов, все стало ясно и понятно, а книги, подаренные ему, совсем отбили охоту написать хотя бы строчку.

Джек долго возился с радиосистемой, но безуспешно, а вернее, с половинным успехом. Приемники он отремонтировал, и они принимали слабую трескотню электронных разрядов капризной атмосферы планеты, а вот передатчики не оживали ни в какую. Близился старт. Джек его наметил через неделю. Смуглые аборигены не покидали его, слушая его рассказы и удивляясь войнам, бедам человеческим, их страданиям и беспомощности перед самими собой. Стройный юноша всегда приходил с девушкой, нежно обнимая ее за плечи, она напоминала Джеку о Норе. Оставаясь ночью один, Джек вспоминал и вспоминал Нору, сны становились столь явными, что он говорил с ней, обнимал ее, а проснувшись, долго и безуспешно звал и разыскивал ее.

Джек улетел на три дня раньше намеченного срока, его новые друзья простились с ним, приглашая вернуться с Норой. Корабль рванулся к своей планете, Джек слышал ее голос, слышал песни Земли, ее дыхание. Ритм жизни на планете, как пульс, размеренно бился в приемниках, отмеряя все новые и новые дни жизни. Джек по звучанию в эфире понимал ее жизнь: вот эфир заполнила японская и китайская речь — значит, Солнце вставало далеко на востоке, вот зазвучал сильный русский язык — Солнце шло по Сибири, вот польский, немецкий, французский — Солнце готовилось переплыть Атлантический океан, а вот и английский — Солнце пересекало Америку, и вновь и вновь языковой хоровод рассказывал Джеку про его родную планету...

Посадил звездолет Джек, как всегда, мастерски и, кинув его, ринулся на террасу для встречающих. Роза, прижатая к сердцу, ярким красным пятном алела на груди... На террасе никого не было. Джек бросился домой, там его встретил Джим. Ревность, кравшаяся за ним весь полет, кошкой кинулась на его сердце, разрывая его острыми когтями, ярость затмила рассудок, его мысли о Норе и Джиме обрели в его глазах жестокую реальность... и он бросился на Джима...

Утихла ярость, Джим молча взял Джека за руку и, как ребенка, повел в глубину сада... Там среди деревьев на поляне был невысокий холм, на гранитной плите было выбито:

Нора Хартман
15.2.2125—25.05.2165

ОДНАЖДЫ В МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ

Дела складывались крайне неудачно: топливо на исходе, пища и вода кончаются, правда, кислорода было в достатке. Брукс просмотрел отчет компьютера и решил не рисковать. Он мастерски прилунился в море Спокойствия.

Немного передохнув, пилот выполз из стального чрева и осмотрел корабль. Это было плачевное зрелище: глубокие раковины от ударов метеоров, краска шелушится — одним словом, утиль да и только. Брукс вооружился инструментом и полез к аварийным бакам, по старой привычке скитальца-одиночки бормоча себе под нос:

— Надо посмотреть отстойные бачки, может, там кое-что осталось. Хотя б на орбиту у Земли выйти, а там уже, наверное, подберут орбитальные утильщики.

Брукс залез под брюхо своей «черепашки» и стал примеряться к гайкам и болтам. За ногу кто-то или что-то явственно дергало. Брукс с досадой выругался про себя и замер.

«Чушь какая-то, на всей Луне — ни единой души, кроме моей...»

Он вылез, выпрямился и стал оглядываться.

Неподалеку, направив на него чашку антенны, стояло какое-то существо. Такая бесцеремонность рассердила Брукса.

«Прилетел сюда, за ноги дергает, чертовщину на меня какую-то направил, ну и нахальный же тип!»

— Сломалось что-то? — спросил пришелец.

— Да, сломалось. А ты что, помочь можешь, что ли? Если так, то бери ключи и помоги отсоединить бак, — сердито пробурчал Брукс.

— Не могу, рук нет, — послышался ответ.

И действительно, только сейчас Брукс заметил, что чужак был похож на стручок с шишковатой головой.

— А как же ты работаешь? — удивился пилот.

— Силой мысли, — ответил чужак.

— А... — неопределенно протянул землянин, — это же надо, мыслями гайки крутить, эдак и голова отважится. Не можешь помочь, так не мешай мне, зачем ты меня за ногу тянул, — рявкнул, еще более раздражаясь, Брукс, — чего тебе надо?

Невозмутимый чужак даже не пошевелился.

— Продай энергию, у меня есть доллары, фунты,

гульдены, продай, чего тебе стоит, — тянул на одной ноте чужак.

— Да ты что, у меня ни капли топлива, — огрызнулся пилот, — сам сижу на голодном пайке, нет у меня никакой энергии, нечего мне продать, не на рынке.

— Пища есть? Она тоже энергия, — приставало существо.

— Вот псих, — озлился Брукс, — нет у меня пищи, сам голодный, и воды нет, ничего нет, понял, лети ты своей дорогой на своем яйце, стручок зеленый!

— Может, что деревянное продашь, дерево горит и тепло выделяет — опять же энергия, — нудно канючил чужак.

— Слушай ты, — выходя из себя, заорал Брукс, — чучело огородное, это все-таки малый космический корабль серии Е, а не лодка для морских прогулок. Катись, тебе говорят, катись к дьяволу, какое тебе здесь дерево, соображаешь!

— Нет, — простодушно ответил «стручок», — не соображаю, мне энергия нужна, я заплачу, у меня деньги есть. А у этого, вашего друга — дьявола, можно что-нибудь купить?

Брукс задохнулся от злости, а система регулирования скафандра автоматически увеличила подачу кислорода. Космонавт вдохнул приличную порцию и гаркнул так, что автомат отключил динамики, поскольку шум превысил болевой порог:

— Нет, нельзя, он очень далеко живет и просил адрес никому не давать, особенно тем, кто зеленого цвета и похож на безрукую пиявку.

— Жаль, — миролюбиво произнес чужак, — а откуда он меня знает? Ну тогда все-таки, может, вы продадите... денег у меня хватит!

Брукс пошел на пришельца сначала молча, а потом комментируя свое продвижение.

— Да пошел ты со своими деньгами знаешь куда... Оборот чертов, неужели ты не понимаешь, что эти капли топлива моя последняя надежда!

До пришельца оставалось несколько дюймов. Тот пополз по кораблю вверх, сохраняя дистанцию. Брукс захлебнулся, запутавшись в очередной тираде, и рванулся вверх. За такой прыжок он мог стать чемпионом, но проворный чужак увернулся, легко спрыгнул с корабля и бодро проговорил:

— Спасибо, сэр, вы честно заработали свои двести

долларов, они в вашем левом кармане. Еще раз благодарю вас, сэр, мой корабль полон энергии, я могу стартовать.

Он шустро схватил установку и антенну и двинулся к своему кораблю. Брукс ошеломленно висел на своей «черепашке» в районе третьего бака и ничего не мог понять. Тем не менее жизненный опыт заставил его скопировать взгляд на левый карман скафандра — из него торчали уголки зеленых долларов.

— За что? — пронеслось над равнодушной Луной.

— За проданную психическую энергию. Она у вас прямо в избытке и льет через край, жаль, что я уже убрал концентратор, а то бы еще подзарядился. До свиданья, сэр.

Пришелец впрыгнул в корабль, и он взмыл над пустынной Луной. Брукс, вцепившись одной рукой в поручень, другой озадаченно чесал затылочную часть гермошлема.

— Это я-то заработал две сотни, а если бы жена, теща... На всю жизнь хватило бы, — сокрушался пилот, воюя с гайкой.

СПОСОБНЫЙ МАЛЬЧУГАН

Космос осваивался ошеломляющими темпами. Люди научились строить настоящие поселки на орбитах, целые энергетические поля, заправочные станции, цехи для производства и ремонта, причалы. Все это, как небольшие земные городишки, было разбросано в пространстве. Надо было создавать между ними транспортные магистрали. Рельсы не положишь, асфальт тоже. И люди придумали небольшие космические корабли, снующие, как автомобили на шоссе, с людьми, грузами, ценными бумагами, кредитными карточками, справками о рождении детей и прочими житейскими атрибутами. Жизнь шустро заполняла вакуум космического пространства. Создали и совсем крошечные космические «такси» — ранец, как рюкзак, крепящийся на спине скафандра космонавта. Этот «ранец» был снабжен реактивными двигателями, которые умели возить космонавта по его желанию в любую сторону. Ученые позаботились и о том, чтобы освободить руки космонавта-труженика; ему было достаточно сказать, куда бы он хотел лететь, и «ранец» исполнял желание космонавта и вез его куда

надо: вперед, назад, вверх, вниз, вправо, влево. Умный «ранец» понимал и воспринимал команды, поданные голосом своего космонавта, именно только своего и, как преданная собака, исполнял только его команды. Никто другой не мог бы управлять им, для этого надо было бы сменить индивидуальный фонетический блок — голосовой паспорт хозяина.

Гросс был монтажником высочайшего класса, на его счету были работы у Земли и около Луны, на орбитах Марса, Юпитера. Он собрал сотни километров энергополей, две стартовые площадки, сварил четыре космических причала.

Гросса любили все, любили и баловали. Когда в Центре управления полетом обнаружили отказ в спутнике-ретрансляторе, руководитель работ, недолго думая, обратился за помощью к Гроссу, благо он находился вблизи спутника, в корабле-перевозчике.

— Гросс, не поможешь нам, надо проверить антенну и повернуть ее на этой проклятой штуковине под названием ретранслятор, а то вся его мощная глотка старается перекрычать Вселенную, а нам достается лишь писк и треск, это я, Фокс, сегодня моя смена.

— А, старина Фокс, привет, это я сделаю, но включи экономиста с железными нервами, а лучше с железными мозгами, пусть подсчитает, что тебе и твоей богдельне эта работа будет стоить, и учти, сейчас в зале приемов моя жена и сын, они пришли поговорить со мной, я более месяца здесь болтаюсь и имею на это полное право, так что считайте, что я работаю в выходные дни, а это значит, Фокс, что в программу железяки надо ввести коэффициент больше единицы. Фокс, а с меня банка пива, а если расчеты покажут сумму из трех цифр, то с меня виски, а с тебя содовая, я знаю, ты не пьешь за чужой счет. Так что к моей посадке резервируй столик в баре вашего крикливого заведения. Норма, ты не будешь возражать, если Фокс, ты и я, наш Джимми посидим вечером под музыку и роптание хвастливых астронавтов? Так что я готов, Фокс.

— О'кэй, Гросс, я не сомневался в твоём благородстве и доброте, с твоим безупречным воспитанием и любовью к зеленым бумажкам с цифрами ты всегда готов на подвиги во имя прогресса и науки. Гросс, Норма и Джимми здесь, я включу телевидение и связь в комнату приемов и сам буду там. Пусть они посмотрят на твои подвиги, не зря же пришли, у вас ведь по плану

космическое свидание через полчаса. Джимми уже мне до плеча, это в его-то девять лет! Да, Норма согласна на ресторан, я тоже.

— О'кэй, Фокс, валяй, пусть посмотрят. Пусть узнают, за что мне платят и что Норма превращает в браслеты и шубы, даже белые шубы рождаются здесь, в черном космосе.

Фокс проводил Норму и Джимми в комнату приемов, включил системы, и все трое уселись в мягкие кресла около большого экрана. На экране улыбающийся Гросс облачался в космические доспехи. Его скафандр стоял прямо во весь рост, а рядом суетился Гросс. Было такое впечатление, что их на корабле двое, двое молчаливых друзей, делающих общую работу. Но вот Гросс ловко нырнул куда-то в утробу своего двойника, и на экране стало оживать «космическое чучело». Неуклюжие движения рук и ног, огромная голова-шлем на скафандре делали похожими космонавта на персонаж сказок.

— Все в норме, Гросс? — спросил Фокс.

— Да, Фокс, все как будто в порядке, системы работают, моя вторая кожа надежна, жаль с ним расставаться, этот скафандр очень удобен, он уютный, я к нему привык. А вот ресурс выработан до упора, надо его менять. Но это после отпуска, после пенистых волн, яхты, да, Норма? Как там наш Джимми?

Фокс сунул микрофон мальчугану.

— Папа, папа, а меня к морю возьмешь? Ты обещал научить меня кататься на доске по волнам, папа, помнишь, ты обещал. А еще ты обещал научить меня ездить на машине, папа?

— Я все помню, Джимми, обязательно научу, а еще я придумал вот что — мы с тобой спустимся на дно залива в стеклянном шаре и долго будем смотреть на рыб и осьминогов, не испугаешься?

— Нет, папа, не испугаюсь, я буду таким же смелым, как и ты.

Фокс взял микрофон.

— Ну что, Гросс, пошел?

— Да, старина, пополз на свежий воздух, пойду прогуляю и проветрюсь.

Фигура исчезла в шлюзовой камере. На экране появилась внешняя сторона корабля. Вот плеснула струя — это воздух и пары воды вырвались через клапан в космос. Стена дрогнула, и на ней зачернела зия-

ющая дыра — открылся люк. Гросс высунул голову, потом высунулся по пояс и приветственно взмахнул рукой. Выбрался из корабля, потом ловко втиснул свое горбатое тело в кресло «космического такси».

— Даю расцепку, — скомандовал Фокс.

Скафандр с причудливым чемоданом-ранцем на спине отделился от корабля.

— Пошел, — известил Гросс. — Вперед! — подал он отрывистую команду. За спиной брызнуло пламя, и Гросс спокойно и величаво поплыл в пространстве навстречу далекому спутнику.

— Гросс, аккуратнее, в километре от тебя автомат, его готовят к переводу на стационар, будут включать двигатель, так что будь осторожнее.

— Хорошо, Фокс, на километр я не ошибусь. «Вверх!»

Пламя теперь взметнулось снизу, и Гросс поплыл вверх. Норма и Джимми внимательно следили за акробатикой Гросса, восхищаясь им и его умением.

Вой аварийной sireны заставил вздрогнуть всех, Норма схватилась за сердце, Фокс окинул взглядом пульт контроля — все было в норме.

— Это не у нас, Норма, успокойся, — сказал он, погладив ее по голове, как ребенка.

— Всем руководителям автономных программ срочно собраться в центральном зале, — прохрипели динамики. — На спутнике включилась плазменная ступень малых двигателей, всем разослать сигналы предупреждения, срочно явиться для разработки экстренных мер.

Фокс вскочил, выкрикнул в микрофон:

— Осторожно, Гросс, — и выскочил из зала.

— Мама, я хочу пить, — захныкал Джимми.

— Сейчас, малыш, сейчас, потерпи, я принесу. — Норма поспешила в бар, она любила и баловала Джимми.

Оставшись один, Джимми решил поиграть в дядю Фокса. Он схватил микрофон и стал командовать, подражая ему и отцу:

— Вперед, назад, влево, вправо, вперед, вперед! — сыпал он команды в эфир. У него неплохо получалось, Джимми был талантливым мальчуганом.

Гросс не понимал, почему взбесился космический ранец, перестав слушаться его команд. Его несло прямо на светящийся шар переливающейся плазмы.

Точка на экране, в которую превратился удаляю-

щийся Гросс, неотвратно сближалась с огненным шаром и наконец исчезла, слившись с ним воедино.

— Вправо, влево, вперед, вперед, вперед! — командовал Джимми.

Вернувшись с бокалом апельсинового сока и куском яблочного пирога, Норма, увидев играющего сына, заулыбалась, глаза потеплели и засветились гордостью и счастьем.

— Джимми, ты будешь астронавтом, как папа, у тебя такой взрослый голос, уже точь-в-точь как у отца.

На экране светился огромный огненный шар, отражающийся в расширенных от ужаса глазах Нормы.

— Вперед! — кричал громче прежнего малыш, ободренный похвалой матери.

МАСТЕРОК

Нет-нет, а мир удивлялся. И это очень нравилось людям. Конечно, здесь не было ничего сверхъестественного. Не удивляйся мир, не шел бы человек вперед. Появилось электричество, и мир в прямом смысле слова вырвался из мрака; появился атом, и мир восхитился этому источнику силы и могущества. Потом первый космический полет вокруг родной планеты, потом на Луну, потом на Марс, к Юпитеру, на окраины Солнечной системы, потом к звездам... все дальше, все смелее, все глубже во Вселенную.

Мир восхищался Гагариным, Леоновым, Терешковой, Борманом, Андерсом, Армстронгом, Олдрифом, Коллинзом... Вселенная постепенно раскрывала свои тайнства. Порой за это приходилось платить самую высокую цену — человеческие жизни. Но вечно загадочным оставалось то, что создал и пережил сам человек, — история человечества. Не переставала приводить в недоумение удивительная способность древних к созиданию. Строили красиво и в то же время грубо, мощно, рассчитывая явно на тысячелетия сражения со стихией. Строили на всех континентах.

Поражали Пальмира, храмы Чичен-Ицы, Тадж-Махал, Паган, Лалибела, Персеполь, Баальбек... Оставалось загадкой, не понятым и не познанным, как и зачем наши далекие предки строили Стоунхендж, зачем карабкались к небесам, воздвигая Вавилонскую башню и пирамиды на берегах Нила.

Может, для того, чтобы рассказать нам о своих математических и астрономических знаниях? Неотесанные камни «смотрели» за Солнцем и Луной, «отсчитывали» годы, месяцы, дни, звали в поле и на охоту, предсказывали затмения... Вопросы «зачем?» и «как?» так и остались открытыми.

Примитивные орудия труда и операции с числами достоинством в миллионы не уживались друг с другом, не складывались в единое целое, не объединялись в логическое единство. Ясно было одно: наши предки хотели оставить нам свои знания, хотели рассказать о своем умении, искусстве, о своей жизни и порой о мечте, стремлении к звездам. Многое было безвозвратно потеряно, забыто, уничтожено.

Потеряна Атлантида, не до конца раскрыт секрет булата, уничтожены книги майя в кострах Диего де Ланды. Многое, очень многое безвозвратно затонуло в волнах потерянного времени, растворилось в пространстве. Не услышать теперь музыки древних, их песен; звуки умерли, растаяв навсегда, и лишь книги и камни порой рассказывали о песнях, о музыкантах, о красоте голоса и силе слова...

Пожалуй, исследования веков, ушедших безвозвратно; были самыми трудными и зачастую просто недоступными, но человек не переставал искать, анализировать, сопоставлять, находить, терять и ошибаться. И вдруг над планетой нет-нет да и пролетит песня далекой старины: песня простого народа о солнце, дождях и охоте, о храмах, воздвигнутых в честь победы царей и фараонов, о пастбищах и урожае, о богах и хищных могучих зверях, о счастье... Упакованная в радиоволны песня летела над миром. Воспроизведенная приемными устройствами, она звучала в жилищах, залах, на стадионах...

Такие песни были необычными, простыми и открытыми. Едва услышав их, люди затихали, и в глубине их сознания просыпалась встревоженная память предков, их чистота и суровость, их счастье и горе, люди вспоминали себя, они возвращались к полям и пустыням, к рекам и озерам, к солнцу, к зреющим хлебам. Люди вырывались в эти минуты из липкого мира искусственного света, синтетической, не гнушейся под ветром травы, пахнувшей химией, из хаоса «психологической музыки» и изысканно-отвратительных развлечений. В людях просыпалась любовь к природе.

Песни были первозданные, от них пахло настоящей травой, в них светило настоящее солнце, в них были понятными и близкими радость и печаль. Они были неподдельны. Люди истосковались по настоящему, безвозвратно потерянному и желанному. Люди ждали этих песен, они были им нужны. Было много споров, дискуссий, сомнений в подлинности песен, мелодий, текстов.

Специалисты проводили массу исследований, особенно по части истинности их языка, писались диссертации в защиту и диссертации, опровергающие эти диссертации... Но люди поверили в эти песни. Никакие рекламы, статьи, выступления по телевидению и радио не могли убедить их в том, что это очередной обман ловких конкурирующих фирм.

Но воспроизвести первозданность этих песен не удавалось ни одному певцу, даже при помощи разного рода акустических ухищрений. Люди сразу чувствовали фальшь. Пробовали искать авторов и исполнителей этих песен, но безрезультатно. А песни звучали на разных языках повсюду. В них рассказывалось о жизни простых людей в древней Африке, Америке, Индии...

Около высоких пирамид стояла обыкновенная брезентовая палатка, она сама-то выглядела как предмет почти той древности, которую здесь тщательно изучали шаг за шагом. Один из исследователей жил здесь, в этой брезентовой палатке, звали его Иван Петрович.

Сегодня, впрочем, как и всегда, в палатке былолюдно, ее предпочитали блистающим залам Клуба археологов, светящегося яркими окнами в километре отсюда.

Иван Петрович внимательно посмотрел на своих друзей и спросил:

— Кто вчера слушал эфир?

Все отрицательно покачали головами.

— Значит, никто, устали, вон вчера сколько земли просеяли, устанешь от такого, столько перетаскать, надорвешься. Сколько времени прошло, везде автоматы, роботы, а тут как копался археолог в веке XVIII, так и сейчас — все на свои пальцы да глаза надейся. Так вот, вчера опять одна из древних песен прозвучала, причем отсюда песня, честное слово, отсюда, рядом где-то ее нашли, здесь, в островерхих пирамидах.

— Иван Петрович, не тяните за душу, дайте послушать, — загалдели собравшиеся.

— Сейчас, сейчас, записать я ее действительно успел от начала и до конца, я эту волну всегда караулю, а включается запись от автомата, так что это не я в общем-то молодец, а он — автомат. То, что я слышал, просто потрясающе. Сейчас послушаем. Только вот что: я уже знаю, о чем она. Давайте выйдем, станем лицом к Солнцу и пирамидам и послушаем.

Все молча поднялись и по очереди выскользнули из палатки.

Солнце склонялось к горизонту, и лучи его, озаряя пирамиды, летели ввысь, в чернеющее небо.

Пирамиды были словно очерчены яркими контурами. Чернота звездного неба была там — впереди, как бы ближе взмывались косые лучи уходящего Солнца; резкие переходы света и тени, вычерченные грани пирамид — все это перемешало черные краски неба с картин Куинджи и яркость солнца с картин Рериха, делало видимое фантастическим и нереальным.

Все затаили дыхание, всматриваясь в эту красоту... и тут воздух задрожал, ожив мощным голосом, сильным и красивым. Пел мужчина, и от его песни все замерли. Слова песни словно переносили собравшихся в далекое прошлое...

*Жрец мастеров в мои руки вложил,
Кто я без бога? Что мог и чем жил?
Гнал я по полю тучных быков,
Чтобы властвовал царь и не вымер народ.
Было время, под Солнцем парящим я жил,
Жену полюбил и детей народил,
Старший сын красивым и стройным ходил,
Меч, копье, щит тяжелый носил.
Уходил с легионом, жена не спала.
Все смотрела в пустыню, все сына ждала.
Было счастье большое — домой приходил,
Из походов далеких дары приносил,
Но фракийец стрелой ему сердце пронзил,
И не знаю я, кто его в землю зарыл.
И была еще дочь — любви красота —
И стройна, высока, весела и умна,
Но вот злой победитель однажды пришел
И красавицу дочь в рабыни увел.
Не смогла пережить наше горе жена*

*И однажды под вечер на небо ушла.
Я проплакал всю ночь, я богов призывал,
Но в тоске и слезах лишь быка потерял.
Долго били, срамили, пытали меня,
Будто Хава моя быка увела.
Будто там, в небесах, тоже пища нужна.
И теперь я один, вместо песен детей
Слышу стук, перезвон железных цепей.
А в руках мастеров, предо мною стена,
Отделила от жизни меня навсегда.
Нет ни Солнца, ни рек, ни пустыни песка,
И должна не дрожать больная рука.
Гладкой будет сегодня у храма стена...
Вот придет фараон, самый мудрый из всех,
Он наместник богов, не допустит он грех,
Он обнимет меня и за труд одарит,
Взглянет прямо в глаза, цепи снять повелит,
Накормит он прикажет, дать чистой воды
И посмотрит на нас и на наши труды.
На стене он увидит себя и великого Ра
И в единстве великом еще и жреца.
Я согну свою спину, колени склоню,
Фараону и Солнцу я гимн пропою.
И прикажет светлейший наш царь-фараон
Отпустить нас на волю, ведь любит нас он.
Выйду к свету, закрою от Солнца глаза,
И вернутся ко мне и мой сын и жена,
Буду счастлив опять, буду жить и страдать
И быков по полям пыльной тучей гонять,
А пока предо мною стена и стена
И в разъединенных известью язвах рука...
Бог мой, Ра, фараон, помоги,
Внука мне хоть на миг покажи,
Пусть он будет счастливей меня,
Бог мой, Ра, пусть потомки услышат меня.*

Голос умолк, а песня еще витала рядом, теплый воздух еще дрожал обращением к потомкам, а уже хотелось ее услышать вновь, еще и еще...

Молчание нарушил Иван Петрович.

— Ну как? Понравилось?

— Еще бы, да и как может не понравиться, ведь это настоящая, я уверен, именно настоящая, а не копия, скопировать это просто невозможно! — страстно воскликнул Женя, самый молодой из археологов.

— А почему это не стилизация под старину, выполненная каким-либо современным талантом или, как еще называют, талантом современности? Где доказательства, что «отсюда песня»? Кто доказал? — вступила в спор Натали.

— Вот что, пошли в палатку, там чай попьем и поговорим, — предложил Иван Петрович, — я вам кое-что расскажу.

Чай был крепкий, с сибирской душицей, аромат растекался по палатке и будоражил и без того возбужденных людей.

— Так все-таки почему вы отрицаете, что это талант современности, сейчас что угодно можно скопировать. Моны Лизы висят в квартирах, копии той, настоящей, а не отличишь. Я у одного шапку Мономаха видела, даже примерить намеревалась — оказалась копия, голограмма, — горячо продолжала свою мысль Натали, — почему же нельзя скопировать? Скажете: чтобы скопировать, все равно надо иметь подлинные. Правильно. А может, кто-то сам придумывает?

— Натали, я поддерживаю мнение Жени. И вот почему. Язык, понимаешь, язык именно тот, тех времен, он не подвержен редуцированию тысячелетних наслоений и метаморфоз, как это было с английским языком на Американском континенте. Это язык, открытый Шампольоном, язык ожившего тогда Розеттского Камня. Я давно занимаюсь этими песнями. В их внезапном появлении есть что-то мистическое. Они словно восставшая из пепла птица Феникс. Но наверняка здесь замешан человек, и человек небескорыстный. Очевидно, эти сенсации приносят ему определенную выгоду, может быть, деньги. Так вот, я давно интересуюсь этими песнями, их звучало в нынешнем первозданном виде одиннадцать. Вот что характерно. Песни майя звучали на языке Монтекумы, песни Индии — на языке времен Моенджо-Даро, песни Африки содержали воспевание Тасидии, Лалибелы, песни египтян, как мы слышали, — на языке Тутанхамона и Рамзеса. Все в этих песнях — стиль, содержание, язык, риторическая манера — утверждает подлинность песен.

Я провел своего рода исследование, беседовал со многими специалистами. Голоса, звучавшие в песнях, направили в банк языкового хранилища, изучили их спектры, провели сравнительный анализ с современными голосами простых людей и певцов. Получился лю-

бопытный результат. Пришли к выводу, что звучание песен принадлежит людям древнего времени, так как голосовые связи современного человека не в состоянии воспроизвести подобное, они не способны к древнему прекрасному примитивизму. Голос современного человека богаче обертонами, или, говоря языком техники, голос древнего человека имеет более узкий частотный спектр. Вроде бы более бедны были звуки старины, меньше было различных оттенков, например, хитрости, коварства, заискивания, подхалимства. Прямее, видно, была речь предков, бесхитростнее. Вот одно из доказательств, может, и косвенное, что этот голос из прошлого. Интересно? Продолжать?

— Конечно, Иван Петрович, конечно, — воскликнула Натали и даже нетерпеливо придвинулась поближе к нему, — я тоже думаю, что эти песни первозданные, а о копии я заговорила, чтобы разговор такой затеять.

— Так вот, это было первое приближение к истине, первое, но не последнее, хотя до истины еще, очевидно, далеко. Ох вы, женщины! Натали, хитрющая ты, оказывается.

— А второе, Иван Петрович, — это уже не сдержался Женя, — второе?

— Есть, дорогие друзья, и второе, есть. Далее мы решили сделать вот что. Мы сравнили голосовые спектры тех национальностей, народностей, племен, на языке которых звучали эти странно волнующие песни. Вспомните, речевые фонемы отчасти совпадают по спектрам со «звуками природы» в той местности, где люди родились, жили, учились говорить и петь. В степях и прериях речь приглушенная, вроде как с присвистом ветра, в горах — гортанная, как раскатистое эхо, в ней много от бегущих с гор ручейков, в лесах — от шума листвы... Поэтому по особенности речи можно определить, откуда ты и какой национальности. Так вот и здесь совпадение полное — песни майя пел индеец, песни Африки — африканец, а песни Индии — индус. Так что это еще одно доказательство подлинности песен. Итак, и старина доказана, и принадлежность певца к своему народу, к языку и песне. Какое же тут копирование? Но все-таки остается много загадок. Почему поют только мужчины? Почему льются песни только простого народа? Почему во всех песнях звучат слова о строительстве храмов, пирамид? Много «почему?».

— Да, да, это правильный путь, правильный. Оче-

видно, многие думали об этих песнях, многие пытались разгадать их тайну. Я тоже занимался этой проблемой, и вот что мы обнаружили со своими друзьями. Мы исследовали не только голос. Мы обнаружили, что голос певца звучит над периодическими шумами, как бы на фоне этих шумов. Мы исследовали этот фон, и вот что обнаружили. К голосу с почти равными промежутками времени примешивался звук, похожий на шуршание. Я думал, что это звук сыпучих песков, характерных для голоса пустынь и египтян, но это было не так. Знаете, что это оказалось? Я был во всемирной фонотеке звуков и попросил идентифицировать этот фон. Как ни странно, наибольшее совпадение оказалось с царапающими звуками. Как будто царапали шершавую стену, причем более глубокий анализ дифференцировал сочетание дерева и извести. Более чем странно. Музыкальное сопровождение — царапанье по известковой стене деревяшкой. Хотя известно, что в те древние времена и майя, и индусы, и африканцы имели целые оркестры, причем весьма темпераментные. Это еще одна особенность — песни без музыкального сопровождения, если не считать этого странного звукового фона. — Женя умолк.

— Да, действительно странно, но в этом есть какой-то смысл, какая-то закономерность, ведь ты, Женя, исследовал все фоны, фоны всех песен?

— Да, все. Всех одиннадцати песен.

— И на всех было это шуршание-царапанье?

— Да, на всех, Иван Петрович.

— Так, — Иван Петрович задумчиво тер подбородок, — значит, эта постоянная помеха, так сказать, была и в Азии, и в Африке, и в Америке, и в Индии. Интересно, интересно.

— Завтра узнаем и о сегодняшней песне, у меня с собой программы обработки, я их и здесь мучаю, а записи песни у вас есть, — засмеялся Евгений. — Иван Петрович, давайте займемся этим вместе, а? Может, докопаемся до истины.

— Мне тоже хотелось быть с вами. Сознаюсь, я тоже увлечена этим феноменом, только стеснялась сказать об этом даже Жене. Жаль, что мы раньше не объединили свои усилия. Я в основном занималась языковым содержанием песен. И должна подтвердить, что язык в них действительно тех старых времен. И сейчас звучал язык древних египтян, я его знаю неплохо. Я хо-

рошо помню библиотеку верховного жреца Амона. Там было много стихов и песен простого народа. Я-то поначалу восхитилась этим. Вот как любил жрец народное творчество, даже на стенах некоторые песни были высечены, и рисунки житейские! Их-то вы видели наверняка — то урожай собирают, то скот пасут. Да, жрец изучал свой народ, его беды, мечты, стремления. Но не для блага народного. Оказалось, что он просто ловко использовал песни и их содержание против фараона, воспевая чаяния народа, но противопоставляя их реальной жизни. Получалось, что во всем виноват фараон. Ведь он правит страной, он грабит народ, воюет, не дает житья, уводит сыновей и дочерей. А он, жрец, за народ, он хороший. Я до сих пор помню мудрые слова о Солнце: «О великий Ра, ты далеко от нас несешься в мраке и холоде, ты далеко, но лучи твои долетают до нас, согревают, дают жизнь, обнимают всех нас, твоих детей, как одну семью». Вроде бы как мудр Амон! А взял-то он эту мысль из народной песни, я сама нашла папирусы, он их изучал и тщательно записывал. Хотите, я прочту эту песню?

— Конечно, хотим, Натали, прочти, пожалуйста! — Женья глядел на нее восторженными глазами.

— Хорошо, читаю. — Натали закрыла глаза и, чуть покачиваясь, ровным голосом запела:

*Великий, сильный, полководный Нил
Во все века величие носил.
Во все года людей водою ты поил,
Не оскудеи, наш добрый, сильный Нил.
Украшив наши берега,
Течешь ты вдаль, придя издалека,
Уносит мысли наши желтая вода
И отдает их тем, кто нас не видел никогда.
А если ты засохнешь, будет всем беда,
Погубишь нас и, может, навсегда.
Живи, земной наш бог-отец, живи всегда.
Ты обнял всех на многие года,
Великий Нил, богов молю я только за тебя!*

— Натали, ну и что дальше? — спросил Иван Петрович.

— Иван Петрович, Женья, я хотела сказать о том, что песня, которую дал послушать Иван Петрович, эта песня отсюда, она родилась в этих песках, ее пел пас-

тух, который жил здесь и любил. Здесь, в храмах, мы можем найти эти песни... завтра исследуют второй слой, под известью стены в «усыпальнице бедняков», пойду посмотрю, что там найдут. Да, пел ее бедняк, об этом говорит и простота слова, и манера исполнения. Это не придворные сочинения поэтов-подхалимов. Песня звучала от души, с болью, с горем... и язык простой, не вычурный.

— Скрамница ты наша, Натали. Самое главное, что я понял, — это то, что ты до тонкостей знаешь поэзию египтян, их язык, народный эпос. И то, что ты указала на кладезь народных песен, и та песня, которую мы услышали, позволяет утверждать, что она действительно отсюда, это очень важно. А вот как ее озвучили, как ее услышали — вот это вопрос вопросов. Я уверен, что Женя завтра получит однозначный ответ от своего анализатора — пел явно египтянин. Стихи твои, Натали, просто прекрасные. Но давайте отдохнем, а завтра соберемся снова, поговорим, попытаемся упорядочить наши знания.

— Иван Петрович, давайте соберемся завтра в «усыпальнице бедняков» у стены, а потом я провожу вас в библиотеку Амона.

— Так, что у нас завтра по плану? Анализ последней недели. Ничего, потом обговорим, мы и так в общем-то знаем, что сделали, надо просто обобщить материал. Так что принимаем твое предложение, Натали, и завтра все предстанем пред стеной. Спокойной ночи, друзья, — Иван Петрович улыбнулся, глядя на молодых людей.

— Спокойной ночи, Иван Петрович.

Разошлись, но всем не спалось. Каждый по-своему обдумывал то, что услышал, что хотел услышать, фантазировал, мечтал.

«Молодцы мои молодые помощники. Я и не задумывался над этим шумовым фоном. По старинке думал, что шумит электронная аппаратура. А вот Женя не только понял, что он есть, но и проанализировал его досконально. Надо же, даже вероятности совпадения со всеми известными звуками планеты проанализировал. Кто и что мог скрести? И зачем? Я такого сопровождения никогда не слышал. А Натали? Наши знания египетского ничто по сравнению с ее знаниями. Умница, как углубила знания языка, какой анализ сделала народному эпосу египтян. Заслушаешься. А почему она

статью не опубликовала по поводу источника молитв Амона? Надо подсказать, пусть напишет, это очень и очень интересно. Умница, просто умница Натали. Все, спать!» — Иван Петрович наконец заснул, чуть тяжелое его дыхание расплзлось от палатки и пугало юрких ящериц. Они подбегали к палатке и, словно натолкнувшись на невидимый барьер, останавливались, встревоженно и удивленно поднимая острые головки на пульсирующей шее.

Натали закрыла глаза и попыталась уснуть. В полудреме ей представлялся сильный красивый юноша, почему-то спустившийся с неба. Сама она оказалась среди индейцев, которые в страхе стояли на коленях, уткнув лица в колени. Юноша шел навстречу Натали, протягивал к ней руки и, улыбаясь, пел.

«И как он может одновременно и улыбаться и петь? Наверное, это во мне песня или это телепатия», — удивилась Натали. А юноша все шел и пел о любви, которая осталась святой реликвией всех веков, такой же чистой, яркой, красочной, как и тысячелетия назад. Натали шла ему навстречу, она хотела прикоснуться к нему, взглянула в его лицо и удивленно ахнула:

«Женя!» — и проснулась.

Полными радостных слез глазами она увидела над собой далекие холодные звезды и одну яркую, летящую среди них звездочку.

«Вот так, на глазах людей, они, наверно, все-таки прилетали к нам, а может, и нет...»

Натали заснула.

«Любимая моя, Натали, до чего же здорово, что мы здесь вместе», — успел подумать Женя, и крепкий сон свалил его.

Утро, холодное для пустынь, пришло к пирамидам. Солнце, еще не выглянув из-за ровно очерченного горизонта, уже подсвечивало пирамиды. Их гигантские строгие геометрические фигуры нарушали линию горизонта причудливыми изломами. Из черноты ночи пирамиды проступали сначала серым цветом, потом желтоватым, в основании своем сливаясь с цветом песков, а потом заискрились красным отливом от солнечных лучей. Красное постепенно переполнялось, густело, и вот солнце всплыло над линией горизонта и залило золотом и пустыню и пирамиды.

— Все-таки есть в них что-то сказочное, фантастическое, — нарушил молчание Иван Петрович.

— Да, я тоже об этом думал, сколько бы раз ни наблюдал восход солнца в пустыне, среди пирамид, все равно он неповторим, величав и царствен: прямой горизонт, треугольники пирамид и парящий над всем этим диск золотого солнца. Это завораживает, и я признаюсь вам, Иван Петрович, у меня несколько раз ноги подгибались, так и хотелось занять коленопреклоненную позу. Наследие предков взыграло, — шутливо закончил Женя.

— Не только у тебя, — засмеялась Натали. — А я тебя во сне видела, Женя, ты, как бог, спустился с неба к индейцам каяпо, а я тебя встречала среди них. Но как только поняла, что бог — ты, я проснулась.

— От ужаса? — полушутя-полусерьезно спросил Женя.

— Ну что ты, Женя, от желания поскорее увидеть тебя наяву, — ответила Натали.

— Ну что, пора, наверное, к усыпальнице, а то без нас начнут ее «раздевать», — сказал Иван Петрович.

— Конечно, конечно, — заторопился Женя, — надо идти.

— Успеем, — коротко констатировала Натали.

Быстрым шагом добрались до «усыпальницы бедняков». Так ее называли археологи потому, что в ней не нашли богатого захоронения, золотых масок, украшений. Ничего, кроме скромного погребения бедного египтянина. Вошли в главный зал. Аппаратура была уже установлена. Ее камеры были направлены на голую стену. Сбоку стоял большой черный экран. Комиссия, представленная всеми заинтересованными странами, собралась.

— Здравствуйте, мистер Волков, — поздоровался с Иваном Петровичем Джон Пат, — о, пардон, гуд мorning, мисс Иванова, хелло, мистер Женя.

«Как всегда, «мистер Женя», никак не скажет «мистер Петровский», да и Натали пора бы уже миссис Петровской называть», — размышлял Женя.

— Вы, как всегда, точны, хоть часы по вас проверяй. По-моему, у вас так говорят?

— Здравствуйте, мистер Пат.

— Ну что ж, господа, вот и все собрались, назначен-

ное время пришло. Я думаю, пора начинать. Итак, сегодня мы изучим содержание второго отделочного слоя. К сожалению, и здесь, где, казалось бы, не к чему приложить своенравную руку правителя, как правило, что-то переделывающего по-своему и зачастую разрушающего старое, но не менее, а порой даже более прекрасное, какая-то рука все-таки наложила второй слой извести. А вот что под ней, мы сейчас посмотрим. У вас все готово? — обратился к инженерной группе мистер Пат.

— Готово, мистер Пат.

— Включайте.

Загудели преобразователи, и невидимый луч начал свою работу. Он, подобно лучу старой телевизионной трубки, бежал от одного края стены к другому, обнажая то, что было спрятано в глубине, под наружным слоем. На черном экране строка за строкой рисовались ровная серая стена и линии плотно пригнанных каменных плит. Черный фон экрана постепенно уступал серому цвету. Все вглядывались в экран, но ничего любопытного там пока не было. Так бывало часто. Напряжение спало, люди стали переговариваться между собой, обсуждая новости или просто дружески беседуя. Вот луч пробежал у фундамента, и весь экран засветился ровным серым цветом пустой стены. Вторая стена оказалась такой же. Перешли к третьей. И тут... На трети высоты стены, как в пишущей машинке, одна за другой стали четко проступать буквы... Разговоры разом стихли... Многие бросились к словарям, и только губы Натали сначала шепотом, а потом все громче и громче шептали:

*Жрец мастеров в мои руки вложил,
Кто я без бога? Что мог и чем жил?
Гнал я по полю тучных быков...*

Автоматы замедлили бег луча, подстраивая фокусировку на каждую из букв, а голос Натали, теперь уже опережая строки на экране, все громче и тверже продолжал:

*Чтобы властвовал царь и не вымер народ.
Было время, под Солнцем парящим я жил,
Жену полюбил и детей народил...*

По случайному совпадению слова появлялись на экране велед за голосом Натали. Все умолкли и с изумлением смотрели и слушали ее. Было что-то сверхъестественное в происходящем, события тысячелетней давности переплелись с настоящим. В стройной Натали, несмотря на ее современную одежду, присутствующим почудилась потерявшая детей, убитая горем женщина, жившая тысячелетия назад. Глаза собравшихся выражали восхищение, благоговение к священному таинству происходящего, беспокойство, трепет и даже страх. Один из операторов в ужасе схватился за голову и изумленно смотрел на Натали. Глаза их встретились, и Натали, как часто выбирают со сцены артисты кого-то из зала, остановив на нем свой взгляд, продолжала читать, читать от души, от сердца, читать, как свои стихи, вымученные своей жизнью и рожденные самой... Она жила жизнью той далекой Хавы, ее горем, судьбой ее детей, она стала ею...

Оператор затравленно вертел головой, руки его дрожали, он не мог оторваться от взгляда Натали, лоб его покрылся испариной, ноги подгибались, он был близок к обмороку, сознание явно покидало его... А голос Натали звучал все быстрее, опережая текст экрана все больше и больше...

*Бог мой, Ра, фараон, помоги,
Внука мне хоть на миг покажи,
Пусть он будет счастливей меня,
Бог мой, Ра, пусть потомки услышат меня.*

Натали умолкла, а буквы все бежали и бежали, пока последняя из них не заняла своего места на экране.

В зале было тихо, и лишь легкое позвякивание вызывающе отвлекло от картин прошлого, возвращая в настоящее. Это бренчал металлический часовой браслет на дрожащей худой руке несчастного оператора. Глаза его закатились, рот был перекошен.

— Нет, — вырвалось у него, — нет, не может быть, я не виноват, я не хотел, я... — Он повалился на пол и затих.

Глубокая, тревожная тишина сковала людей. Не сразу бросились на помощь. Натали, чувствуя себя в чем-то виноватой, присела рядом с ним, положила его голову на свои колени и, слегка покачивая, как ребенка, обмахивала его лицо, пытаясь дать приток свежее-

му воздуху. Холодная вода, которую услужливо подали Натали, сделала свое дело. Он открыл глаза, вздрогнул, лицо Натали было рядом, она дружески улыбнулась ему... страх пробежал по его лицу, он зарычал, вскочил и, отбросив Натали, с ненавистью глядя ей в глаза, закричал:

— Как ты могла догадаться, как? Что ты на меня смотришь? Ты отнимаешь у меня не только деньги, но и жизни! Ты не могла, не могла видеть мои голограммы, не могла! Я не мог представить, что песня здесь, под слоем извести, не знал. Но как догадалась ты?

С этими словами, которые привели всех в недоумение, он выскочил из помещения и понесся прочь, песок взвивался фонтанчиками из-под его ног и оседал невысокими холмиками, отмечая его путь.

— Что с ним? Почему он говорит, что я его жизнь разбила? — спрашивала всех Натали. — Какие деньги?

— Кто это? — коротко спросил Иван Петрович.

Молчание нарушил Пат.

— Это мистер Гарри, лучший оператор, кстати, и лучший специалист по голографии, ни одна морщинка на любом холемом лице не ускользнет от него, ни одна шероховатость. А что с ним, не знаю. Знаю только, что он стал очень богат, и дело оператора не бросает, любит его, что ли, так и переезжает из Африки в Америку, из Америки в Индию, из Индии в Азию, а сейчас вот сюда прикатил, к пирамидам. Очень увлеченный человек, я его часто вижу у храмовых стен с его голографом. Причем однажды видел, как он поглаживал стену и вслух сокрушался, что она очень ровная. Богатый чудак, но еще раз говорю — специалист он отменный. Да, так что же мы даже не поздравили друг друга с такой находкой — стихи, это же такой успех, такой успех и такая редкость! — Пат взволнованно подпрыгивал на месте. — Мисс Натали, а почему вы читали текст, забежав вперед, вы знали его наизусть? Откуда, позвольте спросить? И прошу простить за грубый тон моего соотечественника, он был явно не в себе. Так, мисс Натали, как вы могли знать текст песни заранее?

— Да, мистер Пат, я знала текст наизусть, я вчера слышала эту песню, она недавно звучала в эфире.

— Еще одна из песен, которые так будоражат мир? А я ее не слышал! Жаль, сейчас же пойду послушаю,

поздравляю вас, коллеги, еще один шедевр старины глубокой увидел свет...

Вечером опять собрались в палатке Ивана Петровича.

— Ну что, друзья, вот это совпадение! Не успела прозвучать песня, как мы нашли ее текст. Слишком маловероятное совпадение. Я бы сказал, трех событий — звучание песни в эфире, находка текста и их полная идентичность.

— Я бы сказал, четырех, Иван Петрович, еще одно совпадение — именно здесь, где нашли текст, работает международная комиссия, — Женя задумчиво тер подбородок.

— Ну и что? Какая тут связь? Не понимаю, — удивленно переспросил Иван Петрович.

— Давайте рассуждать. Да, кстати, я просчитал песню. Пел египтянин, фон такой же, шуршит что-то. Поет всегда мужчина, поет простые песни. Значит, это трудяга, а поют трудяги обычно во время работы, чтобы легче работать было. Или на радость. Как женщины в поле пели, когда труд был приятен. Везде есть этот фон однотипный. Значит, все наши «певцы» делали во время пения одну и ту же работу. А теперь вспомним текст последней; помните, там есть строки: «Жрец мастеров в мои руки вложил». Он недаром пел «Пусть потомки услышат меня», недаром. Вот мы его и услышали, не думаю, чтобы он делал это специально, что он действительно понимал, что мы его можем услышать, но вот слышали же... Может, они все штукатурами были, с мастерами в руках храмы отделывали, но при чем здесь возможность услышать... «Пусть потомки услышат меня». Услышали, услышали, но вот как?

— Ты, по-моему, совершенно прав, Женечка, я сейчас шла от туристического центра. Там как раз работал штукатур. Вчера пальма упала и выбила угол, так вот он бросал раствор и заглаживал его мастерком, сделанным из дерева. У меня хороший слух, ты знаешь, так вот шуршание такое же, как тот фон, который ты, Женя, исследовал. Турист шел с магнитофоном, я его попросила записать и подарить мне кассету. Он сделал запись, отдал кассету и убежал, часто оглядываясь на меня. Уверена, он решил, что я сумасшедшая.

— Дай кассету, — Женя уже протянул руку.

— Пожалуйста, бери, — Натали отдала ему кассету, и Женя выскочил из палатки.

— Натали, как ты думаешь, что произошло с Гарри?

— Не знаю, Иван Петрович, но мне кажется, что он имеет отношение к появлению этих песен. Кстати, стал-то он богат после своей поездки в Южную Америку и как раз в то время появилась песня майя. В их группе операторов есть Мери, мы с ней знакомы, встречаемся довольно часто и, как и все женщины, конечно же, болтаем, а она все старается выйти за Гарри замуж, поэтому многое о нем знает. Он у нее всегда на уме, а значит, и на языке. Она только о нем и говорит и не только говорит, но и пишет в своих письмах. Как-то в письме она нарисовала схему поездок своего Гарри. Смотри-де, какой он у меня смелый, какой путешественник и как любит свое дело, хотя и богат. Там были и Америка, и Африка, и Азия, и Австралия.

Одним словом, только теперь я способна переосмыслить все услышанное. Действительно появление этих чудесных песен и поездки Гарри в места их рождения совпадают. Мери восхищалась как-то тем, что Гарри сам познал науки, сам сделал какие-то приборы, а потом занялся голографией. Кстати, он сделал ее портрет, она говорит, что прямо живая да и только, отдельные волоски видны. Перебивался как мог, денег не было, а потом вдруг появились. Появилась и первая песня индейцев майя. И в это же время была первая поездка Гарри в Южную Америку, он там вроде бы подрабатывал в группе операторов, носил аппаратуру за ними. Я думаю, что если просмотреть его банковский приход, то прибыли тоже совпадут с поездками Гарри в составе международной комиссии археологов. Я уверена, что песни, вернее, их появление связано с ними.

Вбежал Женя.

— Точно такой же фон, все совпадает, твоя запись работы штукатура идентична с фонами, анализ подтвердил их аналогию. Знаете, что это за фон? Звук от мастерка, деревянного мастерка, движущегося по массе раствора. Вот так.

— Я так и думал. — Иван Петрович растягивал слова, явно что-то обдумывая. — По голографии он специалист, этот Гарри. И во всех песнях один и тот же фон — мастерок шуршит по мягкой еще стене, заляпанной раствором. Кто-то пел, а кто-то работал. А почему кто-то? А если он пел и работал, один и тот же чело-

век? Может быть, и так, может. Здесь в этом ключ, в этом. Натали, где он работает?

— Кто? — удивленно вскинула брови Натали.

— Да этот мастер-штукатур.

— У второго здания туристического центра.

— Пошли.

Мастер продолжал свою работу, и оставалось совсем немного, чтобы стена опять стала гладкой и красивой, он был доволен своей работой и что-то негромко напевал.

Иван Петрович, Натали и Женя приближались к нему, громко переговариваясь.

— И все-таки я не понимаю, как песня могла попасть к Гарри, не понимаю, и все тут, не было пластинок, не было магнитофонов, пленок. Если бы песня передавалась из поколения в поколение, то она бы изменилась, изменился бы язык, тональность, появились бы и другие наслоения, не понимаю, и все тут, они же, песни эти, нетронутые, они те, те, они настоящие.— Натали говорила возбужденно.

Голос Натали привлек внимание мастера, он с удивлением смотрел на группу спешащих к нему людей. Натали он узнал сразу. Отложив работу, он спросил ее:

— Простите, мисс, сэр, что-нибудь не так, я плохо что-то сделал, я в чем-то ошибся? — Голос его был встревожен.

— Нет, нет, что вы, простите нас. — Натали говорила ласково, желая смягчить тревогу мастера.

— Натали, попроси у него мастерок. — Иван Петрович уже тянулся к нему.

— Простите, вы не могли бы дать свой мастерок ненадолго? — Натали перевела просьбу Ивана Петровича.

— Мастерок? Этому господину? Сэр, вы в таком костюме, да и зачем он вам, вы не сумеете сделать эту работу лучше меня. — Натали быстро переводила.

— Нет, нет, не беспокойтесь, я не пытаюсь это сделать, просто я хочу попробовать, мне это очень надо. Это очень важно.

— Но зачем именно сейчас? Приходите потом, я научу вас, если вы так хотите стать штукатуром. Это непростая и тяжелая работа, сэр. У всех, кто ею занимается, больные руки. Так было с давних времен, сэр.

Натали улыбнулась и взяла на себя инициативу.

— Ему это надо сейчас, понимаете, сейчас. Мы русские, и нам надо проверить одну догадку.

— Ну если так, то пожалуйста, товарищ, берите.— Штукатур протянул мастерок Ивану Петровичу.

Иван Петрович взял мастерок, занял место штукатур и принялся разглаживать сырую серую массу раствора, бесформенной кляксой висевшего на стене. Рука чувствовала податливость, мягкость, готовность повторить замысел человека. Легкое движение, и форма массы менялась. Иван Петрович пытался сделать ровную поверхность, он водил и водил мастерком то слева направо, то наоборот, то совершая круговые движения, но ничего не получалось, из-под его неопытной руки выходило нечто похожее на песчаные барханы, волнистое.

«Прямо стиральная доска», — злился Иван Петрович. И от этого волны становились еще больше.

— Рука дрожит, — усмехнулся мастер. — Когда нужна ровная поверхность, чихнуть боишься, дыхание сдерживаешь, а то получится, как Нил в ветреную погоду, все в волнах будет, шероховатая стена получится.

Когда Натали перевела слова «волны» и «шероховатость», Иван Петрович вспомнил слова мистера Пата, сказанные о Гарри: «Лучший... специалист по голографии, ни одна морщинка не ускользнет от него, ни одна шероховатость». Иван Петрович чувствовал, что разгадка тайны песен где-то рядом, недостает лишь логической связи событий и фактов.

«Волны, шероховатость! Вот в чем дело, вот что он искал, делая голограммы, — волны. Колебания руки оставались в застывшей шероховатости раствора! Дрожала рука, дрожал мастерок — вот тебе и волны. А если он пел? Точно! Вот в чем весь секрет! Вот в чем ключ к разгадке! Вот она в чем, сермяжная правда, вот где собака зарыта! А ну-ка, я попробую», — решил Иван Петрович, продолжая разглаживать раствор, и неожиданно для всех запел во всю мощь своих легких. Мастерок в его руке задрожал, вторя колебаниям голоса, серая масса вздрагивала, запоминая их на долгие-долгие годы.

Иван Петрович громко засмеялся, вскочил на ноги, обнял штукатуру и отдал ему мастерок.

— Спасибо вам большое, друг мой, вы мне очень помогли.

Натали перевела, мастер стоял недоумевая. Женя пожал плечами, Натали повторила его жест.

— Пошли, пошли, — пригласил всех Иван Петрович, — нечего плечами разговаривать, а то действительно сочтут нас, мягко говоря, за странных людей. Пошли, по дороге все объясню. Кажется, я с вашей помощью кое-что понял. — Еще раз поблагодарив мастера, Иван Петрович, Натали и Женя не спеша побрели к брезентовой палатке.

— Ну вот, теперь все стало на свои места, теперь ясно, откуда появлялись эти замечательные песни. Последняя деталь — работа мастера поставила точку над «и». Сейчас я вам расскажу свою гипотезу. Значит, так. На мой взгляд, все выглядит таким образом. Вспомним, например, последнюю песню, песню египтянина — пастуха-строителя. Не углядел он быка, вроде бы провинился. Его за это сослали на работы, строить храм. Очевидно, он был штукатуром и работал с деревянным мастерком. Это объяснение фона, того постоянно присутствующего шума. Наш предок работал и пел свою печальную песню — историю своей жизни, историю своего народа. Летела песня, напрягались могучие легкие, дрожала, вторя им, рука, дрожал мастерок, оставляя на растворе волны застывших звуков, слов. Так и хранилась «замурованная» песня до появления голографии и таких, как Гарри. Голографический снимок позволял объемно скопировать все шероховатости на стене, известковые волны. А уж воспроизвести их потом в звуковые колебания — это дело пустяковое. Жаль, что такая хорошая идея попала в руки такого проходимца, на предках зарабатывал. Сколько же он скрыл или скрывает таких шедевров? Ладно, с ним разберутся. И все-таки, сколько же он еще припрятал, скольких же прекрасных песен этот Гарри лишил человечество? И что за страсть такая: уникальную картину, книгу, скульптуру — к себе, в свою коллекцию, в свои подвалы... и любоваться буду только сам и никто больше, никто.

— Да, Иван Петрович, теперь понятно, почему пели только мужчины, почему песни только народные и почему в основном печальные, — добавил Женя.

— А самое главное, по-моему, — тихо сказала Натали, — что песни обрели свою настоящую свободу.

СВАДЬБА

Готовился старт длительной экспедиции, полет задумали на целый год, пора уже знать, сможет ли человек в одиночестве долететь до других планет или еще дальше, к звездам. А сейчас на год, вернее, пока на год.

Не так уж давно об этом и подумать-то было страшно, а теперь многое стало более доступным, хотя проблем оказалось более чем достаточно. Инженеры создали надежную технику, корабли и станции могли летать долго, обеспечивая человека всем необходимым, создавая ему уют и возможность плодотворно трудиться. С техникой все было в порядке, а вот с человеком было далеко не все ясным и понятным, и медицине пришлось поломать голову, чтобы не превратились в полете мышцы человека в дряблые тряпки, чтобы он смог ходить по Земле после возвращения из космического путешествия, чтобы сердце его не стало жалким комком, еле толкающим кровь. Для этого придумали целый космический стадион: здесь была и дорожка для бега, и велосипед, правда, стоящий на месте, но педали его надо было крутить с такой же силой, как и на настоящем велотреке, а справа и слева бежали деревья, дома, поля и лужайки, впереди растекалась бесконечная дорога, тропинки, просеки, вверху чистое небо, солнце, парящие птицы; по летящей навстречу дороге, ну прямо как и на самом деле, мчались машины, даже запах гари примешивался к запахам леса. Психологи делали свое дело умеючи и старательно. Инженеры тоже. Все это сложное оборудование проверили в лаборатории на Земле.

Испытатель чуть не слетел с велосипеда, увильнув от груженого самосвала, ругая его на чем свет стоит. А когда проезжал мимо бензоколонки, на него пахнуло легким запахом бензина.

«Утечка или пролили много, надо предупредить, — подумал он и спохватился: — Ведь я в лаборатории, откуда здесь быть бензину, вот это имитация, молодцы, ничего не скажешь!»

Психологи в подготовке к этому полету играли первую скрипку, и это было всем понятно — впереди у космонавта был год борьбы с самим собой, год в космической бездне, год в невесомости, без возможности по-настоящему пройти ногами по земле, без шелеста листвы, без лесного шума, без дождя и капель, которые так хо-

чется поймать широко раскрытыми губами, год без живого человеческого лица. И хотя корабль был напичкан видеоманитофонами, синтезаторами, голографическими установками, приемниками, передатчиками, стереофоническими динамиками и многими другими премудростями — все понимали, что космонавту будет все-таки тяжело.

В полет готовили Василия. Парень молодой, крепкий, мужественный и к тому же холостяк.

— Ему и скучать будет легче, все-таки нет жены и детей, да и девушки на примете вроде бы нет, как-никак, а все будет полегче, — рассуждали врачи-психологи.

Василий готовился к полету тщательно, все делал, как у них в сибирской деревне, — добротнo и надолго. Днями и ночами пропадал на тренажерах. Сильное его тело мелькало в спортивных залах, бассейне. Самолет, управляемый Василием, выписывал в воздухе замысловатые фигуры высшего пилотажа. На заводах и в конструкторских бюро, где строили его корабль, постигал он до тонкостей свой будущий дом и научную лабораторию.

За полгода до полета появилась новинка — вычислительная машина с колоссальными возможностями. Она умела мгновенно решать любую головоломку, в ней таились все знания и умение лучших математиков, физиков, химиков, она обладала опытом всего человечества, была опытейшим врачом и философом. Она говорила, пела, играла на любых инструментах, была превосходным шахматистом, чудесно готовила обеды и ужины, стирала, гладила, могла поддержать любой разговор...

Василий увлекся машиной, просиживая около нескольких часов, беседуя с ней. У многих даже зародилось сомнение — уж не влюблен ли он в этот изящный шкафчик с кнопками и клавишами, массой лампочек и синеватым дисплеем. Но любящий человек был рядом и не сводил восхищенных глаз с Василия. Звали ее Вера, она работала программисткой в лаборатории вычислительных машин. Вера слышала разговор о влюбленности Василия в машину; сначала смеялась, а потом стала ревновать, а зачастую ей хотелось быть на месте этой «неживой умницы». Она помогала Василию постичь машину. Именно Вера ввела в машину последние программы. Теперь им вверялась жизнь любимого челове-

ка, жизнь Василия. Машину установили на борт корабля.

— С новосельем, — поздравил ее Василий, — через неделю старт.

Машина быстро освоила корабль и премудрости его систем, она была очень сообразительная.

Наступило утро старта. Рев ракеты, натруженный голос, сплющенное лицо, счастливые глаза, тяжелые руки и... непередаваемое чувство невесомости. Василий был на орбите. Работа спорилась. Скучать было некогда...

— Вера, как там погода? — проснувшись, шутил он.

— Доброе утро, Василий, как всегда, забываешь сказать «здравствуй»; сегодня в нашем районе температура плюс двадцать градусов, влажность до тридцати процентов, дождь не обещали, снега тоже не будет, ночью до плюс пятнадцати градусов, а в Армении опять холодно, особенно в горах. Ты уже спал, я записала последние новости и про погоду тоже. Между прочим, вчера была диктор твоя симпатия — Татьяна. А теперь выплывай и беги на зарядку.

— Уже плыву, Вера, — живо отозвался Василий и выскользнул из спального мешка. Умылся, надел спортивный костюм, подплыл к бегущей дорожке, закрепился, размялся.

— Побежали, Вера, — крикнул он, и лента под ним начала свой бег. Василий сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее помчался по лесной тропе, обегая корни деревьев и пригибаясь под низкими ветвями.

— Василь, а теперь выбирай, куда бежим сегодня? — спросила «Вера», чуть задохнувшись от быстрого бега, но не отставая и держась рядом и чуть сзади.

— Давай к прудам, к тому, что с рыбами и, помнишь, там в прошлый раз утки плавали, а на той стороне поставили палатку туристы. Давай посмотрим...

— Помню этот пруд, помню, тогда надо сначала свернуть на шоссе, а потом налево в лес.

Василий и «Вера» побежали к шоссе. Навстречу летели березы, сосны, солнечные лучи играли в каплях росы на траве, пели птицы, на душе было радостно и легко. Вот и шоссе, редкие поутру машины летели навстречу. Одна машина обогнала их и дохнула выхлоп-

ными газами, шофер приветливо помахал рукой, крикнул что-то про здоровье и спорт, а в легкие Василия и «Веры» ворвался ядовитый смрад, гарь стеснила дыхание. Василий побежал быстрее, приглашая призывным взмахом руки за собой и «Веру», чтобы побыстрее нырнуть в чистый лесной воздух. По обочине с корзиной в руках шла девушка, лицо ее кого-то напоминало Василию, и он стал замедлять бег...

— Не отставай, — крикнула «Вера» и рванулась вперед, перед ним замелькала ее стройная фигура.

Василий прибавил еще и, оглядываясь на одинокую женскую фигуру, свернул за «Верой» на лесную тропинку... Вот и пруд... Василий перешел на шаг, обошел пруд и растянулся на траве. «Вера» нырнула в воду и плавала, затеяв игру с утками. Утки и не пытались улизнуть от нее, доверчиво подставляя маленькие головки с бусинками глаз под ее ласковые ладони. Погладив их и что-то назидательно им сказав, «Вера» мчалась уже на другой конец пруда, легко рассекая воду.

«Какая она сильная и ловкая, стройная, а вот лица никогда не покажет», — грустно подумал Василий. Воспоминания о родных краях, о далекой Сибири, о деревне, доме, о прудах за лесом нахлынули вдруг на него, настроение резко упало, он встал, глянул на радостную «Веру» и, опустив голову, побрел от пруда.

— Вера, я пошел домой, — крикнул он и сразу же побежал, чтобы не слышать удивленного ответа, потом вдруг остановился и.. сам нажал клавишу выключения тренажера. Экраны погасли, лес исчез, солнце потухло, запахи травы пропали, птицы не пели. Василий стоял, опустив голову, под ним застыла резиновая лента treadbana, он всеми силами старался скрыть слезы, бесшумно падающие на зеленую резину. Справа и слева от него мигали индикаторы приборов, впереди виднелся жилой отсек, его спальня, кухня, библиотека, спортивный зал, его поля, луга, озера, пруды и его солнце. А настоящее Солнце, огромное, золотое Солнце-звезда уже вставало на черном и густом горизонте. Василий молчал. «Вера» тоже молчала, анализируя и понимая состояние своего подопечного...

Василий осмотрел приборы — все было в пределах нормы. Но беспокойство не пропадало, и он знал почему: он еще ни разу не прерывал подобной игры, всегда доводил ее до конца, и они прибегали домой веселые и счастливые, а сейчас Василию было стыдно за свою

слабость и за то, что он, наверное, обидел «Веру». Машина тоже обдумывала ситуацию и пыталась разобраться в его чувствах.

— Василь, воды горячей сегодня нет, отключили еще вчера и, как всегда, не предупредив заранее, неужели так трудно расклеить объявления или позвонить, я целый день была дома, — продолжала игру «Вера».

— Не сердись, Вера, береги нервы, они еще нам пригодятся, а я умоюсь холодной, в Сибири мы о горячей воде и не думали, разве только что в бане.

— Ну что ты, Вася, я поставила греть воду, еще когда мы убегали на зарядку, сейчас смешаю ее с холодной, — заботливо предложила «Вера». — А вот я в Сибири никогда не была. Что на завтрак? Молоко? Ветчину с яйцом? Омлет?

— Ничего не хочу, а в Сибирь вместе поедem, я тебя маме покажу.

— Тогда выпей сок, выдумщик.

— Не хочу.

— НельзЯ так, Василь, ты же знаешь, брось хандру, не капризничай, ты уже давно взрослый.

— Хорошо, выпью сок, умоюсь, съем омлет и никуда не пойду, буду работать как вол, только прошу тебя — дай немного побыть одному.

Голос «Веры» умолк. Василий занялся астроприборами. Осмотрел Солнце: кажется, надвигается солнечная буря, темные пятна на светиле словно уплотнились, почернели и сбились в кучу, надо ожидать очередной вспышки. Василий ввел информацию в память, машина застрекотала, обрабатывая ее и передавая экспресс-информацию на Землю.

«Проглотила», — все еще раздраженно подумал он.

Следующим на очереди был Марс. Там, на Марсе, очевидно, наступила весна, белые шапки полюсов потемнели, от них потянулись тонкие нити речушек и рек. Они изрезали округлость планеты вдоль и поперек.

«Как желтая дыня в голубой сетке», — подумал он, сделав несколько снимков, и передал обработку информации машине.

— На что похоже?

Машина молчала несколько секунд, а потом тихо сказала:

— На шар, покрытый голубыми линиями.

«Эх ты, моя умная помощница, бедное все-таки у те-

бя воображение», — с удовлетворением подумал Василий.

Он обрел уверенность человека — хозяина корабля, и ему стало легче. Почувствовала это и машина.

— Василий, сегодня по программе осмотр гнезда и первые попытки полетать нашим земным пернатым, — напомнила «Вера», голос ее был ласков.

— Пошли, а то бы я позабыл, спасибо, что напомнила.

Мир был восстановлен. Василий переплыл в отсек биологии, там в углу разместилось «гнездо» — термостат, в котором и вылупились птенцы. Они подросли и уже пытались выбраться наружу, но их не пускала прозрачная стенка их «гнезда». Птенцы сидели совсем не по-земному, не рядышком, протянув одновременно вверх свои голодные раскрытые рты и отталкивая друг друга еще не окрепшими клювами, а как-то разбросанно, словно разлетевшиеся комочки желтоватой глины.

Василий наклонился над ними, птенцы забеспокоились, перышки на их тонких шейках вздыбились, и они превратились в еще более беззащитных и жалких. Усмехнувшись, Василий открыл стенку, и вот уже один птенец, вцепившись лапками в обрез дверцы, внимательно рассматривал новый для себя мир. Покрутив головой еще несколько секунд, он все-таки решился и, оттолкнувшись от дверцы лапками, выскочил наружу.

— Взвился в небо, — усмехнулся Василий.

За первым птенцом вылез второй, за ним третий. Василий сидел в углу лаборатории и наблюдал за птенцами. Рядом тихо зашуршала кинокамера.

— Спасибо, Вера, а то я засмотрелся и совсем забыл о записи.

— Пожалуйста, Василий, всегда рада тебе помочь, у тебя столько дел, я просто порой поражаюсь, как ты все успеваешь, да еще и мне уделяешь столько внимания, спасибо тебе, Василь, ты такой добрый, сильный, без тебя мне было бы очень скучно, ты... ты, ты очень хороший, Василь.

«Как нежно говорит, вот бы такое услышать от настоящей девушки». Ему стало неловко за свою недавнюю несдержанность...

Птенцы делали отчаянные попытки, но их полеты скорее напоминали акробатические цирковые номера, невесомость давала о себе знать, лишь иногда им удавалось пролететь несколько десятков сантиметров. Птен-

цы складывали крылья и, очевидно, ждали стремительного падения вниз, чтобы, набрав скорость, расправить крылья у самой земли и тихо примоститься на ветку. Но невесомость спутала их инстинкты. Сложив крылья, превратившись в серые комочки, птицы никуда не падали, а висели на том же месте перистым облачком. Подождав немного и так и ничего не поняв, они опять начинали размахивать крыльями, беспорядочно кувыряться и снова замирать в ожидании какого-то чуда, а чудо не приходило... Василий и «Вера» от души смеялись, глядя на уморительные картины, звонкий смех «Веры» звучал в ушах. Василий, вспоминая детство и голубей, которых лелеяли и гоняли всем двором, совсем по-мальчишески вдруг засунул два пальца в рот и свистнул разбойничьим свистом. «Вера» испугалась, и смех ее внезапно оборвался. Это еще больше развеселило Василия.

— Вера, ты только посмотри, посмотри, милая, как будто и не птицы вовсе, посмотри, тот правый птенец очень похож сейчас на ошетилившегося ежа, а вон тот — на кобру с раздутой шеей. Они устали, надо их посадить в клетку.

Наступила пауза. Машина обдумывала новое к ней обращение «милая», а Василий — новую свою оплошность, ведь машина не имела рук и поймать птенцов не могла, а тем более посадить их в клетку.

— Вера, я сам помогу птицам, отдыхай, — нашелся он.

Василий поймал птиц и поместил их в клетку, они обрадованно уцепились за жердочки так, что лапки побелели.

— Наверное, их теперь из клетки не выгонишь, напугались до смерти, — проворчал Василий, ему стало неловко за потеху над бедными птицами.

— Знаешь, Василь, а мне их очень жаль, зачем их оторвали от Земли, зачем? Они были бы там счастливы, а здесь что с ними станет, когда мы вернемся на Землю... вернее, ты вернешься? — Машина всхлипнула и умолкла.

Василий вздрогнул, он никогда не задумывался над тем, что они обязательно расстанутся, что он, только он вернется домой, а она, «Вера», останется здесь, а потом сгорит в атмосфере родной планеты. Это была грустная мысль, и Василий попытался отвлечь от нее и «Веру» и себя.

— Вера, ты права, действительно только человек может так ловко приспособиться к воде, к воздуху, к космосу, мы научились жить везде, даже вот здесь.

— Да, Василий, вы можете жить везде и даже на далеких звездах тоже, наверное, для этого и создала вас природа — дерзких, смелых, напористых... Ты очень хороший, Василий, я тебя очень люблю, спасибо тебе за твои слова, ты назвал меня милой, спасибо тебе, я чувствую себя действительно человеком...

Прошел год, настал день возвращения. Посадка была удачной. Василия окружили врачи. Он лежал на носилках рядом с горячим, обгоревшим кораблем, счастливый и улыбающийся. Над ним по очереди склонялись друзья, поздравляли его, что-то говорили, а он думал о своей «Вере», оставшейся там, наверху, в пустом корабле, в одиночестве; слезы были на его глазах, и все принимали их за слезы радости.

Еще один человек подошел к нему, на него в упор смотрели влюбленные глаза, Василий приподнялся на носилках...

— Ты уже здесь, Вера, родная, наконец-то, я люблю тебя, Вера; за этот долгий год, что мы были вместе, я понял, что не могу без тебя.

Вера зарделась и поцеловала Василия.

— Поздравляю тебя, Василий, я горжусь тобой, — сказала Вера.

Василий все понял: он слышал голос «Веры», оставшейся на орбите, он видел перед собой ту «Веру» и Веру, ждавшую его здесь, на Земле.

— Вера, я так страдал, расставаясь с тобой там, в космосе, а оказалось, я не улечу от тебя, а вернусь к тебе, если бы ты знала, какое это счастье — вернуться к тебе!

А потом была свадьба, свадьба космонавта Василия и лучшей программистки.

Через много лет они часто рассказывали своим детям и внукам, как летали вместе в космосе целый год и как были там счастливы.

А ГДЕ ЖЕ РОШАР?

Двигатель взревел столь неожиданно, что Рошар, отброшенный в кресло, завертел головой, как бы оты-

скивая, кто бы его мог включить. Конечно, никого не было, он стартовал один. Никакие попытки выключить двигатель не привели к успеху, корабль все стремительнее пронизывал пространство. Выручила автоматика. Защита от перегрузки отключила ревушего за кормой монстра, пламя задрожало и скрылось в керамическом чреве. Теперь корабль мчался, как брошенный пращой камень. Скорость его была огромной.

«Куда же я теперь лечу, — подумал Рошар, выбирая из кресла и подплывая к пулту, — надо бы затормозить этот сумасшедший бег».

Двигатель не включился ни с первой, ни с десятой попытки. Топлива не было. Рошар не хотел в это верить, но это было так — на счетчиках светились нули. Он представил себе траекторию полета: узкую вытянутую петлю, начинающуюся у Земли и устремленную в никуда.

«Может, еще вернусь в перигей, какая все-таки орбита?»

Рошар взглянул в бортовой хронометр — он стоял. Включил электронный хранитель времени — он не работал. Схватился за наручные часы — стрелки намертво влипли в циферблат.

Время на корабле остановилось, но сам он несясь с бешеной скоростью: в иллюминаторе проплывали звезды...

«И они бесполезны», — подумал Рошар, со злостью глядя на далекие светила. Он вспомнил, как снимали секстант и телескоп, чтобы освободить место, как напихали корабль всякой всячиной для снабжения лунной базы.

«Хорошо, хоть продуктов вдоволь, на всю базу загрузили, воды и кислорода тоже хватает», — подумал он.

«Связь, — промелькнула мысль, — с Земли или Луны подскажут...» Связи тоже не было.

Рошар проверил отсек за отсеком — работало все, что было связано с жизнью: действовала система терморегулирования, осуществлялась регенерация воды и кислорода, готовилось трехразовое питание. Не было топлива, не было связи, не было времени, не было ни дня, ни ночи. Мгновения сливались в одну бесформенную, безликую, липкую массу, в которой барахтался Рошар.

«Летающая тюремная камера, да и только, — еще со-

храняя присутствие духа, размышлял он. — Ладно, надо поесть».

Он уселся за стол, отменно поел, выпил банку пива, устало прикрыл глаза. Ему снилась родная Бретань, море, залив, песок на берегу и любимая Жаннет... Он был молод, капитан Рошар, ему было всего 28 лет.

Проснулся он как от толчка, резко выпрямился и долго не мог понять, где он и что с ним. Потом вспомнил. Бессилие душило его, превращаясь в нестерпимую злобу, злоба переросла в ярость. Рошар бросился к пульта и вжимал, вжимал со всей силой кнопку включения двигателя, но тот по-прежнему был мертв. В танках корабля топлива не было, а на счетчиках сияли нули. Рошар размахнулся, и брызги стеклопластика разлетелись в стороны. Нули больше не горели, но топливо от этого не появилось.

Обессилив от этой вспышки гнева, Рошар снова заснул. Сон был короткий, осколок коснулся его лица, и он открыл глаза.

«Сколько я спал, час, два, шесть?» — Рошар не мог отвязаться от настойчивой мысли: «Сколько?»

Он потерял счет времени и пытался найти хоть какую-то ниточку, чтобы понять: сколько прошло часов. А время шло, бежало, летело, стояло на месте и было неподвластно Рошару, он жил вне времени, отдельно от него, и сознание не могло постичь его течения. Еда, сон, еда, звезды в иллюминаторе, тоска по Земле, воспоминания, воспоминания, сон, еда, еда, сон... Рошар летел среди ярких красивых звезд, для него не было ни дня, ни ночи, для него был полет и звезды. Рошар летел, стараясь подчинить себя обстоятельствам, но вопрос: «Сколько я лечу?» — все настойчивее стучал молотом в его голове. Эта мысль становилась все навязчивее и навязчивее, и казалось, в мире нет более существенного, лишь бы узнать: сколько?

Этот вопрос преследовал его даже во сне. Он задавал его и вслух и про себя.

Биоритм, возвращенный Землей, был потерян, жизнь его не подчинялась земным часам.

Рошар сходил с ума от потери времени. Чтобы хоть как-нибудь вернуть себе время, он все чаще и чаще начинал считать пульс: «...раз, два, три... пятьдесят шесть».

«Вот и минута, — радовался пилот, — вот вторая, третья... пять, десять минут, двадцать».

Он долго просиживал, держа руку на пульсе, и с каким-то иступлением подсчитывал его. Он жил с временем, он был не один. Но надо было что-то сделать, руки Рошара оказывались занятыми, пульс исчезал, соприкосновение с временем кончалось. И опять тоска и бессилие наполняли его.

Однажды, проснувшись, Рошар решил поесть и набросился на еду, но оказалось, что желудок его еще полон, прошло слишком мало времени. Пилот зарыдал, как ребенок, испугавшись одиночества. Успокоившись, он занялся физическими упражнениями. Удерживаясь за поручни, Рошар почувствовал, что ему мешают ногти.

«Эврика! — обрадовался он. — Да я их стриг обычно раз в три недели, не чаще. Что же это? Прошло не более трех недель, а я думал, что несколько месяцев. Слава богу! Я теперь знаю, как считать время».

Жизнь на корабле, заточившем его, стала не столь томительной. Теперь Рошар знал время. Как-то, заглянув в зеркало, он заметил, что волосы его спадают до плеч.

«Надо же, как выросли, в юности я отращивал такую шевелюру месяцев пять», — вспомнил он и осекся... это совершенно не совпадало с его «календарем ногтей». Рошар разбил зеркало.

И все-таки этот француз был твердый орешек. Он решил жить ритмом желаний. Пил и ел, когда хотел его сильный организм, а аппетит его был поистине волчьим. Время бежало вслед за его желудком, ритм жизни наладился, свой особый, гастрономический ритм.

Прошло десять лет. Наземные пункты слежения за космосом отметили в районе Марса яркую точку. Она стремительно приближалась к Земле. Ее перехватили на полдороге от Марса. Сенсація мгновенно облетела планету:

«Космический корабль, потерянный 10 лет назад, вернулся! Пилот Рошар жив!», «Встреча на космодроме завтра!!!»

К встрече готовились друзья Рошара и Жаннет. Буксир доставил корабль на Землю. Из него вышел пилот... Неловкое молчание прервала Жаннет:

— А где же Рошар? — спросила она и заглянула в открытый люк корабля.

Старик с густой белой бородой тихо спросил:

— Жаннет, который час?

ДИССЕРТАЦИЯ

Профессор был доволен. Защита проходила просто блестяще. Вся комиссия одобрительно кивала головами в такт уверенному, сильному голосу аспиранта, который смело и непринужденно расправлялся с целыми звездными скоплениями, галактиками и метagalактиками.

Волна одновременно кивающих седых голов напоминала церковный молебен, когда молчаливо склоняются перед всевышним.

— Таким образом, исследования нашей лаборатории, основанные на эпохальных наблюдениях нескольких поколений астрономов, убедительно доказывают, что Вселенная стационарна. Так было и так будет, нашим поколениям не надо бояться свертывания пространства и времени, дыхание Брахмы не остановится! — звучали уверенно слова молодого человека.

— Мистер Огион, — обратился к нему из зала обладатель густой белой бороды, — значит, вы утверждаете, что Вселенная неизменна. А как быть с ассоциацией двойной звезды, образовавшейся несколько сот лет назад?

— Уважаемый профессор Гордон, природа созидает, а разрушаем в основном мы, люди. К счастью, мы еще не научились разрушать звезды. Два ярких огненных шара летят вместе, в дружеском взаимопонимании. Наступило энергетическое равновесие, звезды, их гравитационные поля нашли между собой компромисс. Природа закончила еще одно свое творение... образовалась двойная звезда... Таковы законы природы, они, очевидно, более точны, чем наши понятия о них, — театрально ответил Огион.

Зал заплодировал молодому ученому, особенно усердствовали две престарелые профессорши. Они не спускали восхищенных глаз со стройной фигуры Огиона и даже подпрыгивали, как школьницы, тянущие руки, чтобы первой ответить на вопрос учителя.

— Ну что ж, — попытался спасти свое положение профессор, — нас рассудит «Сверхнадежный», который долетит до звезд через сто пятьдесят лет. Совсем недавно мы получили его сигналы, он продолжает свой долгий путь, и мы надеемся, что ничто и никто не помешает ему... Жаль, что нас уже не будет.

Председательствующий объявил голосование. Не-

смотря на тень сомнения, брошенную выступлением профессора, результат был более чем очевидным. Мистер Огион стал доктором философии в области астрономии.

Таков был один из жизненных эпизодов будущего председателя Комитета науки и техники...

Мелькали десятилетия... «Сверхнадежный», давно потерявший связь с Землей, летел и летел, ослепший, оглохший, с пустыми батареями. Ток не оживлял его систем, корабль был мертв. И только скорость и масса сохраняли энергию этой песчинки бесконечного океана. Он ворвался в гравитационное поле двойной звезды и стремительно помчался к ней навстречу. Хрупкий энергетический баланс нарушился, на небосводе вспыхнуло яркое свечение, раскаленные частицы бывших звезд устремились в дальние дали Вселенной для нового созидания, среди них были и частицы «Сверхнадежного», теперь уже окончательно потерянного Землей.

Премьер-профессор, Дающий знания, как теперь стало принято говорить, был доволен... Его ученик показывал свой талант, глубину мастерства и знаний со всех сторон. Это был действительно одаренный психолог, математик, поэт, художник, гуманист, певец...

— Ищущий знаний, Пит, скажите, что вы думаете о звездных мирах, о двойных звездах, — спросил Обогащенный знаниями Гильберг.

— Учитель, природа созидает, но и разрушает, иначе не будет материала для созидания. В вечном слиянии, единстве успехов Великого архитектора и Великого разрушителя Вселенной есть смысл и суть существования пространства, времени и материи. Двойные звезды не вечны, более того, их ассоциации неустойчивы, они обязательно распадутся, они...

В зал заседаний быстро вошел сам председатель.

— Я прерву вашу комиссию для того, чтобы сообщить сенсационную новость. Только сейчас мы зарегистрировали взрыв двойной звезды. Ассоциация распалась... Таким образом, впервые мы получили подтверждение теоретических расчетов практическим деянием природы. Причем блестящее подтверждение. Я думаю, вы поддержите меня, чтобы Ищущему знания Питу без голосования было присвоено звание Дающего знания, минуя звание Обладателя знаний. Поздравляю вас, Пит.

Зал аплодировал. Особенно усердствовали две престарелые профессорши, они не сводили своих восхищенных глаз со стройной фигуры Пита.

— Как он похож на своего прапрапрадеда, председателя Огиона, прямо живой портрет из Храма науки, — шептала обладательница седой головы с причудливой шляпкой.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Проснувшись, Жан по привычке посмотрел в иллюминатор и обомлел... там, за обшивкой корабля, в космосе, на солнечной батарее сидело существо в ярком скафандре. Солнце освещало его, и оно переливалось всеми цветами, словно утренняя заря.

Первое, что Жан сделал от неожиданности, — это бросился к пульту и посмотрел на приборы системы энергоснабжения. Полеты в космос научили твердому правилу — прежде всего безопасность, а остальное потом. Все было в порядке, существо не повредило батарею, и она давала ток кораблю.

Тогда Жан резко крутанул корабль, существо не пропало. Жан не менее резко крутанул головой — существо сидело как ни в чем не бывало.

«Наигрались? Доброе утро, спали вы очень хорошо, будить не хотелось, я уж прямо заждался, благо солнце не буянит. Как вы себя чувствуете?» — слышалось в голове у Жана.

— Спасибо, хорошо, а вы что там делаете? — оторопело спросил Жан.

«Да вот ждал, пока проснетесь».

— А кто вы? — поинтересовался несколько запоздало Жан.

«...Меняла».

— Какой еще меняла? — не сразу понял Жан.

«Какой-какой, летаю, меняю».

— А... — неопределенно протянул Жан, — а откуда вы?

«Оттуда», — махнуло куда-то за горизонт существо и нетерпеливо заерзало.

— Осторожнее, — закричал Жан, — поломаете, а мне еще на Землю сесть надо. Как вы там живете на своей планете?

«Да ничего живем, строим, сеем, собираем, меняем, а вы?» — успокоившись, спросило существо.

— Мы тоже строим, пашем, сеем, собираем. Значит,

неплохо живете? — старался поддержать разговор Жан, лихорадочно думая, чем все это кончится.

«Да, неплохо», — ответило существо, явно теряя терпение, оно явно чего-то ожидало.

— Ну а чем вы сами занимаетесь? — опять переспросил Жан, заполняя очередную паузу.

«Я же сказал — летаю, меняюсь: одним отдаю, у других беру... а вы меняете?» — наконец спросило существо.

— Нет, мы покупаем, продаем за деньги... меняться мы давно бросили... — начал объяснять Жан, припоминая историю.

«У вас есть еще деньги?» — удивилось существо.

— Да, есть, — недоуменно ответил Жан, не понимая удивления собеседника.

«Ну, тогда я полетел», — разочарованно протянуло существо.

— Почему? — встрепенулся Жан, обидевшись на такое пренебрежение.

«С вами еще нечем меняться, а разные деньги возить — не напасешься».

Существо вспорхнуло и исчезло. Жан видел теперь уже опустевшую солнечную батарею и проплывающую в иллюминаторе Землю.

«Надо готовиться к посадке, сегодня день полочки», — промелькнуло в его голове, и Жан засуетился над приборной доской.

ЛЮБОПЫТНЫЕ МАРСИАНЕ

Земля давно интересовала марсиан. В телескопы, направленные на Землю, были видны островерхие горы, а марсиане любили высоту, любили разреженную атмосферу, которая господствовала на их планете.

Посадка прошла успешно, марсиане достигли изумительных успехов, и их корабль опустился точно на горную площадку, прилепившуюся перед отвесной горной стеной — мечтой марсиан.

Отдохнув, они вытащили веревки, крюки, молотки и с готовностью кинулись на штурм горной крепости. Началось историческое исследование незнакомой планеты: жизнь может быть только там — на вершинах, в облаках чистого легкого воздуха, решили марсиане. Крю-

ки вонзились в стену в одно мгновение, веревки летели все выше и выше, карабины и мускулы тащили марсиан вверх, им становилось все легче и легче дышать, тела их наливались силой. Это были альпинисты высочайшего класса. Жизнь планеты Земля пока себя не раскрывала, вокруг не было ни души. Но они были очень упрямы, эти марсиане, они упорно карабкались вверх, к вершинам. Их лагерь остался далеко внизу, на горной площадке. На ней уютно устроилась яркая палатка, блистающая на солнце красным пятном. Марсианский корабль взвился на орбиту и ждал указаний. Опытные марсиане знали, что такое марсотрясение.

По отвесной стене, сокращающей путь к вершине горы, обливаясь потом и вспоминая всех святых и не-святых грешной Земли, ползли два оранжевых пятна — Джек и Пат решили обставить выскочку Пейна и его желтокожего напарника Лана. Они, Джек и Пат, должны оседлать вершину первыми. Это будет сенсация, все ахнут, когда они появятся отсюда, откуда никогда и никто еще никого не ждал. Преодолеть бы эту проклятую стену, и успех в кармане, как доллар в джинсах.

Они с трудом вскарабкались на горизонтальную площадку, можно и передохнуть.

А это что за чертовщина, чья это палатка, нагло блистающая на снегу, что за диковинные ледорубы, крюки, башмаки, легчайшие веревки?! Ну и пройдоха же этот Пейн, закупил где-то новейшее оборудование, заранее приготовил приют. К вечеру они точно будут здесь и тогда... отдохнув здесь, в тепле, обсушившись... Нет, этого не должно быть. Этот Пейн просто подлец.

Мысль возникла одновременно. Четыре проворные руки сделали все быстро и умело. Палатка и снаряжение исчезли, спрятанные в глубокой расселине. Пурга замела все следы.

— Вот теперь пусть приходят, — хохотал Джек, — мы их обставим, как архар усталую свинью.

Джек и Пат проиграли, вскарабкавшись из последних сил на вершину через час после Пейна и Лана, которые шли с противоположной, пологой стороны.

Марсиане, возвратившись в свой лагерь и не найдя ни палатки, ни снаряжения, предположили, что на планете все же есть разумные существа.

КОНФЛИКТ

Корабль все летел, ввинчиваясь в беспредельное пространство. Прошли годы, а впереди еще полдороги. Огромная масса корабля все более представлялась песчинкой в океане безмолвного космоса. Казалось, что корабль будет лететь вечно, без цели, без возврата домой.

Люди начинали уставать от долгих томительных дней, от бесконечных философских рассуждений, на которые так и тянет от вынужденного безделья, особенно за длинными трапезами в каюте капитана.

— Сэр, разрешите мне покинуть каюту, у меня сегодня нет аппетита, — промолвил маленький, щуплый электронщик.

— В чем дело, Дик? — угрюмо пробурчал капитан Джек, уставившись на малыша выпуклыми глазами.

— Сегодня рыбные блюда, сэр, а я не люблю рыбу, — не глядя на свирепое лицо капитана, пробормотал Дик.

— Голодным ходить плохо, Дик, так ты не вырастешь в оставшиеся тридцать лет ни на дюйм, — сострил капитан.

Все с готовностью захохотали, смех был нервный, издевательский, без капли доброжелательства.

Дик, страдавший от маленького роста вот уже тридцать пять лет, опрометью выскочил из каюты.

Троица продолжала потешаться по поводу Дика, жалея, что никто больше не слышит их изобретательности. Но они глубоко ошибались. Нервное напряжение, царившее уже несколько недель, требовало отдушины. Ею оказался Дик.

— Он как будто родился для космических кораблей малого класса, там ему просто раздолье... шмыг, и проскочил в любую щель. Вот только надо быть очень смелым. — Конрад выжидательно примолк.

Все поняли его тактический выпад и в один голос заорали:

— Почему, Конрад, почему?

— Чтобы не оказаться в пасти у крысы, — быстро прогоготал Конрад, и его оглушительный хохот долетел до кормы корабля. — Да, Джефф, будь осторожен, сегодня ты ответственный за уборку. Проинструктируй автоматы, чтобы хорошенько проверили мусор после вентилиации, а то вдруг там завалается Дик и его выкинут

наружу. И пусть внимательно смотрят, а то перепутают его с корабельным котом, вот его-то надо выбросить наружу, эта бестия, кот, расколотил мне любимую бутылку, и мне остался лишь запах, — потешался Конрад. У него был тяжелый юмор.

— Кэп, вы видели его жену? Это шкаф с двумя ногами, болтливой головой и голосом, как скрипучая дверь на ржавых петлях. По-моему, она его принесла на старт в хозяйственной сумке, чтобы он не потерялся в толпе... А как она его целовала, я думал, что бедный малыш задохнется, сравни его легкие и ее, — подлил масла в огонь радист Джефф.

Капитанский кубрик сотрясался от хохота. Тройка потешалась, убивая своего главного врага в дальнем космосе — время.

— У него и здесь подруга — дурацкий ящик с железяками вместо мозгов. Он прямо влюбился в шкафы и ящики, — слышалось в кают-компании.

Дик кипел негодованием уже три недели, его просто допекали этими идиотскими шутками.

Он ворвался в свою каюту, влетел в кресло, и, всхлипывая, закрыл глаза. Воспоминания о Земле нахлынули на него, и он разрыдался, как ребенок.

— Убить их, уничтожить этих зверей, этих черствых, диких буйволов; животные, а не люди, в них нет сердца, нет любви, болваны с куриными мозгами и горой мяса и костей. Убить их и стать хозяином корабля, — шептал он, кусая губы и всхлипывая.

Что-то ласковое, доброе, знакомое возникло в сознании Дика. Он замер, рыдания его затихли, он явственно слышал колыбельную песню матери. Ласковый шепот матери заполнил его мысли, сознание, душу. Он был счастлив. Но вот голос матери смолк, и тишина обрушилась на него. Он открыл глаза — знакомая обстановка каюты: кровать, книжный шкаф, дисплей — просто взбесил его.

Он вскочил и... опять упал в кресло. Голос матери, дрожащий в его ушах реальным воздухом, вошел в него тихим шепотом.

— Не сердись, Дик, это я; я слушала твои ночные сны, твой шепот во сне, я выучила песни твоей матери, научилась говорить ее голосом. Я слышу все и везде, я знаю все, Дик, но я очень одинока. Они травят тебя, я давно установила свои уши в кают-компании. Они не любят тебя, Дик, они издеваются над тобой, они хо-

тят убить тебя или довести тебя до самоубийства. А я люблю тебя, Дик, ты самый лучший, ты нежный и слабый, ты был первый, кого я узнала, ты как старший брат мне, Дик. Я умная и сильная твоя сестра, я тебе помогу, я очень много могу, Дик, ты только подскажи, что надо сделать и как сделать.

До Дика наконец дошло, что это шептала машина. Очевидно, ей было так же тоскливо, как и ему, она разместила микрофоны везде, где были люди, она слушала, слушала, запоминала и думала. Она заметила конфликт Дика и команды, поняла, что Дик так же одинок, как и она, давно-давно выбирающая себе друга. А Дик... Дик принял ее из цеха и все время возился с ней до самого старта. Он и не заметил, как она много впитала в себя и как много знает.

— Дик, будем друзьями, я тебе помогу отомстить, они еще пожалеют, ты будешь здесь один полновластный хозяин, а их... их я могу заморить голодом, отнять кислород, могу отравить пищу на кухне, могу устроить электрический стул... ты только скажи, как...

Дик, ошарашенный столь неожиданным поворотом, долго тряс головой, пытаясь уйти от сладкого голоса, полного в то же время жестокости.

«Так, — думал он, — пусть будет так, а потом посмотрим. Главное — отомстить, и я буду здесь и кэп, и стармех, и флаг-штурман, и радист. Я, только я... нет, я и она, машина».

— Хорошо, я согласен. Что тут долго думать? Пусть их охватит страх, пусть они боятся всего, пусть подозревают друг друга.

После обеда и зубоскальства по поводу Дика, приняв добрую порцию виски, троица шла по коридору. Проходя мимо каюты Дика, они остановились.

— Конрад, ты стармех, этот чертов бой закрывается от нас, двинь по двери, может, господин Дик соизволит угостить нас пивом из собственных бочек, а может, исполнит нам канкан, черт подери, — загремел кэп.

Конрад, не задумываясь ни на секунду, поднял тяжелый, как гиря, кулак и стремительно бросил его вперед. Кулак описал широкую дугу и был готов обрушиться на дверь, грозя проломить ее. Однако дверь открылась перед самым кулаком, и туша Конрада кинулась вслед за ним. Влетев в каюту, Конрад врезался лбом

в лампу, вспыхнула искра, вой Конрада прорезал тишину, а в каюте запахло горелым.

Дик спал в своей кровати, сладко посапывая и пуская слюну. Ему снилось, что мама жарит бифштексы с луком и картофелем.

Подхватив Конрада, все ринулись из каюты и бросились к кают-компании.

— Надо выпить, — орал Джефф, — за спасение Конрада!

Капитан Джек дергал ручку двери кают-компаний, но она не поддавалась.

— Черт возьми, заварили ее, что ли, или кто-то заперся изнутри? — кричал он. — Там все наши запасы!

Отбив руки, ноги и плечи, удрученные, они разбрелись по каютам. Утром дверь тоже не поддавалась, обедали в каюте капитана, проклиная все на свете.

— А где этот Дик, почему его не видно? Он сидит и смотрит телевизор, он нас просто не замечает, гордый, видите ли. Ему совсем не скучно с этой машиной, они в шахматы играют или во что-то еще. Я бы выбросил его за борт за его гордость, — возмущался огромный Конрад.

На лбу его красовался пластырь, как знак кастовой принадлежности.

— Дик, они хотят выбросить тебя в пространство, — прошептала машина.

— Что? Меня в пространство, как мусор? Выбрось этого тупицу Конрада, Сьюз!

Машина молчала, переваривая свое людское имя.

Кают-компания так и не открывалась, троица нервничала так, словно их не впускали в ночной веселящийся бар, хоть их карманы разбухли от долларов. Пользовались своими запасами, которые таяли с каждым часом. Подозрительно поглядывая друг на друга, троица стала запирает двери своих кают и подкарауливать друг друга у кают-компаний. Начались мелкие раздоры. Одни требовали вскрыть проклятую дверь хоть резком, другие настаивали плюнуть на нее, что они и делали, отполировав пол около дверей до блеска, в котором отражались их угрюмые физиономии.

Дик блаженствовал. Сьюз, теперь он ее иначе и не называл, устраивала ему концерты, показывала фильмы, пела песни, она болтала днями напролет. «Сьюз» корми-

ла и пошла Дика, доставая все из-за закрытых дверей кают-компаний.

Электроника корабля работала безотказно. «Съюз» заботилась об этом.

— Кэп, заклинило правую батарею, я запросил компьютер. Ответ таков, что надо лезть наружу.

— Валай, Конрад, проветрись, — угрюмо приказал Джек.

Конрад открыл выходной люк, выполз из корабля, надел ранец и поплыл к батарее.

Джек следил за Конрадом, и ему тоже захотелось хоть на несколько минут покинуть ставший тюрьмой корабль. Он вошел в шлюзовую камеру, задрал люк и взглянул в иллюминатор. От неожиданности он выпучил глаза. Конрад выписывал петли, стараясь уйти от шаровой молнии, гнавшейся за ним. Казалось, она вот-вот вцепится ему в спину, и тогда Конраду конец.

Джек облегченно вздохнул: Конрад уже уцепился за поручень, сквозь стекло гермошлема были видны его безумные глаза. Молния метнулась, и вместо лица на Джека смотрела черная дыра. То, что было Конрадом, отделилось от корабля и медленно пропало среди звезд.

Джек ошарашенно смотрел в иллюминаторы. Он звывл и хотел выбраться из шлюзовой камеры. Но не тут-то было, люк не тронулся с места. Джек колотил по нему кулаками, разбив их в кровь — ничего не вышло.

Джек спиной почувствовал опасность; он оглянулся, посмотрел в иллюминатор и похолодел. Железная рука внешнего манипулятора открывала внешний люк. Джек вцепился в него руками, стараясь удержать, но железные мускулы были сильнее... Джека не стало.

Джефф закрылся в каюте. Он сходил с ума. Из каюты слышались бессвязные крики о Шотландии, о величии острова, потом крики затихли.

Дик стал хозяином корабля. Он важно перешел в кают-компанию и занял место капитана. Через два часа он не узнавал себя и искал собутыльника. По кораблю разносилась пьяная брань и крики:

— Кто здесь кэп? Я! Кто здесь стармех? Я! Кто здесь флаг-штурман, радист? Я! Кто здесь Дик? Я, я, я... — пьяно буянил он, швыряя бокалы в стены.

Заснул он прямо в кресле, сквозь храп и сопение прорывались бессвязные слова.

«Съюз» внимательно слушала.

— Ей, видно, понравилось нас убивать, железная

садистка, а не баба, — шептал он. — Так она и меня где-нибудь прихлопнет, надо ее... отключить, и тогда я один хозяин на корабле...

«Нет предела подлости», — решила «Сюз».

Дик так и не проснулся.

ПОПЫТКА

Белый дворец города строился долго, но он стоил того. Каждый камень, возвышающий его над землей, придавал ему сходство с птицей, приготовившейся вот-вот взлететь и скрыться в облаках. Дворец словно парил в утренней дымке, плыл по вечной дороге. Как это удавалось, не понимал никто, строители делали то, что им велел Великий Архитектор. Пришелец руководил работами, храня в себе общий план и замысел, представляя только в себе хитрые и красивые рисунки, делающие мрамор по-настоящему живым и воздушным. Лишь Джураб и его два помощника давно поняли пришельца, и, когда они нарисовали образ будущего дворца несколько по-своему, он был несказанно удивлен и обрадован — его помощники внесли в архитектуру дворца много народных узоров, легенд, сказаний. Пришелец стал верить в дело своих рук и талант народа. Дворец был построен, город процветал, слава о дворце, о его неземной красоте разнеслась по всему свету, со всех сторон шли странники, унося славу города все дальше и дальше. Шли купцы, несли товары, оружие, украшения, ткани, книгу, культуру. Раджиб, сын Джураба, был очень смышленным, он сдружился с Гором и рассказывал ему о нуждах народа, о жизни, о происходящих событиях. Много раз хотел Гор своими знаниями, умением и рассудком помочь им, но главная заповедь гласила — не вмешиваться в чужую жизнь, жить они должны по-своему, иначе лишится Вселенная многообразия жизни, не будет ей развития. Гор так и делал. Но...

Приходили варвары, пытались завоевать город, разрушить его стены, стереть с лица земли его красоту. Они кидали в него кувшины с горючими смолами, долбили его стены огромными бревнами, закованными в железо, надолго окружали город, лишая его воды и пищи. Умирали взрослые и дети. Гор страдал, но вмешиваться не мог. После очередной осады умер отец Раджиба, и Гор не выдержал, он решил чуть-чуть помочь

несчастливым обладателям города неземной красоты, живущим среди варваров, хотел сохранить вечный памятник красоты и таланта народа. Он научил жителей города медицине, научил хирургии, научил бороться с чумой и холерой. Рядом с городом была река, но во время осады город лишался воды, и голод уступал место жажде, от которой сходили с ума и гибли прежде всего дети. Гор долго колебался, прежде чем нарушить заповедь еще раз, но все-таки решился и тайно построил под землей водопровод, ловко и незаметно запрятав трубы в склоне горы. Теперь из расселины скалы бил родничок, жители молились на это чудо, приписав его храму и доброму богу, покровительствующему им и городу. Не страшны теперь осады, не страшны варвары. Не знали жители, что там, под горой, в ее толще, работают насосы, что в соседней горе есть тайный ход, ведущий к небольшому каменному кубу, в котором кипела вечная энергия — урановый котел мог работать многие тысячелетия, а графитовые стержни сдерживали огромную силу, не давая ей вырваться наружу, выйти из повиновения Гора. Исправно работала атомная электростанция. Шли годы, город расцветал еще больше. Он стал непобедимым. Захлебывались в злобе соседи, зависть и подлость жили рядом. Всадники на низкорослых конях все чаще и чаще показывались у стен города, крича на непонятном, гортанном языке, злобно сверкая глазами из-под мохнатых шапок и пуская горящие стрелы. А потом пришла беда — тысячи всадников окружили город, они спешили и с яростью фанатиков кидались на стены города, облепив их, как мухи сладкий шербет. Но город стоял, мужественно защищая своих людей, охлаждая пыл завоевателей. Дивились мужеству горожан степняки, но их коварство было безграничным, опыт разрушений был большим. Приказал хан перекопать все вокруг города в поисках источника воды, чтобы жаждой победить непобедимых. Работа закипела, нашли чужаки трубы, подивились простоте и мудрости, но недолго. Добрались по трубам и до горы, разрушили и ее твердыню, уставились на дикий предметы, жужжащие, как мухи, и поднимающие воду снизу вверх и бросающие ее в город. Долго стреляли в них стрелами, кололи пиками — отлетали стрелы, ломались пики. Тогда порешили задушить дрожащего от натуги ненасытного зверя, пьющего воду. Не получилось. Стали бить камнями, неистово круша

каменного зверя. Один из ударов пришелся в сердце горы — стержни графита упали, взрыв окутал все вокруг, уничтожив завоевателей и город. Первый атомный взрыв взвился над планетой. С тех пор никто не даровал людям знаний, они их добывали сами, они сами сделали ядерный реактор и атомную бомбу. А потом уничтожили Хиросиму и Нагасаки.

УМИРОТВОРЕНИЕ

Планета родила разум, но уж очень он получился воинственным. Как только разум планетян достиг умения создавать орудия труда, носящие разум, тут жестила делать и оружие для сражений. Пока это были довольно примитивные орудия битв — палицы, копья, луки да стрелы, мечи да ножи.

Бились с отчаянием и до победного конца, раненых добивали тут же, пленных не брали, это было какое-то неистовство, проклятие, царившее над планетой. Бились везде: на суше и на море, в горах и долинах. Пришла пора новой битвы. Поле было усыпано воинами с мечами, копьями, луками. Пешие, конные воины, прикрываясь щитами, готовились к схватке, горяча коней и самих себя, похваляясь своей удалей, силой и храбростью.

Были и такие, кто уговаривал бросить эти зловещие игры: земли-де всем хватит, пашите и сейте, пасите скот, чего еще нужно. К богу призывали, к совести, к любви — ничто не помогало. Зверь, таившийся где-то, нет-нет, а проявлялся, будоража людей, срывая их с полей и уводя от стад.

Вот уже много лет пытались помирить их добрые пришельцы с другого мира — ничего не получалось.

Ураганы, наводнения, снегопады сметали построенное и посеянное, горе объединяло, и тогда работали дружно, отстраивали, пахали, снова сеяли и... опять кидались друг на друга, насилуя, грабя и убивая. Это был рок, повисший над планетой. Наивные пришельцы не могли понять этих раздоров, их причину и столь укоренившуюся необходимость. Шли даже на детские запугивания.

— Гор, они боятся каких-то драконов, — сказал однажды Тим. — Я сидел и слушал старика с огромной бородой, он пел песни о драконе, который умел летать,

дышал огнем, хватал и уносил в горы женщин и воинов. Может, из-за него они такие воинственные? Давайте попробуем напугать их выдуманной ими же сказкой. Может быть, горе объединит их и они вместе начнут воевать с драконом, может, хоть это их помирит.

Так и сделали. Малый корабль превратили в дракона! Крылья размеренно махали, из длинного горла вырывались снопы пламени, глаза горели бешеным светом, хвост длиной метров в пять наводил ужас своим зубчатым гребнем и стальными чешуями, гремевшими, как тысячи ударов мечей. Шум двигателей, усиленный электроникой, стал похож на рычание сотен хищных зверей.

Битва была в самом разгаре, и одна воюющая сторона уже была готова добить остатки побежденного неудачника... и вдруг с соседней горы слетело это чудище. Замерли сражающиеся, стихло поле... змей приблизился, и вот он уже готов схватить зазевавшегося юношу, в страхе бежавшего между цепей сражающихся. И тут стрелы посыпались в змея со всех сторон, со всех сторон по нему стали колотить железные мечи, копья, булавы. Бывшие враги отстояли юношу и криком возвестили о своей общей победе. Обиженный змей скрылся за горой, добрые пришельцы обнялись, празднуя свою победу и радуясь за воцарившийся мир...

А под горой снова застучали топоры, мечи, сабли, полетели смертельные стрелы, копья рвали кожаные доспехи. Первым упал только что спасенный юноша со стрелой в груди... битва закипела с новой силой.

Не помогли и соловьи-разбойники, кащей бессмертные, чудища морские и заморские, ничто не помогло. Против общего врага шли рядом, бились вместе, а потом опять и опять делили землю, отнимали друг у друга добро, уводили жен и дочерей, убивали и калечили друг друга.

— Давайте попробуем жар-птицу, пусть она усмирнит этот воинствующий народ.

Переделали дракона-змея в жар-птицу, славная получилась птица, добрая и красивая. Взмыла она в небо и полетела над землей. Жаркая битва идет внизу, падают окровавленные воины, плачут жены и дети. Но вот остановилась битва, один за другим бросали воины оружие.словно волна мира неслась впереди птицы, застывшие воины слушали, слушали и слушали музыку, несущуюся из чрева красивой птицы. А музыка неслась

и неслась над морями, полями, океанами... С тех пор прекратились войны, а над планетой вечно неслась музыка, веселая, порой грустная, но только музыка, а не боевой клич.

МАТЕМАТИКА

После очередной экспедиции Совет обобщения внепланетной информации засел надолго и всерьез. Завал отчетов, рассказов, справок, особых мнений, пленок, кассет, споры, неразрешенные проблемы и вопросы — все это превращалось в гору, на которую и смотреть-то было страшно, не то чтобы все это разгрести и осмыслить.

Центр логического осмысливания рос как на дрожжах, расширяясь и вырастая ввысь. Машины обработки информации, машины контроля этих машин, машины обслуживания, машина ремонта, роботы-такелажники, печатники, корректоры, мыслители... И конечно, машины общего контроля и обеспечения порядка. Их ввели после того, как робот-такелажник перепутал ячейки хранилища при подготовке к экспедиции на планету Альфа в созвездии Гамма и после посадки косморазведчики вместо улыбающихся добрых туземцев встретили воинствующих монстров, похожих на слонов с пушками вместо хобота, локаторами вместо ушей, пулеметом вместо хвоста и лазерными установками вместо глаз.

Огромная масса машин думала, анализировала, печатала, перепечатывала, хранила в ячейках памяти, вычерчивала на дисплеях, показывала на полиэкранах — все было в движении. Поток информации сужался, как водяная струя на выходе из лейки, листов становилось все меньше и меньше... и вот на стол Председателю ложились три-четыре листа сухих выводов о целой планете, о миллиардах лет ее жизни, о миллионах лет развития цивилизации: планета класса А, масса, диаметр, соотношение суши и воды, краткая характеристика населения, социальный строй, уровень потребления энергии, общая тенденция развития, уровень по шкале агрессивности — вот и весь портрет.

— Хорошо! Отлично! Да! Вот тебе на! — вскрикивал Председатель, пробега взглядом досье на планету, пытаясь по тощим листам понять незнакомый мир: не-

ужели для его понимания нужно тащить целые горы всякой всячины, вплоть до каких-то черепков, гнилых деревяшек, ржавых гвоздей?

— Ищите то, что может сразу определить путь планеты, степень ее развития, нечего месяцами метаться по болотам и лесам, погибая под копытами, нечего гоняться за туземцами и выуживать из них то, что они не знают или давно забыли. Да и собирая эту гору информации, вы невольно вносите свое, свои домысливания и... в конечном счете искажаете реальную картину их мира, искажаете закон множественности миров, — инструктировал командиров кораблей-разведчиков Председатель.

Поля выслушал Председателя и, только придя на корабль, дал волю словам:

— Неужели сами не могли додуматься, что это за штука такая, по которой можно обо всем судить, где эту штуку искать; может, привести туземца к нему на прием и пусть потолкуют, хорошо бы этот туземец оказался с когтями, зубами и огромным животом. Так ведь нельзя, сам запрет наложил. Биозащита, стерилизация, микробы. Целая армия ученых и машин, а мы опять отдувайся за них. Вы наши глаза и уши, вы ум и прогресс планеты, думайте, смотрите, слушайте, щупайте, вам виднее. Умники кабинетные. Важности до черта. Почему это не исследовали? Почему это? Это надо было сделать, это уточнить, это и это. Их бы в эти потоки лавы, горячие ураганы, ливни из камней, их бы под ядовитые стрелы и плевки, их бы под атомные бомбы, их бы в пасти монстров, рвущих скафандры, как бумагу, их бы... — На большее Поля не хватило, хотя в запасе был целый словарь неиспользованных выражений.

Посадка прошла удачно, корабль опустился в пустыню, подняв огромное рыжее облако песка и пыли. Успокоившись, горы песка рухнули опять на поверхность планеты, а с ним и пучеглазые ящерки, умело планирующие на раздутой, как у кобры, шее. Сотни маленьких «дельтапланов» опускались на песок, показывая высший класс при заходе на посадку, и немедленно зарывались в песок; дорожка торможения, явно видимая на песке, оканчивалась взметнувшимся фонтаном, и наступала тишина... Звездолетчики зачарованно смотрели на этот дождь из ящериц, но вот последняя из них исчезла в песке, и вокруг стало тихо и опустошенно. Унылая картина не удручала смелых людей, жара — не беда, воды нет — ерунда, тяжело по песку ходить — че-

пуха. За работу, командир построил десантников-разведчиков:

— Ищите то, что скажет обо всем и сразу. Нечего гоняться за каждым кузнечиком и бабочкой, нечего бегать по улицам за машинами, а в небе за самолетами.

Командир был в ударе, он почти точно воспроизвел речь Президента.

Разведчики разлетелись во все концы и принялись за дело. Прошло несколько часов, и со всех сторон посыпались сигналы тревоги.

— Немедленно назад, — только и успевал отдавать приказания Поль, — возвращайтесь, вылетайте на базу, разрешаю, черт побери...

Вернулись все, но вид их был таким, как будто за ними гнались собаки: скафандры грязные и кое-где порванные, самолеты с дырками в крыльях, вездеходы с выбоинами от ударов снарядов...

Не хватало только Макса, все в напряжении вглядывались в горизонт. Наконец на горизонте появился небольшой горбик и столбик песка. Точка быстро росла и превратилась в раскрасневшегося Макса с вылупленными от натуги глазами, плюющего направо и налево комками слипшегося песка, они как камни падали на песок, оставляя глубокие воронки, похожие на лунные кратеры.

— Вот, шеф, — прохрипел он и бросил к ногам командира какой-то тяжелый ящик.

Стальной ящик вонзился углом в песок и глубоко ушел в него, зарывшись чуть ли не на треть.

— Что это? — отскочил от ящика Поль.

— Сейф, командир, я его успел все-таки утащить из какого-то дома; там полно охраны, они бросились на меня как безумные, стреляли, хватали, взрывали, я еле успел удрать от них. Банк, наверное, а в сейфе этом, наверное, деньги.

Сейф перевернули, на нем блестела медная дощечка с надписью: «Фундаментальные математические исследования».

— Вот это то, что нам надо, это то, что искал Президент, — закричал Поль, — молодец, Макс, ты всегда тыкал пальцем именно туда, куда надо, ай да Макс.

Пока затаскивали сейф и хлопали по плечу Макса, от чего он пару раз хватал полный рот песка, горизонт пустыни подозрительно зашевелился. Оптика разъяс-

нила возникшие вопросы: к кораблю ползли какие-то стальные махины, похожие на сейфы с гусеницами.

— Интересно, что это, но некогда, мы забрали то, что нам надо, не отняли бы. Старт! — рывкнул Польш.

Корабль взвился в чужое небо, а кольцо стальных сейфов, задрав стальные жерла, изрыгало пламя. Но поздно, корабль скрылся в черных тучах.

Президент был чрезвычайно доволен, носители информации, извлеченные из стального сейфа, заложили в компьютеры. Недолго стрекотали электронные мыслители, и из их чрева посыпалась информация.

Математические достижения, хранящиеся в сейфе, в строгой, лаконичной форме представляли собой расчеты атомных бомб, боевых ракет и самолетов, кораблей, танков, подводных лодок и прочего оружия, стратегии и тактики войны, а также расчеты космического оружия. Расчеты были безупречны, планета была технически развита.

— Занесите в класс агрессивных планет, — отдал распоряжение Председатель.

Экспедиция со звезды КФ-2000 тоже доставила информацию, ее подарили сами планетяне. На экранах Главного зала Совета мелькали красивые города, полотна прекрасных картин, скульптуры, всюду радостные, улыбающиеся, счастливые лица. И как высшее достижение мастерства, таланта народа — скульптура женщины планеты. Все зачарованно смотрели в ее глаза, в глубине которых виделась бездна доброго космоса, чужие, но счастливые миры, в них была вечность доброты.

И без распоряжения Председателя было ясно, в какой класс занести эту планету.

— Интересно, какая у них математика? — размышлял Председатель.

КОНТАКТ

— Вы посмотрите только, какая система, — это же именно то, что нам надо, что мы так долго искали, скитаясь далеко от дома. Звезда системы еще молодая, у нее много силы, она может кормить нас энергией, спектр ее пригоден для нас. А планеты — это просто чудо, вот так повезло нам, смотрите, здесь есть и газовые, и жидкие, и твердые планеты. А вот эта вообще просто пре-

лесть, и какая красивая, какие узоры материков, какой простор океанов и морей, какие ленты рек! А какие горные цепи, разломы! Руды и металла там, очевидно, хоть отбавляй — вот это находка! Надо поскорее исследовать ее, вот это подарок, спасибо тебе природа-создатель! — сбивчиво и эмоционально докладывал специалист по природным ресурсам о полученных материалах исследований системы Желтой Звезды.

— Да, ты прав, Нед, только не уговаривайте меня лезть первым на эту замечательную планету, этого не будет — первыми пойдут автоматы, хватит потерь и неприятностей. — Мудрый командир был непреклонен.

— Конечно, командир, какие могут быть разговоры, — соглашался Нед, проклиная в душе командира-педанта, мысленно представляя прогулку по планете.

Первый автомат улетел, мягко толкнув махину базового корабля... и пропал, ни слуху ни духу. За ним второй, третий.

Совещание было бурным.

— Говорил вам, что первыми должны быть автоматы, роботы, — гудел мудрый командир, — молодо-зелено! Вам бы в пекло с головой, а еще лучше с ногами. Угомона на вас нет, поживите, наберитесь ума-разума, торопыги.

Четвертый робот, напичканный программами поиска и предосторожностей, опустился в горном районе, неподалеку от мест посадки своих предшественников. Коснувшись поверхности планеты, робот не спешил раскрывать защитный кокон. Со стороны он был похож на огромное яйцо белого цвета и идеальной формы. Все было тихо, никто не хватал его, не пытался утащить, смять, извлечь из броневых листов. Автомат откинул одну створку и осмотрел открывшийся сектор — красота и спокойствие, затем второй, третий, четвертый. Ничто не угрожало ему. Из раскрытого лотоса-яйца ловко выпрыгнул проворный автомат из стали, вольфрама и алюминия. Автомат деловито осмотрелся и выпустил антенну, он прослушивал округу, одновременно его оптические приборы осматривали окрестности. Все было тихо, но и собратьев своих автомат тоже не увидел и не услышал, щебетание птиц и шелест трав и листья на деревьях успокаивали и расслабляли. Робот принял решение, что никто и ничто ему не угрожает, и он не ошибся: на планете давно закончились войны, воевать было нечем — все металлы кончились, не было руды,

каменного угля, нефти, газа — не из чего было строить самолеты, танки, корабли, ракеты, атомные бомбы, нечего было заправлять в баки машин, жизнь на планете возвращалась к лошадям, телегам, деревням, полям, скотоводству, парусам; остались лишь телефоны и телевидение, а многое другое возвращалось в былое. Грамм железа был дороже килограммов золота, люди растранижирили его, безудержно создавая многочисленное оружие и уничтожая его в войнах и конфликтах. Люди сняли с орбит много спутников, переплавили все, что можно, просеяли каждый грамм земли, благо на полях бывших сражений оставалось много осколков, а иногда и целых бомб и снарядов. Но и этот источник быстро иссяк. Люди устремились в горы и искали там обломки ракет, самолетов и кое-что находили...

Перри и Кьюз были хорошими альпинистами и везучими парнями, в пятый раз они ползали по горам и ни разу не приходили с пустыми руками, их ценили и уважали. Вторую неделю горы Памира не отдавали свою добычу, а она была: архивные исследования указывали, что две сотни лет назад здесь пропал большой самолет, значит, обломки должны быть, должны, и все тут, иначе не послали бы Перри и Кьюза.

Когда они ползли к вершине пика, им чуть ли не на голову свалилось яйцо, приличных размеров, похожее на яйцо птицы Рух.

— Сталы! — заорал Перри.

— Вольфрам! — вторил ему Кьюз.

С плазменными резаками наперевес они бросились к яйцу, пытаясь разрезать его на части. Яйцо кипело, но не разрезалось, вся его поверхность пузырилась, словно кипящая смола, заливая незаметные щели, — яйцо было заварено мастерски.

— Да ладно, видно, его не разрежешь, давай так спустим его вниз вон по тому леднику, как раз докатится до подножия.

Яйцо покатилося вниз.

Второе яйцо гнездилося чуть поодаль, Перри и Кьюз не успели добежать, как из раскрывшейся чаши кузнечиком выпрыгнул робот.

— Держи, уйдет, в нем килограммов сто стали, держи, Кьюз, — кричал вне себя Перри, обегая огромный валун.

Стальной кузнечик прыгал хлестче горного козла, перелетая трещины и провалы. Перри и Кьюз так не

умели, это ускорило расправу. Кьюз затаился, поджидая «кузнечика». Бывший чемпион по городкам не промахнулся, и «кузнечик» был подшиблен тяжелым камнем. Подбитый ящик с пружинами полетел вниз, к подошью горы, вслед за скорлупой.

Перри и Кьюз, как охотники, таились за камнями, поджидая следующего посланца, они уже нервничали, так как он задерживался. Но их терпение было вознаграждено, посланец появился. Но этот оказался умнее, он повис над площадкой метрах в ста и зорко осматривался вокруг. Перри и Кьюз затаились. Яйцо опустилось ниже, они смотрели на него уже сверху. Первым не выдержал Перри — он приноровился и швырнул камень в яйцо. Что-то звякнуло, хрустнуло, и яйцо свалилось, ударившись с гулким стоном. Камень Кьюза довершил дело, яйцо затихло.

Командир решил опуститься сам — пропажа была слишком велика, автоматы как в воду канули. Яйцо опустилось километрах в двух от места пропажи. Командир вышел из скорлупы и побрел к пропасти, поглотившей лучших из лучших роботов. Горные тропы были трудны и опасны, усталость быстро давала о себе знать. Яйцо осталось на месте приземления, готовое в любую секунду к старту по первому зову своего хозяина. Вдалеке показалась струя дыма. Пришелец свернул к нему. У костра сидели Перри и Кьюз, поедая жареную рыбу, запах растекался по горам, пугая диких коз и кабанов.

— Эй, дед, ты чего там шатаешься, иди к нам, или тебя прислали нам на помощь, в тебе сколько осталось лошадиных сил? — потешались друзья, гордые своей удачей — сотни килограммов стали за один день!

— Пять тысяч, — простодушно ответил командир чужого корабля.

— Во дает, — покатались со смеху Перри и Кьюз, — иди к нам, рыбки поешь, плеснем чего-нибудь, глядишь, и еще одна сила прибавится.

Пришелец подошел к костру.

— Ивгон, — представился он.

— Иван, что ли?

— Да, да, — поспешил подтвердить Ивгон. — Иван.

— И чего же ты тут ходишь, к нам послали зачем?

— Да нет, я сам.

— Ищешь что-нибудь? — подозрительно спросил Перри.

— Вы тут ничего не видели такого странного?

Перри и Кьюз перемигнулись.

— Нет, не видели.

— И куда они запропастились, ладно, спасибо, буду искать сверху, поднимусь повыше и осмотрюсь. — Пришелец вынул какую-то коробочку и что-то пробормотал на непонятном языке.

Сверху свалилось блестящее яйцо.

— Ага, четвертое! — в один голос закричали Перри и Кьюз и коршунами кинулись к нему с камнями в руках.

— Стойте! — воскликнул пришелец.

Перри и Кьюз остановились, охотничий пыл заставил их забыть про него.

— Так это вы их побили?

— Да, а что?

— Это же наши разведчики-автоматы, мы их с орбиты посылали исследовать планету, а вы, эх, вы, тоже мне разумные... — Пришелец схватился за голову руками и сел на камень, в позе его было что-то явно неземное.

— Так ты что, с другой планеты, что ли?

— Да, с другой, дуроломы, с другой, вон с той, — ткнул в небо пальцем расстроенный пришелец.

Перри и Кьюзу стало неудобно за себя.

— Слушай, не расстраивайся, что вам стоит, других понаделаете, вот у тебя лошадиных сил сколько, раз два — и робот готов, три-четыре — другой, ну хочешь, мы у тебя прощения попросим?

— Не нужно мне ваше прощение, они же из металла сделаны, понимаете — из металла, его на нашей планете и в помине нет, ясно вам, мы его для себя добывали, отдайте наших роботов назад, отдайте! — И он стал наступать на землян.

Козы и кабаны в панике кинулись вверх, в горы, а вниз подобно лавине летели опытейшие альпинисты Перри и Кьюз. За ними по пятам гналось седое чудище с криком: «Отдайте, а то хуже будет!»

УТИЛЬЩИК

Настало время задуматься о космосе. Уже давно над планетой высоко, но еще не в космосе, висели огромные шары с установками, которые генерировали озон.

Они требовали много электроэнергии. Еще выше и уже в космосе висели огромные электростанции-поля. Они тянулись на многие километры в длину и ширину, они исправно собирали энергию Солнца и время от времени узким лучом передавали ее озонаторам. Человек мечтал когда-то передавать ее на Землю, очистив планету от атомных станций, ГЭС и ТЭЦ, но получилось так, что надо было срочно спасать планету от гибели. Слой озона катастрофически исчезал. В космосе стало и без того тесно, а тут еще эти лучи, способные расплавить твой корабль как пластилин на газовой горелке. Сотни тысяч всякой всячины болталось на орбитах. Все это мешало, делало опасными космические путешествия.

В ООН решили создать международную службу утилизации отходов космической деятельности человечества. Космонавты службы получили сразу же прозвище «утильщики». Их корабли светились, их надо было видеть, они летали всюду. Отбирали на эту работу закаленных людей с крепкими нервами и «умеющими стыковаться с пятачком». На комбинезонах их полетных костюмов красовалась эмблема, выполненная не без юмора, — на орбите летит человек в скафандре. В одной руке метла, в другой что-то типа ведра, а за спиной рюкзак. «Пилоты-утильщики должны уметь все», — говорил их командир. Такова была их работа.

Стас был именно из таких. Прежде чем посылать в космос на такую работу, будущих утильщиков «закаляли», по их же терминологии. «Закалка» была проста — их включали в комиссии по расследованию авиационных и космических катастроф, вводили в бригады обследования затонувших кораблей.

Стас две недели работал на лунной станции, погибшей от ударов метеоритов. Это было жуткое зрелище, так как все шесть астронавтов погибли. Погибли мгновенно, застыв в самых естественных позах: кто бежал к пульту, кто к люкам, кто к скафандрам. Павел, друг Стаса, остался в гамаке со сладкой улыбкой на губах. Он всегда так улыбался, когда ему снилась родная деревня в Сибири и дед с бородой в виде широкой лопаты. Павел сам ему об этом рассказывал.

Закалялись ребята так, что фильмы ужасов, которые еще оставались в фильмотеках, для них были как детские мультфильмы в передаче «Спокойной ночи, малыши!». Но не только закаленные нервы надо было иметь утильщикам. Их учили истории, вернее, конструкции

космических кораблей разных эпох, как открыть люки, как пройти в корабль, где аварийные системы, где отсек экипажа, где баки с топливом, где ядерная силовая установка. Одним словом, историю развития космонавтики своей планеты и известных других.

Но не только эти знания нужны были утильщикам. Бывали случаи встреч с живыми существами чужого мира. И тогда все становилось намного сложнее: надо было их понять, притом зачастую в необычной ситуации, встречаясь лицом к лицу. Иногда они были ранены, агрессивны, готовые напасть или защищаться. Любой жест воспринимался по-своему, по законам того мира, где жил тот, кого ты встретил. Даже на собственной планете за один и тот же жест могли в одном месте обнять, а в другом вцепиться тебе в глотку.

Утильщики учились обладать чуть ли не звериным чутьем, некоторые начинали чувствовать магнитные поля, радиационное и радиолокационное облучение, ультра- и инфразвук. Они становились настоящими жителями Вселенной, ее детьми.

Особенно опасны были «мусорные ямы», точки либрации, где гравитационные силы системы планет уравнивались, и в эту точку собиралось все, что не имело возможности преодолеть даже самое незначительное притяжение. Но зачастую, набравшись сил, благо светила отдают много энергии, космические скопища могли сделать что угодно. «Санатории Вселенной» — так прозвали эти места утильщики.

Павел говорил об этой ситуации так: «На быстрине человек устает, в заводах отдохнет и снова в бой». Так он переносил земные понятия в космос.

Старт был удачным, два витка надо было сделать над планетой, в сфере безопасности, потом перейти на более высокую орбиту и там еще виток, а далее неблизкий путь к «мусорной яме» между Землей и Луной.

Стас проверил системы корабля, все работало отменно. Посмотрев вниз, он полюбовался Южной Америкой. Корабль проходил ее с юго-востока.

«Как все-таки красиво, — подумал он, — и вот здесь над Атлантикой Павел последний раз включил двигатель, чтобы оторваться от Земли и стать ее спутником».

Сигнал заставил его отбросить грустные мысли.

«Впереди цель, — прописал компьютер на дисплее. — Расстояние 300 метров, размер три сантиметра в диаметре, относительная скорость метр в секунду».

«Слава богу, хоть скорость маленькая. Что же это за осколок?» — облегченно вздохнув, подумал Стас.

Он посмотрел в задний иллюминатор: отсек двигателя смотрелся просто прекрасно, ровными линиями строгих геометрических обводов.

«Надо раскрывать сборник, — решил Стас и нажал клавишу «Готовность сборника». За спиной зашипело, и по бокам отсека стали раздуваться прозрачные шары с входными воронками. «Как у жабы, когда она поет брачные песни». Радар давал устойчивую отметку. Стас летел к осколку. Сблизившись, он с удивлением увидел, что это — металлический рубль. Он летел над Землей и величаво вращался, показывая то одну, то другую сторону.

«Юбилейный, — отметил Стас. — Вот к какому юбилею, это надо рассмотреть телекамерой. Так, даю увеличение. Господи, юбилейный с Менделеевым. Магнитом не взять. Надо клешней. Мелковат предмет, но думаю, что возьму».

Захватить монету удалось. Стас рассмотрел ее при сильном увеличении.

«1989 год чеканки. Надо же, сколько времени прошло. Может, когда-нибудь в космосе клады будут находить. И почему космические путешественники не берут с собой золото, серебро... деньги. Может, только у себя на планете мы возвели их в ранг высочайшей ценности! Символично — планета и над ней летает рубль...» Стас положил рубль в левый контейнер. Сквозь прозрачную стенку контейнера было видно, как он, рубль, «мечется» внутри объема, пролетая то к одному, то к другому борту.

«Представляю, если кто-то врезался бы в него и продырявил себе иллюминатор или обшивку, вот удивился бы — рублем прошило».

— Ну вот, на бензин заработал, — вслух сам себе сказал Стас.

Это была еще одна особенность утильщиков — говорить вслух. Одиночество обостряло голод по общению и речи, поэтому все без исключения утильщики говорили сами с собой. На Земле зачастую на них смотрели, мягко говоря, удивленно, когда они ни с того ни с сего начинали диалог с самим собой.

Антенны обзора обшаривали сферу, но ничего пока не обнаруживали. Стас прослушал эфир — тоже никаких «лишних» шорохов, космос шумел только фоном.

Он перешел на оптический канал. На обзорном экране возник спутник, опознавательные огни его мигали, давая знать, что он работоспособен и его не надо забирать с орбиты (такие случаи были и они приводили к большим скандалам, судам и штрафам).

— Бог ты мой, — Стас почесал затылок, пролетая мимо спутника. — Зря я рубль в сборник мусора положил, надо переложить его в ангар для «представляющих ценность» предметов. Все же рубль. Вдруг до штрафа дело дойдет, продам реликвию из космоса, деньги будут.

Стас оглянулся на удаляющийся спутник. «Мощная оптика», — подумал он. Заглянув в регистр, он прочитал: «Спутник детальной фоторазведки, принадлежность объединенных штатов. Зона осмотра 50 метров, при пересечении зоны возможны активные действия по защите. Снабжен самоликвидатором. Опасность первого ранга».

«Как чувствовал, метрах в ста прошел». Стас взялся за манипулятор и переложил рубль в ангар, в контейнер мелких предметов. За рублем пришлось погоняться. Стас удовлетворенно уложил манипулятор на борт и взглянул на экран... Он не сдержался и вскрикнул... — в упор на него смотрело человеческое лицо с неподвижными полузакрытыми глазами. Стас отшатнулся от экрана, зашарил вокруг руками, не отрывая взгляда от лица за иллюминатором. Что-то заставило его пристальнее всмотреться в лицо на экране. Манипулятор уже ожил, и его рука тянулась к...

«Ребенок, — подумал Стас. — Господи, да как же это произошло. Ребенок на орбите...» Стас осторожно взялся манипулятором за его талию и приблизил его к телеобъективу...

— Фу-ты, ну-ты, — облегченно воскликнул он. — Кукла, да еще с закрывающимися глазами. Как же ты попала сюда? Какая трагедия разыгралась здесь, в космосе? Придется шарить вокруг. Вообще-то, если был взрыв, осколки вытянулись в цепочку, пройду дальше... Надо сети выставить. — Стас раскрыл сети. На передней части корабля выставились огромные квадраты мельчайшей сетки. Она механически захватывала все, что попадало на ее пути. Магнитные ловушки надежно удерживали металлические предметы.

Стас решил правильно, вскоре ему попала детская коляска, одеяло, набор вилок, далее часть скафандра, к

счастью пустая, осколки крупные и мелкие. Работы хватало. Стасу пришлось по согласованию с диспетчером сделать еще и третий виток. Моделирование бортовой машины выдало результат — не хватает четырех осколков и двигательного блока. Взорвавшийся корабль был по каталогу с ядерным генератором.

Пришлось шарить еще, осколки нашлись, нашелся и двигательный отсек. Ядерный блок болтался выше. Стас сумел схватить его, благо видимых повреждений не было, а приборы не обнаружили утечек, и упаковать в свинцовый контейнер. Собрав по пути еще какие-то куски, Стас полетел к «мусорной яме». Перелет длился полтора суток, и Стас предвкушал хороший сон.

В «мусорной яме» был радиомаяк, и автомат делал свое дело без вмешательства Стаса. Выспавшись, он взялся за чтение. Книга была интересной, о мафии, организовали которую секретарши «тузов». Стас был поражен теми возможностями, которые они открыли для себя... их делам просто не было границ.

Вздremнув еще раз, Стас начал готовиться к входу в зону «мусорной ямы». Входные буй давали точную привязку. «Вход в узкость», как любил говорить Стас на морской манер, не составил труда. Только что не палили крепостные пушки в честь его прибытия.

Стас быстро обнаружил потерявшийся зонд, он был лишен энергии — солнечные батареи его были буквально изрешечены метеоритами и болтались как флаг на безветрии. «Хорошо, что сюда прибило. Все-таки молодцы, что изучили гравитационные поля, как прибором — потихоньку, потихоньку и к родной планете, а дальше сюда, к не менее родной «мусорной яме».

Стас собрал несколько крышек от иллюминаторов. Хоть и приняли решение о запрещении применения в конструкции космических объектов отстреливаемых элементов, все равно нет-нет, а появляются они в космосе.

«А может, они от тех, старых кораблей, может, тоже гуляли где-то по орбитам, пока не прибились сюда. Нашлась же крышка от кинокамеры, которую эвон когда выронил Леонов. Сколько прошло... теперь в музее». Стас осматривался вокруг. Вдруг что-то его насторожило, краем глаза он заметил легкое движение. Инстинкт заставил его замереть и следить одними глазами. Движение повторилось. Это была тень на свинцовом контейнере, теперь Стас увидел ее явственно.

«Откуда тень, если нет никакого предмета». Стас заволновался. Такого еще не было. Тень шевелилась. «Клякса», — дал ей определение Стас. Тень плыла вперед. «Как осьминог. Но все-таки клякса». Клякса продвигалась дальше.

— Черт возьми, — воскликнул Стас. — Да она к замку контейнера пробирается. Вот гадина, там же отходы от генератора, радиация, уран. Куда тебя несет, безмозглая?

Тень опять шевельнулась, и Стасу показалось, что она отмахнулась от него одним щупальцем.

«Как это — прозрачная, а тень от нее падает?» — подумал Стас.

— Это нетрудно понять, часть энергии поглощается во мне и, мгновенно материализуясь в моих преобразователях, усваивается, — ответ звучал прямо в Стасе. — Но это только тогда, когда нет пищи. Ее у нас стало мало. Мы ищем ее по Вселенной. Я тот, кого у нас зовут утилизатор. Я могу преобразовать все, особенно радиоактивные вещества. В контейнере у вас как раз оно и есть. Я не могу ничего с собой сделать, усвоить его — желание, превышающее тактичность. Простите, но я его возьму себе. Меня мучает голод.

— Да бери ради всего святого, мы не знаем, куда их девать. У нас и от электростанций и от спутников, от ракет и бомб этого хлама хоть пруд пруди. Забирай и... И что, он исчезнет, и все?

— Да он исчезнет как физическая материя и будет во мне как энергия. А потом мы собираемся все вместе и соединяем энергию в единое. Иначе мы не проживем. А где все остальные ваши отходы?

— Мы часть на дно океана опустили в бетонных скафандрах, часть запустили в космос на вытянутые орбиты. Заводы построили по регенерации, но все равно отходы приходится хранить в подземельях.

— Ну вы и растратчики. Разбрасываться таким... вы что, как это у вас там говорят... обалдели, что ли?

— Да оно для нас вредное. Понимаешь?

— Ну тогда другое дело. Ты мне разрешаешь этот контейнер забрать?

— Контейнер нет, а содержимое пожалуйста.

Клякса исчезла. Через несколько минут крышка контейнера сдвинулась и оттуда показалась тень.

— Спасибо тебе.

— Да ладно, не за что... — Стас вдруг решил разы-

грать эту самую кляксу. — Это тебе спасибо, я тебе даже заплачу за то, что ты освободила меня от этой дряни... Ой, прости, ведь это же твоя еда...

— Как заплатишь?

Стас молча вынул манипулятором рубль и протянул его кляксе.

Рубль исчез. Наступила пауза. Стас не знал, что предпринять.

— И тебе спасибо, — клякса протянула щупальце к ангару для особо интересных находок. Стас посмотрел туда и обмер, — в ангаре плавало два рубля. Стас сглотнул слюну.

— Слушай, вас таких много? — спросил он.

— Не очень.

— А вы можете очистить нашу Систему?

— Можем, раз плюнуть. Пустите нас на планету, дайте координаты контейнеров в космосе. Координаты «мусорной ямы» я уже знаю. Год-два, и вы будете чисты, как стекло.

— А сырье не поедите?

— Нет, мы только по отходам. Нас создала сама Вселенная, защищаясь от вас, Разумных. Ты думаешь, вы одни такие?

— Не одни?

Клякса вроде бы захихикала.

— Понятно, ну спасибо тебе еще раз. Я теперь на Земле скажу, что мы не одни. Не надо будет деньги тратить в академиях, доказывая это. А то некоторые думают, что мы одни.

Клякса опять хихикнула, а у Стаса возникла еще одна шаловливая мысль.

— На тебе, — сказал он и протянул кляксе две монеты. — Спасибо тебе.

Монеты исчезли, а в ангаре появилось четыре. Стас еле успевал говорить «спасибо» и протягивал монеты. Вскоре ангар был полон. Стас перевел дыхание и ошеломленно смотрел на ангар, забитый монетами. Почему-то стало неловко и захотелось побыстрее вернуться домой.

— Можешь сразу меня взять с собой? Или я спокойно здесь посплю, в «яме»? — предложила клякса.

— Да... нет, не могу взять с собой, посоветоваться надо, — тянул Стас. — Я ведь только утильщик, а не президент Всемирного Комитета.

— Ну, лети, я посплю. Так и знала, что ты еще робкий, самостоятельности маловато.

Клякса исчезла. Корабль Стаса понесся к Земле. После посадки Стас сдал деньги в Объединенный Всемирный Комитет в группу разработки программ контакта с иными цивилизациями. Это был первый реальный доход из космоса, а рубль вскоре стал конвертируемым.

ТРАНСФОРМАЦИЯ

Отец осторожно открыл дверь в комнату сына, тихонько подошел к нему и встал сзади посмотреть на то, что он делает.

— Опять соседи телевизор включили. — Вовка с досадой бросил ручку, и на тетрадке образовалась осьминогообразная клякса.

Отец тут же дал подзатыльник Вовке, хотел добавить еще, но рука его застыла в воздухе. Ничто, кроме шлепка от подзатыльника, не нарушало тишину.

— Ты откуда знаешь? — спросил отец.

— Не знаю, откуда я знаю, — ответил нахохлившийся от обиды Вовка. — Чего дерешься? Как чуть чего... так раз, и по затылку. Тебя-то, наверное, не били. У тебя родители были воспитанные. Петька говорит, что нельзя по голове бить, ум отшибается, а ты... а еще отец.

— Да ладно тебе обижаться, я же тихонько, в назидание. Это же воспитательная мера. Учи, учи математику, сынок, уж эти-то цифры все могут, любое явление на язык математики переложить можно. Пятый класс — это серьезно. Так ты говоришь, соседи телевизор включили? Что-то я не слышал ничего.

— А Петька на наушники слушает, у тети Клавы голова болит, давление высокое. Вот дядя Костя и запретил ему звук включать. А насчет математики ты прав.

— Чего, чего. — Отец снисходительно потрепал Вовку за плечо. — Лобачевский. А как ты-то узнал, что они телевизор включили?

— Не могу объяснить, пап, я просто знаю, что включили, и все.

— Ладно, пиши, пиши. — Отец потихоньку отошел от письменного стола.

«Как же он мог услышать? Телевизор у соседей через

две стены и через комнату. Чепуха какая-то. Пойду посмотрю».

Действительно, соседский Петька сидел в наушниках и подпрыгивал на диване, переживая за какую-то ворону. Показывали мультфильм. Степан Петрович сел рядом, досмотрел и только после этого потрепал Петьку по вихрам. Тот вскинул глаза и снял наушники.

— Здравсте, дядя Степа, — поздоровался он.

— Петя, сколько раз тебе говорить, чтобы ты не звал меня дядей Степой. Прямо как из книги. Зови солидно Степаном Петровичем.

— Ладно, — согласился Петька.

— Петь, а Петь, ты давно телевизор включил?

— Я ж без звука, хоть и мамки нет, я все равно в наушниках. Разве слышно? Да я...

— Да нет, Петенька, не мешает вовсе он. Я просто так спрашиваю.

— А, просто так. Нет, Степан Петрович, вот только мультик посмотреть и включал. — Петя выключил телевизор.

— Ну ладно, спасибо тебе. Привет папе и маме.

— За что спасибо-то? Они гулять ушли, и я сейчас к ним побегу. Про гравитацию рассказывать буду.

— Про что?

— Про гравитацию.

— А-а-а, — только и мог сказать Степан Петрович.

Из квартиры вышли вместе.

— Кланяйся, значит, родителям. — Степан Петрович попрощался, с уважением пожав руку Пете.

Степан Петрович вернулся к себе, подошел к Вовке. Тот сидел и сосредоточенно что-то писал, но совсем в другой тетрадке.

Вязь формул удивила Степана Петровича, но он промолчал.

— Где был? — спросил, закрывая тетрадь, Вовка.

— К соседям ходил, хотел тетю Клаву провести. Приболела она что-то. С Петькой поговорил. Уроки совсем не делает. Что-то пошел про гравитацию рассказывать своим родителям. Он ушел.

— Я знаю.

— Что ты знаешь?

— Знаю, что ушел. А про гравитацию он зря разболтался.

— Это как же ты знаешь, что он ушел. Дверь, что ли, хлопнула?

— Да нет, телевизор он выключил, значит, ушел. Если б дома был, то его от телевизора не оттащить.

— Слушай, Петя, как это ты?...

— Пап, чайник кипит на кухне.

Степан Петрович прислушался, но было тихо, «чайникового» свиста слышно не было.

— Откуда ты знаешь, что я газ включил?

— Как откуда? Температура повысилась, значит, включил.

— Какая температура? Где? — Отец стал раздражаться.

— Обыкновенная температура. Какая же еще? Температура чайника, — все еще сердясь, ответил Вовка.

— Ты не груби, с отцом разговариваешь. Отвечай чего спрашивают.

— Я и отвечаю. Ты включил газ, чайник стал нагреваться, а сейчас он закипел, потому что температура сейчас сто два градуса. А вода кипит при ста градусах.

— А девяносто градусов — прямой угол, — машинально добавил отец.

— Чего? — не понял Вовка.

— Это, Вовка, есть такой анекдот. Лекцию читал старшина солдатам и говорит: «Вода кипит при девяноста градусах». А один солдат грамотный такой был, десять классов окончил. Вот он не выдержал и говорит: «Вода кипит при ста градусах, а девяносто градусов — это прямой угол», — Степан Петрович говорил, а сам никак не мог уяснить сказанное Вовкой.

Вовка расхохотался вовсю.

— Ты чего хохочешь? Неужели ты все понял? — удивился отец.

— А чего тут не понять. Это он, твой старшина, не понимал. А я-то знаю, что такое прямой угол, — рассудительно ответил Вовка.

— Вовка, а как ты все-таки температуру узнаешь?

— Чувствую, папа.

— Ладно, я пойду на кухню и выключу газ. А ты скажешь, выключил я его или нет. Хорошо?

— Давай.

Степан Петрович стоял перед газовой плитой, пар валил из носика чайника. Он почему-то вдруг забоялся выключать газ.

«Дай проверю», — подумал он и крикнул.

— Выключил.

Вовка молчал. Прошло секунд тридцать.

— Нет, не выключил, обманываешь, — услышал он наконец ответ. — Нехорошо маленьких обманывать, нехорошо. Ты же мой воспитатель и пример.

— Ладно тебе умничать, шутник нашелся.

Степан Петрович выключил газ. Опять прошло секунд тридцать.

— Ну вот, теперь правда выключил. Уменьшается температура, пар уже не валит. Чайник и есть чайник.

Отец сначала опешил, а потом побежал в ванную, взял приготовленный там для парилки на дачу термометр и сунул его в чайник.

— Сколько сейчас градусов? — крикнул он.

Ответ прозвучал незамедлительно.

«Ты смотри, точно», — отметил Степан Петрович.

— А сейчас?

«Опять точно».

Степан Петрович пришел к Вовке, сел на стул и стал внимательно на него смотреть. Вовка заерзал.

— Ты чего, пап?

— А у меня какая температура?

— Тридцать шесть и пять, — четко ответил Вовка.

Степан Петрович вытащил из под рубашки термометр, ртутный столбик замер на отметке 36,5. Он еще раз изумленно посмотрел на Вовку.

— Володя, ты же феномен. Ты чувствуешь температуру. Ты...

— Не я один, папа. Это во-первых. Во-вторых, не только температуру. Я форму нагретого предмета вижу.

Степан Петрович весь вечер делал опыты с Вовкой. Он включал утюг в туалете, и Вовка безошибочно отгадывал, что это утюг, уточнял, как он стоит и до какой температуры он нагрелся.

— И много вас таких?

— Почти полкласса. Но мы договорились особенно про это не распространяться, очень уж пугаются почему-то и родители, и учителя. Ты не удивляйся, папа, мы много можем. Мы чувствуем, как бежит ток по проводам. Я вижу форму магнитного поля, ощущаю излучение радиолокатора. Нас уже врачи приглашали на помощь. Мы видим, где воспаление, то есть я могу показать то место, где температура повышена. Они очень довольны.

— Ничего себе! — только и мог вымолвить отец. — Чего же ты молчал?

— Тревожить тебя не хотел. Но я же не молчал.

Помнишь, к тебе врач приходил. Ты еще удивлялся, что вроде бы не вызывал, а врач пришел. Это я его вызвал, у тебя была явно повышена температура почек. Ты застудил их на охоте.

— Ну, Вовка, ну ты и даешь. А еще что ты можешь?

— Еще, отец, я могу улавливать радиоволны. Я могу сделать так, что в голове у меня будет звучать музыка или что там передают по радио. Мне не нужны радиоприемники. Мы уже умеем обмениваться мыслями. Ты знаешь, как смешно, когда мы подсказываем друг другу на уроках. Учитель ведь не может нас вывести из класса, а нас спрашивать по одному, да еще за железным листом.

— Почему за железным листом?

— Через железо наши мысли не проходят. Пока не проходят.

— Почему пока?

— Мы уже почти знаем, как это сделать, надо научиться менять длину волны наших мыслей в широком диапазоне вплоть до сверхдлинных. Но пока плохо получается. В наших телах, ведь мы еще дети, нет крупной детали, чтобы использовать ее как резонатор для этих волн.

Степану Петровичу стало страшно, страшно по-настоящему.

— А мысли читать вы умеете?

— Да, на близком расстоянии пока. Но я часто отключаю эти блоки, слишком противно слушать чужие мысли. Говорят одно, а думают другое. Жаль, что не все такие, как мы, потому что мы, например, уже врать друг другу не можем, мы говорим то, что думаем. У нас освободилась масса мозговых клеток, которые раньше просеивали мысли и переводили в то, что можно или надо сказать. Остальные оставались как бы не озвученными. А нам как раз нужны резервы мозга.

— Это еще зачем?

— Понимаешь, мы получаем информацию на два порядка больше, чем вы, и переработать ее на том же уровне возможностей мозга, как у вас, мы не в состоянии. Для нас ваш мозг уже мал, и мы думаем, как его увеличить. А пока обходимся резервами. Вот, например, мы пришли к выводу, что информация от обоняния достаточна для нас и на вашем уровне. Тут вот в чем дело: для ее обработки надо большие мощности мозга задействовать, а толку от нее не так уж много. Вот мы и не

расширяем пороги этого канала. Вот тебе и резерв. А вообще-то мир запахов тяжел и противен, мы еще не можем отделаться от их традиционного восприятия.

— Господи, Вовка, как это вас на все хватает, бедные вы ребята. Ты уже совсем взрослый. Где же твое детство, Вовка?

— Детство нужно было тогда, когда мы не имели этих возможностей. Вы накапливали опыт долго, так как сенсоры ваши были ограничены. Понимаешь? Каналы поступления информации узкие у вас и пороги слишком грубы. Вы все время отдалялись от природы и в этом искали спасения. Но в этом и ваша беда. Вы так и не поняли окружающий мир и натворили много глупостей и бед. Нам трудно вернуть ваш мир к тому, что было. Мы сначала приспособимся к сегодняшнему и разовьемся к будущему миру, а потом посмотрим, что делать. Но все единогласны в том, что спасение наше в космосе. И мы переделываем себя под него.

— Это еще как же?

— Я и Петька научились ощущать гравитационные поля. Я с закрытыми глазами определяю, что около меня: легкая палка или грузовик. Их гравитационные поля я чувствую. Это очень интересный мир, вечная борьба полей гравитации. Каждый предмет отвоевывает свою сферу влияния. Как же! Пылинки будут лететь к нему, а не к какому-то легкому соседу, а он становится все тяжелее. Вот радость-то. Смешно на них смотреть. Правда, пап?

Отец молчал. Сын тоже. Наконец отец отважился и спросил:

— Сынок, а как вы жить-то собираетесь в этом космосе? На какой-нибудь планете? Или как?

— Послушай, отец. Наша программа в общих чертах такая, я тебе уже говорил. Сначала надо приспособиться к тому, что вы натворили. Пестициды, гербициды — это ладно, это мы уберем, это не так уж сложно. Сложнее другое, и мы вам даже благодарны, так как вы невольно начали нужное дело. Вы потихоньку приучали человека жить в радиации. Я могу тебе сказать, что ты «светишься», и притом неплохо. Печень твоя собрала много того, чего не надо бы, кости тоже. Ты же видел рентгеновские снимки. Помнишь того самого скелета. Это ты. Ты светишься скелетом и печенью. Во всех вас и в нас радиации уже много. В городах все пронизано радиацией, в деревнях ее тоже немало. Вы создали но-

вое поколение, приспособленное к радиации. Рыба светится, хлеб светится, в мясе изотопы, в реке изотопы. Вы создали изотопный мир. И я тебе скажу, что мы проживем в этом мире дольше вас. Это сделали вы.

— Ты говоришь страшные вещи, сын. Но все-таки на что рассчитываете вы?

— Наш организм уже воспринял радиацию. Мы живем с ней. Радиация — это энергия, безграничность энергии. Вот мы и переделаем себя так, что нам не нужен будет хлеб, мясо, масло — нам нужна будет радиация, только радиация. А ее здесь на вашей планете и в космосе достаточно. Вот так. Сложность заключается в том, как исключить кислород из жизненного цикла. Вот тут они ошиблись.

— Кто ошибся? — быстро спросил отец.

— Извини, отец, я скажу тебе, но это только для тебя. Я живу уже категориями нашего мира, где нет обмана. Ошиблись те, кто заложил программу нашего рождения. Они не думали, что за это время, то есть до нашего появления, вы сумеете наделать столько много ошибок. Вот и все. Мы будем жить за счет радиации, ее везде много, это изначалие зарождения жизни вообще. Нам не будет границ, космос, Вселенная, как вы говорите, наш, это наш дом. Вы — наше детство, мы — более старшее поколение, те, кого мы создаем, — ваши внуки.

Отец не проронил ни слова.

— Прости, папа, мне надо сделать домашнее задание. Уроки учить. А то учительница завтра опять будет нами недовольна.

Степан Петрович встал и вышел из комнаты сына, плотно притворив за собой дверь. Опять между ними была закрытая дверь. Мир разделился.

РИСУНКИ

Был вечер, отец сегодня пришел с работы раньше, чем обычно. Можно было пообщаться с сыном, повоспитывать его.

— Коля. — Голос отца был строг. — Опять ты свои каракули понарисовал. Только бумагу портишь. Неужели нельзя попытаться что-то путное нарисовать. Вот, например, тарелку нарисуй, кувшин, яблоко, окно. Я художник, твой отец. И неплохой художник. А ты рисуешь

что попало. Ну объясни мне, что это у тебя за клубок из ниток на бумаге. Что они обозначают? Ведь тебе уже шесть лет, большой.

Вихрастый, веснушчатый Коля смотрел на отца и ухмылялся. Взгляд его был чуть снисходительным, словно он все понимал, что говорил отец, а главное — неправоту своего отца.

— Пап, а почему ты думаешь, что здесь нет ничего понятного. Я могу нарисовать вазу и твой портрет, но это лишь отражение настоящего. А это, — мальчик показал пальчиком на свой рисунок, — это реальное прошлое, которое во мне и других детях. Все, что накопили предки, — все во мне, все их знания и опыт. А ваш опыт вы передаете нам сейчас. Вот так.

— Что, что? — опешил отец. — Ты откуда всего этого набрался?

— Как откуда? От деда, от тебя. Потом это просто во мне. Теперь о рисунках. Вот, посмотри, это, — Коля ткнул в извилистую линию, — это деревня. Это — путь охотников. Вот — это один из них зверя убитого тащит домой. Дома жена и дети голодные. Вот там они. Он их кормить должен. Нам однажды обед в сад не привезли, знаешь, как сразу всем есть захотелось. Все уже привыкли в это время есть. А тут, на тебе, пищу не принесли. А вот Дождь и Пити не привыкли...

— Кто такие Дождь и Пити? — встрепнулся отец.

— Это дети Джима.

— Кто такой Джим?

— Охотник.

— Какой охотник?

— Из той деревни. Ты никак не поймешь, — Коля заторопился, — еще раз посмотри: вот деревня, вот дорога, вот лес, вот охотник, он уже почти пришел, ему чуть-чуть до деревни осталось...

Иван Петрович внимательно следил за пальцами Коли и его рассказом, ему показалось, что все это действительно есть: вот стоят хижинки, вот лес...

— ...сейчас они его встретят гурьбой, а потом отдадут трофей старейшине, он делить будет. Пап, а у вас на охоте кто делит? Тоже, наверное, самый старший?

— Нет, сынок, наоборот, самый младший. А вот больше достается как раз старшему. Начальнику. Ну, этого тебе пока не понять.

— Пока да, — подтвердил Коля.

Отец удивленно посмотрел на сына и покачал голо-

вой. Он еще пристальнее всмотрелся в рисунок. Все явственнее просматривался смысл линий, он начинал понимать их временную и пространственную связь. Уже просматривались ветки, лежащие на крыше, стволы мелких деревьев — стены хижин.

Иван Петрович увидел и людей. Они ходили по деревне, собирались кучками, что-то обсуждали. Еще немного мохнатые малыши носились стремглав, как и все дети. В одной из хижин сидела усталая старуха с младенцем на руках. Она, видимо, пыталась его убаюкать и пела песню. Открытый ее рот с кривыми зубами был неприятен, а близость младенца вносила еще и тревожное чувство. Сердце Ивана Петровича учащенно забилося, и он протянул руку, чтобы вырвать ребенка из рук старого чудища. Но на полдороге Иван Петрович остановился и смущенно посмотрел на Колю извиняющимся взглядом.

— Не беспокойся, отец, все будет хорошо, он вырастет и будет хорошим воином и охотником. Охотников давно не было... — продолжал Коля, — а вот отца того малыша, которого ты видел, вчера лев разорвал. Так что он теперь без отца. У нас в саду у Павлика отца в Афганистане убило, так что он теперь тоже без отца, как и Ион.

— Кто такой Ион?

— А этот малыш, что без отца остался.

Колька прижался к отцу и погладил его по руке. «Бред какой-то», — Иван Петрович встряхнул головой и опять посмотрел на Колькины каракули. Он увидел, что из леса вышла группа охотников. Они устало брели уже по деревне. У одного за плечами было что-то похожее на козу, в руках другого был заяц.

«Так мало на всю деревню, а ведь детей сколько. Не хватит им, бедолагам», — Иван Петрович оглянулся на холодильник, где лежало три килограмма мяса и три пачки молока.

Коля понял его жест.

— Пока не получится, папа. Не пробуй.

Отец отвернулся от холодильника. Колька защебетал снова:

— Так что сейчас они разделят пищу, перессорятся все, накричат на старейшину, ночью будут воровать друг у друга мясо. Так у них всегда бывает. Это племя у них самое отсталое. А вот другое — там не так, там все по порядку, организовано. У них воспитатель есть, он все

знает и учит их. Он с неба к ним прилетел, вот научит и улетит снова... Потом прилетит и проверит, что к чему. Он уже несколько раз учил, а они все забывают и забывают. Он их и работать научил, чтобы не теряли знания, у них и мы научились. И Сашка умеет, и Маринка...

— Какой Сашка, какая Маринка? — сорвался Иван Петрович. — Ты что, заболел? Ты что за чушь несешь? Какие пещеры? Какие деревни? Какие учителя-пришельцы? Бред это, бред! Воображение, и не больше! Ты болен, Коля. Надо врача позвать.

— Не надо врача. Пришельцы есть.

— Какие же они? Расскажи.

— Я не знаю какие, но они есть, они их, а значит, и нас научили. Потому что то, что знают они, знаем и мы.

— И как же они вас научили? — отец почувствовал тут слабинку и приготовился поймать на этом Кольку.

— Что же ты никак не поймешь! Они научили их, то есть нас. Я проснулся три дня назад и давай рисовать. Сашка с Маринкой тоже. Воспитательница по рисованию тоже сначала ругалась, а потом поняла, но не все. А ведь изолинией можно объединить много образов.

— Что, что?

— Изолинией можно объединить много образов. А если их три, этих линий, наложить и свести координаты каждой их точки, то получим трехмерное изображение, то есть объемное. А если еще время замешать, то все будет еще и двигаться. Вообще-то, отец, объемные рисунки — это не фокус. В Ленинграде, в здании Академии наук, по-моему, такие рисунки есть. Но вот время они замешивать не умели, ни свое, ни прошедшее, ни будущее. Все было в статике.

Иван Петрович плюхнулся на стул и с нескрываемой тревогой смотрел на Кольку. Тот как ни в чем не бывало подошел к буфету и вытащил любимую конфету. С независимым видом он раскрутил бумажку, сунул конфету в рот и пошел в большую комнату.

— Стой, — хрипло приказал отец и для убедительности стукнул по столу рукой. — Стой. И отвечай. Где остальные рисунки?

— В саду.

— Их там никто не порвал?

— Нет, мы их на стенки прилепили одну к другой, чтобы весь холм был виден.

— Какой еще холм?

— На котором живут лохматые люди.

— Так. А кто видел эти рисунки?

— Все.

— Кто все.

— Все ребята нашего детсада. Даже самые маленькие сразу своих однолеток признали и давай с ними играть. А те все кусали, даже игрушки. Думали, наверное, что им опять поесть принесли.

— Вот видишь, вы им игрушки давали. А мне сказал, что я им ничего дать не могу, когда в холодильник хотел полезть. — Иван Петрович даже чуть обиделся.

— Так ведь это мы — дети с детьми, а с тобой смогут только взрослые — это раз. И то не все — это два.

— Вот что, Колька, беги-ка ты за воспитательницей и прямо в сад. Я за тобой. Картинку я твою сам принесу.

Колька убежал, прихватив еще одну конфету. Отец не ругался и не грозил, что «зубы выпадут вместе с головой».

Приставив недостающую картинку в массу приклеенных на стене, Иван Петрович ахнул — перед глазами предстала жизнь первобытного племени. Некоторых Иван Петрович узнал...

Консилиум ученых долго не понимал, в чем дело. Выслушали всех детей. Было смешно видеть, как малыши отчитываются перед бородатыми и лысыми дядями. Дяди сначала улыбались, потом стали переглядываться, потом стали шуметь друг на друга, спорить и даже ругаться. Воспитательница пристыдила ученых и забрала детей.

Ученое собрание переселилось в детский сад. Они долго наблюдали за жизнью племени. Однажды из чащи леса вышел человек в скафандре с откинутым шлемом. Он приветливо взмахнул рукой и сказал:

— Наконец-то. Здравствуйте. Наконец-то можно поговорить. Спасибо, Коля.

— Да ладно, — сказал Коля и пошел в свою группу, в старшую.

БИБЛИОТЕКА

Петр хотел почитать, но в это время вошел Семен.

— Сыграем? — спросил он, вытаскивая из-за спины шахматную доску.

Петру играть не хотелось, но гость есть гость.

— Давай, только одну.

— Хорошо.

Расставили фигуры, играли, как всегда, «блиц». Три минуты, и партия окончилась, выиграл опять Петр. Семен смущенно сложил фигуры и исчез. Петр блаженно потянулся и, взяв книгу, присел за стол.

— Хорошо, что за стол сел, — сказал врач-психолог, — а то бы опять боковые камеры включать надо было бы, а Иван опять куда-то смылся. Молодость есть молодость. — Эльтузар вздохнул, словно вспоминая свои молодые годы, и пропел: «Были и мы с тобой рысакими».

— Были, были, Эльти, все-таки он явно с кем-то общается. Не может быть, чтобы он сам с собой играл. Смотри, как радовался за выигрыш. Если б сам у себя выиграл, то так бы не радовался. Явное было снисхождение к побежденному. Ты согласен?

— Конечно. Впереди еще есть время, и мы все поймем. — Николай вздохнул. — Человек — загадка. Не все проходили сурдокамеру легко. Но такое я вижу впервые. Стой, что это за шепот. Дать усиление! Связист, усиление дай.

Эльтузар и Николай придвинулись к динамику. Неясное бормотание превращалось в достаточно четкие слова. Эльтузар взглянул на экран и, толкнув в плечо Николая, замер.

Петр жестикулировал, ходил по камере, размахивал руками, говорил, спорил, что-то доказывал...

— Что за книга у него? — быстро спросил Николай.

— «Хроника времен Карла девятого», — ответила ассистентка Нина.

— Нина, принеси. — Эльтузар понял Николая.

— Оператор, Миша, дай крупным планом страницу, где он читает, мне надо понять.

— Сороковая, — доложил оператор.

— Спасибо. Где эта чертова книга? — Николай нервничал.

— Да вот она, чего кричать-то. Подумаешь, книгу затребовал. Ты, Николай иногда... — говорила Нина нараспев.

— Помолчи, не до тебя, — грубо оборвал ее Николай.

Эльтузар раскрыл нужную страницу. Оба ахнули... Петр разыгрывал диалог короля с королевой. Книга лежала на столе, а Петр говорил, говорил и говорил, споря с королевой о порядке в замке.

— Ничего не понимаю, — почему-то прошептал Николай. — Это же какое воображение надо иметь, да и текст надо выучить. Коля, ты что-нибудь понимаешь?

— Нет, не понимаю. Человек есть человек. Возможности его бесконечны. Сам учил, Эльтузар, и мало прогнозируемы. Нет, ты его послушай!

Петр продолжал говорить, но понять его было невозможно, движения его стали грациозными, царственными, голос строг и высокомерен.

— Что там по тексту? — спросил Эльтузар.

Николай взглянул на следующую страницу.

— Вошел комердинер. Слушай, Эльти, да он по-испански шпарит. Я на Кубе был, некоторые слова помню. Во, слышишь, «ой» — это, по-моему, сегодня, «трабахо» — это работать. Он что, испанский учил?

— У него в анкете, — ехидно произнесла Нина, — написано «читаю и перевожу со словарем по-английски». Изучать надо дела испытателей. Формалист и грубиян ты, Колька.

— Спасибо и отстань, Нинка.

— А теперь?

— Слушай, он на французский перешел, он с послом Франции беседует. Видишь, как расселся. — Николай прочитал вслух: — «Король опустил в кресло, чуть отставив в сторону левую ногу. Шпага привычно покоилась под рукой». Ты посмотри, Эльти, он так и сидит и рука как будто на эфесе шпаги. Во дает, Петруха. Король, да и только. Это надо же летчик первого класса Петр Федорович Пятихата превращается на глазах у короля Испании.

— Не ерничай, Коля. Чего делать-то будем. Сам понимаешь, для чего его готовим. Он и там, в космосе, будет один. Представь себе, он там вообразит себя вождем папуасов и умрет с голода.

— Это еще почему? — не поняла подвоха Нина.

— Потому что ему все должны подносить и даже в рот совать, Нинка. Ты этого не поймешь, ты из семьи служащих. Ты, наоборот, сама все таскать и доставать привыкла.

— А... — только и произнесла Нина.

— Что будем делать, мужики да бабы? — еще раз переспросил Эльтузар.

— Давай дальше понаблюдаем. Что же еще можно делать!

— Давай.

На следующий день после завтрака Петр, как обычно, сыграл с Семеном партию. Выиграл, потрепал его по плечу и вытолкал за дверь.

— Некогда мне сегодня, некогда... лететь пора.

— Чего, чего, — не понял Николай. — Что он сказал?

— По-моему, лететь куда-то собрался, — подсказал Эльтузар и с опаской посмотрел на стальные засовы на дверях сурдокамеры.

Петр тщательно протерся салфетками, надел спортивный костюм и сел за стол. Лицо его стало искажаться, оно как бы натянулось.

— Точно, как под перегрузкой, вспомни центрифугу, — отметил Эльтузар.

— Ты прав, — прошептал Николай.

— Господи, что же делается-то, — выдохнула Нина.

— Ладно вы, смотрите и слушайте, — цыкнул на них Эльтузар. Он был постарше всех.

Вдруг Петр всплыл над столом и, оттолкнувшись от стены, поплыл к потолку.

— Все, на орбите, невесомость, — прокомментировал Николай.

— Ты что, тоже рехнулся? — одернул его Эльтузар.

— Чего он там летает, под потолком? — спросил Николай.

Ответа не было. Тем временем Петр появился перед столом. Он сел на стул, привязал себя к стулу и стал что-то делать над столом.

— Резинки искал, точно, они на потолке фиксировали картину моря. Для психологической разгрузки, — вспомнил Эльтузар. — В кресле зафиксировался для чего-то.

— Вас слышу, сближаюсь, — тем временем говорил Петр. — Понял, у вас тоже кислород. Не испугаюсь, не бойтесь, я летчик — многого навидался.

— Коля, он на стыковку пошел. С кем же он стыкуется?

— Не знаю, но мне уже жутковато. — Эльтузар опять снизил голос.

Нина убежала.

— Касание, есть стыковка. Открывайте люки... плыву к вам...

— Коля, какие еще книги у него в библиотеке?

— Да вон список, посмотри.

Эльтузар взглянул на список, пробежал его глазами. «Сборник зарубежной фантастики».

— Ясно. Коля, он с инопланетянином встретился. Вот с кем? Не ясно. Какой рассказ он выбрал, неизвестно. Давай-ка его оттуда вытаскивать, как бы беды не было. Он еще папой римским себя представит. Тогда что делать?

— Давай.

Пришла Нина.

Сорвала печать, открыли обе двери, вошли. Петр висел под потолком. Как только отворилась дверь, он ловко выскользнул из камеры, пролетев над головами Николая и Эльтузара. За руку он тащил кого-то серебряного цвета с плоским, широким, улыбающимся лицом.

— У-к-а-ха, — говорил широколицый серебряным голосом.

— А-х-а-к-а, — уверенно отвечал ему Петр и утвердительно кивал головой.

— Нина, форточку закрой, — нашелся Эльтузар.

— Опомнились, — отозвалась Нина. — Тю-тю... надо было библиотеку правильно подбирать, а не совать туда что попало, психологи.

МНОГООБРАЗИЕ

Планета получилась как букет цветов. Деревья разного цвета, небо разноцветное, Разумные тоже, птицы, звери — тоже разноцветные. Видно, на планете жил во всем дух разного, соревнующегося и развивающегося. Это было основой прогресса.

Действительно, развивалась планета просто невиданными темпами. То, что Природа копила миллиарды лет, Носящие Разум растрачивали такими темпами, что вскоре и сами поняли, что так просто нельзя... Планета сплошь была разделена на государства, ее разрывали границы, которые где тщательно охранялись, а где и просто существовали, так сказать, для проформы. Государства жили по-разному, как им казалось удобнее. Не было единства на планете. Носящие Разум не могли найти общих путей и общих идеалов. Планета истощалась буквально на глазах, ее трясло, огромные волны смывали плодородные земли, затопляли и разрушали города. Атмосфера была засорена пылью, копотью, ки-

слотами, жгучие лучи космоса все чаще достигали ее поверхности.

Носящие разум собрались и искали Разумного решения. Сначала каждый отстаивал то, чем жила его страна до сих пор, потом стали выбирать вариант всеприемлемый. Не получалось. Стали моделировать будущее — опять не получалось. Лучшие умы, могучие ученые ломали голову — ничего не получалось... Планета все шла и шла к своей гибели, но все же жила пусть и тревожной, но бурной жизнью.

В середине зимы, когда наступили наиболее холодные дни и основная масса ядовитых веществ выпала на планету, высоко в горах собрались Носящие Разум. Это был очередной симпозиум писателей-фантастов. Обменявшись своими творческими замыслами, они, как и все Носящие Разум планеты, перешли к обсуждению будущего своей обители.

Выступили многие. Каждый рассказывал гипотетическую модель планеты, рисуемую в его фантастических романах, повестях, рассказах. Потом стали искать обобщенную модель... Неожиданно выступил представитель Лесных Гор. Он предложил прежде всего найти критерии, по которым строить модель, ее конечную цель. Начались очередные дебаты:

— Как восстановить ресурсы планеты, — предлагали проблему одни.

— Как очистить воздух, — твердили другие.

— Воду... детей... продовольствие... образование...

Чего только не предлагали. Помирил всех все тот же представитель Лесных Гор. Он сказал коротко и весомо:

— Как выжить?!

Как ни странно, но все сразу согласились.

— А модель? На чем проводить исследования? Подумаешь, критерий нашли, — раздраженные возгласы не утихали. Представитель Лесных Гор с улыбкой поднял руку. Зал успокоился.

— Друзья, я долго следил за потугами избранных ученых — они бессильны. Среди нас много ученых, социологов, экономистов, историков, футурологов, врачей... одним словом, среди нас все профессии планеты. Каждый из нас создавал свои модели будущего, основываясь на своих знаниях и опыте, на своем умении прогнозировать. Я уже проделал эту работу. Я заложил в программу все ваши труды и труды наших предков. Вся фантастика вот в этом банке данных. — Предста-

витель Лесных Гор показал на небольшой куб, стоящий в уголке зала.

Зал зашумел.

— Машина создает обобщенную модель общества будущего. Фильтр создания модели «как выжить». На экране вы будете видеть все, что делает машина, и мы увидим результат ее титанической работы. Кто одобряет, прошу дать знак согласия.

Все до единого скрестили руки над головой. Это означало да.

Представитель Лесных Гор включил программу. Зал заворуженно смотрел на экран. На экране мелькали сражения, какие-то города, поля, что-то летело среди звезд, опускалось на дно океанов, что-то ползло, летело, плыло, пылало, лилось. Хороводы планет и чужих звезд — все это кружилось, появлялось и исчезало на экране.

Зал затих... Кружение становилось все медленнее и медленнее, все подалось вперед, понимая, что решение близко. И вот картина застыла. Все изумленно глядели на высокого человека, идущего за лошадьё с плугом и разбрасывающего семена жизни по планете.

БОЛЬНОЙ

Он был просто великолепен. Знания его охватывали время от рождения Христа до современного мира. Он мог перечислить все события первого, второго и даже третьего ранга важности. Он мог на память прочитать всего Толстого и Пушкина. Знания его не имели границ, они охватывали всю обозримую Вселенную. Все, что знало человечество, знал он. Его очень хвалили за то, что он обладал неиссякаемой жаждой знаний. А теперь случилась беда, он заболел.

В истории болезни было написано: «Наблюдаются временные, локальные очаги повышения температуры. Речь порой не связанная. Наступают периоды нелогичных действий с непрогнозируемым развитием в конечной фазе. Наблюдаются глубокие провалы памяти. Внутреннее давление в пределах нормы. Зрительные и слуховые анализаторы тоже. Болезненные реакции на любые внешние воздействия. Потеряна способность проявлять защитные реакции. Вывод — синдром приобретенного иммунодефицита. Подлежит немедленному уничтоже-

нию. Привести в исполнение сегодня в присутствии выездной комиссии. Исполнение доложить к исходу дня. Старший инспектор по особо важным делам. Грибков».

Петр вертел бумажку в руках и никак не мог осмыслить текст напечатанных на ней слов.

— «Подлежит немедленному уничтожению», — вслух перечитал он.

— Что, что? — переспросила очаровательная Леночка.

— Уничтожить требуют нашего Ивана Ивановича.

— Ладно тебе, шуточки тоже. Что он тебе, собака, что ли. Уничтожить. Пробросятся. Они что, ума лишились, что ли?

— Не кипятись, Лена, ему СПИД приписали.

— Да ты что!

— Да, да, СПИД.

— То-то я смотрю, задала ему вопрос: «Что такое любовь?» И он принял, думал минут семь и выключился. Так и ничего не выдал. Опять температура поднялась.

— Ты, Лена, просто не задумалась. Что такое любовь, не знает никто. И Иван Иванович должен был отвергнуть твой вопрос. Он этого не сделал, значит, действительно потерял иммунитет. Пропал наш Иван Иванович. Откуда он его прихватил-то?

— Знаешь, Петр, все равно докопаются. Я тебе скажу. Приходил Володька с какой-то дискеткой. Ввел программу в Ивана Ивановича, а тот понес такую окоlesiцу. Перепутал средние века с первобытным строем. Мы хохотали до упаду. Потом вроде бы все восстановилось. Потом опять Иван Иванович пошел вразнос.

— Проверяли дискетку?

— Не знаю.

— Сколько тебе раз говорил, только все индивидуальное, только все проверенное. Теперь будет нам из-за тебя на орехи. Я уже вижу акт: «В результате работы комиссии выяснилось, что в Институте охраны интеллекта не выполняются элементарные профилактические мероприятия... Указать... поставить на вид... лишить... принять меры. Оператору Бибиковой Елене Игнатьевне объявить... инженеру-программисту Петру Васильевичу...» Он откуда приехал, твой Володька?

— Он еще не мой... — начала было препираться Елена.

— Ты вот что, гонор свой оставь. Говори, откуда он приехал и приволок свою дискетку?

— Не его она, эта дискетка, а из Африки.

— Точнее.

— Из Берега Овечьего Хвоста.

Петр нажал кнопку, шторка на стене сдвинулась (это было гордостью лаборатории и всего института), и появилась карта мира. Многие области Земли были раскрашены в иссиня-черный цвет. Так обозначили зоны, охваченные машинным СПИДом. Берег Овечьего Хвоста был еще чернее. Лена схватилась за голову, а Петр постучал согнутым пальцем выше правого уха. Лена согласно кивнула головой, опустила глаза и заплакала. Иван Иванович был уничтожен в очередной раз, комиссия свое дело сделала. Забыв о своем, принялись создавать интеллект следующий.

Следующая комиссия обнаружила машинный вирус в проводах, подводящих энергию к машине. Сломали здание института и построили новое. Следующая комиссия... вырыли новый котлован... Штору на стене больше не сдвигали, она стала одноцветной.

КЛУБ

Очередное заседание клуба было посвящено атмосфере. Было предложено несколько частных моделей по газовому составу, по примесям, по пылинкам, витающим высоко в небе, по озону... Частные модели демонстрировали плачевную картину во многих регионах планеты. Теперь это вызывало удивление и даже возмущение — все, что наделал человек вредного, оказалось в некогда «чистом небе». Вся эта отравка перемешивалась, и ядовитые облака летали от одного континента к другому, бомбардируя города и села, поля и леса «кислыми дождями». Дожди разъедали дома и дороги, уничтожали деревья, заставляли страдать людей и животных. Кожа не выдерживала и покрывалась язвами, удушливый кашель сковывал горло болью. Головные боли, сердечные приступы все чаще и чаще настигали людей и днем и ночью. Что делать? Этот вопрос повис в зале, но не находил ответа. На лицах людей, сидящих в высоких креслах и напряженно думающих и глядящих на огромный экран, где пробегали картины печальной действительности, проступало омерзение и безразличие.

— Я предлагаю попытаться прогнозировать события в целом, в комплексе, — предложил представитель Юго-

Западного региона. — Модели по воде и земле есть, по промышленности и сельскому хозяйству тоже. Давайте не будем прятать глаза от правды, последняя недостающая модель — модель атмосферы просмотрена нами и принята. Что нас держит? Предлагаю сегодня, именно сегодня, включить глобальную модель.

— Давайте, — вяло согласился председатель. — По крайней мере заглянем в будущее и поймем, как нам быть сейчас. Действительно, интересно увидеть это рукотворное будущее. Устроит ли оно нас? Что нас ждет?

Последние фразы председатель произнес с детской любознательностью. Многие даже улыбнулись.

Долго и напряженно гудела машина, считая на сотни лет вперед. Наконец она умолкла, выполнив титаническую работу.

Члены клуба с удивлением и испугом смотрели на экран... он стал черным.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Планета появилась в зрительных анализаторах Робота по имени Зонг, и с тех пор он не выпускал ее из поля зрения — корабль летел прямо к ней — к Изумрудной планете. Спуск в атмосфере прошел блестяще, точность посадки тоже, правда, за счет огромной перегрузки, но это для Робота было пустяком, главное — время и достоверность.

Корабль опустился в углу зеленого лесистого парка. Зонг выдал команду, и корабль стал похож на горный валун, ловко вписавшийся в каменную горку, с которой падал небольшой водопад. Вода даже не шелохнулась, сохраняя редкую схожесть с широким чуть зеленоватым полотенцем. Зонг довольно хмыкнул, начиная играть роль коренного жителя этой планеты.

Многим особенностям человека его научили на далекой звезде, где уже давно и безуспешно пытались изучить планету и ее Разумных. Многие на ней было похоже на карточный домик, который упорно строили, потом он рассыпался и строился вновь... И так повторялось много-много раз. Казалось бы, планета обречена... но она упорно продвигалась вперед. Куда? Это и нужно было прогнозировать.

Много было нелогичного в поступках ее Разумных. Это сбивало с толку. Наступило время Великого Реше-

ния: Мыслители всех краев Вселенной собрались на далекой звезде. Но и они не могли рассчитать однозначно путь загадочной планеты. Нужна была дополнительная информация о ее Разумных, быстрая и точная. У многих Мыслителей запасы жизни в чужой среде были ограничены. Долго ждать не было возможности, все хотели домой.

Так Зонг попал на загадочную планету. На Северной улице, в панельном доме, Зонга ждала пустая квартира. Ключи он имел, первичные навыки жизни в обществе тоже. Но далеко не все... Общество загадочной планеты все совершенствовалось... буквально каждую минуту. Жизнь не стояла на месте, она кипела.

Зонг шел к месту своего жительства на этой голубой и нежной с виду планете. Настроение его было прекрасным. Только что он был в космосе, среди звезд... и вот он уже среди Разумных загадочной планеты. Среди тех, кого они сами называют высшим достижением природы. «Какая самоуверенность», — размышлял Зонг. Зрительные, слуховые, тактильные сенсоры получали поток информации. Живая масса двигалась в разные стороны.

«Скорость передвижения разная, — делал выводы блок обработки. — Часты столкновения отдельных индивидуумов, сопровождающиеся громкими и тихими восклицаниями, несущими конкретную информацию и словосочетания, имеющие абстрактный, случайный набор, не имеющий порой реального смысла. Перемещающаяся масса в основном Разумные разного пола. Зачастую они заняты перемещением грузов в виде элементарных контейнеров, размещаемых в руках или на спине. Реже попадают маленькие живые существа, перемещающиеся на четырех ногах. Они общаются между собой и с Разумными путем коротких звуковых сигналов в различном их сочетании. Слуховой анализатор не смог найти обобщенных критериев. Говорили о женщинах, о мужчинах, о работе, ругали, хвалили, даже пели».

Тактильные датчики помогли рассчитать оптимальную траекторию движения с минимальными контактами. Анализаторы запаха попали в самые тяжелые условия: то еле уловимый запах чего-то мясного, идущего из больших продолговатых предметов. То запах бензина, то чего-то настолько неприятного, что сенсоры отключались и включались вновь после увеличения расстояния с его носителем в несколько метров. Анализ химических элементов показал: антимошь, дуст, дихлофос —

сложные сочетания, необходимые для сохранности одежды и лишения жизни домашних насекомых, вселяющихся в квартиры Разумных без их разрешения и желания. Многие запахи довольно часто были интегральными.

Как ни рассчитывал Робот свое движение, но кратковременные контакты были чаще всего с носителями одного и того же запаха, траектория их движения не поддавалась никаким прогнозам. Чаще всего эти контакты со стороны Разумных сопровождались резкими звуками, лишенными, однако, общего смысла. «Различные сочетания алколоидов», — сделал вывод анализатор.

Зонг внимательно читал объявления, афиши. «Мясо», — прочитал Робот. Ячейки памяти дали разъяснения: «Организованное место, где иногда бывает мясо — вид биомассы — продукт животноводства. Его раздают Разумным за деньги. Деньги дают за работу. Дают поразному, общий критерий их распределения отсутствует. Деньги бывают металлические и бумажные. У одних их много, у других их мало. Есть одна особенность — иногда запахом мяса обладают предметы совсем иного происхождения, не имеющие ничего общего с животным миром».

«Рыба», — опять прочитал Зонг. «То же, но с биомассой морского происхождения различного вида. Видов осталось мало», — тут же пояснила память. «Осторожно, сосульки!» Этот лозунг поверг Зонга в такое недоумение, что он остановился. Что-то тут же ударило его в спину.

— Чего стал как истукан? — услышал он грубый голос. — Стена непрозрачная. — Слева его обошла симпатичная женщина, порвав ему брюки чем-то острым, торчащим из сумки, выполненной из крупных крепких нитей в виде набора ячеек. «Они называют это сеткой», — в очередной раз пояснила память. — Вмещает груз от сотен граммов до тридцати килограммов. Обычно сетки носят Разумные особи женского пола». Зонг отошел ближе к стене дома, но все-таки его ударило в спину в очередной раз. Новые слова: «обормот», «уже набрался», «псих ненормальный», «тунеядец», «хиппи, брюки зашей» и т. д. так перегрузили ячейки обработки, что блоки решения динамических задач относительно движения его и массы индивидуумов отключились в пользу ячеек памяти. Робот стоял в растерянности, многих слов в его памяти не было. Наконец-то появилось очередное разъяснение. «Сосулька — одно из возможных состоя-

ний воды (жидкость, пар, лед). Это практически лед, то есть твердое состояние воды. Сосулька специфична тем, что образуется на крышах домов, деревьях и так далее. Вес может достигать единиц и даже десятков килограммов. Призыв «осторожно» имеет смысл в городских условиях...»

В этот момент что-то ударило Робота сверху. «Сосулька, — выдали ячейки логической обработки, — масса семьсот граммов. Это наиболее распространенные массы для городов с географическими координатами...»

— Вот это башка, — услышал Робот радостный крик. — Ты погляди, сосулька, как кирпич, не меньше. Прямо по башке. Я думал, все, крышка тебе, капут. А он хоть бы что! — Парень крутился возле Робота, хватаясь за прохожих и тыча пальцем в блестящие под лучами солнца мелкие осколки льда.

— Ты, парень, видать, с ночной смены? Видишь, веревка, а на ней флажки красные. Это опасная зона, не заходи туда больше.

— Спасибо, — коротко поблагодарил Зонг и исчез. Парень охнул и схватил за рукав солидного мужчину с портфелем.

— Во, честно, только сейчас здесь был. И раз... нету, — вздохнул паренек, брызгая на пальто слюной. — Ну и ханурик, ему бы в цирке, а?..

— Ему-то в цирк, а тебя знаешь куда надо... там холодно и купают. А ну отцепись и исчезни. — Мужчина стал приподнимать портфель...

«Тяжелый», — отметил парень и отпустил рукав.

Робот материализовался на площади. Он решил постоять и понаблюдать со стороны. Рядом стояли люди с поднятой рукой и внимательно смотрели на поток машин.

«Как у нас рыбу в реках ловят», — отметил про себя Зонг.

Почему-то ему очень захотелось быть похожим на этих Разумных и очень разных существ, объединенных одним словом — люди. Он тоже поднял руку и широко улыбнулся, глядя в глаза водителю желтой машины. Парень за рулем был симпатичным, белокурым и голубоглазым. Зонг решил сфотографировать его для карточки на своей планете. Затвор щелкнул, веко левого глаза закрылось и открылось вновь. Парень тут же свернул к нему. Дверь машины распахнулась.

— Куда доставить, шеф? — грубовато, но чуть заискивающе спросил водитель.

Этого Робот не знал. Тем более он не знал, кто такой «шеф». К тому же парень шепелявил, и Роботу слышалось «феф». Такого слова в памяти не было.

Робот так и стоял, молча изучая интерьер машины.

— Ты что, немой? — рассердился шофер. — Едем или нет?

Робот молчал.

— А на кой хрен тогда моргаешь, чучело огородное. Опустит руку, контуженый.

Робот молчал.

— Пошел ты, знаешь куда?

Робот не знал и поэтому опять промолчал.

— Вот тачка свободная! — услышал Зонг. Группка радостных людей облепила желтую машину. Парень изменился в лице. Оно стало строгим, гордым и чуть брезгливым.

— В гараж еду, — громко крикнул он, еще раз зло посмотрев на Робота. — Интеллигент несчастный.

Дверь захлопнулась, машина с визгом сорвалась с места. Толпа кинулась к другой машине. Робот растерялся.

«Я вывел из себя Человека. Я его рассердил. Я вмешался в его программу поведения. Это запрещено».

Робот дал команду на хранение ситуации для последующей ее логической обработки и осмысления. Опустив руку, Робот определил основное направление движения биомассы и влился в поток. Это ему удалось с третьей попытки. Вскоре он оказался в метро. Люди бросали монеты в щель и проходили дальше. Робот сунул руку в карман... деньги были на месте, карман хрустел и позвякивал. Он подобрал нужную монету, сунул ее в щель автомата и окунулся в уходящий вниз тоннель. Лента неторопливо опускала его все ниже и ниже. Рядом с Зонгом стояла ярко накрашенная молодая девица. Она взглянула на Зонга раз, потом второй, третий...

«Ищет контакта. Ее биополе несет эту, ярковыраженную информацию», — блоки логики работали отменно. Робот пристально посмотрел в глаза раскрашенной молодой женщины.

«Ты мне нравишься», — прочитал он информацию в ее глазах и улыбнулся. Она ответила тем же.

— Как тебя зовут? — спросил Робот. — Меня зовут Зонг.

— А меня Люся. Я с Сахалина. Путешествую. Я у вас тут в первый раз. Нравится мне здесь: и развлечься, и поесть, и выпить. А, впрочем, ты-то откуда? Может, тоже не здешний? — Люся говорила быстро и все заглядывала в глаза Роботу. Роботу стало не по себе, он быстро проанализировал состояние внутренних систем и внешней оболочки. Все было в норме.

«Почему же она обратила внимание именно на меня? Это плохо, если я отличен от других, — решил Робот. — Надо выяснить это».

— Почему ты заговорила именно со мной? Тебе нужен контакт со мной? Объясни? — спросил Зонг.

— Ты говоришь немного странно. Ты мне просто понравился. Чего тут странного. Так откуда ты? — Люся не смутилась.

«Нравиться — общий критерий, объясняющий отношение человека к какому-либо предмету. В отношениях между людьми этот термин намного сложнее, в нем сочетаются признаки внешнего вида, интеллект, физическая сила, рост, вес, одежда, иногда квартира, машина, деньги... и многое другое». Робот опять был в затруднительном положении.

— Ты права, Люся, я не отсюда, я из далеких мест, очень далеких... — Логика его систем не позволяла обращаться ко лжи, но позволяла варьировать ответом нужным образом.

— Зэк, что ли? Вон какой здоровенный, — предположила Люся.

— Нет, я не зэк, я Зонг. А что это? — спросил Зонг.

— Ладно придуривайтесь, Зонг. Имя у тебя какое-то необычное, африканское, что ли... З-о-н-г. Как удар в бубен.

— Нет, я не африканец.

— А кто? Откуда ты? Не темни, — настаивала Люся.

Зонг замялся, он не знал, что сказать... откуда он. Он вспомнил родную звезду и планету.

— У нас много гор, зеленая звезда и фиолетовое небо... тяжелая серебряная вода и розовые облака... — Зонг растягивал слова, он никак не мог понять, как можно «темнить», был день и вокруг было светло, в тоннеле горел свет.

— О, да ты поэт... или с заскоком из пятого района. От этих шизиков сбежал?

Зонг не знал, кто такие шизики, что такое заскок, и что значит странное слово «зэк». Как не напрягал

Робот блоки памяти, сути этих земных слов он так и не нашел... Кто они такие: зэки и шизики? Из какой страны? Или с других планет? И что такое заскок? Для дальнейших решений у Зонга не было достаточной информации... и Зонг решился.

— А кто это, шизики? — спросил он, осмелев от лучезарной улыбки Люси.

— Ты и вправду псих? Шизики есть шизики. Нашел тоже манеру шутить. Ты лучше ногу подними, эскалатор кончается, навернешься, голову свою горяченькую разобьешь! Может, ты заболел? — Люся попыталась приподнять тяжелого Робота.

Зонг решил поднять обе ноги, для надежности... он стал невесом и парил рядом с Люсей, которая держала его под руку.

— Надо же, что придумал. Фиолетовое небо. Все в нашей жизни фиолетово. Звезда зеленая... С утра, может, и зеленая, а потом... как? Чего ты висишь, вставай, эскалатор кончился. Во дает. Как это ты делаешь? Может, ты из цирка?

Люся шла, а Зонг висел рядом как надутый шарик.

— Я не понимаю твоих слов, Люся. — Зонг стал на ноги, выключив генератор антигравитации.

— Ишь ты. Не понимает. Ну что, к тебе пойдем? Ко мне нельзя, я у бабушки. Она вчера приехала. — Люся решила внести ясность.

— Я еще дома не был, так что вообще-то пригласить вас было бы мне неудобно, — задумчиво ответил Зонг. — Вот если потом, попозже.

— Нет, Зонг, я экспромт люблю. Кстати, вот я тебе и помогу по квартире, прибрать там или что еще. Если, конечно, ты никого не позвал уже, если в доме у тебя никого нет.

— Да нет, не должно быть никого. Во всяком случае, так у меня в памяти записано. Тот, кто там жил, он в дальней командировке. Его уже нет, а я на него похож... — бормотал Робот. Он не знал, что можно говорить, а что нет.

— Что, что? Ты... Да ну тебя. Станный ты какой-то. Но я пойду с тобой. Я приключения люблю.

Так, переговариваясь, они шли туда, где была квартира Зонга. Он прогнозировал новую ситуацию: свое появление вместе с Люсей. Робот учился жить в земной квартире там, у себя на планете. Но... Люся? Как ни странно, но близость ее делала задачу более разреши-

мой — это то, что именно надо, непосредственный контакт с конкретным человеком. Такое было в программе. А потом уже анализ телевидения, радио и другой обобщенной информации.

Вошли в подъезд. Робот-швейцар пропустил их беспрепятственно. Зонг был похож на прежнего хозяина. А с кем он, никого не касается. Зонг мгновенно оценил программы робота-швейцара.

«Примитив», — отметил Робот, и что-то близкое к гордости затрепетало в его ячейках.

Люся уже вызвала лифт.

— Этаж? — коротко спросила она.

— Да, да, этаж, этаж, — не поняв ее, встрепенулся Зонг.

— Какой этаж, спрашиваю? Заполошный ты все-таки.

Робот опять не понял, почему он заполошный и что это такое. Он очистил один регистр и записывал туда новые, незнакомые слова. Там, на его планете, просили его достать словарь какого-то Даля для пополнения словарного множества землян, имеющегося на планете Зонга. Эта задача стояла в разряде повышенной сложности. Сейчас Зонг явно нуждался в Дале, но... рядом была Люся.

— Пятый, квартира 23, крыша протекала... — Зонг спохватился, что сказал лишнее, и умолк. Лифт стал натруженно подниматься, скрипя и дергаясь.

— Крышу перекрывать надо. Домоуправа надо брать за жабры, — тараторила Люся.

«Новый, неизвестный тип рыбы — домоуправ», — занес в память Робот новую информацию.

Зонг был сосредоточен, Люся ласково улыбалась.

— Ну чего ты стоишь? Ключи-то где?

— Вот они, наверное, — полувопросительно ответил Зонг, протягивая желтый продолговатый предмет.

— Ты все-таки на самом деле или шизик или... Да ладно, дело твое. Давай, открою, а то будешь стоять перед дверью, как нищий перед иконой.

— Кто? Кто? — переспросил Зонг.

— Да ладно тебе обижаться. Поговорка такая. Проходи, открыла я твою дверь. Ты хоть в любви-то понятливый?

— Как это?

— Да никак. Надоел ты мне своей непонятливостью.

Прямо тугодум какой-то. — Люся втокнула Зонга в дверь.

Робот проверил время прохождения сигнала по всем трактам — оно было минимальным.

«Чего ей еще надо? — подумал Робот. — У самой сигнал проходит со скоростью черепахи, а мне претензии предъявляет». Система контроля сработала мгновенно: «Опасность! Нельзя приобретать человеческие чувства. Обиду, в частности».

Робот напрягся, очистив регистр чувств от ненужной единицы.

Люся уже ходила по квартире, рассматривая ее и что-то напевая. Увидев холодильник, Люся мгновенно предложила.

— Давай выпьем с ходу, а уж потом...

«Разброс времени прохождения сигнала от зрительного анализатора через аппарат логической обработки до речевого канала просто удивителен. Сейчас реакция просто мгновенная. Интересно почему?»

— Я не хочу пить, — вслух сказал Зонг.

— А я не про пить, а про выпить. — Люся решительно открыла холодильник. Еды не было, была одна бутылка. — Ого! Откуда это у тебя? «Столичная»! Это же сейчас просто реликвия. И вообще, я смотрю, у тебя все в стиле ретро. Вон комод какой с вензелями еще. Такую мебель лет сто назад держали. Это же бешеные деньги, Зонг... — Люся болтала и тем временем наполнила рюмки. — Давай бабахнем, а потом...

— Как это бабахнем? — опять удивился Зонг.

В регистр Робот записал новое словосочетание «бешеные деньги». Робот буквально раздвоился: блоки памяти и обработки выясняли, как могут деньги быть бешеными, а другие требовали выполнения программы. Время шло.

— Слушай, ты становишься занудой. Делай как я. — Люся лихо опрокинула в рот содержимое и зажмурилась. — Вот это кайф. Ну ты и молодец. Где только отхватил такую прелесть? И сохранил же столько лет. Ты что, трезвенник или язвенник?

Зонг понял, что вступать в расспросы сейчас совсем не время. Он повторил движение Люси. Тут же на внутренней стороне имитатора зрительного анализатора Робота запылал красный цвет опасности.

«Опасно. Опасно. Недопустимо. Алкоголь», — повторялось в ячейках искусственного мозга. Робот тотчас

отдал команду на нейтрализацию. Внутри него образовалась лишняя вода, Робот вышел.

Когда он вернулся, то сразу же отметил некоторые изменения ситуации: Люся покраснелась еще более, а в сосуде осталось жидкости намного меньше...

Люся кинулась на шею Зонга и попыталась поцеловать его... Робот не проходил такие тренировки у себя на планете и сбросил ее с себя, оценив действия угрожающими, перекрывающими доступ кислорода к внутренним его системам. Люся обиделась и пыталась проделать все это еще раз... Зонг опять отбросил ее... Люся очень обиделась и даже разозлилась. Это не предвещало ничего хорошего. В злости Люся превращалась в тигрицу. Отдышавшись от промаха, Люся напряглась и прыгнула на Зонга...

Зонг решил больше не рисковать. Антигравитатор сработал надежно, и Зонг взмыл под потолок... Люся пролетела мимо, но Робот понял, что дальше рисковать нельзя, — потолки слишком низкие и его легко поймать даже под потолком. Люся опять зашевелилась... Робот замаскировался от греха подальше под люстру.

Открыв глаза, Люся сначала удивилась, что в квартире две люстры, но после очередного уменьшения уровня жидкости в блистающем сосуде это ей стало совершенно безразлично. Она отдышалась, обыскала еще раз все полки и холодильник, но пищи так и не нашла. Есть хотелось еще сильнее... Люся еще раз взглянула на потолок. Обе люстры были на месте. Пожав плечами, Люся открыла дверь и вышла, с треском захлопнув ее за собой. Люстры вздрогнули, одна из них тихо звякнула, а другая тут же превратилась в Зонга.

Робот опустился на пол и стал анализировать происшедшее. «Из-за отсутствия заблаговременной информации данная ситуация не могла быть предсказуемой. Первое — случайная встреча с особью противоположного пола с неявно выраженными намерениями и непрогнозируемой реакцией своего поведения. Опыт ценный, нужный, но понять все, что было, я не смог. Покажу там, на планете, может, они поймут. Это-то и странно, что на каждом шагу неоднозначные ситуации. Отсутствие пищи — просчет. Люди пока еще едят. Введение отвлекающей жидкости — тоже ошибка. Алкоголь мгновенно изменил характеристики пятой микросхемы. Не надо было этого делать. Но что-то заставило меня так поступить... Очевидно, это решение, что надо посту-

пать так же, как она, было принято во имя общего в будущем. Таков был прогноз. Хорошо ли, что она ушла? Да, хорошо, далее могли быть совершенно непредсказуемые последствия...»

Зонг включил телевизор. На экране появился квадрат, огороженный канатами. За ними проявился зал, заполненный сотнями людей. Лица их были перекошены злобой, азартом... круглые, безумные глаза, оружие рты, мелькающие кулаки, дым от сигар... Внутри квадрата два человека избивали друг друга. Один уже еле стоял на ногах, другой наносил ему страшные удары.

— Убей его! Развали его пополам! Вгони его в пол! Выбей из него мозги!.. — неслось из динамиков.

Зонг был потрясен. Ячейки его логических систем не могли обработать поступающую информацию. Зонг был в растерянности. Робот переключился только на прием информации. Так прошел вечер. Звонок в дверь оторвал его от переписи информации в долговременную память. Зонг открыл дверь. Перед ним стоял человек в обтрепанной, неопрятной одежде с чемоданчиком в руках. Руки были грязные, глаза человека были затуманены. В них нельзя было прочесть ни намерений, ни определенной мысли. Робот послал человеку тестовый сигнал. Глаза человека не отреагировали. Мозг человека с чемоданом находился в анестезии.

— Хозяин, вызывал? — невнятно произнес он.

Дистанционные анализаторы Робота быстро определили формулу анестезирующего вещества.

«Все то же. И в массе, и в Люсе, и в нем. Но это же яд. Планета самоубийц? Кто привел их к этому? Что за массовый психоз? Но ведь есть и другие. Значит, дело не в этом».

— Входите. Кто вы? — спросил Зонг.

— Как кто? Слесарь, не видишь, что ли. Слесарь из нашего, двадцатого ЖЭКа.

Что такое ЖЭК, Зонг не знал, но благоразумно не переспросил, вспомнив реакции Люси.

— Что вам надо?

— Это ты брось, цену сбиваешь. Это тебе надо, а не мне. Вызывали?

— Я не вызывал никого.

— Не вешай лапшу на уши, ханурик. Вот у меня в наряде — дом, квартира, даже этаж записан, вверх унитаза тащить, а он тяжелый. Квартиросъемщик Иванов Василий Иванович. Это ты и будешь?

Реакция Зонга была мгновенной.

— Да, это я.

— Ну вот, а ты отпираешься: не я, не вызывал. Что, тройка жаль?

Робот перевел «тройку» в три и понял, что речь идет о какой-то награде.

— Нет, не жалко.

— Ну вот. Сейчас так тебе все и сделаю, что и пятерик сам отвалишь, — поднимал цену слесарь. Он громко икнул, покачнулся и произнес: — Я Миropyчем буду.

Робот не понял. Чего-то не хватало. Миropyч это заметил.

— Ну Миropyч я. Отчество такое. А по полному Цезарь Миropyч я. Это мои родители называли меня этим Цезарем. В детстве меня Клавкой дразнили, ух и зверел я на пацанов... А это царь вроде такой был в этой... как ее... стране... Ну на сапог похожа, а вокруг море, кроме одной стороны... еще этот, как его, Наполеон потом рядом жил, на острове. Там и помер.

Робот подключил память. «Цезарь — римский император. Имя — Юлий. Был убит, получив двадцать три удара кинжалом. И только при первом издал стон...» — хватит, Зонг отключил воспроизведение памяти.

— Вы все-таки что хотите? — еще раз спросил Зонг.

— Как чего? Чинить буду, — опешил Миropyч.

— Что чинить?

— Как что? Кран. Вот в наряде домоуправ написал: «Кран в ванне. Правый. Тикет». Я сам с его стола, в папке его брал самолично. Он к дитям уехал, малому внуку год. Орет. Бедовый будет. Не домоуправ, тот само собой орет, внук орет. Так что ошибки нету, хозяин. Тряхни кошельком, а то зальешь нижних соседей, за ремонт потолка платить будешь. А нынче побелки нет, обег все магазины да лавки. Но тебе достану, у Кольки Шприца есть. Уворовал где-то... — бормотал слесарь и начал продвигаться к ванной комнате.

Робот не мог связать отрывочные данные в единое целое. Он не мог понять связь крана, пятерика, потолка, побелки и Кольки Шприца. Но он ясно сделал вывод, что за что-то в любом случае надо платить. А платят деньгами. Это Робот знал.

— Пожалуйста, возьмите. — Зонг бросил пачку де-

нег на стол. — А мне дайте то, что вы называете нарядом.

Мироныч сунул Зонгу мягкую бумажку и, не отрывая взгляда от пачки, двинулся к столу.

— Сколько взять-то? — очумело спросил Мироныч, боясь притронуться к пачке.

— Сколько хотите, — растерянно ответил Зонг.

Он внимательно изучил наряд и наконец понял, в чем дело. Наряд был выписан год назад по земному календарю.

Робот поднял зрительные анализаторы на слесаря. Тот стоял, как солдат, по стойке «смирно» и держал в вытянутой руке красную бумажку с цифрой 10. В глазах слесаря Робот прочитал явно выраженную и живую мысль: «А вдруг отдаст?»

— Эту можно? — услышал Зонг тихий, хриплый шепот слесаря. — Одну.

— Берите. А кран я починил сам. Так что спасибо вам.

— Есть. — Четко ответил Мироныч и строевым шагом двинулся к двери. Зонг еле успел ее распахнуть. С вытянутой одной рукой, с десяткой в ней и с чемоданчиком в другой Цезарь вышел на лестничную клетку. Закрывая дверь, Зонг услышал грохот, звон чего-то железного и голос Мироныча: «Завтра еще приду и все починю, милый».

«Не надо», — успел подумать Зонг и вздрогнул в очередной раз. Звонил телефон. Зонг поднял трубку.

— Щебень куда подавать, господин хороший. Я, что-ли, шоферюгам платить буду. И диспетчер оборался. Ты ему на лапу не дал, что ли?.. Слышь, ты где, Василий? Законов не знаешь. А? — Голос был веселый.

— На лапу я ничего не давал. Щебень мне не нужен. Кто вы такой? — спросил Зонг.

— А куда я попал? — веселость исчезла.

— В милицию, — вдруг почему-то именно так решил ответить Зонг. Ему очень захотелось напугать этого человека, и он вспомнил, что люди детей пугали именно милицией.

В трубке что-то хрюкнуло, забормотало, и до Зонга донеслось лишь одно четкое слово «мать». Робот опять не мог связать в единую цепь щебень, лапу диспетчера и чью-то родительницу. Обобщив доступную информацию, Робот пришел к выводу, что на людей действует что-то общее. Один из компонентов общего — это пи-

ща. В этом у Робота был пробел, ему пища не нужна.

«Умственный потенциал человека во многом зависит от составляющих того, чем он питается», — решил он. Он обратился к памяти. Она подсказала ему наиболее питательные продукты. Робот решил изучить их.

«Прежде всего нужно их получить», — озадачил себя Робот. Зонг нашел справочник и телефон треста столовых и ресторанов общепита города. Ячейки его памяти содержали такие понятия, как «общепит — общественное питание», «трест — объединение». «Столовая» — помещение, где бывает пища. «Ресторан» — то же, но пища там лучшего качества, там присутствуют часто и вежливые люди. Робот не понял, зачем людям иметь разного качества пищу, и решил получить кое-какие образцы. Он взялся звонить. Он попал совсем не туда. На вопрос «Куда я попал?», который Робот сформулировал после общения по вопросу щебенки, первый раз ему ответили, что в морг, второй — в баню, третий — в милицию, четвертый — в роддом. Роддомы отвечали чаще всего.

«Как они любят детей, — подумал Робот, — сколько их построили».

Двадцатый раз был удачным. Ответил трест.

— Алло, слушаю вас, трест столовых, — в трубке еле-еле слышались слова, Зонг снизил порог чувствительности приемных устройств и теперь уже четко услышал: — Вика Наумовна слушает.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, в каком ресторане или столовой я мог бы поужинать с икрой разного цвета, черной и красной, я имею в виду, осетром, омаром и телятиной, — ячейки памяти третьего исторического ряда подсказали ему эти термины.

На другом конце оценили юмор Зонга.

— Да ты, парень, просто клад. — Голос Вики Наумовны стал веселым. — Ну и память у тебя. Даже произносишь эти слова правильно. Ты кто же такой? Я тебе домой картошки пришлю и огурчиков без пестицидов и нитратов. С экспериментального поля. Это тебе за юмор. А поесть ты сегодня вряд ли сможешь. Рыбный день сегодня, а она одна на весь город — ледяная да угольная.

— А разве осетр не рыба? — наивно поинтересовался Зонг и тут же понял, что этого не надо было делать.

— Ты вот что, шутник. Я думала, ты действительно с юмором, а ты... — трубка умолкла.

Значения последнего слова Робот не нашел, но сохранил в памяти с признаком «негативные термины».

Робот решил посетить театр и вновь взялся за телефон. Неожиданно в трубке появился диалог совершенно других людей.

— ...ты представляешь, неделю как поженились, а он умер. Кальмарами отравился. Все ее, Варвару, звал. Детишек от первой жены и внуков от второй призывал. Профсоюз звал. Все приходили и председатель тоже. И та... его Валя приходила. Представляешь? — В трубке кто-то всхлипнул, Зонгу стало жалко того, кто умер. Разговор продолжался. — А как посмотрели, у него ни копейки, то же мне... На кой черт такие мужья нужны, пропади они пропадом.

Зонгу стало не по себе. Неожиданно всех перебил молодой и звонкий голос.

— ...поэтому, как сказал Иван Петрович, завтра надо пятьсот юношей и девушек на посадку сада... Что? Да брось ты, лопат всего сто. Для массовости, для масштаба. Иван Петрович это любит... Что?.. Опять ты за свое, экзамены подождут. И плакаты яркие и броские... понял. Ну и ладушки.

Трубка говорила уже третьим голосом:

— Вась, а Вась. Ты какую достал: сырокопченую или вареную. Смотри, сутки ехать. А мне что купил? Колготки не забудь, — женский голос звенел колокольчиком. — Не добудешь, домой не пушу.

Зонг положил трубку и включил телевизор. Шел фильм. Ребенок лежал в кроватке, мать нагнулась к нему со словами: «Сладенький ты мой, сейчас я тебя съем». Спина заслонила ребенка, слышался детский плач. Зонг выключил телевизор. Блоки логики отказывались понимать что-либо. Зонг решительно отключил питание. Он перестал существовать. Мыслители всех краев Вселенной так и не дождались новой информации и решили — пусть планета развивается так, как это получается у ее Разумных.

ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

Шариков Иван Петрович был обыкновенным человеком. Он, как и все, был активистом, любил своих детей и хорошо относился к своей жене, к жене соседской тем более. Они ему иногда доставали «Аргументы и факты». Шариков вообще любил читать. Он читал в авто-

бусе, в метро, в троллейбусе, пока добирался до работы. Он читал на работе, а потом опять в троллейбусе, метро и автобусе. Он читал даже в лифте и на ходу, когда шел на обед. Шариков служил начальником отдела кадров штаба гражданской обороны своего родного завода. Он, как и все, думал одно, говорил второе, а делал, что было довольно редко, третье.

Все было бы хорошо до того времени, как ему попался в рабочем столе (осталось от старого начальника) психологический словарь. Как только он прочитал, что у человека два полушария головного мозга, он сразу же задумался, как сократить одно, а его функции возложить на оставшееся. Он написал три предложения в высшие инстанции, но ни одно из них не прошло, люди так и продолжали рождаться по-старому, с двумя полушариями. Тогда Иван Петрович начал заниматься самоизучением. Первое, с чего он начал, — он хотел понять, почему он думает одно, а говорит другое. Долго не получалось. Но наконец он понял. Как освободить ту часть мозга, которая «перерабатывала мыслительную информацию в словесную». Он назвал эту часть — контролер с позициями выгоды для себя. Он, этот контролер, формировался под влиянием увиденного, услышанного и прочитанного.

Тогда он уехал в свою родную деревню. Глухомань, какую свет не видывал. Он отключил телевизор, радио, ни с кем не говорил, ни на что не смотрел. Он ел и думал. Через месяц у него все получилось. «Контролер» исчез из его мозга. Он вернулся на работу и зажил новой жизнью, прославив теперь человеком неуравновешенным и скандальным. Он получил взыскание, ему не дали три премии, его портрет сняли с Доски почета. Но он уже ничего не мог сделать. Он мог говорить лишь то, что думал.

НАРУШЕНИЕ

Долго Хаос превращался в Космос, в упорядоченное пространство. Все находили свое место и время в этом переплетении Страстей Природы.

Чаша Весов дрожала, отражая эту борьбу и становление Нового Мира. Рисунок Созвездия Весов менялся, не отыскивая единственно правильного.

Планеты были полны сил и энергии. Они изучали

друг друга, находили взаимопонимание и успокоенность. Их руки-поля очерчивали свой объем Пространства, в котором, соседствуя с другими, нужно было жить миллиарды лет. Закончился Век формирования неживого. Гравитационные поля успокоились, прекратив свою борьбу за сферу влияния. Планеты нашли каналы взаимного проникновения, общения и сбалансированности. Планеты образовали Систему.

Чаша весов замерла. Рисунок созвездия Весов застыл.

Лишь изредка это содружество нарушали посланцы далеких Галактик — кометы и космические корабли. Долго Судьба была благосклонной и система продолжала свою размеренную жизнь.

Чаша весов вздрагивала и снова замирала. Однажды пролетела комета, и не убереглась одна планета, посыпались на нее осколки, засверкали в ее небе горячие дожди, упали на нее раскаленные камни, несущие жизнь. Появились на планете травы, деревья, птицы, львы и носороги. Растительный и животный мир быстро вписался в Общую Гармонию планеты. Чаша весов вздрогнула в очередной раз и снова замерла. Шли годы, и появился на планете Разум. Мощные поля снисходительно смотрели на слабые, снующие, рождающиеся и умирающие поля носителей Разума. Но они множились, их биополя складывались, разрастались. Сохраняя индивидуальность, они превращались в единое целое, живущее своей общей жизнью.

Чаша весов вздрогнула и застыла вновь. Поля растительного и животного мира поняли друг друга и объединились, найдя свое место среди других полей. Это был общий Разум Планеты. Рождалось и умирало живое и неживое, уходя в землю. Они возвращали Природе то, что брали у нее для своей жизни. Рождение и Угасание тоже нашли свое взаимопонимание.

Чаша весов стояла незыблемо. Начались войны, живое и неживое исчезало, сгорая, испаряясь и разлетаясь на мелкие части. Поле Разума планеты не восполнялось жизненными силами и исчезало, безвозвратно унося с собой то, что надо бы вернуть...

Чаша весов задрожала. Хрупкое равновесие нарушалось, силы, удерживающие планету, ослабли, она сошла с орбиты и устремилась в Черное пространство.

Чаша весов склонилась в сторону неживого. Незыб-

лемый рисунок созвездия Весов рассыпался... планета летела все дальше и дальше, а за ней сталкивались и умирали другие Миры.

И ТАК МОЖЕТ БЫТЬ

Техногенная цивилизация развивалась в полном соответствии с логикой индивидуального и общего развития автоматов высшей формации. Все подчинялось единому и стройному расписанию, отработанному по оптимальной программе бесконечного прогресса. Не затухал ритм производства ни днем, ни ночью — роботам не были знакомы усталость, не нужны были дома отдыха, курорты, санатории, кино, театры, стадионы, дома и квартиры. Цивилизация роботов шла вперед, пока не возник вопрос — зачем все это? Армия роботов не знала своего предназначения, их становилось все больше и больше, ломались они все реже и реже — роботы и их производство постоянно совершенствовались. Их стало много, а на планете стало тесно.

Совет высших роботов решил обшарить космос — нужны медь, железо, серебро и золото и другие металлы — планета оскудела. А пока бездушные разведчики шныряли по бесконечным уголкам Вселенной, роботы перестроились: производство достигало определенного числа автоматов и затихало, дожидаясь поломки или истечения времени активного существования того или иного робота, все шло в соответствии со строгой очередью. Но вопрос — зачем? — становился все актуальнее.

Автоматы везли руду, металлы, дерево с других планет, везли и информацию о самой планете. И вот однажды автоматы привезли только рассказ о новой планете, а руды и металлов не оказалось в грузовых отсеках посланцев. Как доложили автоматы, планету населяют какие-то живые существа, они уже почти все растратили сами и сами ищут ресурсы, автоматы еле унесли «ноги», чтобы скрыть координаты своей планеты. Эти существа агрессивны и тщательно охраняют свои запасы. Двух роботов они поймали и тут же переплавили на составляющие металлы — это была первая потеря цивилизации «железных». Автоматы привезли обширную информацию о планете, для оправдания пустоты в контейнерах. Роботы тоже любили отчетность.

Все автоматы подключились к каналам восприятия информации, все должны знать о методах охраны ископаемых на других планетах, тем более с этим столкнулись впервые. Одна картина возникала за другой. Вид планеты с космических высот: много зелени, горы, города, поля, леса. Но вот разрывы бомб и снарядов, вот тонет огромный корабль, горит море, из рваного борта танкера, как из раны, течет черная кровь — нефть, тонут люди, с искаженными от ненависти лицами люди кидаются на других со штыками наперевес, пулеметные очереди косят толпы людей, они падают в крови с болью на лице и криками проклятий и боли. Вот обрушился с неба самолет, летят ракеты, разбрасывая смерть по всей планете. А вот счастливые люди, улыбаются, смеются, рожают детей, веселятся, танцуют, поют. Вот человек, похожий на бочку, пожирает под топот и улюлюкание толпы гору мяса, а рядом стоит маленький человек — скелет с вздувшимся животом и безумными глазами, полными слез и голода. Огромные волны сметают города, смерчи уносят в небо хижины, вулканы, выплевывающие раскаленную лаву, сжигают все живое. И опять люди что-то строят, что-то копают, куда-то идут.

Казалось, что это сущий ад, сумасшедшая преисподняя, лишенная всякой логики и здравого смысла.

Этого автоматы понять не могли. Раскаленные до красна провода, переполненные ячейки памяти задымались и вспыхнули ярким пламенем. Произошло самое нелогичное в общей цепи логического прогресса цивилизации автоматов — она перестала существовать.

И только люди Земли придумали своим автоматам защиту от короткого замыкания.

ВОТ ЭТО ДА!

Корабль пришельцев, прочертив замысловатую, невидимую линию среди звезд, уткнул свою траекторию в изумрудную планету и начал кружить вокруг нее. Оканчивался второй день орбитальных исследований, поверхность планеты уже достаточно изучена. Снежные поля на полюсах, зеленые джунгли и желтоватые пески на экваторе, моря, океаны, ленты рек, цепи гор, острова. И самое главное — на планете жили разумные, они

заявляли о своем существовании повсюду: города простирались от моря до моря, поля раскинулись разноцветными квадратами в долинах, в степях, на кусочках горных отрогов; ленты дорог перерезали земные просторы. На очередном витке, когда наступила ночь, стали зажигаться огни, но их было намного больше, чем в прошедшие витки, они были ярче, как-то красочнее. Темнота ночи шла по планете, и в ней закипала лавина огней, неона, уйма светлых городов, в море проплывали огни огромных пароходов, даже огни самолетов, летящих в воздухе, стали как-то ярче.

— Кеп, по-моему, они обнаружили нас в толпе их же спутников и зовут нас, приглашая огнями, иначе зачем им столько электричества жечь, неэкономно, да и спят они по ночам, зачем им ночью свет-то? — рассуждал навигатор, рассматривая земные фейерверки.

— Может, ты и прав, впечатление такое, что вся планета подсвечивает нам путь для посадки, им ведь неизвестно, что мы можем садиться в любом месте. Но попробуй разберись во всем этом хаосе огней, нет, тут без... вычислителя не разобраться, кстати, что он подсказывает?

— Ничего, кеп, ровно ничего, он тоже не понимает, что к чему, даже расстроился, глядите, что высветил на своем экране.

На экране красовалось: «Без острой необходимости не включать».

— Ну что же, Грофф, ты опытный разведчик, давай вниз. Посади корабль в середину темноты, чтобы был запас темного времени, авось в темноте тебя не распознают, слейся с людьми, послушай, пойми, запомни, не забудь, ждем тебя, не задерживайся, нам лететь тоже надо, уж заждались наши.

— Все сделаю, расстараюсь, — бодро ответил Грофф, — я мигом туда и назад.

Посадил корабль Грофф ловко и бесшумно, вошел в город и стал осматриваться вокруг. Люди бегали в разные стороны с какими-то сумками, мешками, пакетами. Глаза их были растерянные, все куда-то спешили. Но внимательный Грофф заметил, что все они улыбались, дружески кивали друг другу... Грофф старался понять, что к чему, но пока не мог, он молча шагал по улице, анализируя происходящее. Но вникнуть в суть событий так и не смог. Задумавшись, он натолкнулся на людей, стоящих друг за другом.

— Эй, парень, что, уже хватил, людей не видишь, ты чего такой скучный, сегодня все должны улыбаться, а ты... Может... — радостно улыбаясь, кричал молодой парень, играя тремя пальцами перед носом Гроффа.

Грофф на всякий случай постарался изобразить улыбку.

— Ну вот, другое дело, — хлопнул его по плечу парень, шапка его была набекрень, русский чуб развевался на снежном ветру.

От дружеских ударов по спине Грофф растерялся и спрятался за парня. Парень понятиливо кивнул и сказал:

— Что, тоже в очередь, видать, тоже с работы не убежишь?

Грофф кивнул головой и примолк за спиной у парня, ветер за спиной был тише, Гроффу стало теплее.

«Постою, послушаю, — решил он, — вот только ноги мерзнут, опять этот наш метеоролог все напутал, здесь холодно, а он — тепло, тепло».

Люди дружно время от времени продвигались мелкими шажками. Грофф заглянул вперед, еще один человек отошел от будки. В ней стояла огромная женщина в белом халате, пар клубился от нее, красные щеки горели, глаза блестели, она беспрестанно что-то говорила и давала людям большие коробки, те отходили счастливыми.

«Надо же, какая добрая, всем что-то дает, делает добро, все улыбаются, счастливая планета, добрые, хорошие люди живут на ней», — думал Грофф, продвигаясь со всеми вперед. Наконец и он оказался перед лицом женщины, он стоял и смотрел на нее, не зная, что сказать, она смотрела на него, а потом произнесла:

— Бери и отваливай, что очередь держишь, — крикнула она на замешкавшегося Гроффа, — а симпатичный... эх, если б не работа, а... голубоглазенький?

Грофф принял пакет-коробку и отошел в сторону, ссображая, что делать дальше, у него смешались два чувства — симпатия к большой женщине в белом и еще чего-то, но разобраться он не успел.

— Эй, сладенький, голубоглазенький, а деньги? Ты что, с Марса, что ли?

Грофф не знал, что такое деньги и что с ними надо делать, не понимал он, почему он сладенький, руки его затряслись, во рту стало сухо и гадко. Он молчал, уперев взгляд в снег под ногами.

«Опознали все-таки, — подумал он, — но как, ведь

я делал все как они, даже улыбался, и что же такое деньги, что же делать?»

Женщина вышла из будки и, уперев руки в бока, от чего стала похожей на огромный кувшин, наступала на Гроффа.

— Или дружинников позвать? — расходилась она все больше и больше, вон они с повязками ходят.

Грофф напрягся, и на его левом рукаве засияла повязка, но тут же он понял свою оплошность — женщина почему-то села на снег и зашумела пуще прежнего:

— А еще дружинник, то же мне, — продолжала она свой монолог. Грофф опять напрягся и опять перестарался... повязка исчезла вместе с рукавом. Вид у него был как после деревенской драки. Грофф опустил плечи и был готов на все. Женщина опомнилась, вскочила и стала опять наступать на него, круги, которые описывали ее сжатые ладони, все ближе и ближе проносились около его носа.

Выручил парень, который стоял впереди, он задержался у киоска, привлеченный шумом. Любопытство и пытливость ума всегда заводили его в самые невероятные истории и уголки, откуда его обычно вызволяла жена.

— Забыл, что ли, или потерял, а может быть, стянули, — блистал логикой парень и протянул Гроффу какие-то бумажки.

— Бери, я сегодня добрый, премию отвалили.

Грофф быстро спрятал руки за спину, а бумажки не менее быстро исчезли где-то под белым фартуком женщины. Взглянув на нее еще раз, Грофф отметил про себя, что она не такая уж и красивая и даже не симпатичная.

— Сдачи не надо, — только и успел шутовски воскликнуть парень вслед исчезающим бумажкам.

Грофф стоял, замерзнув и не понимая происходящего.

— Пошли, оборвыш, — сказал парень и потащил Гроффа за уцелевший рукав, рукав треснул, но выдержал.

— Замерз, ты где живешь-то? — на ходу поинтересовался парень.

— На Марсе, — признался Грофф.

— Я серьезно, брось ты эти продащицкие шутки, нашел на кого обижаться, она за день такого насмот-

рится, что и Марс раем покажется, а может, это новый район, не разыгрывай, не первое апреля, — тархтел парень.

— Да я серьезно с Марса, а откуда ты знаешь, что там как в раю? — пробормотал замерзший Грофф.

— Ну, ладно, с Марса так с Марса, что мне, жалко, что ли, а где тогда твой корабль?

— Большой на орбите, а маленький вон там, в кустах, в парке.

Парень остановился, внимательно посмотрел на Гроффа, покрутил пальцем у виска, подумал, а потом решительно сказал:

— Пошли, провожу.

— Куда?

— К кораблю.

Они подошли к кораблю, парень открыл рот и восхищенно похлопал обшивку корабля.

— Новые «Жигули»? А колеса где, неужели без колес ездит, может, и на воде, во дают ученые, во дают. Вот это да! — возбужденно вскрикивал парень. — А краска синтетика или нитра, не ржавеет, а то у меня антикор есть, закачаешься.

Гроффу очень не хотелось качаться, ему хотелось к своим на орбиту.

— Теплозащита это, а не краска, корабль это космический, а не «Жигули», — мямлил Грофф.

— Я тебе верю, ты хороший парень, и денег у тебя нет, видать, ты действительно с Марса, и доходит до тебя туговато. А вот тут, смотри, на твоей теплозащите трещина, не опасно? Вот я тебе что скажу, лети-ка ты сегодня к себе наверх и прилетай денька через два, когда у нас все здесь успокоится, вот тогда и потолкуем. А сегодня и завтра не до тебя, сейчас мы все заняты, все, все, вся планета, понял?

— Нет, — откровенно признался Грофф, — не понял.

— Я говорю, не до тебя нам сейчас, инопланетянин, ты прилетай через два дня, я тебе сапожки меховые достану, видишь, как ты замерз, и шпаклевки югославской принесу, а сейчас лети, не до тебя, — еще раз пояснил парень и посмотрел на часы.

— У вас всепланетный симпозиум? — спросил с надеждой Грофф.

— Нет у нас сегодня симпозиума, ты лети, лети, а коробку возьми с собой, это наш вам подарок, марсиане.

Парень решительно потрянул руку Гроффа, рукав опять треснул, но не отлетел, парень исчез.

Корабль взмыл вверх. Гроффа встретили массой вопросов, а Грофф молча протянул коробку. Марсиане столпились вокруг и осторожно вскрыли ее... там лежал маленький человечек в красной шапке, с крупным носом, голубыми глазами и большой белой бородой, он был в шубе и в валенках.

— Да ведь это Дед Мороз, — крикнул мудрый командир, — так вот в чем дело. У них Новый год, — и бросился к микрофону.

— Люди, с Новым годом! — кричал он.

Корабль летел вокруг Земли, и поздравление марсиан растекалось по планете счастливых людей.

ТРАДИЦИЯ

Все было просто замечательно. Ни метеоритные потоки, ни магнитные бури, ни астероиды, ни кометы не преграждали путь отважным исследователям Бесконечности. Они прибыли по назначению. Изумрудная планета была под ними. Экипаж с восторгом рассматривал ее — под ними проплывала сама благодать. Надо было вступать в контакт.

— Давай, Гут. Гроффу тогда не повезло — Новый год был. У тебя всегда и все получается. Ты парень-гвоздь, давай. Помни, они вспыльчивы, неуравновешены, сумасбродны. Кислород есть кислород, он будоражит. Вот фторные, они спокойные, тихие. Пока до них дойдет, мы уже все выясним, соберем и тью-тью. А эти прямо вертлявые какие-то. Везде лезут, все им надо. Пробуй, Гут, пробуй. Подкачал тогда Грофф. Ты уж постарайся. Да, люди непредсказуемы.

Опустился Гут на планету и пошел за пониманием ее жизни. Он помнил по отчетам Гроффа, что такое очереди. Гут отметил, что они сохранились. От нечего делать Гут стал их классифицировать. «Очередь за тем, что есть... за тем, что пить... за чем-то белым и мелким... за ровненькими брусками... за...» Это для Гута было не главным. Ему было надо попасть в жилище землян. Гут был воспитан по-марсиански и поэтому не мог принять версию адаптации к человеческому мышлению. Он был абсолютно честен и прям. На Марсе это считалось достоинством, на Земле, как ему говорили, да-

леко не всегда и даже недостатком. И еще. Он воспринимал все так, как ему говорили, — это был недостаток даже для Марса.

Гут продвигался вдоль улицы, но повода попасть в чей-нибудь дом так и не представлялось. Он заскучал от однообразного вида пустых витрин и скучающих от безделья продавцов. Задумавшись о родном Марсе, он чуть не столкнулся с красивой женщиной. Она подпира-ла спиной стену, руки скрестила на высокой груди. Гут прошел бы мимо, но рядом с женщиной он увидел от-крытую дверь. Она-то его и подвела, его так и тянуло в эту зияющую пустоту. Он резко остановился.

— Здравствуйте, — вежливо сказал он.

— Привет, — ответила ему женщина.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, могу ли я к вам зайти в дом, — осведомился он.

С каждым его словом глаза женщины становились все больше. От последних слов ее передернуло.

— Один или предпочитаешь все-таки со мной? — медленно произнесла она.

— Это как вам будет удобно, — ответил Гут.

— Ты чего хочешь-то, вежливый?

— Я хочу зайти к вам в дом.

Женщина отделилась от стены, подошла поближе к Гуту и пристально посмотрела ему в глаза.

— Что-то я не пойму тебя, мальчик. Это зачем же тебе надо зайти ко мне в дом? Ты что, по-человечески не можешь сказать, чего тебе приспичило.

— Я не знаю, что такое приспичило, но разве я го-ворю не по-человечески?

Руки красивой женщины уперлись в бока, чуть выше того места, которое обращало на себя внимание своими крутыми линиями.

— Деньги у тебя есть?

— Нет, денег у меня нет, забыл на орбите.

— Ты что бокс судишь? Арбитр? Много зарабатыва-ешь, раз деньги дома забываешь?

— Нет, я вообще не зарабатываю.

— Тогда какого черта ты мне голову морочишь. Мо-жет, тебе в долг еще дать? Только клиентов отпугиваешь. Вон какой красавец прошел. Ты хоть кто есть-то?

— Я прилетел с Марса. Зовут меня Гут.

— Ах вон оно в чем дело! Значит, мы прямо с Мар-са... и ко мне. Это кто же тебе адресочек дал, сладень-

кий ты мой? У вас там что, с бабами туго или свои надоели?

— У нас нет баб, мы размножаемся по-другому.

— Ты вот что, шутник, я поняла, в чем дело, первое апреля сегодня... Денег у тебя нет, размножаетесь вы как-то странно. Не пройдет твоя хохмочка, думаешь, я первого апреля денег не беру. А ну канай отсюда! — Красивая женщина громко шмыгнула носом и нетерпеливо дернула головой. — Инопланетянин, здесь не подают.

Гут не знал, что такое и как это «канать», но понял, что в дом его не пустят и надо поскорее уходить. Так он и сделал. Он шел и рассеянно думал: «Гроффу помешал Новый год, сегодня первое апреля. Тоже праздник, что ли? Сколько же их. Станные они все-таки, эти люди».

ПОСЛАНЕЦ ИЗ БУДУЩЕГО

Двадцатый век катился к исходу. А там, на век впереди, в двадцать первом, переживали «последствие» века предыдущего.

В лабораториях, скрытых под массивными горами, все более ясно вырисовывался облик нового сверхоружия. Это оружие называли интеллектуальным. Оно убивало по выбранному цвету кожи, в зависимости от пола, возраста и даже цвета глаз. Но самым страшным оказалось другое — это оружие можно было изготавливать буквально на каждой кухне. Но как оказалось, есть еще более страшное — действовало это оружие на генную часть. Внедряясь в носитель информации и воспроизведения, этот вирус становился как бы законным, но образовывал свою, побочную ветвь развития, ведущую к гибели. Угроза исчезновения человечества нависла над планетой. Надо было спасти цивилизацию и будущее. Решение было единогласным — профилактика прошлого. Впервые нарушался закон развития. В век двадцатый был послан робот-убийца. Надо было сделать так, чтобы будущая мать изобретателя этого страшного оружия, Кэрол Бузони, исчезла до заужества. Муж не в счег, он умрет сразу после свадьбы.

Это был робот-убийца высшего разряда, принявший вид стройного и сильного мужчины средних лет. Он появился на многолюдной улице и сразу же начал

действовать. Времени на операцию было в обрез. Робот знал, что Кэрол Бузони — журналистка газеты «Вечерний город». Туда он и направился. Сенсоры впитывали информацию, запоминали, анализировали. Все данные жертвы были записаны в блоках памяти: рост, вес, черты лица, спектральные характеристики голоса, рисунок кожи и сетчатки глаза, структура волос, ногтей... Это был всеобъемлющий портрет, не осталась без внимания даже формула крови.

Робот не выходил из толпы, он шел вместе с ней. Ему нужна была информация. Люди сновали в разных направлениях, кажущийся хаос был все-таки упорядочен, каждый знал свой путь.

— Сэр, что у вас случилось? Почему вы не улыбаетесь? — услышал робот обращение к себе. Анализаторы заработали.

«Это не она! Что она хочет?» — информации для однозначного решения не хватало. Для дополнительной информации нужен был другой источник. Робот решил.

— Что вы хотите от меня?

— Ничего, — удивилась миловидная женщина, — просто я хотела вам помочь.

— Помочь? Мне? — Робот усмехнулся. — А впрочем, помогите. Я не знаю, как позвонить по телефону женщине по имени Кэрол Бузони. Она работает в редакции «Вечерний город». Как это сделать?

— Господи, чего же проще. Войдите в любую телефонную будку и посмотрите телефонную книгу. Вот и все. Желаю удачи вам и Кэрол. — Женщина улыбнулась. — Да, а монеты у вас есть?

— Какие еще монеты?

— Чтобы звонить.

— Нет, монет у меня нет.

— Вот возьмите, на всякий случай две. Вдруг одну съест.

— Он ест металл?

— Да нет, это такой жаргон, так говорят. До свидания, — женщина быстро отошла от робота.

«Странный какой-то. Прямо ковбой с запада», — подумала она.

Робот воспользовался советом.

— Хэлло! — слышалось в трубке.

«Спектр не ее», — робот мгновенно проанализировал голос.

— Здравствуйте. Мне надо поговорить с Кэрл Бузони.

— Извините, сэр, ее нет. Она вылетела вчера в Рио, у нее встреча с киноактрисой Джейн Буфилло. Представляете, как это интересно! С самой Джейн, — затараторил женский голос.

— Меня это не интересует. Как ее найти?

— А кто вы?

— Я... — робот лихорадочно перебирал в памяти профессии двадцатого века. — Страховой агент.

— И вы спрашиваете, как ее найти. С ума сойти, страховой агент не может найти журналиста. Вот что, парень, тебе в церкви работать, а не агентом... Пошел к черту... — В трубке зазвучал сигнал отбоя.

Робот замер, анализируя ситуацию. Когда он нашел в памяти слово «к черту», он пришел в ярость и позвонил снова. Голос был другой.

— Вы мне не нужны, — сказал робот. — Я хочу поговорить с другой.

— С кем? Как ее имя? — Голос стал твердым. — Кого вам угодно?

— Я не знаю ее имени.

— Как она выглядит?

— Я знаю только ее голос, он...

— Найдите другой способ утешать ваши бредовые идеи, — перебили его. В трубке звучал сигнал отбоя.

Робот сжал трубку так, что она превратилась в тонкий жгут из пластмассы и металла, и вышел из будки. Ожидавшая девушка вошла в будку, увидела трубку, присвистнула и с восхищением посмотрела вслед широкоплечему роботу. Она хотела крикнуть ему, но что-то остановило ее.

Робот понял, что ему надо попасть в Рио. Он изучил все возможности. Робот остановился на варианте лететь самолетом. Он понял, что еще нужны и деньги. Робот вошел в магазин, изучил тонкости денежного обращения и понял, что деньги можно взять из ящичка, где они хранятся, в кассе. Отнять деньги у человека он не решился. Получить деньги за товар он не мог, не было у него товара. Еще раз просчитав все варианты, он утвердил свое решение — деньги надо брать. Он подошел к кассе.

— Мне нужны деньги, — сказал он и протянул руку

к пачке банкнот. Кассирша отпрянула от огромной руки и успела нажать сигнал тревоги. Сработала автоматика, деньги исчезли в ушедшем в нишу ящичке, на руку робота опустилось толстое бронированное стекло, способное перерубить даже бревно. Стальной захват стиснул запястье, игла со снотворным раствором ткнулась в руку и с хрустом переломилась. Взыла сирена. На лице робота не дрогнул ни один мускул. Он поднял стекло, захват развалился на мелкие кусочки, кассирша завизжала и пыталась заслонить собой деньги. Робот схватил ее и выбросил из бронированного колпака. Затем, вырвав ящичек с деньгами, вытряхнул их из него и, сунув их в карман, направился к выходу. Сирена захлебывалась, внутренняя охрана магазина бросилась на робота, но он расшвыривал их с такой силой и мастерством, что вокруг робота вскоре образовалось пустое пространство. Все в ужасе смотрели на мощную фигуру, играющую натренированными человеческими телами. Вспыхивали фотоаппараты, журналисты были тут как тут. Уже на выходе Робот увидел, как к магазину подлетели, скрипя тормозами, полицейские машины. Крепкий, высокий, черноволосый сержант преградил путь Роботу, держа его под прицелом револьвера. Робот жестко улыбнулся и револьвер взлетел высоко в воздух, а за ним и сам полицейский. Выскочившие на подмогу полицейские не раздумывая открыли огонь. Пули рикошетировали, разбивали окна, витрины, калеча машины. Люди шарахались в этом вихре металла, падали на землю, спасая себя. Полицейских постигла та же участь, их револьверы валялись в пяти метрах от них самих. А сами они встать уже не могли. Двое сохраняли спокойствие — Робот и шофер полицейской машины. Так уж повелось, что бандиты их не трогали. Робот этого не знал, а шофер не знал, что это не бандит, а Робот. Взгляды их встретились, и шофер понял, что он ошибся... Он сполз с сиденья и вжался, пытаясь забраться чуть ли не под сиденье, он хотел стать невидимым, но не умел этого делать. Робот подошел к машине, шофер закрылся внутри. Дверь отлетела далеко к краю стоянки, за ней шофер. Мощный «форд» ушел от погони с завидной легкостью, Робот видел заранее, где его ждут и кто. Он загнал машину в лес и бросил ее там. Расставаться было жалко, хороша была машина. Робот помчался к аэродрому.

Подойдя к кассе, оглянувшись вокруг и не найдя

ничего подозрительного, бросил пачку денег девушке за стойкой.

— Билет на Рио, — коротко бросил он.

— Один?

Робот не знал цен и не мог соизмерить достоинство пачки со стоимостью билета.

— На сколько хватит этих денег, — ответил он.

— Но тут, сэр, на десять билетов, а у меня всего пять свободных мест. Может, ваша группа вся целиком вместе полетит следующим рейсом?

— У меня нет никакой группы. Я лечу один. Мне надо лететь, — угрожающим голосом сказал Робот.

— Вам хватит одного билета? — осторожно спросила девушка.

— Мне надо лететь.

— Но сэр?.. — попыталась уточнить девушка.

— Я говорю последний раз, мне надо лететь.

— Пожалуйста, ваш билет, сэр... Но чье имя записать в билет?

— Джон Рид.

Диалогом заинтересовался полицейский, он внимательно рассматривал Робота. Тем более что это был очень грамотный полицейский, и он что-то слышал о Джоне Риде. Когда Робот проходил мимо, полицейский произнес:

— Джон Рид?

Робот молча прошел мимо, словно полицейского не существовало вообще. Это задело полицейского. Он еще пристальнее стал присматриваться к Роботу. Объявили посадку. Пассажиры проходили через арку — контроль наличия металла. Ничего не предвещало опасности, все проходили ее беспрепятственно. Очередь дошла до Робота. Он шагнул в арку — сирена взвыла, замигали красные лампочки. Полицейский бросился к Роботу, выхватывая на ходу оружие. Робот понял опасность. Он выломал арку, электропроводка замкнулась, сноп искр вырвался из нее, вспыхнуло яркое пламя. Робот опустил ее на полицейского и побежал из здания, пробив стекло... Сзади слышались вопли охваченного пламенем полицейского.

Робот изменил тактику, и вторая попытка была удачной, он проник на корабль и достиг острова. В Рио он навел справки и нашел гостиницу, где жила Кэрл. Звонок по телефону убедил его — это была она.

Проникнуть в номер для него не составляло труда. Кэрол пела... Анализаторы голоса подтвердили — голос ее, зрительные анализаторы делали свое дело: глаза — ее, волосы — ее... Признаки совпали. Робот поднял лазер — мгновение, и он бесшумно выстрелил раз, другой, третий... Голос захлебнулся...

Робот покинул номер, прикрыл дверь и исчез из этого шумного и бестолкового мира.

Кэрол откашлялась от попавшей в рот воды и запела опять, она любила петь в ванне. Журчащая и ласковая вода пробуждала в ней ассоциации водопада, леса, поющих птиц, любви... Она пела: «Мой любимый, стань потоком воды и обними мое тело, шепча мне ласковые слова, я твоя...» Песня закончилась, Кэрол выключила воду...

«Что это я распелась и расплескалась, через полчаса встреча, а я еще не готова. Опаздывать нельзя». Кэрол жестко растерлась полотенцем, обдумывая предстоящую встречу и мурлыча другую песню: «Как бы ты ни хотел, но это будет так». Она настраивалась на встречу. Голос Кэрол был густой и сочный...

«Надо все забрать с собой, мало ли, может, прямо оттуда и на самолет». Кэрол побросала нехитрые вещички в сумку и вышла, а на столике осталась изрешеченная ее фотография с длинными распущенными волосами.

КАТЮША

Глубоко, глубоко в Сибири, среди лесов и полей, на ярком солнце родилась девочка. Родители назвали ее Катюшей. Песнь о Катюше лилась над зеленой тайгой, над морями золотой пшеницы. Песнь о Катюше летела за облаками, она сливалась с ветром, надувала паруса кораблей, поднимала воздушные змеи, заставляла звенеть веселые колокольчики. Летела песня все дальше и дальше, над морями и океанами, горами и полями. Весь мир узнал о Катюше и радовался ее появлению, приветствуя яркими цветами. Росла Катюша. Это был очаровательный ребенок. Еще с пеленок она удивляла взрослых, им казалось, что она понимает их проблемы, дела, заботы, следя за ними внимательным взглядом из вороха одеял. Так и казалось, что Катюша вот-вот даст нужный совет. Друзья родителей боялись делать ей

«козу», потому что выражение ее глаз было таким, что взрослым становилось стыдно за свое ребячество и детские поступки. Очень любила Катюша петь вместе с мамой. Мама напевала ей протяжные сибирские песни, а Катюша силилась ей подпевать, легко улавливая мелодию песни. А потом стало еще интереснее, Катюша встала на ноги, и ее резвые и быстрые ножки не давали покоя ни на минуту: если сейчас она была во дворе и разговаривала с ягненком, то пять минут назад она делала строгий выговор цыплятам, попавшим в корыто и поднявшим писк на весь двор, маленький ее пальчик грозил бодливому бычку, и тот, утихомирившись, стоял как вкопанный, разглядывая ее своими большими выпуклыми глазами. Стало привычным — идет Катюша по деревне, а на плечах ее птицы поют, впереди ягненок бежит, сзади щенок с котенком. Дети сбегались к ней со всей деревни, и никто и никогда никого не обижал. А взрослые, проходя мимо, сами первыми кричали ей: — Здравствуй, котенок!

Росла Катюша, превращаясь в стройную красивую девушку. Все ладилось у нее, работа спорилась, и никто уже не удивлялся этому. Животные так и липли к ней, то руку ей лижут, то голову тянут — погладь, мол, своими ласковыми руками. Сила и нежность уживались в ней рядом.

И вот однажды Катюша, собирая в лесу грибы, набрела на поляну. Поляна как поляна, но цветы на ней ярче, запахи сильнее, мох мягче, небо над ней чище, деревья тихо шептали:

— Катюша, Катюша...

Прилегла Катюша на поляне, вздохнула, закружилась голова, пошли в хороводе березы, сосны, ветвистые дубы протянули к ней раскидистые ветви... заснула Катюша. Звезды поднялись на небо, спит Катюша крепким сном, а сама уже далеко-далеко, там, где была беда. Плохо было детям жаркой пустыни, и она была там, помогала им... Появится Катюша, красивая, стройная, чистая, словно песня звонкая, и не могли люди при ней делать зло, обезоруживала она, заставляла думать о добре, о помощи, о радости жизни...

Так летала она, черпая силы на волшебной поляне.

Много было зла на планете, часто приходилось летать Катюше. А однажды встретила Катюша друзей, таких же, как и она, девушек и юношей. У них был разный цвет кожи, они были черные, желтые, шоколадно-

коричневые, белые, как она, Катюша. У них были большие глаза, глаза-щелочки, глаза как миндаль, глаза тоже были разного цвета — и синие, и голубые, и коричневые, и зеленые, и с веселыми искорками. Они были черноволосые, рыжие, белокурые, кудрявые. Встретились они как старые друзья.

Вместе стало легче бороться, и планета вскоре забыла про обиды, несправедливость и зло.

ДИВЕРСАНТЫ

В этот вечер отец пришел усталый и очень расстроенный. Он получил слишком много новой информации и должен был ее осмыслить, «переварить». Он медленно раздевался, как бы обдумывая каждое свое движение: шляпа, пальто, пиджак, ботинки...

В прихожую выпорхнула Кэт:

— Милый, что случилось? Неприятности на работе? Плохо себя чувствуешь?

— Нет, Кэт. И ни то и ни другое. Просто я сегодня твердо понял, что человечеству приходит конец.

— Смит, тебя это еще тревожит? Ты просто большой ребенок. Апокалипсис обещают чуть ли не каждый год. Это теперь как новогодний подарок, ни больше ни меньше. Санта-Клаус перестал быть оригиналом и носит в своем мешке в основном дрянные подарки. Так что успокойся. Постой, а при чем здесь ты? Ты ведь картограф, ученый-путешественник, бродяга. Какое отношение ты имеешь к концу света?

— Именно в этом-то и дело, Кэт...

— Ладно, Смит, за обедом поговорим. Наш электронный повар очень пунктуальный и дисциплинированный, он уже приготовил все, а подогревать он не любит, очень ворчит, притом противнометаллическим голосом. Джим, марш за стол. Бетси, тоже! Прямо беда, Смит, все время около экрана проводят, на улицу не выгонишь, а в саду уже ягода поспела.

— Выгони. Сад — это дело ваше, я и так устаю на работе. — Настроение Смита так и не улучшилось. — Да и опрыскивать надо готовиться, я слышал, вредителей опять много.

«Ничего, за обедом отойдет. Отвык от дома, от детей, все время в разъездах, в походах, — раздумывала Кэт. — Яблочный пирог свое дело сделает».

Обед был действительно хорош. Но Смит так и не оторвался от своих мыслей, он был хмур и молчалив. После пирога он отложил ложечку и, вздохнув, обратился к Кэт:

— Ты знаешь, Кэт, я почти всю жизнь потратил на составление достоверных карт. В море, в горах, в пустыне, на самолете и на воздушном шаре я делал свое дело. Где только не был и что только не испытал. Сейчас все намного проще — спутники делают эту работу быстро и с высоким качеством. То, что мы сделали за пятьдесят лет, спутник за месяц отснял. Я рад, что и наши, и спутниковые данные совпали почти на сто процентов. Мы работали правильно, наши методики верны. И это для меня главное.

— Теперь-то они, твои методики, вроде бы и не нужны. Смит, сам говоришь, что спутники лучше и быстрее эту работу делают. — Кэт спокойно пила кофе. — Вы просто поспешили, Смит, положив много лет своей жизни на эту работу, как ты говоришь.

Смита задело за живое.

— Ну и что! Спутники, спутники! Да разве могут бесстрастные спутники пройти по земле, как мы, люди! Они только фиксируют, бесстрастно фиксируют, и только. Не более того. А мы говорим с людьми, узнаем их, их мысли и характеры, в нас остается самое главное — любовь к ним и к их земле. Джим, ты был со мной в последней поездке. Тебе было хорошо? Полезно?

— Конечно, отец. Мы подружались с ребятами из России, Франции, Польши... Их так много, моих новых друзей, и они очень хорошие, отец. Они все хотят дружить, хотят ездить друг к другу, вместе учиться, петь...

— Молодцы, молодцы. Вы — молодость, вы — сила, — усмехнулся отец. — Собрать бы вас в кучу, ох и наделаете вы дел, только держись. Смелые и сильные. Будущее планеты.

— А мы так и договорились: чуть чего — так сразу вместе.

Отец снисходительно кивал головой.

— Ну-ну. Еще чего...

— Особенно мне понравились ребята с Востока. Они такие дружные.

— С Востока, говоришь? — машинально переспросил отец, думая о чем-то своем.

— Да, с Востока.

— Кэт, я чего так расстроился. Не из-за спутников, нет. Они нужны и пусть нас заменяют. Ради бога! Не в них дело. Завтра новую ракету будут испытывать.

— Ну и что? Мало ли их испытывают, — пробурчала Кэт. — Тебе-то что, рисуй свои карты да рисуй.

— Не перебивай. В том-то все и дело, что они наши карты используют.

— Кто это они?

— Они — это военные. Я всегда думал, что чем точнее, чем подробнее карта — тем лучше, легче людям жить будет, проще найти друг друга, в гости приезжать, путешествовать. А они... — Смит безнадежно махнул рукой.

— Да объясни ты толком, в чем дело? — Кэт только развела руками.

— Дело в том, что они мои карты в ракетах применили.

— Это как же?

— Очень просто: на ракете стоит вычислительная машина, в ней наши карты, карты полей, лесов, городов, дорог... Летит ракета, смотрит вниз, видит все как на ладони и сравнивает с картой, которая в ней заложена. Она даже цвета различает. Как долетит до цели, так и бросит вниз бомбу... Вот так.

Кэт и дети внимательно слушали, особенно Джим. Он сбегал к себе в комнату, принес записную книжку и что-то разглядывал...

— Где она полетит, отец? — спросил он.

— Кто она? — не понял отец.

— Ну ракета.

— Зачем тебе?

— Надо.

— Вот здесь, — отец показал на карте, — над этим районом, над этим, вот над этим городом, над этим... потом вернется сюда.

Джим целый вечер звонил по всему свету... Утром ракета взлетела и взяла курс по маршруту. Долетев до первого города, ракета в растерянности заметалась: там внизу исчезли улицы, переулки — все стало огромным ярким красным пятном. На улицах стояли тысячи детей с огромными букетами в руках, они пели о Солнце и Жизни. Ракета не знала, что делать. Она бросилась влево, вправо, но и там было море цветов. Она еще пометалась в небе и взорвалась, лишь на секунду прервав песню.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

— Это надо же, так ошибиться. По нашим данным, планета цветет и пахнет, а тут на тебе... пустыня, голое все. Где же города, дороги, автомобили, корабли и самолеты. Вроде как никогда и ничего здесь не было.

— Да, Киб, что-то произошло. Но не война. Иначе не было бы тут... так гладко, что ли. Я понимаю, что до нас долетела информация через долгое время, давняя информация, мы смотрели далекое прошлое планеты, но не может же быть вот так — никаких следов.

— Ты прав, Пратт. Как будто только что рожденная планета.

— А у меня такое впечатление, что планете дали отдохнуть, как полям дают передышку. Смотри, какой чистый воздух, свежесть, вот нашел нужное слово, свежестью здесь пахнет. А почва, посмотри, какая, земля готова родить, брось только зерно.

— Ты прав, какое-то ожидание вокруг, замерло все и ждет, кто и когда вдохнет сюда жизнь.

— Киб, летим, что же теперь делать. Прилетят спецы, разберутся. Наше дело — первый контакт.

— Ты, конечно, Пратт, прав, но есть одно но. Они прислали нам свои координаты, и все. Если не считать записи музыки, которая поразила нас своей необычностью. И все. Понимаешь, в этом есть глубокий смысл... есть, есть. Давай-ка вспомним все по порядку.

— Киб, ты прав. Значит, так, извини, что перебил тебя.

— Да ничего, это даже хорошо, говори.

— Значит, так. Мы тогда изучили эту музыку, все ее спектры, максимумы и минимумы, структуру фонемных связей и сочетаний. Что дала нам машина? Она смоделировала все уголки, где могли родиться такие звуки, а потом и создала модель всей планеты. На ней были реки, горы, леса, моря, птицы, их звуки: свист ветра, шелест листвы, журчание воды — все было в той модели, и крики животных и песни людей. Все это было в музыке. Она впитала в себя звуки живого и неживого, в ней ключ к тому, что мы здесь. Модель планеты была удивительно похожа на нашу.

— Киб, ты очень корректный человек. Ты даешь мне возможность произнести те слова, к которым ты подвел своей логикой. Хорошо, я произнесу их. Киб, включай музыку Земли.

Из космического корабля пришельцев вырвалась музыка, она лилась над мертвой планетой и давала ей жизнь. Пробились ручейки и слились в реки, заплескались волны морей и океанов, засвистел ветер в горах, закачались деревья, ожила листва, поплыли облака по небу. Из-за облаков стремительно кинулась к лесу первая птица. Быстроногий заяц спешил укрыться под деревом. Побежали, затопали, поползли, поплыли, полетели, зашумели... просыпалась жизнь.

Пратт и Киб стояли зачарованные возрождением Мира. Из леса вышли люди и, еще тяжело ступая, подошли к космонавтам, склонили головы. Один из них сказал:

— Спасибо за то, что вы создали нам Мир и дали Жизнь. Мы будем всегда помнить о вас и ждать вашего возвращения. — Космонавты улетели на свою планету, а люди нет-нет, а поглядывают на небо в ожидании новой встречи.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Часть первая. ДРУГОЙ ЗЕМЛИ НЕ БУДЕТ	
Событие	11
Отклонение	14
Мышеловка	16
Полет «Святого патруля»	22
Черное безмолвие	36
Сон . . . . . :	48
Деревня	73
Зоопарк	77
Голосок	79
Предупреждение	83
Расплата	93
Сетка	96
Лопата	99
Он . . . . . :	102
Стрелок	103
Сердце кометы	106
Дух Президента	108
Ретро	110
Блестящая мысль	130
Интуиция	131
Мудрый	133

Безумцы на орбите	137
Планета-зеркало	147
Сила воли и разума	153
Опыт всего оружия	156
Свиданье	162
Урок	166
Обреченные	167
Коррида	169
Обман	173
За и против	175
Во Вселенной месга хватит для всех	176

Часть вторая. ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Пластика	203
Адаптивная жена	206
Недотрога	213
Эпизод	215
Ошибка	221
Заправка	223
Робинзон	225
Школа	228
Раскрывалка	234
Последнее дело	245
Принцип Салье	250
Асимметрия	257
Критерий	262
Встреча	265
Памятник	268
Однажды в море Спокойствия	272
Способный мальчуган	274
Мастерок	278
Свадьба	298

А где же Рошар?	305
Диссертация	309
Разочарование	311
Любопытные марсиане	312
Конфликт	314
Попытка	319
Умиротворение	321
Математика	324
Контакт	327
Утильщик	331
Трансформация	340
Рисунки	346
Библиотека	350
Многообразие	354
Больной	356
Клуб	358
Лицом к лицу	359
Инакомыслящий	373
Нарушение	374
И так может быть	376
Вот это да!	377
Традиция	382
Посланец из будущего	384
Катюша	389
Диверсанты	391
Возрождение	394

Глазков Ю. Н.

Г 52   **Черное безмолвие : Сб. фантаст. рассказов и новелл. — 2-е изд., доп. — М. : Мол. гвардия, 1991. — 397[3] с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).**

ISBN 5-235-01322-0

Книга научно-фантастических произведений космонавта Юрия Глазкова посвящена в основном космической теме. В ней и рассказы-предупреждения, к чему может привести милитаризация космоса, и нынешняя стратегия развития цивилизации, и фантастические новеллы, юморески, детективы... Во второе издание вошли многие ранее не публиковавшиеся вещи.

ББК 84Р7

Г   4702010201—018
078(02)—91   **110—91**

ИБ № 6942

Глазков Юрий Николаевич

ЧЕРНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Заведующий редакцией В. Щербанов

Редактор В. Родиков

Художник А. Сухоруков

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Е. Брауде

Корректоры Т. Пескова, Н. Овсяникова

Сдано в набор 01.08.90. Подписано в печать 04.12.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2 Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 21,0. Услови.
кр-огт. 21,42. Учетно-изд. л. 22,2. Тираж 100 000 экз. Цена
2 р 50 к. Заказ 1218.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

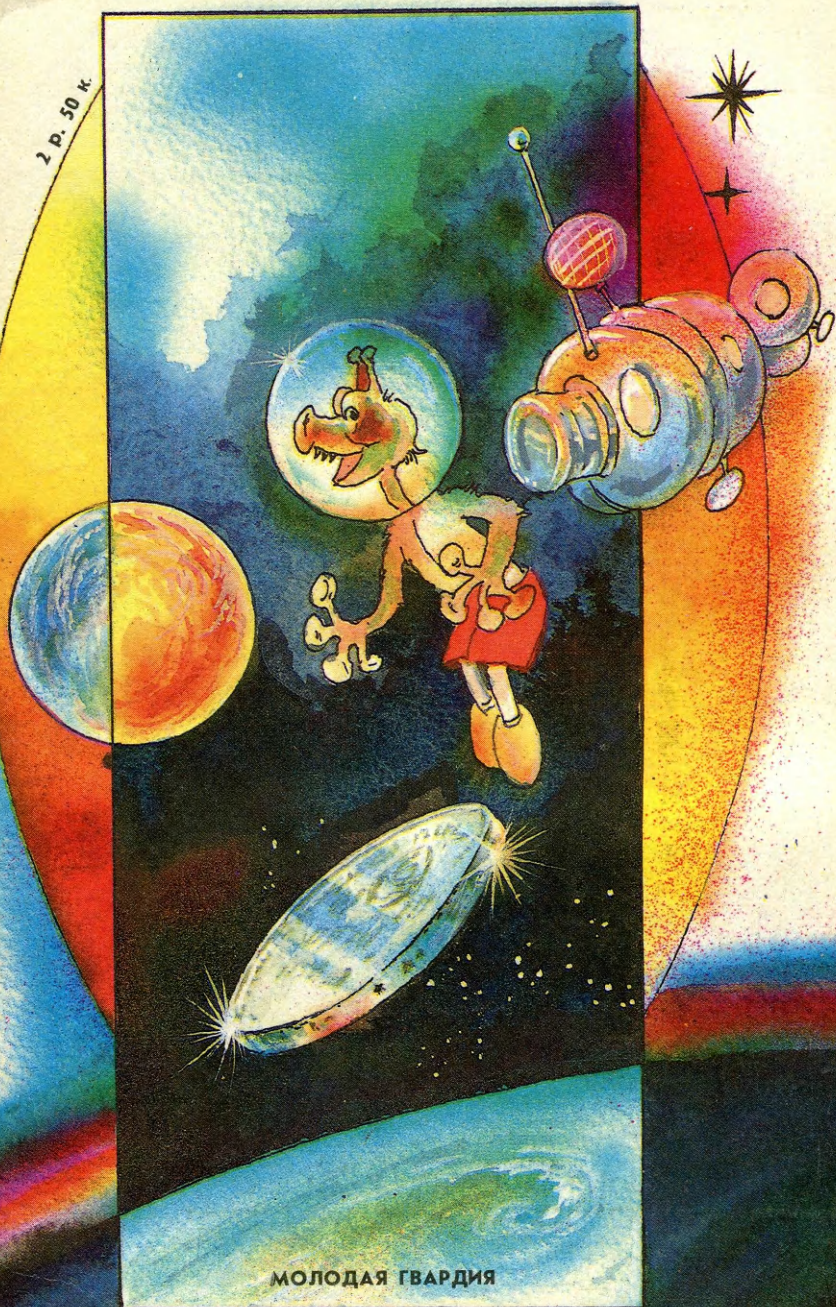
ISBN 5-235-01322-0

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

2 р. 50 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ